

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

М. Н. Саенко

ОЧЕРКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ
СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Москва
2022

УДК 81
С 14

Рецензенты:

д-р филол. наук Ж. Ж. Варбот,
д-р филол. наук А. Ф. Журавлёв

Ответственный редактор

д-р филол. наук А. И. Грищенко

Саенко М. Н.

С 14 Очерки по славянской соматической лексике. – М.: Индрик,
2022. – 270 с.

ISBN 978-5-91674-682-2

DOI: 10.31168/91674-682-2

Монография представляет собой попытку реконструкции праславянской системы названий частей туловища и ног. Основной упор в работе сделан на восстановление точной семантики и морфологического облика этих обозначений. Для большинства включённых в монографию слов рассмотрены имеющиеся этимологии и выдвинуто несколько новых. В случае ряда частей тела произведена попытка собрать и систематизировать инновационные названия, установить основные направления семантических дрейфов и способы номинации.

Оглавление

I. Введение

I.1. История вопроса.....	11
I.2. Реконструкция праязыковой лексики: значения конкретные и значения общие	14
I.3. Насколько хорошо носители праславянского языка знали анатомию?.....	16
I.4. Проблема праязыковых синонимов.....	18
I.5. Родовые варианты	20
I.6. Словообразовательные варианты	22
I.7. Проблемы этимологии	23
I.8. Транскрипция, применяемая в работе.....	24

II. Тело

II.1. Праславянское *tělo	
II.1.1. Вводные замечания	25
II.1.2. Семантика	28
II.1.3. Форма	30
II.2. Инновационные названия тела.....	35

III. Праславянское *žiwotъ

III.1. Вводные замечания	38
III.2. Анализ семантики в языках-потомках	
III.2.1. Старославянский, болгарский и македонский	39
III.2.2. Сербохорватский	39
III.2.3. Словенский	40
III.2.4. Чешский	41
III.2.5. Словацкий	47
III.2.6. Лужицкие языки.....	47
III.2.7. Полабский	47
III.2.8. Польский и кашубский	47
III.2.9. Восточнославянские языки	48
III.2.10. Сводная таблица значений.....	49
III.3. Параллели из неславянских языков	50
III.4. Анализ материала.....	52

IV. Грудь

IV.1. Праславянские *ръгси и *grǫďь	
IV.1.1. Реконструкция семантики	56
1. Имеющиеся реконструкции. 2. Болгаро-македонский ареал. 3. Словенско-сербохорватский ареал. 4. Чешско-словацкий ареал. 5. Лехитский ареал. 6. Лужицкий ареал. 7. Восточнославянский ареал. 8. Выводы о значении.	
IV.1.2. Реконструкция формы	76
1. *ръгси. 2. *grǫďь.	
IV.1.3. Этимология	78
1. *ръгси. 2. *grǫďь.	
IV.2. Инновационные названия груди	
IV.2.1. Инновации	80
IV.2.2. Заимствования	82

V. Спина

V.1. Названия спины в литературных языках	
V.1.1. Спина / спіна	83
V.1.2. *pleŕe	84
V.1.3. <i>Záda</i>	85
V.1.4. *lędwъja	85
V.1.5. *gъrbъ	85
V.1.6. *хгъrbъtъ	86
V.2. Локальные названия спины	
V.2.1. Перенос с названий других частей тела	93
V.2.2. Перенос с названий одежды	95
V.2.3. Прочие обозначения	95
V.2.4. Заимствования	97
VI. Нога человека	98

VII. Нога животного

VII.1. Праславянское *lара	100
VII.2. Праславянское *korkъ	102
VII.3. Копыто	106

VIII. Бедро

VIII.1. *bedra и *stegno	
VIII.1.1. Определения *bedra и *stegno в этимологической литературе	109
VIII.1.2. Семантика континуантов *bedra и *stegno в отдельных славянских языках	112
1. Старославянский и церковнославянский. 2. Болгарский и македонский. 3. Сербохорватский. 4. Словенский. 5. Древнечешский. 6. Современный чешский. 7. Словацкий. 8. Лужицкие. 9. Полабский. 10. Польский. 11. Восточнославянские письменные памятники. 12. Белорусский. 13. Украинский. 14. Русский.	

VIII.1.3. Выводы о значении.....	126
VIII.1.4. Этимология	128
1. *bedra. 2. *stegno.	
VIII.2. Праславянское *къкъ	130
VIII.3. Локальные инновационные названия бедра	
VIII.3.1. Перенос с названий других частей ноги.....	135
VIII.3.2. Перенос с прилегающих частей тела.....	136
VIII.3.3. Описательные конструкции	138
VIII.3.4. Перенос с названий костей	139
VIII.3.5. Континуанты *идъ.....	140
VIII.3.6. Континуанты *kyta.....	140
VIII.3.7. Перенос с названий одежды	140
VIII.3.8. Отглагольные дериваты	141
VIII.3.9. Тёмные случаи	142
VIII.3.10. Заимствования.....	142

IX. Колено

IX.1. Праславянское *kolěno	144
IX.2. Инновационные названия колена.....	147

X. Голень и икра

X.1. *lystь, *golěнь и *jьkга	
X.1.1. Вводные замечания	148
X.1.2. Континуанты *lystь, *golěнь и *jьkга в славянских языках.....	148
1. Старославянский. 2. Болгаро-македонский ареал. 3. Сербохорватский. 4. Словенский. 5. Чешско-словацкий ареал. 6. Польский. 7. Восточнославянский ареал	
X.1.3. Реконструкция формы.....	154
1. *golěнь. 2. *lyst- / *lyt-. 3. *jьkг-	
X.1.4. Семантика	158
1. *jьkro / *jьkга. 2. Соотношение семантики *golěнь, *lystь и *jьkro	
X.1.5. Этимология	167
1. *golěнь. 2. *lystь	
X.2. Инновационные названия икры	
X.2.1. Перенос с названий с других частей ноги.....	170
X.2.2. Икра как ‘животик’	173
X.2.3. Обозначения икры по мягкости.....	173
X.2.4. Икра как толстая часть тела.....	174
X.2.5. Икра как «задняя» или «подколенная» мышца	175
X.2.6. «Животные» обозначения икры.....	175
X.2.7. «Растительные» обозначения икры	177
X.2.8. Единичные названия	177
X.2.9. Заимствования.....	177

XI. Щиколотка

XI.1. Праславянское *glezno	
XI.1.1. Имеющиеся реконструкции	180
XI.1.2. Материал отдельных славянских языков	181
XI.1.3. Критическая реконструкция	186
XI.1.4. Этимология	187
XI.2. Инновационные названия щиколотки	
XI.2.1. Перенос названий с других частей ноги	189
XI.2.2. Щиколотка как ‘горло’	190
XI.2.3. Щиколотка как ‘запястье’	190
XI.2.4. Щиколотка как ‘косточка’	190
XI.2.5. Лодыга и лодыжка	192
XI.2.6. Щиколотка как ‘сустав’	192
XI.2.7. Перенос на щиколотку названий круглых предметов	193
XI.2.8. Перенос с названий одежды	194
XI.2.9. Отглагольные дериваты	194
XI.2.10. Тёмные случаи	195
XI.2.11. Заимствования	196

XII. Стопа

XII.1. Праславянское *stopa	198
XII.2. *xodidlo	205
XII.3. Инновационные названия стопы	
XII.3.1. Перенос на стопу названий лапы животного	205
XII.3.2. Перенос названий с других частей ноги	206
XII.3.3. Перенос на стопу названия ладони	207
XII.3.4. Перенос на стопу названий обуви или её частей	207
XII.3.5. Стопа как ‘след’	208
XII.3.6. Отглагольные дериваты	209
XII.3.7. Описательные конструкции	209
XII.3.8–9. Прочие наименования стопы	209
XII.3.10. Заимствованные обозначения стопы	210

XIII. Праславянское *plesno

XIII.1. Имеющиеся реконструкции	212
XIII.2. Данные отдельных славянских языков	
XIII.2.1. Старославянский и церковнославянский	212
XIII.2.2. Болгарский	216
XIII.2.3. Сербохорватский и словенский	216
XIII.2.4. Чешский	218
XIII.2.5. Польский	218
XIII.2.6. Восточнославянский ареал	218
XIII.2.7. Распределение родовых форм в славянских языках	223

ХІІІ.3. Реконструкция семантики	224
ХІІІ.4. Этимология	225
ХІV. Пятка	227
ХV. Заключение	230
SUMMARY	237
Библиография	241
Словоуказатели	
Праславянский	263
Праиндоевропейский	269

I. ВВЕДЕНИЕ¹

I.1. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Изучение отдельных групп славянской лексики имеет долгую историю. Монографий на материале всех славянских языков удостоился целый ряд семантических полей: термины родства [Трубачёв, 3²; Šaur 1975], названия домашних животных, терминология ремесленная³ [Трубачёв, 3], географическая [Толстой 1969], пастушеская [Клепикова 1974] и земледельческая [Sędzik 1977; Куркина 2011], названия рыб [Коломиец 1983; Усачёва 2003], профессий [Rusek 1996; Siatkowski 2005].

Первый научный обзор славянской *соматической* (от др.-греч. ὄμμα 'тело') лексики – то есть обозначений частей тела, органов, телесных жидкостей, покровов и т. д. – был включён в монографию А. С. Будиловича «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян» в виде двух глав: «Анатомия и физиология животных» [Будилович 1878: 201–246] и «Строение и отправления животных организмов» [ibid.: 372–383]. Каждое слово разбирается здесь в отдельном абзаце, где указывается, является ли оно праславянским и имеет ли внешние когнаты, даётся его этимология, перечисляются потомки. Все лексемы записываются Будиловичем не в виде реконструкции, а просто русской кириллицей, значение слова даётся на латыни. Отдельно перечисляются локальные, «областные», названия.

Обращает на себя внимание стремление Будиловича к точной реконструкции значения праязыковой лексики: «Сравнивая приведённые значения с анатомическими терминами твёрдых частей нижней

---

¹ Автор благодарит коллег, оказавших неоценимую помощь при подготовке данной работы, особенно А. И. Грищенко, А. Ф. Журавлёва и Р. Шептыньского за ценные исправления и дополнения, М. Н. Толстую за помощь при подготовке книги к печати, а А. Р. Аютину и В. В. Матвеева за иллюстрации.

² Первое издание – 1959 г.

³ Первые издания: 1960, 1966.

конечности, мы находим между ними значительное соответствие. Терминам: *os innominatum* или *os soxae* соответствует до известной степени *кракъ*; *os femoris* или *femur* – бедро, стегно, лягвѣя; *tibia* – голень, гнать, лытка; *articulatio genu* – колѣно; *ossa pedis* – стопа; *ossa metatarsi* – плесна; *talus* – глезна; *calx* – пята, пятка» [Будилович 1878: 379].

В 1962 году немецкий славист Г. Шустер-Шевц защитил докторскую диссертацию (*Habilitationsschrift*) «*Die slawischen Körperteilbezeichnungen mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen und Polnischen. – Ein Beitrag zur slawischen Bezeichnungsgeschichte*», доступом к тексту которой мы, к сожалению, не располагаем.

А. Е. Супрун в учебном пособии «Введение в славянскую филологию» дал описание праславянской лексики с разбивкой на семантические группы. Раздел «Тело и душа, жизнь и смерть» включает в себя краткое перечисление соматической лексики с комментариями [Супрун 1989: 169–170]. С рядом из них сложно согласиться. Например, семантика слова **bŕuxo/ъ* восстанавливается как ‘туловище’. Разграничение между **grŕdъ* и **rŕgsi* проводится по линии ‘грудь’ – ‘груды (женские)’. Для **životъ* постулируется переход от соматического значения (‘живот’) к несоматическому (‘жизнь’), хотя на самом деле, как будет показано ниже, направление дрейфа было обратным.

Обзорная статья К. Херей-Шиманьской пытается ответить на вопрос, сколько праславянских соматических терминов можно считать праиндоевропейским наследием. Исследователь насчитывает таковых 18: **griva* ‘шея’, **kŕkъ* ‘шея’, **ucho* ‘ухо’, **bry* ‘бровь’, **nosъ* ‘нос’, **usta* ‘рот’, **černъ* ‘челюсть’, **borda* ‘борода, подбородок’, **orŕo* ‘плечо’, **sicsъ*, **sica* ‘женская грудь’, **bŕuchъ* ‘живот’, **ręta* ‘пятка’, **volsъ* ‘волос’, **mozgъ* ‘мозг’, **ęzykъ* ‘язык’, **jъsto* ‘почка, яичко’, **žila* ‘артерия, вена, сухожилие’, **kry* ‘кровь’ [Herej-Szymańska 2000]. Отметим, что не со всеми элементами этого списка можно согласиться (например, о **kŕkъ* см. [Саенко 2020в]), а кое-какие можно добавить, например **sŕgdъse* ‘сердце’, **selzena* ‘селезѣнка’ и др.

Вскоре после выхода выпуска «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА), посвящённого человеку, была опубликована монография одного из редакторов выпуска Я. Сятковского «*Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach*» [Siatkowski 2012]. Эта работа по большей части представляет собой словесные описания части карт ОЛА (‘лицо’, ‘щека’, ‘лоб’, ‘висок’, ‘глаза’, ‘зрачок’, ‘брови’, ‘кожа человека’, ‘морщины’, ‘волосы’, ‘коса’, ‘икра’, ‘бедро’, ‘живот человека’, ‘брюхо животного’, ‘желудок’, ‘лѣгкие’, ‘печень’, ‘почки’),

дополненные данными диалектных и исторических словарей, а также комментариями автора.

Недавно вышла обзорная статья В. Борыся, в которой он перечисляет почти сто праславянских соматических терминов, разбивая их на хронологические пласты: праиндоевропейское наследие (24 лексемы), слова, появившиеся в балтославянскую эпоху (14 лексем), раннепраславянские инновации (27 лексем), инновации классического праславянского (24 лексемы) и праславянские инновации неясного происхождения (10 лексем) [Boгуś 2020]. Близким, но не идентичным образом выстроена также обзорная статья О. Лигорио [Ligorio 2022].

Назовём также несколько работ, посвящённых соматической лексике отдельных славянских языков. В первую очередь это труд В. Дрвошанова «Анатомска лексика за човекот во македонските говори» [Дрвошанов 2005], содержащий сведения о названиях большинства частей тела в более чем 400 македонских населённых пунктах. В основу монографии легли данные картотеки македонского диалектологического атласа. Книга снабжена 26 картами. В 2006 году вышла обобщающая работа «Чалавек. Тэматычны слоўнік» [ЧТС 2006], содержащая помимо прочего списки названий частей тела человека в белорусских говорах. В качестве материала послужили данные диалектных словарей и атласов. Семью годами позднее увидела свет монография В. Ушинскене, посвящённая обозначениям живота, внутренностей, желудка, печени и почек в русских говорах [Ушинскене 2013]. Тело и телесность привлекали и привлекают большое внимание этнолингвистов, фольклористов и культурологов (см. краткий обзор литературы в [Белова 2022: 142]).

В отличие от вышеперечисленных трудов, в нашей работе основной фокус смещён на реконструкцию праславянской системы названий частей тела с учётом семантики этих обозначений. Как будет показано далее, точная реконструкция значения праформы играет значительную роль и в поисках его этимологии. Ещё одна важная задача данной работы – установление первичного морфологического облика праславянских слов (подробнее об этом см. ниже). Для большинства включённых в монографию слов мы рассмотрели имеющиеся этимологии и в случае необходимости выдвинули новые. Наконец, в случае ряда частей тела были сделаны попытки собрать и систематизировать инновационные названия, установить основные направления семантических дрейфов и способы номинации. К сожалению, изучение всех праславянских соматизмов в таком ключе является чересчур глобальной задачей, и в рамках данной работы мы ограничились лишь неко-

торами обозначениями частей туловища и ног, питая надежду, что в будущем данный труд удастся продолжить⁴.

1.2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАЯЗЫКОВОЙ ЛЕКСИКИ: ЗНАЧЕНИЯ КОНКРЕТНЫЕ И ЗНАЧЕНИЯ ОБЩИЕ

В области восстановления праязыковой лексики слависты, безусловно, находятся в сравнительно выигрышном положении по сравнению, например, с балтистами: начало распада праславянского языка⁵ отстоит от первых памятников славянской письменности на несколько столетий и лишь на полторы тысячи лет от современного состояния. Славянская семья достаточно разветвлена и представлена многими языками и диалектами для того, чтобы сохранить в них большую часть праязыковой лексики. Благодаря усилиям многих поколений славистов как письменные памятники, так и современные диалекты хорошо изучены и описаны во множестве исторических и диалектных словарей, а также атласов. У всех славянских языков, кроме македонского⁶, есть свои этимологические словари. Казалось бы, в таких условиях соматическая лексика, популярный объект исследования, должна была бы быть изучена до мельчайших подробностей, и ничего нового о ней сказать нельзя.

Как показывает практика, это далеко не так: некоторые этимологи, сталкиваясь с богатым спектром значений у потомков какого-либо слова⁷, не всегда задают себе труд реконструировать всю схему семантических дрейфов и точное праязыковое значение, а останавливаются на том, что находят для значений континуантов некую общую точку пересечения, нередко очень абстрактную. Эта абстракция и реконструируется как значение праславянского слова ('нога', 'рука', 'мягкая часть тела', 'выступающая часть тела' и т.д.). В результате может возникнуть впечатление, что предки современных славян говорили на языке сплошных абстракций. В то же время, если не критично

⁴ Часть текста, вошедшего в данную монографию, была опубликована нами ранее в виде статей (см. [Саенко 2019б; 2020а; 2020б; 2021а; 2021б]). Здесь этот материал представлен в дополненном и доработанном виде.

⁵ Хронологически это следует связывать с началом активных славянских миграций V–VI вв. во время Великого переселения народов.

⁶ О проекте македонского этимологического словаря см. [Neškoska 2021].

⁷ Во многом виной тому лёгкость, с которой соматическая лексика «перепрыгивает» с одной части тела на другую. Даже в соседних диалектах значения одного и того же слова могут варьироваться от 'щиколотки' до 'голени' и 'бедра'.

воспринимать данные этимологических словарей, одна и та же часть тела могла обозначаться сразу несколькими праславянскими словами.

Подчеркнём, что необходимо последовательно различать этимологическое и реальное значения слова. Скажем, этимологическое значение русского слова *взятка* – ‘то, что взято’. Однако из этого не следует, что любую взятую вещь можно обозначить этим словом. Как мы знаем, в русском литературном *взятка* обозначает лишь две конкретные вещи: 1) деньги, взятые чиновником за совершение незаконных действий; 2) карты, взятые старшей картой или козырем (в карточной игре). Если учитывать разговорный язык, то сюда можно добавить ещё и нектар, собранный пчелой за один раз (что в литературном языке обозначается как *взяток*). Ещё один пример – русское *желток*, этимологическое значение которого ‘нечто жёлтое’, однако из всех жёлтых предметов оно обозначает лишь один – внутреннюю часть яйца.

Об этой проблеме применительно к праиндоевропейской реконструкции, где она видна ещё более ярко, более ста лет назад⁸ писал Антуан Мейе: «...при сопоставлении слов различных языков приходится рассматривать, что в них есть общего, и потому устранять смысловые оттенки, развившиеся в каждом отдельном языке: после этого остается одна абстракция, которая дает средство для оправдания сопоставления, но не для установления первоначального значения слова. Просматривая этимологический словарь, мы получаем такое впечатление, будто индоевропейский язык обладал словами и корнями абстрактного и общего значения, между тем как каждый из индоевропейских говоров надо представлять себе вроде какого-нибудь современного литовского говора, бедного общими понятиями и изобилующего точными названиями конкретных действий и мелочей домашнего обихода» [Мейе 1938: 385].

В связи с этим уместно будет процитировать также Г. С. Старостина: «Этимология по-настоящему хороша тогда, когда она образует систему. Ностратическая этимология станет по-настоящему убедительной тогда, когда, например, ностратический человек начнет, наконец, как положено любому нормальному человеку, состоять из одной головы с одним мозгом, одним носом, одним языком, двумя руками (*hand – arm*), двумя ногами (*foot – leg*) и так далее, причем в сопутствующем ностратическом этимологическом словаре будет показано, почему и как производится выбор термина, и каким образом данные

⁸ Первое французское издание труда Мейе вышло в 1903 году.

и логически трезвое, последовательное взвешивание аргументов pro et contra сами подводят нас к выбору оптимального решения» [Старостин 2015].

В этой работе мы собираемся следовать именно таким принципам: пытаться максимально точно устанавливать исходную семантику праславянских слов и стараться, чтобы реконструируемые названия частей тела «человека праславянского» складывались в систему, похожую на системы засвидетельствованных языков и диалектов.

1.3. НАСКОЛЬКО ХОРОШО НОСИТЕЛИ ПРАСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ЗНАЛИ АНАТОМИЮ?

Иногда в лингвистической литературе можно встретить мнение, согласно которому познания наших предков в анатомии были весьма неглубоки. Ср., например: «...древние представления об анатомии человека носили самый общий характер, постепенно знания конкретизируются, и термин [анатомический. – М. С.] начинает соотноситься с какой-то определённой частью тела» [Куркина 2021: 573–574]⁹.

В таком же ключе в своё время высказался чешский учёный В. Шаур: «Индоевропейцы не проводили вскрытий, так что вряд ли могли прийти к идее современных этимологов, что легкие „плавают“» (Indoevropané neprováděli pitvy, těžko tedy mohli dojít k představě novodobých etymologů, že plíce „plavou“) [Šaur 1988: 259].

Мы позволим себе не согласиться с этим мнением. Конечно, представления праиндоевропейцев и праславян об анатомии человека или животного были далеки от уровня знаний современных медиков. Но, как показывает наш опыт, они носили вполне конкретный, а не общий характер и, возможно, были детальнее, чем представления многих современных городских жителей. В конце концов, нашим предкам при-

⁹ Этот пассаж нужен исследователю, чтобы объяснить сужение значения континuantов *qtrōba ‘внутренности’ до ‘сердце’, ‘утроба матери’ или ‘желудок’ в отдельных славянских языках. Мы, однако, полагаем, что специализация значения не является чем-то характерным только для соматической лексики, и нет нужды пытаться связывать такие случаи с плохими познаниями в какой-либо области. Например, известно, что ещё совсем недавно в русском слово *платье* обозначало верхнюю одежду вообще, как женскую, так и мужскую, но в настоящее время сузило свою семантику и обозначает довольно конкретный тип женской одежды. Было бы в корне неверным на основании этого факта делать вывод, что представления носителей русского языка об одежде ещё сто-двести лет назад носили самый общий характер.

ходило регулярно убивать и разделять животных, ухаживать за ними, получать и лечить раны и так далее. В частности, «плавающее» название лёгкие в праиндоевропейском (*pleuḱmon-), праславянском (*pľuḱa), а также современном русском получили не благодаря вскрытиям людей, а, конечно же, в связи с практикой помещения требухи животного при разделке в ёмкость с водой для очистки от крови. Лёгкие при этом всплывают. Плавают они и при варке. При этом странно было бы думать, будто наши предки не понимали, что организмы человека и животного устроены во многом схоже.

Обратимся к текстам носителей других индоевропейских языков. У нас нет оснований думать, что предки современных славян представляли себе анатомию хуже древних индийцев. При этом один из гимнов Атхарваведы содержит в себе довольно подробное перечисление частей тела (курсив наш):

II, 33. <Против болезни якшма>¹⁰ [Елизаренкова 1: 134–135].

Из *глаз твоих, из ноздрей,*
 Из *ушей, из подбородка,*
 Якшму головную — из *мозга,*
 Из *языка я вырываю у тебя!*
 Из *шеи, из твоего затылка,*
 Из *позвонков, из спинного хребта,*
 Якшму предплечную — из *плеч,*
 Из *рук я вырываю у тебя!*
 Из *сердца, из твоих легких,*
 Из *желчного пузыря (?), из боков,*
 Якшму из *почек (?), из селезенки,*
 Из *печени мы вырываем у тебя!*
 Из *внутренностей, из твоих кишок,*
 Из *прямой кишки, из чрева,*
 Якшму из *двух сторон живота, из потрохов (?),*
 Из *пупа я вырываю у тебя!*
 Из *бедер, из коленных суставов,*
 Из *пяток, из носков,*
 Якшму заднюю из *промежности,*
 Ягодичную из *зада я вырываю у тебя!*
 Из *костей, из твоего костного мозга,*
 Из *сухожилий, из кровеносных сосудов,*
 Якшму из *ладоней, из пальцев,*

¹⁰ Этот же гимн в более коротком виде присутствует в Ригведе (X, 163).

Из *ногтей* я вырываю у тебя!
 (Ту), что в каждом *члене*, в каждом *волоске*,
 В каждом *суставе* твоём,
 Якшму *кожную*
 Вырыванием Кашьяпы
 Отовсюду мы вырываем у тебя!

У нас не сложилось впечатления, будто бы автор этого гимна плохо знал анатомию человека, скорее наоборот. Столь же подробные описания тела человека и животного мы находим и в других гимнах: X, 2 («Тело Человека»), IX, 7 («Восхваление быка») и X, 9 («На жертвоприношение коровы и ста оданá») [Елизаренкова 2: 85–86; 69–70; 120–121].

Повторимся: у нас нет основания думать, будто носители праславянского языка представляли себе тело хуже, чем авторы Атхарваеды. Например, если говорить о внутренних органах, праславянские названия большинства из них восстанавливаются без труда: *mozgь ‘мозг’, (*sьgdьko >) *sьgdьse ‘сердце’, *pľut’e ‘лёгкое’, *ętro ‘печень’, *želqđьkь ‘желудок’, *jьsto ‘почка’, *selzena ‘селезёнка’, *mёхuгь ‘мочевой пузырь’, *elito ‘кишка’. Часть из них восходит ещё к праиндоевропейскому состоянию. А значительная часть очень хорошо представлена в современных славянских языках, употребляясь с одним и тем же значением в течение тысяч лет.

Данные современных (XIX–XX вв.) славянских говоров представляют в наше распоряжение ряд узкоспециализированных соматических терминов, говорящих о внимании к анатомии человека и животного. При этом мы далеки от мысли, будто бы носитель праславянского языка IV века н. э. и неграмотный крестьянин века XIX представляли себе тело с разной степенью детализации. Скорее наоборот, праславянский был полон терминов вполне конкретных, и задача исследователя состоит в том, чтобы попытаться эту конкретику восстановить как можно точнее.

1.4. ПРОБЛЕМА ПРАЯЗЫКОВЫХ СИНОНИМОВ

В случае, когда реконструируется два или больше праславянских слова, на первый взгляд обозначающих одну и ту же часть тела, они могут противопоставляться друг другу в разных аспектах.

Например, хронологически: одно обозначение вытесняет другое, и старое уходит в сферу архаизмов, но не выпадает из языка окончательно (скажем, *око* – *глаз* в современном русском).

Различие может быть диалектным. Правда, диалектная разница переключается с хронологической, если одни диалекты сохраняют старый термин, а другие ввели на его место инновацию (ср., например, ситуацию со словенскими *laket* и *komolec* 'локоть' [SLA 1/32]). При этом, конечно, нужно всегда помнить, что сравнительно-исторический метод имеет свои ограничения, и наша реконструкция позднего праславянского состояния не отражает всех хронологических и диалектных расхождений в этом континууме, особенно если речь идёт о лексике.

Различие между кажущимися синонимами может быть стилистическим. Для целого ряда частей тела характерно наличие пейоративных синонимов¹¹, которые в случае, если пейоративность «затирает», с лёгкостью могут вытеснить нейтральное слово.

Наконец, разница между реконструируемыми «синонимами» может лежать в области семантики, то есть в праславянском они таковыми на самом деле не являлись, а обозначали разные части тела или, например, противопоставлялись как обозначения аналогичных частей тела человека и животного¹².

Конечно, в праязыке, как и в любом языке, возможна и полная или почти полная синонимия, но, как показывает практика, такие ситуации обычно длятся недолго, и синонимия тем или иным способом разрушается. Большинство случаев праславянской синонимии, с которыми можно столкнуться на страницах научных работ, по нашему мнению, является синонимией мнимой.

Подчеркнём, что эта проблема не является столь малозначимой, как может показаться. Так, мнимая синонимия может становиться базой для построения различных гипотез. Например, В. В. Мартынов рассматривал праславянские *kъlkъ и *bedro как абсолютные синонимы, не видя также никакого семантического различия между ними и *stegno. В рамках своей концепции он считал *bedro итальяйским «инфильтратом», а *stegno, по его мнению, указывало на связи с индоиранскими языками [Мартынов 2004: 73–74]. Как будет показано ниже, более вероятно, что все три слова в праславянском имели разную семантику.

---

¹¹ Ср. синонимы к русскому *голова*: *башка*, *дыня*, *тыква*, *репа*, *кумпол*, *жбан*, *котелок* и др. (некоторые употребляются лишь в ограниченном количестве контекстов).

¹² Ср. рус. *лицо* – *морда*, *рука* – *лапа* или из говоров: «У человека да у скотины холка, у скотины скажут ето задняя ходуля» [СРНГ 51: 115].

1.5. РОДОВЫЕ ВАРИАНТЫ

Редко континуанты одного и того же праславянского слова имеют разный род и тип склонения в языках-потомках. Например, польско-русские пары¹³: *barłóg* (m.) – *берлога* (f.); *ból* (m.) – *боль* (f.); *cień* (m.) – *тень* (f.); *cud* (m.) – *чудо* (n.); *czółno* (n.) – *чёлн* (m.); *darń* (f.) – *дёрн* (m.); *gęś* (f.) – *гусь* (m.); *mocz* (m.) – *моча* (f.); *mozól* (m.) ‘тяжкий труд’ – *мозоль* (f.)¹⁴; *mól* (m.) – *моль* (f.); *nasyp* (m.) – *насыпь* (f.); *obręcz* (f.) – *обруч* (m.); *piec* (m.) – *печь* (f.); *polun* (m.) – *попынь* (f.); *pył* (m.) – *пыль* (f.); *ryś* (m.) – *рысь* (f.); *sążeń* (m.) – *сажень* (f.); *sopel* (m.) ‘сосулька’ – *сопля* (f.); *śluz* (m.) – *слизь* (f.); *topola* (f.) – *тополь* (m.)¹⁵; *tysiąc* (m.) – *тысяча* (f.).

Чешский (за исключением случаев, совпадающих с польским) и русский: *blín* (m.) – *белена* (f.); *hrtan* (m.) – *гортань* (f.); *labuť* (f.) – *лебедь* (m.); *louč* (f.) ‘лучина’ – *луч* (m.); *potopa* (f.) – *потоп*; *pout’* (f.) ‘паломничество’ – *путь* (m.)¹⁶; *sliz* (m.) – *слизь* (f.); *úroveň* (f.) – *уровень* (m.); *zvěř* (f., coll.) – *зверь* (m.).

Белорусский (за исключением случаев, совпадающих с польским) и русский: *брыво* (n.) – *бровь* (f.); *капыт* (m.) – *копыто* (n.); *каромысел* (m.) – *коромысло* (n.); *сабака* (m.) – *собака* (f.)¹⁷; *яблык* (m.) – *яблоко* (n.).

Болгарский и русский: *вар* (f.) ‘известь’ – *вар* (m.); *вечер* (f.) – *вечер* (m.); *възраст* (f.) – *возраст* (m.); *гной* (m., f.) – *гной* (m.); *жар* (f.) – *жар* (m.); *кал* (f.) ‘грязь’ – *кал* (m.); *пенел* (f.) – *пенел* (m.); *печат* (m.) – *печат* (f.)¹⁸; *площад* (m.) – *площадь* (f.); *пот* (f.) – *пот* (m.); *прах* (m., f.) ‘пыль’ – *порох* (m.); *следа* (f.) – *след* (m.); *ябълка* (f.) – *яблоко* (n.).

Словенский и русский: *grba* (f.) – *горб* (m.); *steblo* (n.) – *стебель* (m.); *tisa* (f.) – *тис* (m.); *vonj* (m.) ‘запах’ – *вонь* (f.).

Родовые варианты можно найти и в рамках одного языка. Так, в русском это (без учёта заимствований): *занавес* и *занавесь*, *нашесть* и *нашесть*, *глист* и *глиста*, *яблоко* и *яблоч*, *полотенце* и *полотенец*,

¹³ Здесь мы опускаем явно поздние случаи, вроде пол. *rekopis* (m.) – рус. *рукопись* (f.), а также ради упрощения игнорируем отмеченные в письменности формы иного рода, чем в современных литературных языках, например, рус. *лебедь* (f.).

¹⁴ В просторечии бывает также мужского рода.

¹⁵ В диалектах также и женского рода [СРНГ 44: 251].

¹⁶ В диалектах также и женского рода [СРНГ 33: 157–159].

¹⁷ Согласно наиболее признанной этимологии, является заимствованием, но довольно ранним.

¹⁸ Возможно, раннее заимствование.

лебедь (м.) и *лебедь* (ф.), *ставень* и *ставня*, *скирд* и *скирда* [РГ 1980: 468–469], *просек* и *просека*, *проток* и *протока*. В части случаев такие дублиеты разграничены стилистически или как-либо ещё. Если ещё шире привлекать диалектный и исторический материал, то список может быть значительно увеличен.

Часто подобные расхождения исследователи переносят на праславянский уровень, постулируя для праязыка родовые дублиеты. Не отрицая потенциальной возможности наличия таких вариантов в различных (или даже одних и тех же) диалектах праславянского, отметим, что подавляющее большинство родовых дублиетов объясняется иначе, а именно сменой рода в отдельном славянском языке (или нескольких). Например, в современном литературном русском слово *тень* женского рода, но производное *тенёк*¹⁹ указывает на то, что раньше оно относилось к мужскому роду. Современное литературное польское *cuda* ‘чудо’ мужского рода, но форма nom. pl. *cuda* показывает, что раньше оно было среднего рода, как в большинстве других славянских языков. У чешского *muža* ‘мужик’ смена рода также наблюдается только в части форм: в nom.-acc. pl. наряду с более старым *muži* (f.) чаще используется инновационное *muži* (n.). В болгарском *вечер* женского рода, но в устойчивом словосочетании *добър вечер* это слово сохранило мужской род. И в целом переход слов *вар*, *вечер*, *възраст*, *жар*, *кал*, *пепел*, *пот* и *прах* из мужского рода в женский в болгарском языке стал возможен лишь после отвердения конечных согласных.

Главный механизм смен рода понятен, в его основе лежит наличие форм, общих для разных склонений. Неслучайно большинство из вышеприведённых примеров относится к континуантам старого *-i-склонения, где отличий между мужским и женским родами было меньше всего. Усваивая язык, дети обычно достраивают склонение слова и определяют его род по небольшому количеству услышанных примеров, что и приводит к сменам рода. Так, шестилетняя племянница автора данных строк однажды сказала: «У меня целая гвоздь была»²⁰.

¹⁹ Ср. *день* > *денёк*, *конь* > *конёк*, *огонь* > *огонёк*, *парень* > *паренёк*, *пень* > *пенёк*, но *синь* > *синька*, *сирень* > *сиренька*, *ступень* > *ступенька*.

²⁰ Переход слова в другой тип склонения можно также проиллюстрировать примером из детской речи: [при игре в мяч] «Если я отобью рукой, мне 10 очков, ногой – 15 очков, грудёй – 20» (мальчик, 7 лет, русский и английский языки в семье, люксембургский, немецкий и французский в школе). Пример сообщён 02.03.2022 И. А. Седаковой (личное сообщение).

В отдельных случаях поздняя смена рода может носить довольно массовый характер. В качестве примера можно привести историю слова *bedra, континуанты которого в древнейших памятниках славянской письменности относятся к женскому роду, но со временем возникают формы и среднего, которые в настоящее время доминируют в литературных языках (см. подробнее в [Саенко, Szeptyński 2022]).

В нашем случае из этого следует, что определение рода и типа склонения того или иного праславянского слова должно осуществляться с осторожностью и учётом поздних изменений, а постулирование родовых дублетов для праславянского уровня нуждается в доказательствах.

1.6. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ

Далее мы будем неоднократно сталкиваться со словообразовательными вариантами, то есть словами, образованными от одного корня при помощи разных суффиксов. Нередко такие расхождения проецируют на праславянский уровень. Однако часть из них объясняется иначе. Бывают случаи параллельных образований от одного и того же глагольного корня (ср. ниже разнообразие однокоренных обозначений стопы в славянских языках и диалектах). Кроме того, существует такое явление, как конкуренция суффиксов со схожим значением, которая иногда заканчивается победой одного из этих суффиксов, и тогда одни формы вытесняются другими.

Например, в чешском названия жителей могут образовываться при помощи формантов *-an* и *-ák*, причём первый воспринимается как стилистический более высокий, а второй – более низкий: *měšťan / měšťák* ‘горожанин’, *Pražan / Pražák* ‘пражанин’, *Rakušan / Rakušák* ‘австриец’. В случае названий двух народов старые названия на *-an* в современном чешском утрачены и дериваты на *-ák* уже не воспринимаются как пейоративные: *Polák* ‘поляк’ и *Slovák* ‘словак’ (аналогично в самоназваниях: *Polak* по-польски и *Slovák* по-словацки).

В польском формант *-izna* в некоторых случаях вытеснил конкурирующее *-ina*: *mōžšćina > др.-пол. *mężczyzna / mężczyzna* [SSp 4: 188] > *mężczyzna* ‘мужчина’; *oтьčina > *ojczyzna* ‘отчизна’.

В современном словенском на месте достоверно реконструируемого праславянского *pьrsty (gen. sg. *pьrstene) ‘перстень’ мы находим форму *prstan* с *-an* вместо *-en*, возможно, под влиянием семантически близкого *uhàn* ‘серьга’. При этом памятникам XVI века известна и более старая форма *prsten* [Besedje 16: 418].

В литературном болгарском форма *kámen* 'камень' была вытеснена новообразованием *kámьk*, в котором суффикс *-ьk* был наращён на усечённую основу, при этом *-ен* было воспринято как суффикс и отброшено, хотя с исторической точки зрения суффикс здесь – *-мен* (праслав. *kamy, gen. sg. *kamene). При этом во множественном числе сохранилась форма *kámьни*. Аналогичным образом на смену *рэмен* 'ремень' пришла форма *рёмьk*.

В случае болг. *свец* 'свеча' и чеш. *mez* 'граница, межа' очевидно изменение ауслота этих слов. Образованы они могли быть только при помощи суффикса **-j-* (*swětja и *medja) и, соответственно, изначально были основами **-ja*-склонения, на что указывают данные их когнатов (например, рус. *свечá*, *межá*), но позднее подверглись влиянию **-i*-основ.

1.7. ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ

Не последнее место в нашей работе занимают вопросы, связанные с этимологией праславянских соматизмов. Соматическая лексика является популярным объектом изучения со стороны этимологов, однако в случае большинства слов мы имеем в своём распоряжении лишь лаконичные словарные статьи. В силу недостатка места авторы этимологических словарей не всегда имеют возможность разбирать сильные и слабые стороны тех или иных уже выдвинутых этимологий²¹. Поскольку при этом словари нередко друг другу противоречат, это представляет определённую проблему для читателей.

Мы полагаем, что важной задачей, отчасти решаемой в данной работе, является обсуждение имеющихся этимологий праславянских соматизмов, а также ранжирование их по степени вероятности. В некоторых случаях мы взяли на себя смелость выдвинуть новые этимологические гипотезы или дополнить уже имеющиеся. Последнее связано главным образом с уточнением или пересмотром семантики того или иного праславянского слова, что нередко важно и для этимологии.

---

²¹ В данном случае на одном полюсе находится *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* (далее ESJS), а на другом – словарь Р. Дерксена. Чешские этимологи обладают широчайшим кругозором и в каждой словарной статье приводят обзор имеющейся этимологической литературы. К сожалению, нередко они избегают давать оценки конкурирующим версиям. В противоположность ESJS Дерксен совершенно осознанно отказывается от обсуждения литературы (см. [Derksen 2008: 2]), что, на наш взгляд, является огромным минусом словаря.

Нелишним будет подчеркнуть, что реконструкция семантики должна предшествовать выдвиганию этимологии, то есть сперва необходимо установить значение праславянского слова, а уже затем, отталкиваясь от этого значения, выяснять его этимологию.

I.8. ТРАНСКРИПЦИЯ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В РАБОТЕ

В книге используется «стандартная» праславянская транскрипция с обозначением глухого задненёбного спиранта как *x (а не *ch или *h), а также с *w вместо *v, что, на наш взгляд, лучше отражает качество праславянского звука. Континуанты групп *tj, *dj в позднем праславянском мы обозначаем как *t' и *d' (палатальные взрывные).

Праславянские интонации обозначаются следующим образом (согласно [Карови́с 2015: 67–68]): акут – *á*, краткий циркумфлекс – *ǎ*, долгий циркумфлекс – *â*, краткий новый акут – *à*, долгий новый акут – *ã*, иктус – *â*²².

Словенские литературные формы записываются в тональной орфографии.

Древнечешские и древнепольские формы приводятся без изменения вслед за источником, как правило, в «стандартизированной» форме.

²² М. Сной, последовательно реконструирующий в своём словаре праславянские формы с ударениями, применяет ту же систему, однако вместо иктуса на последнем слоге восстанавливает акут или краткий циркумфлекс. Р. Дерксен применяет следующие обозначения: краткий восходящий – *à*, долгий восходящий – *á*, краткий нисходящий – *ǎ*, долгий нисходящий – *â*, долгий ударный – *ã* [Derksen 2008: 17]. Таким образом, возникают следующие расхождения в реконструкции: *nogá, *bedrò (Капович) – *nogã, *bedrö (Сной) – *nogã, *bedrò (Дерксен).

II. ТЕЛО

II.1. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *TĚLO

II.1.1. Вводные замечания

Праиндоевропейское название тела¹ *k^{er}p- (> лат. *corpus* 'тело', др.-ирл. *crí* 'тело', др.-англ. *hrif* 'живот', авест. *kərəfš* 'тело') [Adams, Malloy 2006: 178] в праславянском не сохранилось. Вместо него мы находим инновационное *tĕlo, gen. sg. *tĕlese². Его континуанты хорошо сохраняются в славянском мире, ср. формы современных литературных языков: болг. *тя̀ло*, мак. *тело*, схр. *tijĕlo*, *tĕlo*, слвн. *telô*, чеш. *tĕlo*, словц. *telo*, в.-луж. *ćĕlo*, н.-луж. *śĕlo*, пол. *ciało*, бел. *цѣла*, укр. *мі́ло*, рус. *тѣло*. Почти повсеместно оно представлено и в диалектах, отсутствуя только в некоторых болгарских и македонских говорах, что демонстрирует соответствующая карта «Общеславянского лингвистического атласа» [ОЛА СФГ 1/5; ОЛА БМ 2015: 23–24]³.

В то же время это слово до сих пор не имеет надежной этимологии. В качестве потенциальных когнатов называли следующие славянские слова:

а) *stĕнь 'тень' [Miklosich 1886: 356] или *tĕнь 'тень' [Brückner 1985: 60].

б) *tem- (как в *tĕма 'тьма') с реконструкцией *temslo > *tĕlo [Vondrák 1905: 178]⁴.

в) ст.-сл. *тѣсла* 'топор' [Meringer 1905–1906: 280].

---

¹ Здесь и далее мы не всегда проводим разграничение между *телом* как обозначением всего организма человека, включая конечности и голову, и *телом* как обозначением туловища, поскольку, к сожалению, такое разграничение не всегда хорошо прослеживается в источниках.

² Отдельно отметим русскую диалектную форму *тель* (f.) 'тело человека' [СРНГ 44: 15] со вторичной феминизацией и переводом в другой тип склонения.

³ Карта ОЛА является фонетической, а не семантической, однако показательно, что рефлекс *tĕlo присутствует почти во всём славянском мире.

⁴ В том же издании в заметке на стр. 248 Вондрак сам отказался от этой этимологии.

г) *stolb ‘стол’, *stojati ‘стоять’, *stьlpь ‘столб’ – с реконструкцией для *tělo празначений ‘подставка’, ‘стан’ [Ильинский 1910: 334].

д) **tylo*⁵ [Walde, Hofmann 2: 655]. Поддержано в [Holub, Korečny 1952: 381; Черных 2: 234].

е) *těsto ‘тесто’, см. [Фасмер 4: 39–40].

Среди внешних когнатов называют:

а) лтш. *tēls* ‘образ’ [Zubaty 1891: 326]. Ряд учёных, однако, полагают, что латышское слово является славизмом [ESJS 16: 958].

б) санскр. *tālu* ‘нёбо’, *talam* ‘равнина’, нем. *Diele* ‘доска, половица’, др.-ирл. *talam* ‘земля’ [Lewy 1907: 137]. К этому сравнению были также добавлены лат. *tellūs* (gen. sg. *tellūris* ‘земля’), греч. τηλία ‘обод решета; печная вьюшка; помост для бойцовых петухов и перепелов; лоток булочника’, прус. *talus* ‘пол в комнате’, лит. *tilės* (f. pl.) ‘доски в дне лодки или в пролете моста’, *pātalas* ‘постель’, лтш. *tilināt* ‘стлать’, рус. *потолок* и др. [Walde, Hofmann 2: 655].

в) прус. *stallit* ‘стоять’, нем. *Stelle* ‘место, положение’, лат. *stolō* ‘корневой побег’, греч. στέλλω ‘строить, выстраивать, одевать’, στήλη ‘столб’, санскр. *sthalah* ‘земля, почва; плоская кровля, крыша’ [Ильинский 1910: 334].

г) санскр. *tanūh*, *tanūh*, авест. *tanuš* ‘тело’ [Oštir 1912: 206].

д) арм. *t’in* ‘виноградная косточка’, греч. στία ‘камешек’, στίλη ‘капля’, στίφος ‘сомкнутый строй, боевая колонна’, στιφρός ‘твёрдый, плотный’, гот. *stains* ‘камень’, лат. *stīria* ‘сосулька’, санскр. *styāyate* ‘он собирает вместе’, *tedanih* ‘запёкшаяся кровь’ [Petersson 1916: 281–282].

е) греч. τέλος ‘завершение; результат, исход; конец’ [Machek 1968: 638–639] и нем. *Ziel* ‘цель’, которое Махек считал заимствованием из греческого [Machek 1968: 638–639].

ж) греч. σῶμα ‘тело’ и п.-и.-е. **tew-* / **tow-* / **tu-* ‘быть толстым, набухать, увеличиваться’ [Ondruš 1976].

з) авест. *taēra-* ‘пик’, лат. *stilus* ‘заострённый кол, остроконечная палочка’ [Snoj 2016: 779].

и) греч. τλήναι ‘терпеть, переносить, испытывать; осмеливаться, решаться, дерзать’ [Bańkowski 1: 173].

к) хотаносакск. *ttarandara-* ‘тело’, *ttāra-* ‘лоб’, перс. *tāra* ‘темя’, осет. *tara* ‘грудь’, санскр. *tarasah* ‘мясо’ [ESJS 16: 958–959].

Мы полагаем, что большинство этих сопоставлений, возможно, за исключением лтш. *tēls*, совершенно гадательны.

⁵ О семантике см. далее.

С формальной точки зрения корректному этимологизированию *tělo мешают две проблемы:

а) фонетическая – восстанавливать *toĭlo или *tělo?

б) словообразовательная – является ли *-l-* частью корня или же суффиксом (как в *dělo)?

Соответственно, мы имеем несколько гипотетических реконструкций основы интересующего нас слова – *teHl- > *těl-, *teH- > *tē-, *toĭ-, *toĭl- (ср. встречающиеся в литературе *toil- [Meillet 2: 359], *toĭ-lo- [Pettersson 1916: 282], *tēla- [Trautmann 1923: 317], *těl-es-, *těl-// *təl [Bańkowski 1: 173]). Ни один из этих вариантов не восстанавливается ни для праславянского, ни для праиндоевропейского.

Реконструировать *teHl- или *teH-l- проблематично, поскольку в этом случае большинство исследователей ожидало бы действия закона Хирта⁶, в то время как для *tělo восстанавливается циркумфлекс и акцентная парадигма *c*, см. [Скляренко 1998: 131; Karović 2015: 241]. В то же время существует ряд известных примеров, когда несмотря на наличие ларингала в исходном корне праславянское слово имело циркумфлекс и относилось к акцентной парадигме *c*: *sŭpъ, *dāgъ, *kālъ и другие.

Корень структуры *toĭl- нарушал бы характерные для праиндоевропейского корня ограничения, согласно которым согласные располагаются вокруг корня по убывающей звучности и «после корневого гласного не могут стоять ни *два сонанта*, ни *два смычных*»⁷ [Семереньи 2002: 113].

Наиболее близки к требуемой структуре праславянские слова *tьlo ‘пол, земля’ и *tьlěti ‘тлеть’. И если о возможной связи *tělo и *tьlo уже писали раньше, то сопоставление *tělo и *tьlěti на первый взгляд невозможно ни формально, ни семантически. Однако далее мы постараемся показать, что такая этимология вполне может иметь право на существование.

⁶ В традиционной реконструкции – передвижение ударения влево на акутированный слог в праславянском и прабалтийском: п.-и.-е. *d^huHmós > праслав. *dŭmъ, лит. *dūmai* ‘дым’.

⁷ Ср., однако, противоположное мнение Дж. Клэксона, который, соглашаясь с существованием ограничений по убывающей звучности, считает, что два согласных одного класса стоять рядом всё же могли. В качестве примеров он приводит *d^gem- ‘земля’, *mleuh₂- ‘говорить’ и *tetk- ‘форма’ [Clackson 2007: 69].

II.1.2. Семантика

Промежуточным звеном между 'тело' и 'тлеть' может быть значение 'труп'. При этом существует пример, показывающий возможность семантического дрейфа 'мертвое тело, труп' > 'туловище'. Речь идет об истории семантики праславянского слова *trupь. В отдельных славянских языках его потомки имеют следующие основные значения:

- ст.-сл. *трупѣнь* 'труп' [SJS 4: 496];
- болг. *труп* 'туловище; труп; ствол срубленного дерева' [РБЕ];
- мак. *труп* 'туловище; труп', *трупец* 'чурбак' [ОДРМЈ];
- схр. *trúp* 'пень; туловище, труп; род; корпус; чурбак; массив' [RHISJ 18: 823–824];
- слвн. *trúp* 'туловище; корпус' [SSKJ], засвидетельствовано также значение 'чурбак' [Pleteršnik 2: 699–700] (в значении 'труп' в современном литературном словенском употребляется слово *truplo*);
- др.-чеш. *trúp* 'чурбак (?)'. В «Древнечешском текстовом банке» обнаруживается лишь один контекст, на основании которого можно постулировать такое значение: др.-чеш. *ande všudy ludi hlúpi ležie ssěčeni vñiž trúpi* («там везде люди глупые лежат, порубленные, словно чурбаки») (Alexandreida, сер. XIV в.) [SČTB]. При этом современное чешское и словацкое *trup* 'туловище' – позднее заимствование из южнославянских языков [Rejzek 2001: 678];
- словц. (с XVIII в.) *trup* 'туловище; труп; ствол' [HSSJ 6: 114];
- др.-пол. и пол. *trup* 'труп' [SStp 9: 194];
- каш. *trup* 'труп'; *trěpa* 'сухая ветка; трухлявое дерево, особенно на торфянике; медлительный человек, флегматик; часть дерева вокруг трухлявой части, колода, лежащая в болоте; труха; палка' [SEK 5: 166];
- др.-рус. *трупѣнь* 'труп; туловище; ствол, обрубок дерева'⁸ [СлРЯ XI–XVII 30: 206–207];
- рус. диал. *труп* и *трúно* 'туловище' [СРНГ 45: 165, 167];
- бел. *труп* 'труп', в диалектах также 'туловище' [ЭСБМ 14: 124];
- укр. *труп* 'труп'.

⁸ Это значение встречается только в памятниках с южнославянскими протографами.

Таблица 1

Основные значения континуантов *trupъ в славянских языках

	труп	туловище	часть дерева
ст.-сл.	+		
болг.	+	+	+
мак.	+	+	+
схр.	+	+	+
слвн.		+	+
др.-пол.	+		
пол.	+		
каш.	+		+
др.-рус.	+	+	
рус.	+	+	
бел.	+	+	
укр.	+		

Слово *trupъ родственно литовскому глаголу *trūpti* 'крошиться'. Близкие литовскому значения просматриваются и в некоторых славянских родственниках *trupъ, ср., например, рус. диал. *трупье* 'трупы' и 'гнилые, трухлявые деревья', *трупить* 'мельчить, крошить', *трупеть* 'гнить, становиться трухлявым', *трупный* 'гнилой, трухлявый', *труп*, *трупá*, *трупь* 'перхоть' и др. [СРНГ 45: 165–167]. Семантический дрейф здесь, вероятно, шел по одному из двух сценариев:

трухляветь → труп > туловище
                   ↘ трухлявый ствол

трухляветь → трухлявый ствол > труп > туловище

В любом случае, значение 'туловище' развилось из 'труп'. Этому соответствует тот факт, что значение 'труп' у континуантов *trupъ представлено почти повсеместно в славянских языках⁹, сохранивших это слово, а вот 'туловище' распространено значительно меньше.

Аналогичный случай мы находим в македонском языке, где слово *мрша* означает 'падаль', 'труп человека' и 'человеческое тело'

⁹ Напомним, что чешское и словацкое *trup* – позднее заимствование из южнославянских языков.

(по отношению к живому человеку) [ОДРМЖ]. Если учесть значения родственников этого слова (слвн. *mřha*, *mřšina* ‘падаль’, чеш. *mrcha*, *mřšina* ‘падаль’), видно, что отправной точкой было именно ‘падаль, труп’.

Ещё одним примером, демонстрирующим интересующий нас дрейф значения, является французское *cadavre* ‘труп’, заимствованное из латинского *cadaver* ‘труп’. При этом если латинское слово по отношению к телу живого человека могло употребляться только пейоративно [OLD 1968: 247], то в некоторых французских диалектах *cadavre* (с фонетическими вариантами) приобрело такие значения, как ‘тело (живого) человека’, ‘тело’, ‘толстяк’ и т. д. [FEW 2/2: 22–23].

Таким образом, мы располагаем основаниями для того, чтобы считать семантическую связь между *tylėti ‘тлеть’ и *tělo ‘тело’ потенциально возможной. При такой этимологии *tělo должно было бы первоначально обозначать мертвое, тлеющее тело¹⁰.

II.1.3. Форма

Согласно традиционной этимологии, *tylėti вместе с лит. *tilti* (*tỹla*¹¹, *tilo*) ‘замолкать, утихать’, *tylėti* (*tỹli*, *tylėjo*) ‘молчать’ и др.-ирл. *tuilid* ‘он спит’ восходят к корню **telH-* ‘still werden’ [LIV 2001: 621; ESJS 17: 1009]¹².

Существительное *tělo обычно сопоставляют с лит. *tilės* (f. pl.) ‘доски в дне лодки или в пролете моста’, прус. *talus* ‘пол в комнате’, лат. *tellūs* ‘земля, суша, почва, участок, область’, санскр. *talam* ‘равнина, долина; дно, глубина; подошва ноги; ладонь; поверхность, плоскость’ и др. [ESJS 17: 1010].

Есть и альтернативные гипотезы, связывающие *tělo и *tylėti вместе и помещающие их в рамки терминологии подсечно-огневого земледелия. Чтобы обосновать это решение, подчеркивается значение ‘пепел, пыль, тлен’ в белорусских и русских смоленских говорах, а также русское *сгореть дотла* (при рус. диал. *сгореть на пепел*) [Мартынов 2004: 29–31; Куркина 2011: 183–188].

¹⁰ Менее надежным примером интересующей нас схемы семантического дрейфа является русское слово *туша*, производимое частью этимологов от *toχnqti ‘тухнуть’, но другими от *tyti ‘толстеть’. См. [Фасмер 4: 129].

¹¹ Этимологически – *tīla с носовым инфиксом. См. [Smoczyński].

¹² О возможных путях сдвигов вида ‘таять’ > ‘молчать’ и ‘тлеть’ > ‘молчать’ см. [Трубачёв 1: 311–318].

Однако, как показывает семантика континуантов *tǣlo, основным значением этого праславянского слова было вовсе не ‘почва’, а ‘пол, основание’, что прекрасно согласуется с его традиционной этимологией.

В старославянских памятниках мы находим тѣла (pl.) только в составе конструкции на тѣлѣхъ стояти (Супрасльская рукопись) [SJS 4: 544]. В сербохорватском и словенском *tlo* и *tla* (pl.) соответственно – это в первую очередь ‘пол’, ‘основание’, и лишь вторично ‘почва’ [SSKJ; RHiSJ 18: 399]. В чешских диалектах *tlo* – это ‘дощатый потолок’ [SSJČ]. В древнепольском *tlo* – ‘пол’ [SStr 9: 160]. В современном польском – ‘фон, основание’ [SJP]. Древнерусское тѣло / тѣла (pl.) означало ‘земля, пол’ (очень часто употреблялось с глаголами положения в пространстве [СлРЯ XI–XVII 29: 372]). В современных русских диалектах *tlo* значит ‘низ, основание, дно; пол’ [СРНГ 44: 156]. Лишь в белорусском и примыкающих к белорусскому ареалу смоленских говорах *tlo* имеет значение ‘прах, тлен’. В территориально близких псковских и тверских говорах зафиксировано также значение ‘перегной’ [СРНГ 44: 156]. Однако это явно локальная инновация, возможно, вызванная вторичной ассоциацией с глаголом *тлеть*.

Отметим, что слово *пол* в русских диалектах также пережило дрейф ‘пол’ > ‘земля’ [СРНГ 29: 28–29]. В качестве параллели можно привести и лат. *pavimentum* ‘утрамбованная со щербом и известкой земля; каменный мозаичный пол’ > рум. *pământ* ‘земля’.

Выражение *сгореть домла*, к которому апеллирует Л. В. Куркина, само по себе не может служить доказательством старой семантики ‘прах’ у *tǣlo. Во-первых, в русских говорах *до тла* имеет более широкую сочетаемость, чем в литературном языке: «его обокрали до тла», «хлеб до тла погнил» и скорее означает «до основания» [Даль³ 4: 772]. Во-вторых, следует указать на чешское выражение *shořet do základů* «сгореть до основания», которое, на наш взгляд, полностью параллельно русскому *сгореть домла* в отношении внутренней формы.

Соответствие *tǣlǣti и литовских *tilti*, *tylėti* важно тем, что позволяет постулировать для прабалтославянской эпохи корневой глагол *tǣ- > *tǣl-, от которого были образованы дуративные формы на -ē-, позднее вытеснившие исходный корневой вариант. В связи с тем, что в литовском мы находим -ē-/i-глагол, а в праславянском – -ě-/ěj-глагол, вероятно, эта инновация произошла независимо в балтийской и славянской ветвях.

Случаи деривации -ē-глаголов от корневых можно обнаружить в литовском: *kęsti* (*keñčia*, *keñtė*) ‘страдать; терпеть’ > *kentėti* (*keñčia*, *kentėjo*) ‘страдать; терпеть’; *skaūsti* (*skaūdžia*, *skaūdė*) ‘заболеть’ >

skaudėti (skaūda, skaudėjo) ‘болеть’; *tirti (tiria, tyrė)* ‘исследовать’ > *tyrėti (tyrėja, tyrėjo)* ‘исследовать’ (М. Даукша) [Smoczyński].

Для праславянского можно назвать *bĕgti > *bĕžati; *gosti > *gōdĕti; *sĕsti > *sĕdĕti и др. [Толстая 2018: 107]. На первый взгляд, *tĕlĕti, относящийся к типу -ĕ/-i-ĕj-, выпадает из этой обоймы: от корневых образованы -ĕ/-i-глаголы, иногда с сохранением части старых форм (например, рус. *бегу, бегум*). Более того, преобладание среди глаголов типа -ĕ/-i-ĕj- деноминативных и деадъективных форм (*bolĕti, *bĕlĕti и др.) как будто даже говорит в пользу этимологии, выводящей *tĕlĕti от *tĕlo. Тем не менее, в типе на -ĕ/-i-ĕj- есть и глаголы праславянской древности, не являющиеся производными от имен, например *zbrĕti ‘созревать’.

Кроме того, примером образования глагола на -ĕ/-i-ĕj- от корневого является случай *ĕti ‘взять’ > *jĕmĕti ‘иметь’. Оговорим, что по мнению некоторых ученых уже в праславянском он имел формы *jĕmĕti : *jĕmatъ [Фасмер 2: 128]. И действительно, такое соотношение мы находим как будто бы в большинстве славянских языков: ст.-сл. *имѣти* : *имамь*; слвн. *imeti* : *imat*; чеш. *mít* : *mám*; в.-луж. *měć* : *tam*; н.-луж. *měś* : *tam*; пол. *mieć* : *tam*; бел. *мець* : *маю*. Однако помимо русского *иметь* : *имею* и старославянского *имѣти* : *имѣиж* (пусть и более редкого, чем *имѣти* : *имамь* [SJS 1: 767]) стоит указать также на то, что формы императива (а императив должен образовываться от основы настоящего времени) в словенском, чешском и польском имеют следующий вид: *imej*, *měj* и *miej* соответственно. Мы полагаем, что более обоснованной является точка зрения, согласно которой атематические формы типа *jĕmatъ проникли в парадигму *jĕmĕti вторично [ЭССЯ 8: 227]. В послепраславянский период в отдельных языках на это наложился также формы параллельного производного от *ĕti – *jĕmati.

Связать (*telH- >) *tĕlĕti и *tĕlo можно двумя способами. Первый из них – это рассмотрение *tĕlo как случая тематизации старого корневого существительного.

Нам известны примеры праславянских существительных с неаккурированным долгим гласным в корне. Ф. Кортландт трактует их как бывшие корневые имена [Kortlandt 1985: 118]. К наиболее надежным из названных им случаев, по нашему мнению, относятся следующие: *ĉāgъ, *mĕľъ / *mĕľь, *rĕĉь, *žālъ, *žāgъ¹³. Долгие гласные в них Корт-

¹³ Критику гипотезы Кортландта см. в статье М. Вилльянуэвы-Свенссона, который для *žālъ постулирует акутовую интонацию, *ĉāgъ и *žāgъ объясняет как девербативы от интенсификов со ступенью удлинения в корне, а в случае *mĕľъ упирает на наличие альтернативной этимологии: [Villanueva Svensson 2011: 13–14].

ландт объясняет вслед за Ваккернагелем как результат удлинения в односложных существительных [Kortlandt 1985: 112]. Конечно, нельзя не предположить альтернативный сценарий – удлинение корневого гласного в nom. sg. в результате действия закона Семереньи с последующим выравниванием вокализма по всей парадигме. В пользу этого может говорить то, что основа большинства из этих существительных заканчивается на *r* или *l*, выбивается только *gěсь. Такой сценарий для *tělo не является невозможным, однако предполагает смену рода с мужского на средний.

Второй способ – это произведение *toĭlo от *til- ‘тлеть’ со вторичным аблаутом. Исчезновение слоговых плавных изменило структуру аблаута для ряда корней: чередование вида CeR / CoR / Cŕ сменилось чередованием CeR / CoR / CiR ~ CuR. Впоследствии такие корни стали включаться в новые аблаутные отношения.

В литовском у ряда глаголов мы находим вторичное *ī* в формах прошедшего времени: *ginti, gina, gynė* ‘защищать’; *minti, mina, mynė* ‘мять’; *pinti, pina, pynė* ‘плести’; *tinti, tina, tynė* ‘колотить’. Во многих производных глаголах обнаруживается и вторичное *-ai-*, достроенное к *-i-* производящего глагола по образцу чередований глаголов с унаследованным *-i-*: *giñti* ‘гнать’ > *gáinioti* ‘гонять’; *pinti* ‘плести’ > *páinioti* ‘путать, мешать’; *skinti* ‘рвать’ > *skáinioti* ‘обрывать’; *trinti* ‘тереть’ > *tráinioti* ‘истирать’; *dilti* ‘истираться’ > *dáilinti* ‘шлифовать’ [Smoczyński].

В праславянском вторичный аблаут проявляется в первую очередь как *-i-* в корнях производных дуративных глаголов: *bьrati (*berŕ) – *birati; *načeti (*načьŕ) – *načinati; *žeti (*žьmŕ) – *žimati и др.

Если говорить об образовании отглагольных существительных, то глаголы с бывшими слоговыми плавными в праславянском преимущественно следуют старой модели: в корне существительного мы находим *-o-*: *bьrati – *boгь; *pьrati – *poгь; *sьrati – *soгь; *stьlati – *stolь; *zьwьněti – *zwoпь. У существительных от глаголов с исконным (*eĭ / i >*) *i / ь* в корне ожидаемо присутствует *ě*: *blьščati – *blěskь; *lьpěti – *lěpь; *kwisti (*kwьtŕ) – *kwěть; *čistiti – *čěsta.

Однако существует и случай, когда от корня структуры *CьR-* образован дериват вида *CěR-*. Это *derti (*dьŕ) / *dьrati (*derŕ) ‘драть’ и *děra ‘дыра’. В целом приставочные дериваты от *dьrati обычно имеют *-o-*вокализм: рус. *вздор, задор*, чеш. *nádor* ‘опухоль’, слвн. *predor* ‘туннель’, *prodor* ‘проникновение’, *razdor* ‘раздор’, *udor* ‘обвал’ и т. д. На их фоне *děra является ярким новообразованием.

Известно, что вокализм славянских названий дыры крайне широко варьируется, можно найти варианты с *-i-*, *-y-*, *-u-*, *-e-* и *-o-*, однако именно форма **dĕra* имеет полное право считаться праславянской, поскольку ее континуанты распространены наиболее широко, они представлены в словенском, чешском, словацком, лужицких, словинском и украинском языках [SP 3: 159–160; ЭССЯ 5: 12]. Именно **dĕra* является хорошей формальной параллелью для **tĕlo* в свете предлагаемой нами этимологии.

Аналогический $\tilde{e} > ie$ возникал в древнечешских вторичных имперфективах от корней структуры CR (даже продолжающих праславянское *СъR*, а не *СьR*): *sebrati* ‘собрать’ – *sbierati* ‘собирать’; *vybrati* ‘выбрать’ – *vybierati* ‘выбирать’; *střieti* ‘стереть’ – *stierati* ‘стирать’; *vytřieti* ‘вытереть’ – *vytierati* ‘вытирать’; *opřieti sě* ‘воспротивиться’ – *opierati sě* ‘сопротивляться’; *zadržieti* ‘забрать (силой)’ – *zadierati* ‘забирать (силой)’; *poslati* ‘послать’ – *posielati* ‘посылать’; *nazvati* ‘назвать’ – *nazievati* ‘называть’ [VW].

Отметим, что Ф. Кортландт называет чешские отглагольные существительные на *-bĕr*, *-dĕr*, *-pĕr*, *-pĕra*, *-stĕra*, *-vĕr*, *-vĕra*, *-tĕr*, *-tĕra* среди потенциальных кандидатов на роль континуантов праславянских корневых имен с долгим вокализмом [Kortlandt 1985: 118]. Однако это, конечно, не так. Такие существительные являются дериватами от вторичных имперфективов типа *sbierati* > *sbĭrat*, в то время как от глаголов совершенного вида образуются существительные с *-o*-вокализмом: *odebrat* / *odebĭrat* > *odbor* ‘отдел’, *odbĕr* ‘взятие, получение’; *sebrat* / *sbĭrat* > *sbor* ‘коллектив; хор’, *sbĕr* ‘сбор’; *vybrat* / *vybĭrat* > *vŭbĕr* ‘выбор, ассортимент’, *vŭbor* ‘комитет’; *zabrat* / *zabĭrat* > *zabor* ‘конфискация’, *zabĕr* ‘захват; кадр’.

Существуют также примеры вторичного аблаута *ě//*ь от корней, где *ě восходит к *ē, а не *oj. Так, по модели соотношения *могь ‘мрак’ – *мыгнѡти ‘меркнуть’, *могзь ‘мороз’ – *мыгзнѡти ‘мерзнуть’, *сухь ‘сухой’ – *сѡхнѡти ‘сохнуть’, *глухь ‘глухой’ – *глѡхнѡти ‘глохнуть’ от прилагательных *хромь ‘хромой’ и *слѣрь ‘слепой’¹⁴ были построены глаголы *охгъмнѡти ‘охрометь’ [ЭССЯ 27: 83–84] и *слѣрнѡти ‘слепнуть’ [ЭССЯ 29: 217–218].

Уже в послепраславянскую эпоху в польском от *rzezać* ‘резать’ < *rĕzati (< *ĕreh₁ĝ-) образован глагол *rźnąć* (диал. *rznąć*) < *ĕznѡти [Bogus 2005: 536], а в сербохорватских диалектах от *kupjecimti* ‘вспы-

¹⁴ Мы принимаем этимологию, связывающую это слово с лит. *slĕpti* (*slĕpia*, *slĕpĕ*) «прятать», но есть и другие версии, исходящие из огласовки *-oj-*.

хивать' (< *křěsiti) создана форма *крснути* 'развиваться' < *kǣsnōti [ЭССЯ 13: 75].

Таким образом, мы полагаем, что праславянское *tělo 'тело' допустимо этимологически связывать с *tǣlētī 'тлеть'. Данный глагол образован от праиндоевропейского корня *telH- на нулевой ступени аблаута (*tǣH-). После распада слоговых плавных корни вида *CR̥- стали выглядеть как *CiR-, а их схема аблаута приобрела вид *CiR- // *CeR- // *CoR-, что дало основания для ассоциирования их с корнями со старым *i и схемой *CiC- // *CeḷC- // *CoḷC-. Результатом возникновения вторичных моделей аблаута являются такие отглагольные дериваты, как *dēra 'дыра' и, по нашему предположению, *tělo 'тело'.

II.2. ИННОВАЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ ТЕЛА

Как уже было сказано выше, инновационные названия тела, вытеснившие континуанты праславянского *tělo, мы находим главным образом в болгарском и македонском языках.

В первую очередь это вышеупомянутое македонское *мрша* 'падаль; труп человека; человеческое тело' (по отношению к живому человеку). В последнем значении оно довольно широко отмечено в диалектах. Прочие значения, встречающиеся у него в говорах (со словообразовательным вариантом *мршлак*), – 'труп; телосложение; мужской половой орган; телесная слабость; неуклюжесть; падаль; забитый скот'. Реже – 'голый человек', 'живот' и 'бастурма' [Дрвошанов 2005: 166–168]. В значении 'человеческое тело' слово *мърша* / *мръша* встречается и в болгарских говорах (Самоковско, Кюстендилско). Другие значения – 'падаль, труп; марь вонючая (*Chenopodium vulvaria*); слабое, тощее животное; слабая и старая овца; дурак' [БЕР 4: 429]. Как мы отмечали выше, когнаты этого слова в других языках указывают на то, что первоначальным значением было 'падаль'. Об этом же говорит и этимология, производящая *mǣgha от корня *mer- 'умирать' [SP 1: 71].

Ещё одна инновация – это болг. *снага* 'тело', мак. *снага* 'тело', схр. диал. *snága* 'тело'. В болгарских диалектах у этого слова представлены также значения 'поясница' и 'длинные цельные куски ткани, из которых кроят штаны' [БЕР 7: 235]. Македонские говоры предоставляют в наше распоряжение значения 'стройность'¹⁵, 'сила' и

¹⁵ Сам Дрвошанов глоссирует как «става, стројност», но приводимый им контекст («што е убаф у снага») заставляет сомневаться в необходимости отделения этого значения от «тело».

‘спина’ [Дрвошанов 2005: 165]. Очень широк спектр значений в сербохорватском материале, где *snága* значит ‘сила; храбрость; усилие; тело; мошонка; военная сила; чистота’ [RHiSJ 15: 830–833]. В современном словенском *snága* – ‘чистота’, у Плетершника находим также значение ‘украшение’ [Pleteršnik 2: 524]. В чешском и словацком *snaha* – это ‘стремление, старание, усилие’. В польских диалектах *snaga* засвидетельствована в значениях ‘чистота’ и ‘старание’ [Karłowicz 5: 183–184], в русских *snága* – ‘физическая сила; сноровка, умение’ [СРНГ 39: 81]. В украинском *снагá* значит ‘сила’.

Точная реконструкция первоначального значения праславянского *snaga представляет собой отдельную задачу, выходящую за рамки данной работы, однако, по всей видимости, это было что-то вроде ‘усилие, старание’, в то время как соматические значения ограничиваются лишь частью южнославянского ареала. Похоже, что мы имеем дело с переходом от абстрактного значения (‘сила, усилие’) к конкретному (‘тело’). Обратим в данном контексте внимание на русское диалектное *изо всех туш* = ‘изо всех сил’ [СРНГ 45: 307].

В сербохорватском слово *nárav* ‘нрав, характер’ (< праслав. *погвъ) отмечено в значениях ‘тело’, ‘половой орган, особенно женский’, ‘живот’ и ‘лицо’ [RHiSJ 7: 558–559; РСКНЖ 14: 320].

Соматические значения развились в сербохорватском у слова *lûb* ‘луб’. Это ‘половина раковины моллюска’, ‘панцирь черепахи’, ‘боковая сторона грудной клетки’, ‘туша’ [РСКНЖ 11: 595]. Его производное, *lûbina*, значит ‘туловище, тело; труп; туша’ [РСКНЖ 11: 597], ‘череп’ [RHiSJ 6: 184]. По-видимому, исходной точкой дрейфа послужило какое-то изделие из луба¹⁶.

Ещё один случай конкретизации абстрактного существительного обнаруживается в русских говорах, где слово *душá* записано в значениях ‘грудь, грудная полость’, ‘сердце’ и ‘тело’ [СРНГ 8: 280].

Также в части севернорусских и сибирских говоров слово *туша* расширило свою семантику и стало обозначать не только освежёванное тело животного, но и тело животного вообще, а затем тело, туловище, фигуру человека, талию и даже скелет [СРНГ 45: 307]. Следует

¹⁶ Ср., с одной стороны, рус. диал. *короб* ‘утроба’, *ходить ко́робом* ‘быть беременной’, *коробáть*, *коробáтиться* ‘толстеть при беременности’, *рачий ко́роб* (о неуклюжем человеке) [СРНГ 14: 344], *коробка* (о маленькой толстой или беременной женщине) [СРНГ 14: 347], с другой – рус. диал. *лубяна* ‘большой дуб; лубяной короб; высокая здоровая женщина’, *лубянный* ‘здоровый, крепкий’ [СРНГ 17: 173, 174] (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение, 01.03.2022).

отметить, что в разговорном русском словом *ту́ша* могут пейоративно назвать тучного человека.

О развитии значения 'тело' у континуантов *životь см. ниже.

Таким образом, славянский материал предоставляет в наше распоряжение следующие отправные точки для обозначения тела (промежуточные стадии на схеме не учтены):

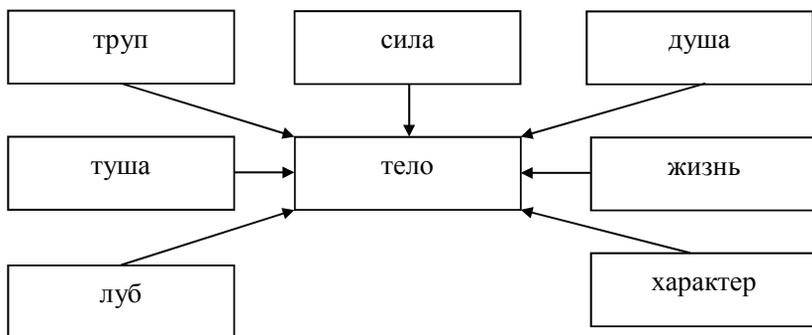

Рис. 1. Семантические дрейфы, приводящие к значению 'тело', засвидетельствованные в славянских языках

III. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *ŽIWOTŦ

III.1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Не вызывает сомнения, что основным значением *žiwotŦ в праславянском было 'жизнь'¹. На это указывает как семантика его континуантов в части языков-потомков, так и этимология: *žiwotŦ является прозрачным производным от *žiti (*žiwq) или *žiwŦ 'живой'². Среди его когнатов лит. *gyvatà* 'жизнь', ст.-лит. *gyvãtas*³ 'id.' и прус. *giwato* (f.) 'id.'. Параллельные образования мы находим в греческом и кельтских языках: греч. βίωτος 'жизнь' и βιωτή 'id.' < *g^wiĥ₃-eto- [Beekes 2010: 216–217], др.-ирл. *bethu* 'жизнь', валл. *bywyd* 'id.' < *biwotŦ-s [Vendryes 2: 44–45]. Латинское *vīta* 'жизнь' амбивалентно, оно может восходить как к аналогичному праславянскому *wīwita < *g^wiH-uo-t-ã, так и к и.-е. *g^wiH-t-h₂ [de Vaan 2008: 686].

Как уже давно было подмечено, неонотопеические существительные мужского рода с суффиксом *-ot- довольно немногочисленны [Meillet 2: 293; Vaillant 4: 698]. Р. Матасович даже пишет о «вторичности» рода слова *žiwotŦ, вероятно, имея в виду, что оно перешло из женского рода в мужской [Matasović 2014: 155]. Напомним, однако, о греч. βίωτος и лит. *gyvãtas*, которые указывают на древность формы мужского рода. Кроме того, есть и другие неонотопеические существительные на *-otŦ. Так, *kokotŦ является производным от звукоподражательного корня, но само звукоподражанием не является. Тем более таковым не является, например, слово *xobotŦ.

Помимо первичного 'жизнь', широко у континуантов *žiwotŦ представлены значения 'туловище', 'живот' и т.д., что ставит перед

---

¹ Совершенно необоснованно мнение о переходе 'живот' > 'жизнь', высказанное в [Супрун 1989: 169].

² Бóльшая часть учёных считает производящей основой прилагательное [Meillet 2: 293; Snoj 2016: 894; Rejzek 2001: 750; Borys 2005: 760; Matasović 2014: 156], и лишь О.Н. Трубочёв – глагол [Трубочёв 3: 220].

³ Правда, В. Смочиньский не исключает славянского влияния на род литовского слова [Smoczyński].

нами вопрос, имело ли данное слово некое соматическое значение уже в праславянском, и если да, то какое.

Ранее были предложены следующие версии:

- ‘vita’ > ‘abdomen’ (‘жизнь’ > ‘живот’) [Трубачёв 3: 220];
- ‘življenje’ (od tod ‘telo’ ali ‘osrednji del telesa’) (‘жизнь’ (откуда ‘тело’ или ‘центральная часть тела’) [Snoj 2016: 894];
- ‘život’, přeneseně i ‘střední část těla, břicho’ (‘жизнь’, переносно также ‘центральная часть тела, живот’) [Rejzek 2001: 750];
- ‘życie; częśc tułowia poniżej klatki piersiowej, brzuch’ (‘жизнь; часть туловища ниже грудной клетки, живот’) [Boryś 2005: 760];
- ‘życie; ciało (też jego części)’ (‘жизнь; тело (также его части)’) [SEK 5: 332].

Некоторые учёные указывают, что соматическое значение было уже в праславянском (без уточнения, что это было за значение) [Шанский 5: 290; ЭСБМ 3: 59].

Далее мы попытаемся проанализировать семантику потомков слова *životъ и дать свой ответ на сформулированный выше вопрос.

III.2. АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ В ЯЗЫКАХ-ПОТОМКАХ

III.2.1. Старославянский, болгарский и македонский

В старославянском животъ значило ‘жизнь’ и ‘животное’ [SJS 1: 603–604]. В современном болгаро-македонском диалектном континуме оно также означает преимущественно ‘жизнь’ [Стойков 1968: 80; Станчев 1999: 68; Антонова-Василева, Митринов 2011: 104; Małeckı 1936: 135; Шклифов 1973: 235; Hendriks 1976: 302; Groen 1977: 295; Hill 1991: 247].

У банатских болгар, однако, можно встретить и соматическое значение: *жувот* ‘жизнь; тестикула’ [Стойков 1968: 80], вероятно, появившееся под влиянием сербохорватского языка (в говоре банатских болгар присутствует большое количество сербизмов).

III.2.2. Сербохорватский

В сербохорватских говорах у слова *život* помимо основного ‘жизнь’ и нескольких значений, развившихся на его основе, представлен ряд соматических значений:

- а) ‘человеческое тело, туловище’ – Вараждин [Lipljın 2013: 2378], северная Далмация и западная Герцеговина [Gusić, Gusić 2004: 574],

Брусье, остров Хвар [Dulčić, Dulčić 1985: 745], Дубровник [Бојанић, Тривунац 2002: 110], племя кучей, Черногория [Петровић et al. 2013: 117]. Встречается также в литературе: В. Новак (р. в городе Сень, Хорватия), Ы. Косор (р. в Трбоуне, Далмация), Ж. Бертич (р. в деревне Кукуевици, община Шид, Воеводина), М. Батут (р. в городе Сремска Митровица, Воеводина), Я. Джонович (р. в деревне Томичи, община Бар, Черногория), В. Врчевич (р. в городе Рисан, Черногория) [РСКНЈ 5: 386];

б) 'женская грудь' – Лика (Ы. Борьянович, цит. по [РСКНЈ 5: 386]);

в) 'живот' – Црес [Houtzagers 1985: 406] и Дубровник (М. Качанский, цит. по [РСКНЈ 5: 386]);

г) 'нижняя часть спины' – д. Орбаничи, Истрия [Kalsbeek 1998: 597];

д) 'талиа' – Дубровник [Бојанић, Тривунац 2002: 110]; встречается также в литературе: С. М. Любиша (р. в Будве, община Будва, Черногория); Е. Кумичич (р. в Брсече, Приморско-Горанска жупания, Хорватия); М. Шкарич (описывая Фрушку Гору, Сербия); журнал «Магазин Сјеверне Далмације» [РСКНЈ 5: 386];

е) 'мужские половые пути' – кучи, Черногория [Петровић et al. 2013: 117]; 'тестикулы, мошонка' – васоевичи, Черногория [Стијовић 2014: 143]; 'мужские половые органы' – Варош, Славония (Л. Лукич), Дувно (сейчас Томиславград), Босния и Герцеговина, Левач и Темнич, Шумадия (С. Миятович) [РСКНЈ 5: 386].

III.2.3. Словенский

В литературном словенском *živòt* выступает в значениях 'жизнь' и 'туловище'. Во втором случае его синонимом является слово *trup*. Ранее это значение имело также *truplo*, которое в современном литературном языке обозначает уже только труп.

В говорах для обозначения туловища используются преимущественно *život* и *truplo*, реже *trup*⁴ [SLA 1/48]. К сожалению, вопрос для карты Словенского лингвистического атласа был сформулирован как *truplo* (*život*), а это, в связи с упомянутым выше сужением семантики *truplo*, привело к тому, что собиратели в ряде случаев записали обозначение именно трупа, а не туловища (ср. ответы *mrtvo telo*, *mrlič*, *mrtvec* и т. д.).

Следует упомянуть, что на карте Общеславянского лингвистического атласа форма *ževut* появляется в качестве обозначения живота

⁴ В части говоров также *telo*, германизм *leben* и романизм *kvarp*, что в нашем случае иррелевантно.

в пункте 17 (Мостец) [ОЛА 9/50]. Данные для этого пункта собрал в 1966 г. известный словенский языковед Й. Топоришич, а в роли информантов выступали его мать, тётя и сестра. Однако, когда пятью годами ранее он же записывал данные для SLA (пункт 351), в значении 'живот' им был отмечен германизм *vãmp*, а форма *žėvut* – как одно из обозначений туловища [SLA 1/48]. Поскольку ни в одном словенском пункте SLA не отмечает в значении 'живот' континуантов *žiwotъ, материал, предоставленный Топоришичем для ОЛА, может быть результатом ошибки.

III.2.4. Чешский

III.2.4.1. Древнечешские переводы Библии

Начнём анализ древнечешского материала с первых переводов Библии.

Чешский перевод первой редакции был произведён в 50-е годы XIV века [Куас 1997: 51]. Древнейшая рукопись, так называемая Дрезденская библия, погибла в годы Первой мировой, и сейчас мы располагаем лишь третью текста, которая была переписана или сфотографирована до войны, поэтому мы преимущественно работали с другим текстом первой редакции, Оломоуцкой библией, которая на настоящий момент издана полностью [Куас 1981–2009].

В текстах Оломоуцкой и Дрезденской библий словом *život* переводятся латинские *vita*, *venter*, *uterus*, *vulva* (но никогда *corpus*). Полисемия слова *život* совершенно не смущала переводчиков, см. следующий контекст, где соматическое и несоматическое значения употреблены в одном предложении (2Мак 7: 22):

Nescio qualiter in **utero** meo apparuistis neque enim ego spiritum et animam donavi vobis et **vitam** (Вульгата);

Newiedie kak ťte ťie. v meem **ziwotie** zgiewili. any gťem ya wam duch dala. any duťťie. any **ziwota** (Библия Дрезденская);

Nevědě, kak ste <se> u mém **životě** zjevili ani sem já vám duch dala ani dušě ani **života** (Библия Оломоуцкая);

Я не знаю, как вы явились во **чреве** моем; не я дала вам дыхание и **жизнь**.

В то же время для *venter*, *uterus* и *vulva* слово *život* не является единственным эквивалентом:

Таблица 2

Переводы *venter*, *uterus* и *vulva* в тексте Оломоуцкой библии

	břicho / břich	život	lono
venter	69	5	0
uterus	34	26	0
vulva	4	14	9

Как видно из таблицы, *venter* стабильно переводится как *břich* / *břicho*, лишь в пяти случаях мы наблюдаем *život*, причём всегда как живот беременной женщины, из них два случая в Бытии, которое переводил отдельный переводчик, использовавший это слово чаще своих коллег.

Таблица 3

Сопоставление переводческих стратегий переводчика-1 и переводческой группы-2 (согласно концепции В. Киаса)

Пассаж	Вульгата	Оломоуцкая библия
<i>переводчик-1</i>		
Быт 25:23	ventre	života
Быт 30:2	ventre	života
Быт 15:4	utero	ledvin
Быт 25:22	utero	životě
Быт 25:23	utero	životě
Быт 25:24	utero	životě
Быт 38:24	uterus	břich
Быт 38:27	utero	životě
Быт 20:18	vulvam	život ženský
Быт 29:31	vulvam	život
Быт 30:22	vulvam	život
Быт 49:25	vulvae	plodu
<i>переводческая группа-2</i>		
Лев 3:10	ventrem	břich
Лев 3:14	ventrem	břicho
Чис 5:22	ventrem	břicho
Чис 5:27	ventre	břichem

Пассаж	Вульгата	Оломоуцкая библия
Втор 7:13	ventris	břicha
Втор 28:18	ventris	břicha
Суд 3:21 (4:21)	ventre	břicho
Чис 5:21	uterus	břich
Чис 5:22	utero	břichu
Втор 28:11	uteri	břicha
Втор 28:53	uteri	břicha
Втор 30:9	uteri	břicha
Суд 13:5	utero	břicha
Суд 13:7	utero	života
Суд 16:17	utero	života
Руф 1:11	utero	životě
2Пар 21:15	uteri	břicha
Исх 13:2	vulvam	břicho
Исх 13:12	vulvam	břich
Исх 13:15	vulvam	břicho
Исх 34:19	vulvam	život
Чис 3:12	vulvam	život
Чис 8:16	vulvam	život
Чис 12:12	vulva	života
Чис 18:15	vulva	života

Складывается впечатление, что переводчик-1 при переводе *venter*, *uterus*, *vulva* в целом отдавал предпочтение слову *život*, однако там, где ему это казалось уместным, использовал другие слова. Например, в Быт 25:22–23 он не попытался подыскать разные эквиваленты для *utero* / *ventre* и обе словоформы перевёл как *životě* / *života*. Напротив, в Быт 38:24 и 27 *uterus* / *utero* переведено по-разному (если, конечно, это не результат более поздней правки), хотя речь идёт об одном и том же объекте: *břich* и *životě*. Не исключено, что выбор переводчика обусловлен тем, что в первом из этих двух контекстов речь идёт о животе с внешней перспективы, а во втором – с внутренней.

В пассаже Быт 16:2 переводчик-1 добавил *život* от себя (*conclusit me Dominus – hospodin zatvořil jest můj život*).

Перевод группы-2, вероятно, первоначально тоже не делал различия между *venter*, *uterus* и *vulva*, но в качестве их эквивалента было выбрано *břicho* / *břich*. Скорее всего, *život* был введён вторично, во время правки перевода, поскольку это слово не является постоянным эквивалентом *uterus* или *vulva*, а возникает на двух отрезках текста, даже не совпадающих с началом той или иной библейской книги. Подобную правку можно отследить в расхождениях между Дрезденской и Оломоуцкой библиями в переводе *uterus* в евангелиях:

Таблица 4

Переводы *uterus* в евангелия от Матфея и Луки
в Дрезденской и Оломоуцкой библиях

	Вульгата	Дрезденская	Оломоуцкая
Мф 1:18	utero	brziŕŕje	životě
Мф 1:23	utero	brziŕŕje	živuotě
Мф 19:12	utero	zywota	života
Лк 1:15	utero	ziwotyе	životě
Лк 1:31	utero	zywotyе	životě
Лк 1:41	utero	zywotyе	životě
Лк 1:44	utero	ziwotyе	životě
Лк 2:21	utero	ziwotyе	životě

В ситуации, когда в рамках одного предложения или двух соседних выступают сразу 2–3 латинских соматических термина из названных выше, переводчики поступали следующим образом:

Таблица 5

Переводы *venter*, *uterus* и *vulva* в Дрезденской и Оломоуцкой библиях в случаях, когда они встречаются попарно или все вместе в рамках одного предложения

	<i>venter</i>	<i>uterus</i>	<i>vulva</i>
Иов 3:10-11 (Ол.)	<i>břicha</i>	<i>břicha</i>	životě
Иов 31:15 (Ол.)		<i>břišě</i>	životě
Ис. 46:3 (Др.)		ziwotyе	luono
Ис. 46:3 (Ол.)		životě	lóno
Иер. 1:5 (Др.)		brzyŕŕje	zywota
Иер. 1:5 (Ол.)		<i>břišě</i>	lóna

	venter	uterus	vulva
Пс. 21:11 (Др.)	z brzicha materzie		
Пс. 21:11 (Ол.)	z břicha mateře		
Пс. 57:4 (Др.)		lozie	zywuota
Пс. 57:4 (Ол.)		života	narozenie
Пс. 70:6 (Др.)	brzicha	lozye	
Пс. 70:6 (Ол.)	břicha	života	

Основываясь на этом материале, можно осторожно сделать следующие выводы:

а) В языке древнечешской Библии первой редакции *břich* / *břicho* имело более широкое значение, чем *život*. Первое слово является универсальным обозначением живота, в то время как второе, по-видимому, обозначало только брюшную полость.

б) Между разными переводчиками существуют расхождения в употреблении слова *život*. Переводчик книги Бытия употреблял его намного охотнее своих коллег. В связи с ограниченным количеством материала сложно точнее определить, с чем именно связаны эти различия.

III.2.4.2. Францисканский трактат рубежа XIV–XV вв.

В трактате неизвестного францисканца, составленном на рубеже XIV и XV веков и опубликованном А. Черной, слово *život* имеет следующие значения:

а) 'брюшная полость и внутренности':

něco jest nepožitého v životě, to jest v žaludku [Černá 2006: 74] «есть что-либо непереваренное в *životě*, то есть в желудке»; *Emoroides slovů neštovice a rostů vnitř člověku v životě* [Černá 2006: 197] «Геморроем называют опухоли и они растут внутри у человека в *životě*»; *Které se ženě pokazí matka dětinská v životě* [Černá 2006: 226] «Если у какой женщины повредится матка детская в *životě*»;

б) 'живот снаружи (как мужской, так и женский)':

Potom maž jí napřed na životě a na ledví teplu strdí [Černá 2006: 223] «Потом мажь ей сперва на *životě* и на пояснице тёплым мёдом»; *položíš mu na život na pupek* [Černá 2006: 157] «положи ему на *život* на пупок»;

в) 'туловище':

Komu se život třese aneb údové [Černá 2006: 263] «у кого трясётся *život* или части тела»; *Přerazí li sobě kto rámě nebo ramennú kost <...> tiskni mu ruku*

dobře k životu [Černá 2006: 249] «если кто сломает плечо, то есть плечевую кость <...> прижимай ему руку как следует к životu»;

г) тело в целом:

údy člověčieho života [Černá 2006: 31] «части человеческого života»; *v teple život miati, a zvláště hlavu, hrdlo a prsi* [Černá 2006: 54] «в тепле иметь život, а особенно голову, шею и грудь»; *A daj, komu chceš, aby nosil aneb nosila v prstenu při holém životě* [Černá 2006: 247] «и дай, кому хочешь, чтобы носил или носила в кольце на голом životě».

III.2.4.3. Иные древнечешские памятники письменности

Анализ прочих древнечешских памятников подтверждает наличие у *život* такого широкого спектра значений.

Отметим случаи, когда *život* и *břich* эксплицитно выступают в роли синонимов (примеры цитируются по [SČTB]):

I požehnaný plod **života** tvého neb **břicha** tvého ‘et benedictus fructus ventris tui’, «Благословен плод **života** твоего, то есть **břicha** твоего» (Лук 1:42; Tomáš Štítný ze Štítného, Řečí nedělní a sváteční, рубеж XIV и XV веков, Национальная библиотека ЧР, рукопись XVII C 15, л. 250r);

Lékarství přijímati, zvláště ku počištění **břicha** neb **života** «лекарство/лечение принимать, особенно для очищения **břicha**, то есть **života** (Traktáty a modlitby, 1495 г., Страговская библиотека, рукопись DG V 3, л. 24r).

Случаи, когда *život* синонимичен слову *tělo*:

О **životu**. Ktož má dlhý **život**, rovný právě, jest šlechtný a skrovný ve všech skutcích. Ktož má krátké **tělo**, jest vysoké mysli. «О **životu**. У кого длинный **život**, ровный, как положено, тот благороден и скромен во всех делах. У кого короткое **tělo**, тот выдающегося ума» (Hvězdářství krále Jana, середина XV века, Библиотека Национального музея, рукопись II F 14, л. 67r); *železnými hřebeny jejie svatý život drátí tak, jež jejie svatá řebra prostřed tekúcie krve prohlédáchu* «железными боронами её святой **život** драть так, что её святые рёбра через текущую кровь выглядывали» (Pasionál muzejní (Juhnův), 3-я треть XIV века, Библиотека Национального музея, рукопись III D 44, л. 320).

III.2.4.4. Современный чешский литературный язык

В современном литературном чешском *život* используется уже исключительно в значении ‘жизнь’, а соматические считаются устаревшими. В то же время в диалектах представлено значение ‘живот’

[Gregor 1959: 197; Lamprecht 1963: 165; ALJ⁵], а также устойчивый оборот *na lačný život* 'на голодный желудок' [Bartoš 1906: 561], который встречается и в письменных памятниках.

III.2.5. Словацкий

В литературном словацком *život* помимо 'жизнь' имеет значение 'живот' («Словарь словацкого литературного языка» даёт с пометкой «смягчённое выражение» ('zjemnený výraz')) [SSJ 5: 814].

В диалектах, помимо значений 'живот', 'желудок', 'брюшная полость' и 'матка', следует отметить 'мужской половой орган или область непосредственно над ним', если, конечно, исследователь понял значение правильно, поскольку контекст не позволяет определить это с уверенностью: *Vecka mu do života kopnul* «Вецка пнул его в *život*» (Бановце-над-Ондавоу, район Михаловце)⁶.

III.2.6. Лужицкие языки

Верхнелужицкое *žiwot* означает 'Leib (Bauch); Leibchen, Mieder' ('живот; лиф платья') [Schuster-Šewc 23: 1796], а нижнелужицкое *žywot* – 'живот' и особенно 'лоно матери' [Мука 1928: 1171].

III.2.7. Полабский

В полабском *žiwotъ дало *zajwot* 'жизнь; живот; тело; сердце'. К. Полянский полагал, что значение 'сердце' развилось из 'siedlisko życia' ('пристанище жизни') [SEJDP 6: 1055].

III.2.8. Польский и кашубский

В древнепольском языке слово *żywot* означало 'жизнь; житие; тело, живот, лоно; пища'. В письменных памятниках оно переводит такие латинские слова, как *corpus*, *venter*, *uterus*, *vulva* [SStp 11: 622–628].

Безусловно, в какой-то степени это употребление может быть связано с влиянием древнечешского. В то же время и в оригинальных

---

⁵ Автор выражает благодарность сотрудницам Диалектологического отделения Института чешского языка Академии наук Чешской Республики М. Ирейновой и С. Спинковой за возможность поработать с Архивом.

⁶ Пример взят из картотеки Словаря словацких говоров. Автор выражает благодарность коллегам из Лингвистического института имени Людовита Штура за доступ к материалам картотеки.

древне- и среднепольских текстах мы также находим широкий спектр соматических значений:

а) 'брюшная полость и внутренности, включая желудок и матку'⁷: *chrobaki zabija w żywocie* (Falimirz, O ziołach, 1534, List 127, IIv) «убивает червей в żywocie»; *plod marthwy wyciąga z żywota, boleść brzucha wsmierza* (Falimirz, O ziołach, 1534, List 69, Iv) «плод мёртвый вытягивает из żywota, боль brzucha укрошает»;

б) 'живот снаружи':

przyłożyć na żywot prosto na pępek (Falimirz, O ziołach, 1534, List 13 Ir, R. III) «приложить на żywot прямо на пупок»;

в) 'женские половые органы':

Niewiasta ciála tłuſtego rąda dawa żywota fwoiego (Wietor H. Rozmowy, które miał król Salomon z Marchołem grubym a sprośnym, 1521, с. 5) «Женщина толстая даёт охотно»; *Czemu białe głowy około żywota obraſtaią, a otroci na pierſiach, a na brodzie* (Glaber A. Problemata Arystotelis, 1535, 8v) «Почему женщины волосами около żywota обрастают, а парни на груди и подбородке».

Существуют контексты, совершенно определённо указывающие на синонимичность слов *brzuch* и *żywot*:

Bauch. Brzuch / et Żywot. Venter, ventriculus, vterus (Calagius A. Synonima Latina, 1579, с. 61/I); *O żywocie albo Brzuchu* (Siennik, Lekarstwa doświadczone, 1564, List 98v).

В современных польских говорах *żywot* встречается как в значении 'życie', так и в соматических: 'brzuch', 'żołądek', 'łono' [картотека SGP].

В кашубском засвидетельствованы как регулярная форма *žëvot* 'bieg życia; opis życia, zwł. jakiegoś świętego; u ludzi: brzuch' ('течение жизни; описание жизни, особенно какого-либо святого; у людей: живот') – последнее значение помечено как устаревшее [Sychta 6: 302], так и вариант *žót* 'brzuch' [Sychta 6: 311]. Существование формы *žót* в значении 'живот' подтверждается также данными атласов [MAGP 8/371; ОЛЖ 9/50].

III.2.9. Восточнославянские языки

В древнерусских памятниках слово *животъ* фиксируется главным образом в значениях 'жизнь', 'животное' и 'имущество' [СДЯ 3: 257–

⁷ Последующие примеры почерпнуты в картотеке «Словаря польского языка XVI века». Автор выражает благодарность К. Опалинскому за предоставленную возможность поработать с картотекой.

258; ГСБМ 10: 20–23]. Современное соматическое значение появляется лишь с конца XV века, сначала в рутенских⁸ памятниках: *жена во твоя анна. почала в животѣ своем и родити инает* (Четья 1489 года, 156). С XVI века отмечается больше примеров, в том числе в применении к мужскому животу (Аристотелевы ворота) [ГСБМ 10: 23; СУМ XVI–XVII 9: 157].

Из памятников, относимых к старовеликорусским, *животъ* в соматическом значении впервые появляется в «Назирателе» (XVI в.) [СлРЯ XI–XVII 5: 104], однако данный памятник был переведён с польского книжником, вероятно, украинского происхождения [Назиратель 1973: 66–73], так что нельзя считать это фактом собственно русского языка. В достоверно русских текстах значение ‘живот’ известно лишь с XVII в. [СлРЯ XI–XVII 5: 104].

Отметим, что ещё «Словарь Академии Российской» (1790 год) даёт соматическое значение с пометкой «в простом употреблении» [САР 2: 1131].

В современных восточнославянских диалектах континуанты *životъ почти повсеместно являются основным или одним из основных обозначений живота. Единственным значимым исключением является периферийный ареал на западе Украины (преимущественно Закарпатская, Ивано-Франковская и Черновицкая области), где доминируют потомки *čerwo [ОЛА 9/50].

Значение ‘жизнь’ до сих пор встречается в восточнославянских говорах [СПЗБ 2: 163; Малеча 1: 479]. Среди соматических значений следует упомянуть ‘грудь’ [СРНГ 9: 156–157] и ‘детородные органы (как женские, так и мужские)’ [СРНГ 9: 157], ‘прямая кишка’ [Малеча 1: 479]⁹.

III.2.10. Сводная таблица значений

Сведём основные соматические значения, встречающиеся в славянских языках, в одну таблицу.

---

⁸ Здесь и далее мы будем использовать данный термин вместо «старобелорусский» и «староукраинский», что позволит избежать соответствующей идентификации некоторых памятников (как Четья 1489 года), которые одни учёные считают староукраинскими, а другие – старобелорусскими.

⁹ Мы не добавляем сюда значения ‘желудок, кишечник’, данные в [СПЗБ 2: 162–163], поскольку они выведены на основании контекстов вроде *живот баліць*.

Таблица 6

Основные соматические значения континуантов *žiwotъ
в славянских языках

	тело	туловище	живот	талиа	матка	женские половые органы	мужские половые органы
болгарский и македонский							(+)
сербохорватский	+	+	+	+			+
словенский		+					
древнечешский	+	+	+		+		
чешский			+				
словацкий			+		+		+
лужицкие			+		+		
полабский	+		+				
древне- и среднепольский	+		+		+	+	
польский и кашубский			+		+		
восточнославянские			+			+	+

III.3. ПАРАЛЛЕЛИ ИЗ НЕСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Аналогичный славянскому сдвиг значения наблюдается у потомков прагерманского *lība – деривата от *līban- ‘оставаться’ [Kroonen 2013: 335]. Анализ истории семантики его континуантов представляет собой отдельную большую задачу, которая, к сожалению, выходит за рамки данной работы.

Перечислим основные интересующие нас значения (‘жизнь’ и соматические) в древних, а также современных литературных языках¹⁰:

- др.-англ. *lif* ‘жизнь’ [Bosworth, Toller 1898: 638];
- англ. *life* ‘жизнь’;
- нидерл. *lijf* ‘тело; туловище; талиа; живот; брюхо (разг.); жизнь (устар.); матка (разг.); чрево (устар.); прямая кишка (разг.); середина; утолщение; лиф’ [Миронов и др. 1987: 404];

¹⁰ См. также обзор в [EWA 5: 1227].

- др.-в.-н. *līb* 'vīta, corpus, uterus, caro' ('жизнь; тело; чрево; плоть') [EWA V: 1225];
- нем. *Leib* 'тело; туловище; живот; утроба; нутро' [Лейн, Мальцева 1992: 558];
- др.-сканд. *lif* 'Leben; Leib' [de Vries 1977: 355];
- дат. *liv* 'жизнь; живость; тело; талия; лиф' [Крымова и др. 2000: 386–387];
- шв. *liv* 'жизнь; живое существо; тело; талия; лиф; гам, шум' [Берглунд и др. 2007: 411–412];
- норв. (букмол) *liv* 'жизнь; талия, утроба, чрево; лиф' [Берков 2006: 723–724];
- исл. *lif* 'жизнь; тело; живот' [Берков, Бедварссон 1962: 411].

Как мы видим, совсем нет соматических значений только у английского слова. В прочих языках наиболее широко встречается значение 'тело', которое, вероятно, следует считать исходным для остальных соматических. И здесь можно представить два возможных варианта семантического дрейфа, в зависимости от того, реконструируем ли мы соматическое значение уже для прагерманского уровня или нет. В первом случае предполагаются перенос абстрактного значения ('жизнь') на конкретное ('тело') ещё на прауровне (так, Г. Кроонен реконструирует для прагерманского существительного значения 'life, body' [Kroonen 2013: 335]) и последующая утрата конкретного значения в английском. Во втором случае расширение значения состоялось уже после распада праязыка, и в английском сохранилось исходное состояние. Существует предположение, что значение 'тело' в северогерманских языках появилось под немецким влиянием после христианизации [de Vries 1977: 355; EWA 5: 1227]. В рамках этой гипотезы перенос значения 'жизнь' > 'тело' состоялся исключительно на древнегерманской почве.

Сужение значения 'тело' > 'живот' можно наблюдать на примере другого германского слова: п.-и.-е. *krep- 'тело' > др.-в.-н. *href, ref* 'тело, лоно', др.-англ. *hrif* 'живот' [Kroonen 2013: 244].

По всей вероятности, влиянием скандинавских языков следует объяснять следующие случаи в саамских языках:

- северносаамское *hæg'gá* 'life, living state; body, womb; individual, a single living creature of a particular kind, a single one' [AD];
- южносаамское *br'ägguo* 'Brust; Leben' [Hasselbrink 1: 365].

В части романских языков слово со значением ‘жизнь’ также приобрело некоторые соматические значения. В первую очередь это итальянский, где слово *vita* ‘жизнь’ имеет также следующие значения [Battaglia 21: 932]:

- *parte incavata del corpo umano sopra i fianchi* ‘вдающаяся внутрь часть человеческого тела над боками’ (начиная с Л. Магалотти (1637–1712));
- *parte del corpo umano estessa dale spalle ai fianchi, busto* ‘часть человеческого тела, простирающаяся от плеч до боков, торс’ (начиная с А. Барбариги (ум. 1560);
- *ant. aspetto fisico, personale* ‘внешность (устар.)’ (начиная с Боккаччо (1313–1375)).

Гарденское ладинское *vita* также означает ‘жизнь; талия’ [Forni 2013], а сурсельвское руманшское *veta* – ‘жизнь; Leib, Oberkögger, Taille’ [Decurtins 2001].

III.4. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Прежде чем ответить на вопрос, имело ли слово *žiwotъ какое-либо соматическое значение в праславянском, сперва нужно определить, как семантика его континуантов соотносится с вышеописанными переходами от ‘жизни’ к ‘телу’, ‘туловищу’ и ‘животу’ в германских и романских языках. Теоретически возможны три варианта:

- калькирование;
- независимый дрейф;
- частично независимый дрейф, частично калькирование.

В качестве аргументов в пользу первой возможности можно назвать отсутствие соматических значений у континуантов *žiwotъ в болгаро-македонском ареале, а также поздняя их фиксация в восточнославянских языках. Если доводить этот вариант до логического завершения, то можно говорить о некотором контактном ареале сдвига ‘жизнь’ > ‘тело’ или ‘живот’, включающем в себя большую часть современных германских языков (кроме английского, носители которого рано отселились на остров), часть романского мира – итальянский, руманшский и ладинский, а также западнославянские языки, находившиеся под сильным немецким влиянием, словенский и сербохорватский, в которых отразилось как германское, так и романское влияние. В восточнославянские языки такая калька могла попасть через запад-

нославянское посредство. В качестве аналогии к широкому распространению позднего заимствования можно привести слово *спина*¹¹.

В то же время мы полагаем, что довольно скромных данных письменных памятников не хватает для установления точной хронологии появления значения 'venter' у слова *живот* в восточнославянских языках¹². Если *живот* в этом значении относилось, например, к сниженной лексике или имело какое-либо иное, более узкое, значение, то оно вполне могло бытовать в живой речи, не попадая в памятники письменности.

В роли аргумента в пользу независимого перехода *žiwotъ в соматическую лексику может служить то, что набор соматических значений у потомков *žiwotъ, кажется, шире, чем у континуантов прагерманского *Ǫþa. Кроме того, *žiwotъ обнаруживает довольно старое значение 'животное', что говорит о древности перехода данного слова из абстрактной лексики в конкретную в славянских языках.

Мы считаем, что часть значений континуантов *žiwotъ можно рассматривать как кальки ('талия'), часть с большой долей вероятности является результатом независимого дрейфа значения, а часть остаётся под вопросом ('тело', 'туловище', 'живот'). Данная тема нуждается в более тщательном исследовании истории семантики потомков *Ǫþa и *vita*, а также в типологическом изучении того, насколько часто слово 'жизнь' переходит в сферу обозначения частей тела.

Если предполагать, что расширение значения *žiwotъ в соматическую сторону произошло ещё в праславянский период, можно рассмотреть несколько вариантов того, какую именно часть тела обозначало данное слово.

Гипотеза I: название живота вообще. Как следует из таблицы 6, именно живот чаще всего обозначают континуанты *žiwotъ в западно- и восточнославянских языках. Но отметим также почти полное отсутствие этого значения в Южной Славии (лишь маргинально оно представлено в сербохорватском). *žiwotъ вряд ли мог быть основным названием живота в праславянском – для этой роли есть значительно более подходящие кандидаты (*čerwo и **br'uxo*). Вряд ли это было слово с высокой стилистической окраской: его нет в старославянских памятниках, а в восточнославянских оно регистрируется очень позд-

¹¹ Подробнее см. ниже.

¹² Но, конечно, этих данных достаточно, чтобы опровергнуть высказывание Б. А. Ларина о том, что в круг соматической лексики *живот* входит лишь в XVIII веке (см. [Ларин 1977: 113]).

но. На то, что это было стилистически сниженное название живота ('пузо', 'брюхо') или название живота животного, кажется, ничто не указывает, да это и не согласуется с этимологией.

Гипотеза 2: живот беременной женщины или матка. Такой вариант лучше всего подходит в этимологическом плане, однако эти значения слишком слабо представлены в материале, чтобы какое-либо из них могло быть с уверенностью реконструировано для прауровня.

Гипотеза 3: половые органы. Как и в предыдущем случае, это заманчиво семантически, но слишком плохо обнаруживается в материале, чтобы претендовать на реконструкцию для праславянского языка.

Добавок нам известны случаи, когда дрейф шёл именно по пути 'тело' > 'мужской половой орган', а не наоборот. Это слово *мриа* в македонских говорах. Сюда также следует добавить сербохорватское *snága* 'тело' > 'мошонка' и *nárav* 'тело' > 'половой орган, особенно женский' (см. выше). Ср. также развитие семантики некоторых континуантов *rľъ: рус. *крайняя плоть*, рус. диал. *плоть* 'мужские половые клетки' [СРНГ 27: 156], ст.-пол. *pleć konieczna* 'крайняя плоть' [SP XVI 24: 406].

Гипотеза 4: туловище. Именно такое значение представлено в словенском, сербохорватском и древнечешском. Однако для реконструкции праславянского статуса значения этого вряд ли достаточно, более того, мы не можем даже быть уверенными, что в праславянском понятия 'тело' и 'туловище' различались. В современных литературных славянских языках в качестве обозначений туловища доминируют континуанты *trupъ (мак. *trup*; схр. *trup*; слвн. *trup*; чеш. *trup* (заимствование из южнославянских языков); слвц. *trup* (заимствование из южнославянских языков)) и основы *tul- (болг. *туловище* (русизм); в.-луж. *tułow*; пол. *tułów*; укр. *тулуб* (полонизм); бел. *тулава*; рус. *туловище*). В Борысь восстанавливал праславянское обозначение туловища как *tulo / *tulъ на основании древнерусских и хорватских данных [Воруś 2005: 654].

Таким образом, вопреки тому, что многие учёные реконструируют различные соматические значения уже для праславянского *žiwotъ (см. примеры, приведённые в начале главы), обоснованность таких реконструкций находится под сомнением. Часть спектра соматических значений, характерных для континуантов *žiwotъ в современных славянских идиомах, позднего происхождения, а часть объясняется влиянием германских и романских языков. Даже значения 'живот',

‘живот беременной женщины’, ‘половые органы’ и ‘тело’ не получается с уверенностью восстановить для прауровня.

Мы считаем, что наиболее вероятным сценарием является тот, при котором произошёл перенос ‘жизнь’ > ‘тело’. Как было показано в предыдущей главе книги, именно тело в славянских языках «любит» обозначаться первоначально абстрактными существительными. Причём сдвиг этот, вполне вероятно, уже послепраславянской древности. В дальнейшем происходили различные сужения значения, которые и создали описанную выше сложную картину. Общую схему дрейфов можно представить следующим образом:

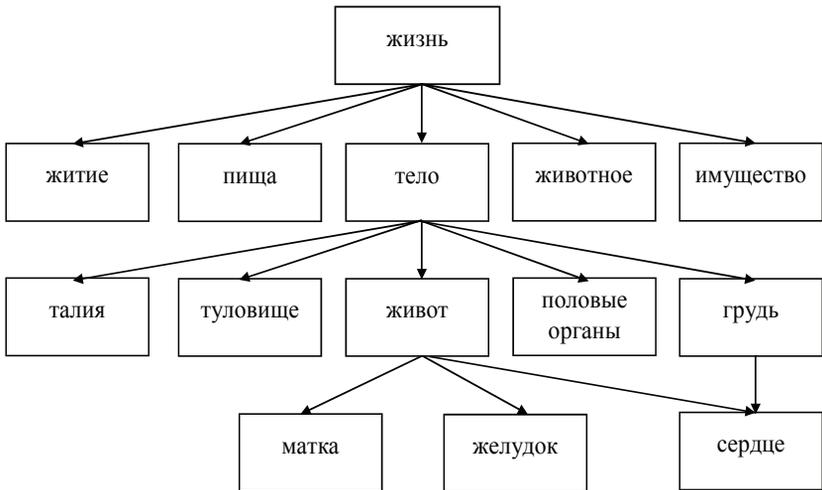

Рис. 2. Реконструируемая история семантики континуантов
*žiwotъ

IV. ГРУДЬ

IV.1. ПРАСЛАВЯНСКИЕ *rьrsi и *grōdь

IV.1.1. Реконструкция семантики

На роль праславянского обозначения груди претендуют две лексемы: *rьrsi (акцентная парадигма *a* [Derksen 2008: 429]) и *grōdь (а. п. *c* [Derksen 2008: 193]).

IV.1.1.1. Имеющиеся реконструкции

Некоторые выдвинутые ранее реконструкции значения этих слов можно представить в виде таблицы.

Таблица 7

Реконструкции значения слов *rьrsi и *grōdь
согласно разным авторам

	*rьrsi	*grōdь
Ф. Славский [Sławski 1: 324]	–	грудь (pierś)
Н. М. Шанский [Шанский 4: 182]	–	женская грудь > грудь как передняя часть туловища
А. Е. Супрун [Супрун 1989: 169]	груды (женские)	грудь
Етимологічний словник української мови [ЕСУМ 4: 353]	груды	–
А. Баньковский [Bańkowski 1: 479]	грудная клетка, рёбра (klatka piersiowa, żebra)	молочная железа (у женщины и свиньи) (gruczoł mleczny (u kobiety i świni))
Słownik prasłowiański [SP 8: 243]	–	грудь, груди (pierś, piersi, pectus, mammae)
В. Борысь [Boryś 2005: 430]	область вокруг рёбер, грудная клетка > грудь (okolica żeber, klatka piersiowa > pierś)	–

	*rъrsi	*grǫdъ
Этымалагічны слоўнік беларускай мовы [ЭСБМ 10: 96]	жаночыя грудзі	грудзі чалавека
Р. Дерксен [Derksen 2008: 429; 193]	грудная клетка, грудь (chest, breast)	грудь (breast)
Slovenski lingvistični atlas [SLA 1.2: 130]	–	скелет грудной клетки ((oprsno) okostje)
Э. Клотц [Klotz 2017: 175, 112]	груды (Brüste)	грудь (Brust)
А. Е. Аникин [Аникин 12: 145]	–	грудь, груди
В. Борысь [Boryś 2020: 8, 19]	грудная клетка, грудь (klatka piersiowa, pierś)	грудь, груди (pierś, piersi)

Как несложно заметить, приведённые в таблице значения серьёзно противоречат друг другу (например, одни исследователи приписывают значение ‘женская грудь’ слову *rъrsi, а другие – *grǫdъ). По мнению А. Е. Аникина, *rъrgъ является архаичным названием груди, а *grǫdъ – инновационным [Аникин 12: 145]. Мы попробуем предпринять собственную попытку реконструкции семантики и особенностей взаимоотношений этих двух слов. Проанализируем для этого имеющийся материал.

IV.1.1.2. Болгаро-македонский ареал

В старославянских текстах континуанты *grǫdъ отсутствуют, греческие στῆθος, στέρνον и μαστόι переводятся словом pъrsи (plurale tantum женского или мужского рода) [SJS 3: 402].

В современных болгарском и македонском языках, напротив, континуанты *rъrsi почти полностью исчезли. Общеславянский лингвистический атлас отмечает форму pъrsje только в одном македонском пункте – Любанцы (Љубанци, пункт 95) в северной Македонии, недалеко от границы с Сербией [ОЛА СФГ 3/1]. В данном случае это может быть сербохорватское заимствование: формы на -j- отмечаются в Призрене, также расположенном вблизи границы (см. ниже). Либо можно подозревать консервирующее влияние сербохорватского языка, которое не дало окончательно утратиться одной из конкурирующих форм, так же как это произошло с названиями лёгких: в Македонии только в двух пунктах из сетки ОЛА мы находим старое название

лёгких – *pluke* (наряду с полукалькой *bel žiger*; Теарце, пункт 93) и *p'lika* (наряду с калькой *drob*; Шлегово, пункт 98) [ОЛА 9/53].

Кроме того, в центральной Болгарии сохранился топоним *Пърсиме* (недалеко от города Стрелча) [БЕР 6: 102].

По мнению Е. Русека, в болгарско-македонском ареале континуант *grǫdъ примерно с X века начинает вытеснять континуант *rǫgsi, причём грѹди якобы первоначально имело более разговорный, «народный» характер, а в среднеболгарский период этот процесс завершается [Rusek 1984: 42–45].

Сложно не согласиться с тем, что вытеснение слова прѹси словом грѹди действительно было. Однако датировка и некоторые детали этого процесса не столь однозначны, как полагал Русек.

В частности, в качестве одного из аргументов он использовал текст Шестоднева Иоанна Экзарха, где четыре раза встречается слово прѹси и лишь один раз грѹди. Остановимся на этом памятнике подробнее. Он дошёл до нас в редакциях трёх ветвей – сербской, болгарской и русской, причём ранняя русская редакция восходит, вероятно, к рукописи, переписанной с болгарской на Руси в X–XI вв. [Чешмеджиев 2010: 66]. Далее мы попробуем сопоставить рукописи сербской (ГИМ Син. 345, 1263 г.), болгарской (ГИМ Син. 35, XIV в.) и русской (РГБ МДА 145, XV в. в издании Г. С. Баранковой) редакций, чтобы приблизиться к представлению о тексте протографа.

Контексты с прѹси:

а) ѿ глава ѿ раниѣ ѿ крила • ѿ нозѣ ѿ прѹси • все ѿчесъ ѿспльнь вѣше (ГИМ Син. 345, 446);

ѿ глава • ѿ раниѣ • ѿ крилѣ • ѿ нозѣ • ѿ прѹси • вѣше, ѿчесы ѿспльненъ вѣше (ГИМ Син. 35, 366);

и глава, и раниѣ, и крилѣ, и нозѣ, и перѹси, все ѿчесъ исполнѣ вѣшеть (РГБ МДА 145, 456)

«и голова, и плечи, и крылья, и ноги, и грудь, – все имеет глаза» [Баранкова, Мильков 2001: 359, 686].

б) въ ѿа во плюща соутѣ скѣзъзната вса • ѿже оустѣ вънимающа въздоухъ сѣи сквозѣ прѹси (ГИМ Син. 345, 1756);

въ ѿа во сѣтъ плюща сквозѣта въскѣ. ѿже оусты вънимающа въздоуѣ (ГИМ Син. 35, 119а);

в насѣ во плюща соутѣ скважнѣтѣ вса. ѿже оусты вънимающа въздоухъ сѣи и сквозѣ перѹси (РГБ МДА 145, 1676)

«у нас есть легкие, наполненные пустотами (скважинами), которые через рот воспринимают воздух этот [и пропускают его] через грудь» [Баранкова, Мильков 2001: 514, 761].

в) ѿ скровища во срѣнааго плющани въсьпоуѣаемо въ прѣси ѿ въ грѣтанѣ (ГИМ Син. 345, 231г);

ѿ скрѣвища во срѣдѣчнаго, плющани въсьпоуѣаемо • въ прѣси ѿ въ грѣтанѣ (ГИМ Син. 35, 166а–б);

ѿ скровища во срѣчнаго плющани въсьпоуѣаемо. въ прѣси, и въ гортанѣ (РГБ МДА 145, 239а)

«[нос] выдыхает воздух, выпускаемый легкими из глубины сердечной, через грудь и гортань» [Баранкова, Мильков 2001: 605, 803].

г) дванадесети вѣаше камень • на прѣсехѣ ѿиеревиѣ (ГИМ Син. 345, 260б);

ѣи вѣаша камени на прѣсеѣ ѿиереви (ГИМ Син. 35, 191а);

ѣи те же вѣашете камени. на прѣсехѣ. иеревиѣхѣ (РГБ МДА 145, 268а)

«Двенадцать камней было на груди иереевой»¹ [Баранкова, Мильков 2001: 641, 819].

Контекст с грѣди:

а торахѣ по вѣи по прѣднѣи ѿмать странѣ • прѣвоеѣ грѣди таче потомиѣ оутрѣвоу (ГИМ Син. 345, 233в);

а фарахѣ по вѣи по прѣднѣи ѿмать странѣ прѣвое грѣди, таче потомиѣ ѡтрѣвѣж (ГИМ Син. 35, 168а);

а форахѣ по вѣи по срѣднѣи странѣ ѿмать. прѣвое грѣди. таче потомиѣ оутрѣвоу (РГБ МДА 145, 241а–б)

«Грудная клетка ниже шеи в средней части имеет сначала грудь, потом живот» [Баранкова, Мильков 2001: 608].

Как мы видим, все три текста близки друг другу и в распределении прѣси и грѣди не отличаются, причём прѣси фигурируют как одна из основных частей тела наряду с головой, плечами и ногами. Также это часть тела, содержащая в себе лёгкие, и на ней носят нагрудник. А вот грѣди выступают как часть форахѣ, которое с опорой как на его греческое значение [Liddel, Scott 1996: 814], так и на контекст следует понимать как 'туловище' вопреки современному русскому переводу. Данное слово встречается в Шестодневе ещё несколько раз: 241а (2×) [Баранкова, Мильков 2001: 607, 803], 241б [Баранкова, Мильков 2001:

¹ Отсылка к книге Исход, см. ниже.

608, 804], 242б [Баранкова, Мильков 2001: 609, 805], 243а [Баранкова, Мильков 2001: 610, 805].

Конечно, сложно делать какие-либо выводы на основании этого контекста, однако более чем вероятно, что на момент написания Шестоднева (начало X века) разница между *пръси* и *грѣди* лежала в области семантики, и утверждать, что слово *грѣди* носило народный характер и начало вытеснять *пръси*, нельзя, вопреки мнению Русека. Вдобавок, как отмечает сам Русек, в текстах XII–XIV веков доминируют *пръси*.

Теперь обратимся к церковнославянскому переводу Ветхого Завета. Можно заметить, что греческое *στήθος* всегда переводится как *пръси*, а *στήθῆνιον* – как *грѣди* (таблица 8).

В Септуагинте форма *στήθῆνιον* употребляется только в одной категории контекстов – описании части барана (грудь и правое плечо), которая достаётся Аарону и его потомкам при жертве всесожжения, и стабильно переводит еврейское слово *חֶזֶה* (*hāze*). Сложно точно определить, какое именно значение оно имело в эпоху создания Пятикнижия, однако это была съедобная часть туши, по-видимому, грудинка: «и грудь потрясения и плечо возношения ешьте на чистом месте» (Левит 10:14).

Отметим также, что его арамейский этимологический дублет, *חֶזֶדֶ* (*hāḏē*), в книге Даниила обозначает грудь истукана, то есть человеческую, а не животного: «У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его – из серебра, чрево его и бедра его медные» (Даниил 2:32).

Таблица 8

Обозначения груди в Масоретском тексте, Септуагинте, древнейших церковнославянских рукописях, а также Геннадиевской и Острожской библиях

Материал рукописей взят из следующих источников: Бытие из издания Михайлова [Михайлов 1900–1908], Исход из издания Вилкул [Вилкул 2015], Левит и Числа из трёх рукописей² – Тр. 1 (Лаврское Пятикнижие; РГБ, ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры), № 1: Пятикнижие, 1°, пергамен, кон. XIV – нач. XV в.), Арх. (Архивский Хронограф; РГАДА, ф. 181 (РО МГАМИД), оп. 1, № 279: Хронограф, 1°, тр. четв. XV в.) и Григ. 1 (западноболгарский список; РГБ, ф. 87 (Собрание В. И. Григоровича), 1°, 1523–1543 гг.).

² Извлечения из этих рукописей по нашей просьбе были любезно произведены А. И. Грищенко.

	масоретский текст	Септуагинта	ц.-сл. рукописи	Геннадиевская библия	Острожская библия
Быт 3:14	גַּחַד (gāḥōn) 'живот'	στήθει <...> κοιλία ³	пръсехъ <...> чрѣвѣ	персѣ <...> чревѣ	персехъ <...> чрѣвѣ
Исх 28:29	פָּשֶׁל (hōšēn) 'нагрудник' (28:23)	στήθους	пръсехъ	персѣ	персехъ
Исх 28:30	פָּשֶׁל	στήθους	пръсехъ	персѣ	персехъ
Исх 28:30		στήθους	пръсехъ	персѣ	персехъ
Исх 29:26	גִּזְזִי	στηθύνιον	грозди	грдѣ	грозди
Исх 29:27	גִּזְזִי	στηθύνιον	грозди	грдѣ	грозди
Лев 7:30	גִּזְזִי	στηθύνιου	Тр.1 грѣдехъ Арх. грѣдѣхъ Григ.1 гроздѣ	грдѣѣ	гроздехъ
Лев 7:31	גִּזְזִי	στηθύνιου στηθύνιον ⁴	Тр.1 гроздехъ, грозди Арх. грѣдѣ, грозди Григ.1 грѣдѣ, lac.	грдѣѣ, грозди	гроздехъ грозди
Лев 7:34	גִּזְזִי	στηθύνιον	Тр.1 грозди Арх. грозди Григ.1 грѣди	грдѣ	грозди
Лев 8:29	גִּזְזִי	στηθύνιον	Тр.1 – Арх. грозди Григ.1 lac.	грдѣ	грозди
Лев 9:20	גִּזְזִי hāzōtī (мн. ч.)	στηθύνια	Тр.1 – Арх. грѣди Григ.1 –	грдѣ	грозди

³ В масоретском тексте змей обречён ползать на животе, а в Септуагинте – на животе и груди, что можно объяснить либо вольностью переводчика, либо тем, что в этом моменте оригинал Септуагинты отличался от масоретского текста.

⁴ Церковнославянский перевод в данном случае следует тем греческим рукописям Септуагинты, где было добавлено, что жир «на грудях», см. разночтения к этому месту в Гёттингенской Септуагинте (А. И. Грищенко, письменное сообщение, 17.08.2022).

	масоретский текст	Септуагинта	ц.-сл. рукописи	Геннадиевская библия	Острожская библия
Лев 9:21	πρη	στηθύνιον	Тр.1 – Арх. грδ ^δ ДИ Григ.1 –	грδ ^δ	грор ^δ ДИ
Лев 10:14	πρη	στηθύνιον	Тр.1 – Арх. грор ^δ ДИ Григ.1 –	грδ ^δ	грор ^δ ДИ
Лев 10:15	πρη	στηθύνιον	Тр.1 груди Арх. грор ^δ ДИ Григ.1 –	грδ ^δ	грор ^δ ДИ
Лев 11:42	απη (gāhōn) 'живот'	κοιλίας	Тр.1 чрев ^о Арх. – Григ.1 чр ^к в ^о	чрев ^о	чр ^к в ^о
Чис 6:20	πρη	στηθυνίου	Тр.1 гр ^υ д ^ε н ^ι γ ^ς Арх. гр ^υ д ^ε н ^ι γ ^ς Григ.1 гр ^υ д ^ε	гр ^υ д ^ε	гр ^υ д ^ε н ^ι
Чис 18:18	πρη	στηθύνιον	Тр.1 груди Арх. грор ^δ ДИ Григ.1 гр ^υ д ^δ γ ^ι	гр ^υ д ^δ ДИ	гр ^υ д ^δ ДИ
Иов 39:20	— ⁵	στηθέων		перси	перси
Прит 6:10	—	στήθη		пр ^ь си	п ^р ьси
Прит 24:33	—	στήθη		пр ^ь си	п ^р ьси
Дан 2:32	πη	στήθος		пр ^ь си	п ^р ьси

Что касается греческого στηθύνιον, эта форма впервые зафиксирована у комика Эфиппа (IV в. до н. э.) [Liddel, Scott 1996: 1643]. Лексикограф Фриних (II в. н. э.) осуждает использование этой формы, отдавая предпочтение другому диминутиву, στηθήνιον [Liddel, Scott 1996: 1643], в то время как его современник Поллукс разграничивает греческие названия груди, включая στηθύνιον, следующим образом: τὸ δὲ στηθῶν μέσον στηθύνιον. ἐπὶ δὲ τοῖς στέρνοις μαστοὶ «Середина

⁵ В этом месте и двух последующих масоретский текст и Септуагинта существенно расходятся.

грудной клетки (στῆθος) же – грудина (στηθύσιον). На груди (στέρνα) находятся соски (μαστοί)» Pollux (II, 162) [Bethe 1900: 133].

Также это слово появляется в надписях на камнях из Лаврейона (IG II² 1365 и 1366; конец II – начало III века н. э.). Помимо прочего, они описывают порядок жертвоприношения Мену, богу Луны [Kloppenborg, Ascough 2011: 263–266]:

ὁς ἂν δ[έ] πολυπραγμονήσῃ ἢ περιεργάσῃ[ι], ἁμαρτίαν ὀφ[ει]λέτω Μηνί Τυράνῳ, ἣν οὐκ ἐξιλάσεται. διδότηω κεφαλῆ<ν> καὶ πόδας <καί> στηθύσιον. Любой, кто съѣт нос не в свои дела, совершает против Мена Тирана грех, который нельзя искупить. Пусть отнесѣт [жрецу] голову, ноги и грудь.

καὶ μηθένα θυσιάσειν ἄνε[υ] τοῦ καθειδρουσαμένου τὸ ἱερόν· ἐὰν δέ τις βιάσῃται, ἀπρόσδεκτος ἡ θυσία παρὰ τοῦ θεοῦ· παρέχειν δὲ καὶ τῷ θεῷ τὸ καθήκον, δεξιὸν σκέλος καὶ δορὰν καὶ κεφαλὴν καὶ πόδας καὶ στηθύσιον καὶ ἔλαιον ἐπὶ βωμόν καὶ λύχνον καὶ σχίζας καὶ σπονδήν

Никому не следует приносить жертвы без [разрешения] основателя храма. Если кто-либо добивается этого силой, жертва не будет принята богом. Жертвователь должен принести положенное богу: правое бедро, шкуру, голову, ноги, грудь, оливковое масло для алтаря, светильник, лучину и возлияние.

Согласно этим надписям, в жертву богу приносятся несъедобные части животного за исключением бедра (σκέλος), что хорошо согласуется с греческой традицией жертвоприношений (см. [Ленская 2013: 317–318]).

Мы полагаем, что в тексте Септуагинты στηθύσιον могло иметь то же значение, что и у Поллукса, а также, возможно, в надписях из Лаврейона, то есть ‘грудина’. Можно осторожно предположить, что при переводе Септуагинты вкралось некоторое изменение смысла: жертвоприношение по еврейскому образцу, когда Аарону отдаётся грудинка барана, было заменено на жертвоприношение по греческой модели: жертвователь отдаёт только несъедобную грудину. Поскольку в еврейской традиции жертвы могут приноситься только в иерусалимском Храме, переводчики Септуагинты, жившие в Александрии, могли опираться на ту модель, которую видели собственными глазами, то есть греческую.

Вероятно, первые славянские переводчики понимали разницу между στῆθος и στηθύσιον (грудь и грудина) именно таким образом и последовательно передали её через противопоставление слов pъrsi и grǫdi. На то, что grǫdi могло означать именно грудину в противо-

положность *пръси* ‘грудь’, указывают также процитированные выше контексты из Шестоднева.

То же соответствие мы находим в списке XI века Пандектов Антиоха⁶, где цитируются отрывки из Ветхого Завета:

- слово 120; лист 271, строки 23–24: *принеси емѣ* грѣди (Левит 7:30) – *προσένευκα αὐτῷ τὸ στηθῆνιον* [Migne 1860: 1808];
- слово 36; лист 84об, строка 7: *мало же овьемши рѣкма пръси* (Притчи 6:10) – *ὀλίγον δὲ ἐναγκαλίζη χερσὶ στήθη* [Migne 1860: 1549];
- слово 46; лист 103об, строки 18–19: *а мытѡиць внааше пръси своа* (Лука 18:13) – *Ὁ δὲ τελώνης ἔτυπεν τὸ στήθος αὐτοῦ* [Migne 1860: 1580];
- слово 69; лист 145, строка 11: *нѣ выжшта своа пръси* (Лука 18:13) – *ἀλλὰ τύπτοντα τὸ ἑαυτοῦ στήθος* [Migne 1860: 1636].

Можно смело утверждать, что столь ранняя фиксация является указанием на то, что это переводческое решение было применено уже в древнейшем старославянском переводе Ветхого Завета.

IV.1.1.3. Словенско-сербохорватский ареал

В словенском языке, как литературном, так и диалектном, *грудь* обозначается преимущественно континуантами *prъsi [SLA 1/47]. Континуанты *grōdъ пережили сдвиг в сторону значения ‘ребро’ в части каринтийских говоров (пункты SLA 013, 015, 016, 017, 019, 020, 024) [SLA 1/46]. Этот семантический дрейф является сравнительно старым, он зафиксирован уже в словаре Мегизера 1603 года: ‘*costa* (ребро)’ – *grod* [Megiser 1603: 359]. Затем мы обнаруживаем его в словарях Гутсманна (‘*das Gerippe* (скелет)’ – *hrod, hrodje, rebrouje*) [Gutsmann 1789: 114] и О. Цафа (*pod grodom* ‘unter den Rippen; под рѣбрами’) [Pleteršnik 1: 255].

Словарь Плетершника даёт также *grōd* (в словосочетании *skopčeva grod* ‘die Hammelbrust; баранья грудинка’) и *grod* (pl.) ‘die Brust; грудь’⁷ (М. Цигале, Ю. Хабделич, Državni zakonik).

Ситуация в сербохорватском языке довольно запутанна и её точный анализ выходит далеко за рамки данной работы, поэтому приведём лишь некоторые данные. П. Скок утверждал, что в настоящее время *grudi* ощущается как поэтическое слово [Skok 1: 627]. Что ка-

⁶ Поиск по тексту памятника был осуществлён в электронной версии, созданной в рамках проекта Манускрипт (<http://www.manuscripts.ru>).

⁷ Без контекста не вполне ясно, насколько широко понималось это слово.

сается ситуации в хорватском литературном, это действительно так (ср. *junačke grudi*), однако оно также употребляется для обозначения женской груди в качестве эвфемизма *sise* (М. Бенич, письменное сообщение).

На самом деле положение дел разнится от диалекта к диалекту. В части говоров присутствуют только континуанты **pr̥si*. По указанию М. Бенича, в говорах Осиека (штокавский) и Куклицы (чакавский) слово *grudi* если и употребляется, то лишь под влиянием литературного языка, а обычным обозначением груди является *prsa* (n.pl.; Осиек) и *prsi* (m.pl.; Куклица). В призренском говоре, по описанию Т. Милославевич, для обозначения груди используются формы *n̄p̄cje*, *n̄p̄cja* и турцизм *μ'уке* (< тур. диал. *cüks*, *cügüs*, соотв. литер. *göğüs* 'грудь') [Милосављевић 2017: 60].

В некоторых говорах имеются оба слова с семантической дифференциацией между ними. Согласно многотомному изданию «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», в западных хорватских говорах форма *grudi* обозначает грудь домашних животных, которых забивают на мясо, особенно коров [RHiSJ 3: 478]. Особо отметим форму *grūda* 'грудина' с острова Брач [Skok 1: 627].

В части сербских и боснийских говоров *prsa* и *grudi* являются синонимами, см. следующие контексты:

Ўншлаг се меће на *n̄p̄ca* дѣци ма̀лој, – кад њма температу́ру дѐте. Нак̄асѝ се на јѣдну к̀рпу (ракија) па се мѐте дѣтѣту на *gr̄udi* (Врдник, Воеводина) [Секулић 1981: 295]. «Компресс кладут маленькому ребёнку на грудь, когда у ребёнка температура. Смачивается тряпка (в ракии), и её кладут ребёнку на грудь».

И[з]-Ср̄бӣе̄ до̀шла, Милѣна ми ма̀ла̀ била и, да из̄винѣж, била ми на *n̄p̄c̄ма*, на *gr̄уд̄ма* (Восточная Босния) [Реметић 2012: 502]. «Когда я вернулась из Сербии, Милена у меня была маленькой и, прости, что скажу, я её кормила грудью».

По данным Общеславянского лингвистического атласа, в ряде пунктов на территории Сербии континуанты **pr̥si* утрачены, и отмечаются только континуанты **gr̥ǫdь* (см. ниже рис. 3). Эти пункты группируются на севере, востоке и юге Сербии: Язак (Јазак, пункт 54), Башайд (55), Неменикуче (Неменикуће, 63), Плячковица (Пљачковица, 85), Дони-Душник (Доњи Душник, 86), Кална (87), Ясеница (Јасеница, 88). К ним также примыкает переселенческий говор села Клокотич в Румынии (168).

Эту картину можно дополнить данными диалектных словарей. Сплошной поиск в словарях говоров Црной Реки [Марковић 1–2], Црной Травы [Стојановић 2010] и тимокского говора [Динић 2008] показал, что в этих идиомах присутствует только форма *grudi*, а *prsa / prsi* не появляются ни разу. В плане географии это очень хорошо соответствует картине, представленной в данных ОЛА.

Можно считать, что сербохорватский ареал является переходным между словенским и болгаро-македонским. В западной части сербохорватского ареала доминируют *ryrsi, а *grǫđь почти исчезла, как в словенском, а в восточной части почти исчезли *ryrsi, осталась только *grǫđь, как в болгарском и македонском. Закономерным образом есть горы, где присутствуют оба слова, выступающие как синонимы либо с некоторой семантической разницей.

IV.1.1.4. Чешско-словацкий ареал

В чешском и словацком языках до сих пор сохраняются потомки обеих рассматриваемых нами лексем, однако в качестве основного обозначения груди выступают континуанты *ryrsi. Судя по памятникам, эта ситуация была характерна и для древнечешского языка. Так, поиск по Древнечешскому текстовому банку дал десятки вхождений форм *prsi* и *prs* и лишь несколько примеров на *hrudi* и производные [SĀTB]. В последнем случае все вхождения из библейского текста, на котором следует остановиться подробнее.

Первый чешский перевод полного текста Библии был осуществлён с латинского текста Вульгаты, поэтому сначала следует сказать несколько слов о Вульгате.

При переводе рассматриваемой нами лексики блаженный Иероним частично ориентировался на переводческие решения Септуагинты:

- $\psi\eta$ 'нагрудник', как в Септуагинте, передаётся как 'грудь' – *pectus*;
- $\mu\eta\eta$ 'живот' оба раза передано как 'грудь', в отличие от Септуагинты;
- $\mu\eta$ переведено по модели Септуагинты диминутивом от 'грудь' – *pectusculum* в 9 случаях из 12, хотя нужно подчеркнуть, что это не передаёт вышеописанной разницы между 'грудью' и 'грудиной' в греческом.

Важно отметить, что, в отличие от Септуагинты, *pectus* не появляется там, где слова с этим значением нет в масоретском тексте (Иов 39:20; Притчи 6:10; Притчи 24:33).

К сожалению, как уже было сказано выше, большая часть древнейшей чешской библии, Дрезденской, утрачена полностью, поэтому мы работали с другим текстом первой редакции, Оломоуцкой библией, который на настоящий момент издан полностью ([Kuys 1981–2009]).

Текст Оломоуцкой библии обычно передаёт *pectus* как *pr̥si*, а *pectusculum* как *hrudi*, что соответствует описанной выше ситуации в церковнославянском переводе. Мы полагаем, что это решение было сделано с оглядкой на церковнославянский текст, доступ к которому у чешских переводчиков, вероятно, имелся. Об опоре на церковнославянский текст говорит также то, как переведены соответствия слова лп̣ . В первый раз это ‘грудь’ (Бытие 3:14), во второй – ‘живот’ (Левит 11:42), подобно Септуагинте или церковнославянскому тексту, но не Вульгате (см. таблицу 9).

Из трёх случаев, когда лп̣ передаётся в Вульгате как *pectus*, а не *pectusculum*, Оломоуцкая библия дважды даёт *pr̥si*, коррелят *pectus*, и один раз *hrudi*, коррелят *pectusculum*, что, вероятно, связано с тем, что в латинском тексте в двух соседних строках (Левит 10:14 и 10:15) один и тот же предмет назван по-разному, первый раз *pectusculum*, второй – *pectus*. По всей видимости, чешский переводчик просто устранил непоследовательность.

Из-за стремления передать диминутивную семантику латинского *pectusculum* в чешском тексте также дважды появляются формы *hrudce* и *hrudě*.

То, что чешские переводчики обращались к церковнославянскому тексту, уже было ранее показано на новозаветном материале [Станковска 2015], однако для нашего исследования наиболее важно, что конкретное церковнославянское переводческое решение было с лёгкостью адаптировано чешскими книжниками. На наш взгляд, если бы церковнославянская семантика слов *пр̥си* и *гр̣жди* серьёзно противоречила древнечешской, вряд ли бы чешские переводчики пошли на эту адаптацию: чешская библия первой редакции отличается высокой самостоятельностью и недословностью перевода⁸. Поэтому, хотя данный вопрос, конечно, нуждается в дополнительном изучении, это может служить аргументом в пользу того, что в древнечешском разница

---

⁸ Это можно наблюдать и на приводимом нами материале. Как уже упоминалось ранее, во фрагменте из книги Левит (11:42) чешский текст соответствует церковнославянскому, а не латинскому, однако переводчик прекрасно себе представлял, что церковнославянское чр̣кво соответствует чешскому *břicho* / *břich* ‘живот’, а не *třevo* / *střevo* ‘кишка’.

Таблица 9

Обозначения груди в Септуагинте, Вульгате,
а также двух редакциях чешской библии

Формы из Оломоуцкой библии даны в модернизированной орфографии, согласно изданию; формы Пражской библии оставлены в оригинальной орфографии.

	Септуагинта / Textus Receptus	Вульгата	Оломоуцкая библия	Пражская библия
<i>Ветхий Завет</i>				
Бытие 3:14	στήθει <...> κοιλία	pectus	prsech	prsech
Исход 28:29	στήθους	pectus	prsech	prsech
Исход 28:30	στήθους	pectore	prsech	prsech
Исход 28:30	στήθους	pectore	prsech	prsech
Исход 29:26	στηθύνιον	pectusculum	hrudí	hrudi
Исход 29:27	στηθύνιον	pectusculum	hrudce	hrudi
Левит 7:30	στηθυνίου	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 7:31	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 7:34	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 8:29	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 9:20	στηθύνια	pectora	prsech	hrudie
Левит 9:21	στηθύνιον	pectora	prsi	hrudie
Левит 10:14	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Левит 10:15	στηθύνιον	pectus	hrudi	hrudie
Левит 11:42	κοιλίας	pectus	břiše	prsech
Числа 6:20	στηθυνίου	pectusculum	hrudcě	hrudi
Числа 18:18	στηθύνιον	pectusculum	hrudi	hrudie
Даниил 2:32	στήθος	pectus	prsi	prsy
Юдифь 3:11	–	pectoris	prsí	srđce
2-я Маккав., 3:19	μαστούς	pectus	prsech	prsy
<i>Новый Завет</i>				
Лука 18:13	στήθος	pectus	prsi	prsy
Лука 23:48	στήθη	pectora	prsi	prsy
Иоанн 13:25	στήθος	pectus	prsech	prsech
Иоанн 21:20	στήθος	pectus	prsech	prsech
Апокалипсис 15:6	στήθη	pectora	prsí	prsech

между *pr̥si* и *hrudī* соответствовала вышеописанной разнице в церковнославянском тексте.

В 1488 году была напечатана Пражская библия, которая относится к четвёртой редакции. Текст в ней подвергся ревизии, и это хорошо видно также по рассматриваемым фрагментам: *pectus* единообразно передано словом *pr̥si*, а *pectusculum* – *hrudie* [Bible Pražská 1488].

Ещё одним источником, в котором можно встретить противопоставление *pr̥su* и *hrudie*, является чешский перевод трактата Гульельмо да Саличето, выполненный в XV веке и изданный в 1867 году К. Эрбеном.

К сожалению, у нас нет доступа к латинскому оригиналу трактата, а издание Эрбена снабжено лишь выписками отдельных фрагментов из оригинала, но имеющиеся данные позволяют утверждать, что латинское *thorax* стабильно переводится словом *hrudie*, а *pectus* – словом *pr̥su*.

Показателен следующий фрагмент:

<...> est cartilago, et durat longitudo illorum ossium cum contiguatione a piscide gullæ usque ad partem sub mamillis. Ibi in loco isto est os stomachi, propria seu inferior vacuitas pectoris. Et vocatur hæc longitudo cum contiguatione istorum ossium proprie *thorax*; compositio istorum ossium cum costis et spina posteriori *pectus* proprium vocatur [Erben 1867: 254–255].

A na konci té každé kosti jestiř křtálek a obratel těch kostí, spojením od lžičky neb pušky krkové, až málo do přehlbi pod cecky. A tu pak jsú na tom miestě ústa žalúdková, vlastnie aneb dolejšie paždnosť prsí, totiž dolejšie lžička prsnie. A slovet ta dlúhosť spojením těch kostí vlastnie *hrudie*; ale složenie těch kostí (s) žebry a s chřbetnici zadni vlastně slove *pr̥sy* [Erben 1867: 208].

И на конце каждой из этих костей (= истинных рёбер, то есть верхних семи пар. – *М. С.*) находится хрящ и позвонок (= грудина. – *М. С.*) этих костей, идущий от яремной впадины вплоть до части под сосками. А тут на этом месте находится вход в желудок, или нижняя грудная полость. И называется соединение этих костей *thorax/hrudie*, а соединение этих костей с рёбрами (ложными, нижними пятью парами. – *М. С.*) и позвоночником называется *pectus/pr̥sy*.

Разумеется, на основании этого отрывка нельзя делать далеко идущих выводов о семантике чешских слов, поскольку переводчик находился под давлением оригинала, однако выбор соответствий хорошо коррелирует с вышеописанными данными о разнице между **pr̥si* и **gr̥odь* в южнославянских языках: *pr̥su* является более широким понятием (в других частях трактата оно обозначает также мягкие ткани, включая женскую грудь), в то время как *hrudie* – это часть грудной клетки.

В современных чешских диалектах *hrud'* почти вытеснена формами *prsa* и *prsu*. Во всяком случае, в Архиве народного языка (Archív lidového jazyka)⁹ нам удалось найти всего три примера на *hrud'*: *hrud'* 'грудная клетка' (Мистршице, Злинский край, 1963 г.); *zmáč sem tu hrud'* «я сжал его грудь» (Табор, Южночешский край, 1963 г.); *hrudi měl cely popáleny* «у него была обожжена вся грудь» (Липа-над-Орлицы, Кралоупеградский край, 1963 г.). Примеры на *prsa/prsu* при этом исчисляются десятками. Ситуация в литературном языке несколько более сложна, и её детальное описание выходит за рамки данной работы.

IV.1.1.5. Лехитский ареал

В настоящее время в лехитской подгруппе континуанты *grǫdъ почти утрачены. Однако в Библии королевы Софьи (середина XV века), первом польском переводе всего текста Библии, который, к сожалению, сохранился не полностью, на месте чешского *hrudi* мы последовательно находим слово *grędzi* [SStp 2: 489]. В более позднем переводе, Библии Леополиты (1561 год), его заменяют на *mostek* 'грудина' (7×), *piersi* (2×) и *piersiczki* (3×).

Из библейского текста слово *grędzi* попадает в так называемый Калишский маммотрект 1471 года: *Mostek a. grandzy pectusculum* [SStp 2: 489].

Разумеется, такая семантика превосходно коррелирует с изложенными выше соображениями по поводу значения потомков *grǫdъ в церковнославянском и древнечешском.

Ф. Славский считал *grędzi* богемизмом, указывая на отсутствие этого слова в говорах [Sławski 1: 342], против чего говорит необходимость постулирования серьёзного пересчёта фонетики при заимствовании, что в целом для богемизмов в польском не очень характерно. Думается, что проще предположить, что старая форма *grędzi* в XVI веке вытесняется инновационным обозначением грудины *mostek*. Кроме того, в современных польских говорах присутствует форма *gręda* 'сосок у свиноматки' и 'грузик на рыбацкой сети' [SGP 28: 148]. Происходит некоторое смешение семантики континуантов *grǫdъ и *grǫzъ: *grązidło* 'вымя у свиноматки' и 'грузик на рыбацкой сети' [SGP 28: 135]; *grąziel* 'сосок у свиноматки' [SGP 28: 135].

⁹ Доступ к Архиву был предоставлен нам сотрудницами Диалектологического отделения Института чешского языка Академии наук Чешской Республики М. Ирейновой и С. Спинковой.

Таблица 10

Обозначения груди в двух польских переводах Библии
по сравнению с чешским переводом первой редакции

[Małecki 1871; SStp 2: 489; Biblia Leopoldy 1561]

	Оломоуцкая библия	Библия королевы Софыи	Библия Леополиты
Бытие 3:14	prsech	pyerszach	piersiách
Исход 28:29	prsech		piersiách
Исход 28:30	prsech		piersiách
Исход 28:30	prsech		piersiách
Исход 29:26	hrudí		mostek
Исход 29:27	hrudce		piersi
Левит 7:30	hrudi	srzødzy (*y grødzy)	piersicżki
Левит 7:31	hrudi	grødzy	piersicżki
Левит 7:34	hrudi	grødzy	piersicżki
Левит 8:29	hrudi	grødzy	mosthek
Левит 9:20	prsech		mostek
Левит 9:21	prsi		mostki
Левит 10:14	hrudi		mostek
Левит 10:15	hrudi		mostek
Левит 11:42	břišě		piersiach
Числа 6:20	hrudcě		piersi
Числа 18:18	hrudi	grōdzi	mostek
Даниил 2:32	prsi		piersi
Юдифь 3:11	prsí	syercza	sercá
2-я Маккав, 3:19	prsech		piersi
Лука 18:13	prsi		piersi
Лука 23:48	prsi		piersi
Иоанн 13:25	prsech		piersiach
Иоанн 21:20	prsech		piersiach
Апокалипсис 15:6	prsí		piersi

IV.1.1.6. Лужицкий ареал

В лужицких языках континуантов *ръrsi, насколько нам известно, не засвидетельствовано. В литературных языках существуют слова *hrudź* и *gruža* соответственно, однако в этом случае мы имеем дело с искусственными образованиями на основе чешского *hrud'*, в то время как в разговорном языке используется германизм *bróst / brost*. Данный германизм, в свою очередь, вытеснил некое более старое слово, вероятнее всего, *wutroba / wutšoba*, которое сейчас значит 'сердце', но ранее могло обозначать именно грудь [Schuster-Šewc 5: 353; Stone 1993: 679].

IV.1.1.7. Восточнославянский ареал

Насколько мы можем судить, первоначально в древнерусских памятниках слово *пърси* использовалось чаще, чем *грудь*. Во всяком случае, в древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка (XI–XIV вв.) имеется всего одно вхождение слова *грудь* (Александрия, список последней трети XV в.) и 24 вхождения форм слова *пърси* ~ *пърси* (как в церковнославянских, так и в собственно древнерусских памятниках) [ДПНКРЯ]¹⁰. Позднее частотность форм *грудь* и *грудь* значительно возрастает (по данным старорусского подкорпуса [СПНКРЯ]), и постепенно они начинают вытеснять *перси*.

В современных русских говорах континуанты формы *ръrsi представлены слабо. В Словаре русских народных говоров мы находим лишь несколько случаев. Первая, из рязанских говоров, дана с опорой на третье издание словаря Даля: *пърси* (мн.) – 'внутренние органы, расположенные в груди'; 'лёгкие', с контекстом «Кто курит, говорят, на перси садится (дым от папирос)» [СРНГ 26: 288]. Вторая фиксация – *персь* (ж.) 'грудь лошади' – относится к смоленским говорам [СРНГ 26: 288], третья, *пърша*¹¹ (ж.) и *перша́* (ж.) 'грудь человека и лошади', – к псковским (Островский уезд, 1904–1918 и Пушкиногорский район, 1929) [СРНГ 26: 296]. Четвёртая – *пършики* (рл.) 'грудь, соски' (Олонецкая губерния, 1885–1898) [СРНГ 26: 298] и *пърьки* 'женские груди' (Олонецкая губерния, Онежский уезд) [СРНГ 26: 299].

¹⁰ Приводимые в [СДЯ 2: 396] два примера на *грудь* из Григория Богослова слов 16 (XIV век) являются реминисценциями к церковнославянскому переводу Ветхого Завета (см. ниже).

¹¹ Псковское шоканье в данном слове отражено уже в XIV веке [СлРЯ XI–XVII 15: 16].

Общеславянский лингвистический атлас отмечает формы *пёрсьи* и *пёрси* (без указания значения) всего в трёх русских пунктах на территории Смоленской и Брянской областей [ОЛА СФГ 3/1].

В то же время в сибирских говорах мы находим *попёрсь* ~ *пópёрсье* ~ *попёрсьник* ‘часть конской сбруи, накладываемая на грудь лошади; подпруга, при крутых подъёмах, пристёгнутая на грудь’ [СРНГ 29: 311]; *пáперсьень* ~ *пáперсь* ‘грудной ремень в сбруе лошади, идущий от передней луки седла и не позволяющий седлу сползнуть назад’; *пáперсь* ‘нагрудник для тепла’ [СРНГ 25: 205].

В современных белорусских диалектах, а также литературном языке основным обозначением груди является *plurale tantum* *grūdzi* [СПЗБ 1: 484; Бялькевіч 1970: 139; Сцяшкoвiч 1983: 129; ТС 1: 229; Шатэрнік 1929: 71]. Что касается континуантов *ръrsi, то в памятниках они фиксируются в значениях ‘грудь человека’ и ‘грудь животного’, как в форме *перси* ~ *персьи*, так и в инновационной *персти* [ГСБМ 24: 250–251, 255]. Континуанты *ръrsi имеют значение ‘конская грудь’. Фонетика слова местами остаётся неизменной – *перси* [СПЗБ 3: 506], но в большей части ареала подверглась модификации – *пёрсьць* [Бялькевіч 1970: 325], *пёрсьць* [ТС 4: 24], *пёрсьці* [Кучук, Малюк 2000: 96; Сцяцко 1970: 123; Сцяцко 2005: 94; РСВ 2: 140; СПЗБ 3: 506; ТС 4: 24; Шаталава 1975: 134], *пёрсьні* и *пёрсьцьні* [ЭСБМ 10: 96].

Схожую ситуацию мы обнаруживаем и в украинских говорах: *пёрси* ‘грудь коня; грудь собаки’ [Аркушин 2: 40], *пёрсьні*, *пёрсьти*, *пёрсьці*, *спёрсьі*, *спёрсьці* ‘грудь коня’ [Лисенко 1974: 158], *пёрста* ‘грудь коня’ [Онишкевич 2: 57], *пёрса*, *пёрста* [Шило 2008: 197], *пёрса* ‘грудь коня’ [Керча 2: 75], (*с*)*пёрсьи*, *пёрсьти*, *пёрса*, *пёрста*, *пёрс’*, *пёрс’т* ‘преимущественно грудь коня, реже других животных’ [АУМ 2/335].

Формы с *-т-* и *-н-* требуют особого пояснения. Предположение, что в данном случае имелось сближение с *перст* [ЕСУМ 4: 353], кажется безосновательным. В. Махек пытался наряду с *ръrsi реконструировать для праславянского также *ръrstъ, указывая на санскритское *pr̥stīh* ‘ребро’, немецкое *Brust* ‘грудь’, а также чешскую диалектную форму *pr̥sotiny* (наряду с *pr̥sosiny* и *pr̥soviny*) ‘грудной ремень в сбруе лошади’ [Machek 1968: 486]. Однако *Brust* из этого сравнения следует исключить по фонетическим причинам, в *pr̥sotiny* можно вычленил распространённый суффикс *-ot-*, а одной лишь санскритско-белорусской параллели для реконструкции праславянского *ръrstъ недостаточно. Локальность форм с *-т-*, которые не занимают всего белорусского и украинского ареала, говорит в пользу того, что это сравни-

тельно поздняя инновация. Как нам кажется, *-т-* здесь вполне могло возникнуть вторично в результате сближения континуантов изначального *ръrsi с многочисленными существительными на *-сть. Аналогию можно найти в русском просторечном *жисть* 'жизнь', возникшем на основе формы (*жизнь* >) *жись*. *Персьцѣни* и *персьні*, по всей вероятности, являются производными от *персьци*.

В другой части украинского ареала представлено иное сужение континуантов *ръrsi: 'грудь' > 'женская грудь', ср. *пѣрси* (уст.) 'женская грудь' [Негрнич 2008: 132], *персы* 'женская грудь' [Пиртей 2001: 284], *пѣрсо* 'женская грудь', *пѣрсі* (поэт. уст.) 'женская грудь' [Керча 2: 75].

Можно констатировать, что в восточнославянских языках мы наблюдаем вытеснение слова *перси* словом *грудь*. В части ареала континуанты *ръrsi исчезают полностью, в части можно наблюдать сужения значения до 'внутренние органы, расположенные в груди', 'грудь коня' и 'женская грудь'.

IV.1.1.8. Выводы о значении

У континуантов *ръrsi и *grǫdъ в историческом и современном славянском материале представлен не очень широкий ряд значений, большая часть из которых является очевидными поздними инновациями, обнаруживающимися на ограниченной территории. Широко распространены лишь два значения: 'грудь' (максимально общее обозначение, без разделения по линиям мужская/женская, человеческая/животная или внешняя/внутренняя) и 'грудина' или 'грудинка'. В роли названия груди в восточнославянском ареале и восточной части южнославянского выступают континуанты *grǫdъ, а в западнославянских языках (за исключением лужицких) и западной части южнославянских – *ръrsi.

Рис. 3.

Ареал континуантов *ръrsi в славянских языках по данным Общеславянского лингвистического атласа

[ОЛА СФГ 3/1]. Штриховкой отмечен ареал форм с вторичным *-т-*. Формы с *-н-* засвидетельствованы всего в двух пунктах в Черниговской области Украины: Савинки (*persn'i*) и Козари (*perstn'i*).

Значения ‘грудина’ или ‘грудинка’¹² отмечаются у потомков *grǫdъ в старославянском, древнечешском и древнепольском, а также в некоторых словенских и хорватских диалектах (однако в последнем случае это может быть результатом вторичного сдвига). Как уже было сказано ранее, чешские переводчики вряд ли бы стали применять решение, подсмотренное в церковнославянском тексте, если бы это шло вразрез с семантикой слова *hrudi* в древнечешском. Мы полагаем, что в этом случае мы имеем дело с сохранением древнейшего состояния, унаследованного из праславянского.

Таким образом, проанализированный материал приводит нас к выводу, что в праславянском слово *grǫdъ обозначало грудину, в то время как основным обозначением груди было слово *pъrsi.

IV.1.2. Реконструкция формы

IV.1.2.1. *pъrsi

Данные древнейших письменных памятников указывают на то, что в праславянском форма *pъrsi была plurale tantum женского рода и изменялась по *-i-склонению¹³ (ср. [SJS 3: 402; СДЯ XI–XIV 9: 382–383; St&S; SStr 6: 101–102]), что идеально соответствует её ближайшему родственнику – лит. *piršys* (f. pl.) ‘грудь лошади’, а также предполагаемому исходному значению (‘рёбра’, см. ниже).

В древнечешском фиксируются формы также двойственного числа [Gebauer 3-1: 397–398], однако они встречаются ощутимо реже, чем формы множественного, так что на основании этих данных вряд ли можно говорить о том, что в праславянском слово *pъrsi колебалось между дуалом и плюралом, вопреки предположению Б. Скалки [ESJS 12: 732].

В дальнейшей истории отдельных славянских языков число, род и тип склонения этого слова начинают меняться.

Так, если для литературного словенского и части словенских говоров характерна форма f. pl. *prsi*, то во многих говорах мы находим уже

¹² К сожалению, имеющиеся тексты не всегда позволяют разделять значения ‘грудина’ и ‘грудинка’, однако, исходя из этимологии слова *grǫdъ (см. далее), кажется более вероятным, что первична ‘грудина’.

¹³ Идентификацию затрудняет идентичность окончаний nom.-acc. pl. и nom.-acc. du. *-i-основ женского рода, которые в праславянском отличались друг от друга ударением, однако формы остальных падежей в данном случае не оставляют никаких сомнений.

формы *prse* (f. pl.) с переходом в более продуктивный тип склонения и *prsa* (n. pl.) со сменой рода [SLA 1/47].

В хорватском варьирование *prsi* / *prsa* можно встретить даже на одном острове [Sujoldžić et al. 1988: 169].

В древнечешском хоть и доминирует *-i-основа f. pl., уже довольно рано начинают появляться формы среднего рода (*ot prs, k prsom*) и *-ā-основные (*na svých prsach choditi budeš*) [StčS]. В современном литературном чешском используются формы *prsy* (m. pl.) и *prsa* (n. pl.)¹⁴. В парадигму *prsa* вошла старая форма gen.-loc. du. *prsou*.

В древнепольском мы находим только формы *piersi, pirsy, pirszy* f. pl. [SSp 6: 101–102]. В XVI веке уже появляются формы единственного числа [SP XVI 24: 90–94], которое в литературном языке сейчас является основным.

Таким образом, реконструкции, предполагающие форму единственного числа (**pr̥sъ* [Boryś 2005: 430]; **pr̥sъ* [Bańkowski 1: 479]; **pr̥sъ* [ЕСУМ 4: 353]; **pr̥sъ* [Derksen 2008: 429]), необоснованны.

IV.1.2.2. **gr̥dъ*

В случае с **gr̥dъ* довольно проблематично установить, была ли праславянская форма единственного числа или множественного. В церковнославянских памятниках преобладает множественное число, но в современном болгаро-македонском ареале можно встретить формы обоих чисел. В чешско-словацком и восточнославянском ареалах мы также сталкиваемся с конкуренцией плюрала и сингуляра. В словенском представлены формы единственного числа, а в сербохорватском – множественного.

Дрейф как в одну, так и в другую сторону вполне возможен. Смена единственного числа на множественное может быть объяснена уподоблением слову **pr̥si*. Замена плюрала сингуляром была бы подобна случаю польского *piers*, где, по-видимому, возобладало восприятие этой части тела не как «составного», а как единого элемента.

Исходя из реконструированной выше семантики ('грудина'), мы отдаём предпочтение реконструкции формы единственного числа **gr̥dъ*. Тем не менее нельзя исключать, что уже в праславянском это слово могло использоваться и во множественном числе, обозначая при этом грудную клетку или грудинку.

¹⁴ В применении к женской груди употребляются также формы *prs* и *prso* единственного числа.

IV.1.3. Этимология

IV.1.3.1. *p̥r̥si

Слово *p̥r̥si давно имеет консенсусную этимологию. Его связывают с лит. *p̆ir̆šys* (f. pl.) ‘грудь лошади’ (шуточно также ‘женская грудь’)¹⁵, санскр. *p̆ar̆śuh* (f.) ‘ребро’, авест. *par̆asu-*, *p̆ar̆asu-* ‘ребро’, перс. *pahlū* ‘бок’, осет. *fars* ‘бок, сторона’, курд. *p̆ārsū* ‘ребро’ и другими иранскими формами. На основе этого сравнения восстанавливается праиндоевропейский корень *per̆k- [Miklosich 1886: 243; SJS 12: 732; Smoczyński; Mayrhofer 2: 100–101; Абаев 1: 423; Цаболов 2: 104; Pokorny 1959: 820].

В связи с такой этимологией реконструируется первоначальное значение ‘окрестности рёбер, грудная клетка’ (‘*okolica żeber, klatka piersiowa*’) [Boryś 2005: 430]. Такое прзначение объясняет, почему форма *p̥r̥si являлась *plurale tantum*.

Из всех авторов славянских этимологических словарей только Р. Дерксен отрицает связь славянского слова с санскритским [Derksen 2008: 429], уточняя, что семантический сдвиг ‘рёбра’ > ‘грудь’ возможен, однако проблему представляет наличие в балтославянских языках акута [Derksen 2014: 358].

Попытки привлечь к этому сравнению нем. *Brust* ‘грудь’ [Machek 1968: 486] и лат. *pectus* ‘грудь’ [Bańkowski 2: 558] необоснованны по фонетическим причинам. Сопоставление с греч. гом. *λόρκης* ‘копейное кольцо’ [Bańkowski 2: 558] сомнительно. Сравнение *p̥r̥si с *p̥r̥st̥ ‘палец’ (см. [Wiedemann 1902: 229; Machek 1968: 487; Schuster-Šewc 15: 1137]) маловероятно по семантическим причинам.

В целом соглашаясь с традиционной этимологией, отметим, что индоиранское значение континуантов *per̆k- совершенно необязательно отражает праязыковую семантику, поэтому мы не можем до конца быть уверены в том, что праславянский дрейф значения имел вид именно ‘рёбра’ > ‘грудь’.

IV.1.3.2. *gr̥d̥ь

Лексема *gr̥d̥ь также обладает хорошей этимологией, её связывают с *gr̆da ‘балка, брус; насест; грядка’ и *gr̆d̆ь ‘сухое возвышение

¹⁵ Нельзя не отметить, что литовские значения совпадают с тем, что мы находим в восточнославянских диалектах, в которых это, однако, вторичное сужение семантики.

на болоте'. Часть учёных полагает, что *ꝛođь является чисто славянским образованием и искать для него внешние соответствия не имеет смысла [ЭССЯ 7: 149]. При этом внутренняя форма *ꝛođь восстанавливается следующим образом: 'возвышение, выступающая часть тела' [ЭССЯ 7: 149; SP 8: 243]; 'нечто возвышающееся, выпячивающееся; бугор' [Черных 1: 222].

Тем не менее разными исследователями было предложено множество кандидатов на роль таких соответствий, однако все они были подвергнуты критике:

- лат. *grandis* 'большой' [Berneker 1908: 356]. М. де Ван указывает на то, что *grandis* не выводится из **g^{wh}tnd^h*- фонетически, а также на семантические различия между 'большой' и 'гордость', а также 'большой' и 'грудь' [de Vaan 2008: 270].

- греч. βρένθος 'вид птицы; гордость; дно, основание, могила; благовоние' [Osthoff 1894: 266]. Р. Бекес, основываясь на аристотелевской форме βρίνθος и, соответственно, чередовании *e ~ i*, считал слово βρένθος 'вид птицы' субстратным заимствованием [Beekes 2010: 237–238].

- лит. *grandis* 'звено; сырник' [Zubatý 1894: 393]. Это слово соотносят с прусским *grandis* 'кольцо' и латышским *grūods* 'тугой' [Smoczyński], далее возможно от **grend-* 'крутить' [Mažiulis 1: 398].

- греч. γρόνθος 'сжатый кулак' [Zubatý 1894: 393]. Однако в этом случае скорее выделяется формант -θος, как в *μασθός* 'грудь', *βρόχθος* 'глотка', *κύσθος* 'rudenda muliebria' [Beekes 2010: 287].

- др.-ирл. *bruinne* 'грудь', валл. *bryn* 'холм' [Sławski 1: 324]. Но здесь предпочтительнее видеть праформу **b^hrusnyo-* [Vandryes 2: 104–105].

- арм. *argand* 'матка' [Pedersen 1949: 1–2]. В случае армянского слова это далеко не единственная из возможностей [Martirosyan 2010: 130–131].

- лит. *krūtis*, *krūtinė* 'грудь', лтш. *krūtis* 'грудь' [Отрембский 1954: 41–42; Шанский 4: 182]. По очевидным причинам это невозможно фонетически, однако семантический сдвиг 'возвышение' > 'грудь', наблюдаемый в балтийских языках, можно рассматривать в качестве параллели к истории семантики *ꝛođь [Berneker 1908: 356].

- др.-ирл. *grúad* 'щека' < **growdos-* [Matasović 2009: 168; ERHJ 1: 306] и др.-англ. *grēada* 'лоно' [Skok 1: 627; Matasović 2009: 168; ERHJ 1: 306]. Проблематично как фонетически, так и семантически.

Мы склонны согласиться с ЭССЯ в том, чтобы признать *grǫďb славянским новообразованием, однако полагаем, что семантически его следует соотносить в первую очередь не с *grǫďb 'сухое возвышение на болоте', а с *gręda 'балка, брус; насест; грядка'. Если первоначальным значением *grǫďb было 'грудина', то логично предположить, что внутренней формой этого слова было 'балка (груди)'. Похожую мотивацию можно обнаружить у польского *mostek* 'грудина', сербохорватского диалектного *кобылка* 'коромысло; балка крыши; грудина; кобылка музыкального инструмента' [Динић 2008: 339], русского диалектного *конёк* 'грудная кость птицы' [СРНГ 14: 251].

Таким образом, мы считаем, что *grǫďb и *gręda являются параллельными образованиями от корня *g^hrend^h- (> лит. *grįsti* 'мостить').

IV.2. ИННОВАЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ ГРУДИ

IV.2.1. Инновации

Сразу оговоримся, что ряд славянских языков и диалектов различает обозначения груди вообще и женской груди (мак. *gradi* – *dojki*, слвн. *prsi* – *nedra*, чеш. *prsa* – *ňadra*)¹⁶. Эта тема в связи с наличием огромного количества сниженных и звукоподражательных обозначений требует отдельного изучения, и ниже мы принимаем в расчёт только названия груди вообще.

Известен ряд случаев переноса на грудь названий других частей тела:

- а) словенское диалектное *rebro* [SLA 1/47];
- б) русское диалектное *живот* 'грудь' [СРНГ 9: 156];
- в) континуанты *lono в нескольких идиомах, см. [ЭССЯ 16: 32–34].

Грудь может получать название в связи с тем, что в ней расположены лёгкие, орган дыхания:

а) рус. диал. *вздохи* 'лёгкие, грудь' [СРНГ 4: 262], *здохи* 'лёгкие, грудь; живот' [СРНГ 11: 238] и *воздохи* 'лёгкие, грудь', *вóздохи* 'место под грудью и рёбрами' [СРНГ 5: 21–22];

б) рус. диал. *дыхало* 'кадык, адамово яблоко; нос; грудь [?]; затылок' [СРНГ 8: 298].

¹⁶ В русском это сниженные и звукоподражательные по происхождению *сиська* и *тиська*, в говорах также *нянка*, *нянька*, *няня* 'женская грудь' [СРНГ 21: 332, 333], однако есть и неониматопеические *горá* [СРНГ 7: 17], *стрекалка* [СРНГ 41: 307] и *трухлянка* [СРНГ 45: 176].

Как нам кажется, в каком-то смысле переключается с вышеперечисленными названиями слово *крёшки* 'грудь' [СРНГ 15: 240]. Вероятно, мы имеем дело с дериватом от *крёхать* 'кряхтеть, охать' [СРНГ 15: 239].

Как вместилище сердца грудь получила обозначение *ёчки* 'грудь, сердце, дыхание; душа или сердце' в смоленских говорах [СРНГ 9: 48]. Это слово образовано от *ёкать*.

Грудь – это также обиталище души, отсюда метонимический перенос *душá* 'грудь, грудная полость; сердце; тело' [СРНГ 8: 280].

В ряде случаев на грудь было перенесено название пазухи (пространства между грудью и прилегающей к ней одеждой):

а) укр. разг. *па́зуха* [СУМ 6: 15];

б) рус. диал. *запу́ска* 'грудь; пазуха' [СРНГ 10: 368], по-видимому, от *запускать* (руку); согласно альтернативному решению, предложенному А. Ф. Журавлёвым, это результат метатезы из *пазуха* (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение, 01.03.2022);

в) вероятно, такой же была промежуточная стадия у потомков *nědra в словенском и чешском, а также в сербохорватских говорах и древнерусском (см. [ЭССЯ 25: 94–95]). Как было упомянуто выше, в словенском и чешском *nedra* и *ňadra* соответственно специализировались в значении 'женская грудь', однако в словенских говорах *nedra* известны и как обозначения груди вообще [SLA 1/47].

В случае рус. диал. *пéлька* 'грудь' [СРНГ 25: 333] и бел. диал. *пéлькі* (pl.) [РСВ 2: 133] интересующее нас значение развилось из 'часть одежды, закрывающая грудь', также присущего данному слову. Далее *пелька* связана с *пеленой* [Фасмер 3: 230].

Некоторые обозначения связаны с формой грудной клетки:

а) Рус. диал. *бура́к* 'грудь, грудная клетка' [СГРС 1: 218]. Перенос с какого-то из следующих значений: 'корзина или короб из бересты или сосновой лучины для хранения или переноски чего-либо; берестяной цилиндр с деревянным дном и крышкой, употребляемый для хранения или переноски сыпучих и жидких продуктов; туес; заплечная корзина; берестяной черпак; солонка; заготовка для изготовления туесов; лапти' [СГРС 1: 217–218].

В качестве семантической параллели можно вспомнить об англ. *chest* 'ящик, коробка, сундук' > 'грудная клетка'.

б) В череповецких говорах записано слово *тури́к* 'грудь, грудная клетка человека'. Фасмер обозначил его как неясное [Фасмер 4: 123]. Другие отмеченные у этого слова значения – 'приспособление для пе-

рематывания пряжи, ниток в виде полого цилиндра, насаженного на ось; большая катушка для навивания пряжи; конус, свернутый, сложенный из чего-либо; свернутый из бумаги кулёк; круглый деревянный короб; ящик на мельнице или веялке, в который сыплется зерно; небольшой бумажный мешок' [СРНГ 45: 267]. По всей вероятности, какое-то из этих значений и стало отправной точкой для значения 'грудь', возможно, 'круглый деревянный короб', отмеченное в тех же череповецких говорах.

в) Рус. диал. *доска́* 'грудная клетка, грудь' [СРНГ 8: 141].

К тёмным случаям относится *ба́чка* 'грудная клетка, грудь птицы (реже – человека)' [СГДА 1: 55]. А. Е. Аникин считает неясным [Аникин 2: 304].

IV.2.2. Заимствования

В македонских говорах встречается такое обозначение груди, как *ѓокс* < алб. *gjoks* 'грудь' [Дрвошанов 2005: 76]. Албанское слово заимствовано из турецкого *göğüs* 'грудь' [Meуer 1: 141].

Как уже было упомянуто выше, в сербохорватских говорах имеется турцизм *м'у́кс* < тур. диал. *сiüks, сiүgüs* 'грудь' [Милосављевић 2017: 60].

В словенских говорах известно слово *pet*, заимствованное из фриульского [SLA 1/47].

Полабское *börstə* заимствовано из ср.-нем. *borst* [SEJDP, 1: 47–48]. Немецкого происхождения и лужицкие формы *bróst / brost* (ср. совр. нем. *Brust* 'грудь').

V. СПИНА

V.1. НАЗВАНИЯ СПИНЫ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Несколько обозначений спины образуют в славянском мире довольно крупные ареалы и были кодифицированы в литературных языках: *gъgbъ (болг. *грѣб*, мак. *гpб*), *lędwъja (схр. *lęda*), *xъgbъть (слвн. *hrbet*, слвц. *chrbat*, в.-луж. *chribjet*, н.-луж. *kšebjat*), *zadъ (чеш. *záda*), *plet'e (пол. *plecy*) и *спина* (укр. *спіна*, бел. *спіна*, рус. *спина*).

V.1.1. Спина / спіна

Начнём с последнего слова, занимающего большую часть современной восточнославянской территории [ОЛА 9/30]. В русских диалектах оно известно также в значениях 'верхняя часть горного хребта, возвышенности', 'ствол дерева', 'верхняя часть рыбы, спинка', 'деталь рулевого управления судна' [СРНГ 40: 142]. В памятниках и говорах отмечена также форма мужского рода: *спин* 'спина; хребет, позвоночник' [СлРЯ XI–XVII 27: 32; СРНГ 40: 142].

Были предложены две версии происхождения:

а) заимствование из ст.-пол. *spina* 'позвоночник' (с XVI в.), которое, в свою очередь, пришло из лат. *spīna* 'шип; игла; рыба кость; хребет, позвоночный столб; спина' [Brückner 1985: 509];

б) родство с лтш. *spina* 'прут'; лат. *spīna* 'шип; игла; рыба кость; хребет, позвоночный столб; спина'; тох. А *spīnac* (dat. sg.) 'крюку, колышку'; др.-в.-н. *spinula*, *spinela*, *spenula* 'булавка'; др.-англ. *spīr* 'кониический побег растения', ср.-н.-н. *spille* 'вертел' [Schwentner 1937; Фасмер 3: 735; de Vaan 2008: 580–581], прагерм. *finnō 'плавник' [Pokorny 1959: 981]. Отметим, что древневерхненемецкие слова не имеют родственников в других германских языках. Скорее всего, мы имеем дело с заимствованием из лат. *spīnula* 'спинка; маленький шип, колючка', потомок которого, ит. *spilla*, означает именно 'булавка'. Другие германские формы также проблематичны: для них нужно постулировать различные суффиксы и *s-mobile*.

Укажем, что в письменных памятниках слово *спина* появляется достаточно поздно, лишь с XVI в., в значениях 'позвоночник, хребет;

спина (человека и животного); спинная часть красной рыбы, вырезаемая для вяления или копчения' [СлРЯ XI–XVII 27: 32; ГСБМ 32: 144], первоначально с ударением на корне [Зализняк 2019: 200], что сохранилось в украинском и белорусском, а также части русских говоров [СРНГ 40: 142]. С учётом этих данных мы полагаем, что первая версия более обоснована, и слово *спина* является заимствованием.

V.1.2. *pletě

На первый взгляд, хорошим распределением обладают континуанты слова *pletě, которые в значении 'спина' безоговорочно доминируют на польской языковой территории (польск. литер. *plecy* (pl. t.)), на юго-западной Украине и немного в Белоруссии, а также сравнительно широко представлены в македонских, сербохорватских и частично словенских говорах [ОЛА 9/30; Дрвошанов 2005: 77–78]. Кроме того, *пліце* (чаще всего встречается в формах множественного числа, реже – двойственного) известно не только как 'ῥῶμος, плечо', но и как 'ῥῶτος, спина' уже в старославянском [SJS 3: 50].

Однако в древнепольских текстах слово *plece* обычно соответствовало латинским *umerus* 'плечо; лопатка (животного)', *scapulae* 'плечи; лопатки; спина', *armus* 'плечо; лопатка' и в первую очередь обозначало верхнюю часть спины, лопатки, плечи [SStp 6: 149–150]. Как было убедительно показано А. В. Дыбо, слово *pletě в праславянском означало скорее 'плечо и лопатка' [Дыбо 1996: 98, 102], что до сих пор сохраняется в большинстве славянских языков и диалектов. Сдвиг 'лопатки' > 'верхняя часть спины' > 'спина' при этом вполне мог осуществляться в разных ареалах независимо¹. В частности, первую его часть можно найти в уральских русских говорах: *плечó* 'часть спины лошади, где лопатки, по бокам холки' [СРНГ 27: 136].

В качестве неславянской параллели можно привести случай румынского языка, где *spată*² (f.) значит 'лопатка', а *spate* (n.) – 'спина'.

¹ На первый взгляд, параллелью для расширения значения 'верхняя часть спины' > 'спина' может служить польское слово *bary*, которое ОЛА в двух пунктах (249 и 259) фиксирует в значении 'спина' наряду с *plecy* [ОЛА 9/30], однако «Słownik gwar polskich» слово *bary* глоссирует только как аугментатив от *barki* 'плечи, верхняя часть спины' [SGP 3: 412]. Это наводит на мысль, что информанты в этом случае сообщили исследователям ОЛА обозначения заплечья.

² Является потомком латинского *spatha* 'ложечка или лопатка для размешивания', заимствованного из греч. *σπάθη* 'бёрдо, лопатка для размешивания'.

V.1.3. *Záda*

Исключительно чешской территорией ограничивается форма *záda* (n. pl. t.), где она употребляется чересполосно с *hřbet*, причём ареал последнего шире, а *záda* не используется в Силезии [ČJA 1: 147]. Первое и единственное известное нам употребление этого слова в древнечешском весьма показательно: *peřie holubie ostriebřené a záda chřbeta jeho v stkvěni zlatém* (Оломоуцкая библия³) [Kuas 4: 221] в соответствии с лат. *pinnae columbae deargentatae et posteriora eius in virore auri* (Пс. 67: 14). Таким образом, *záda chřbeta* переводит латинское *posteriora* 'седалище, зад'.

Поскольку *záda* является производным от *zad* 'задняя часть, зад' (< праслав. *zadyь), как и *zadek* 'задница', уместно говорить о локальном чешском сужении значения 'задняя часть' > 'спина'.

Дериват от того же корня в значении 'спина' можно найти и в старославянском. Речь о гапаксе *зѡжда* в Супрасльской рукописи: *нѣ дѡдинѣ зѡжда дѡнаволови ѡ ѡбѡцевѣ ѡбѡта* (91,18) [SJS 1: 636]. В тексте Паремийника субстантивированное прилагательное *заднѣкѡ / заднѣкѡ / заднѣмѡ* употребляется в соответствии с греч. *τὰ ὀπίσω* 'задние части' (Исх 33: 23, Иоиль 2: 20) и *οἱ νότοι* 'ободья' (Иезекиль 1: 18) [SJS 1: 635], однако в этом случае вряд ли можно говорить об анатомическом термине.

Мы полагаем, что никакой связи между чешским и старославянским в данном случае нет.

V.1.4. *lędwъja

Центральную часть сербохорватского ареала занимает слово *lęda*. Оно восходит к праслав. *lędwъja. По всей видимости, мы имеем дело с расширением значения 'поясница' > 'спина'.

Параллель к такому сдвигу засвидетельствована в ярославских русских говорах: *пояснѣца* 'спина'⁴ [СРНГ 31: 48].

V.1.5. *gъrbъ

В литературных болгарском и македонском языках спина обозначается континуантами праславянского *gъrbъ: *гръб* и *грб* соот-

³ В Дрезденской библии на месте *záda chřbeta* находится *wyczie chrzebta* [Kuas 4: 220].

⁴ Отметим, однако, что приведённый в СРНГ контекст оставляет некоторые сомнения в реальности значения 'спина' в данном случае: *Поясницу к дождю, видно, ломит*.

ветственно⁵. Это значение у потомков *гъгьбъ и производных⁶ можно также найти в отдельных говорах сербохорватского, словенского, чешского и русского языков⁷ [ОЛА 9/30; ЭССЯ 7: 199–200]. В текстах впервые фиксируется в новой части Синайской псалтыри (XI в.) [Gogazd]. Тем не менее основной массив материала [ЭССЯ 7: 199–200; SP 8: 273–274] однозначно указывает на то, что *гъгьбъ означало ‘горб’, а значение ‘спина’ развилось вторично. Аналогичный дрейф (‘горб’ > ‘спина’) можно наблюдать в случае нем. *Buckel*.

Некоторые македонские говоры сохраняют слово *гpб / г̃apн* в старом значении ‘горб’. В других *гpб / гpн / г̃apн* значит ‘нижняя часть спины’ [Дрвошанов 2005: 79].

V.1.6. *хгьвьть

Мы полагаем, что ни одно из вышеназванных слов не может претендовать на то, чтобы быть праславянским названием спины. Наиболее же подходящий кандидат на эту роль – *хгьвьть⁸. Как было указано выше, его континуанты обозначают спину в литературных словенском, словацком и лужицких языках. Если учитывать диалекты, то к этому списку нужно добавить сербохорватский, чешский, польский и все восточнославянские [ОЛА 9/30].

Данные письменных памятников показывают, что раньше это значение у потомков *хгьвьть было распространено значительно шире.

В частности, это основное соответствие греческого *vōtos* в Синайской псалтыри (в формах *хривѣтъъ, хривѣтъъ, хрѣвьтътъ*) и Супрасльской рукописи (*хрѣвьтътъ, хрѣвьтътъ, хрѣвьтътъ*) [SJS 4: 801].

В сербохорватских словарях Ф. Вранчича (1595 г.), Я. Микали (1649 г.) и А. делла Беллы (1728 г.) слово *hr̃bat* глоссируется как ‘tergum’, ‘dorsum, tergum’ и ‘dorsum, spina dorsi’ соответственно [RHISJ 3: 690].

В древнечешском переводе Библии первой редакции единственным эквивалентом *dorsum* (если оно употреблено в анатомическом

⁵ Значение ‘горб’ в болгарском и македонском литературных языках заняли суффиксальные производные от *гъгьбъ: *гърбица* и *гpпка* соответственно.

⁶ С формантами *-ина* и *-ача* [ОЛА 9/30; Дрвошанов 2005: 79].

⁷ Кроме того, в разговорном русском можно нести или тащить что-либо *на своём горбу*, ехать *на чужом горбу*, испытать *на своём горбу*, зарабатывать *своим горбом*.

⁸ Реконструкция акцентуации в литературе разнится: *хгьвьть [Snoj 2016: 239], *хгьвьть [ERHJ 1: 336].

значении⁹) является *chřbet*. При этом если Дрезденская Библия хорошо сохраняет чередование, возникшее в результате падения редуцированных (*chřbet* – *chřebta*), то в Оломоуцкой уже очень сильна тенденция к выравниванию парадигмы (*chřbet* – *chřbeta*).

Слово *tergum* в соматическом значении в Вульгате появляется только в составе оборота *tergum / terga vertere* ‘обратиться в бегство’, который в первой редакции чешской Библии переводится несколькими вариантами: *obrãtiti plecì* (Быт 14:10), *pletci* (Нав 7:4, 7:8, 8:5), *chřebty* (Исх 23:27), *chřbet* (Суд 20:31, 1Мак 11:55), *chřbety* (Иер 49:8), *zadek* (Иер 2:27), *zadky* (Иер 32:33, 46:5).

Данные других памятников также говорят о том, что *chřbet* являлось основным обозначением спины в древнечешском.

Что касается современного чешского, то, как уже упоминалось выше, в говорах формы *hřbet*, *řbet*, *gřb'et*, *hřibet*, *řibet*, *křibet*, *křibét*, *chrbet* и *chrbát* широко используются в значении ‘спина’ [ČJA 1: 147].

В древнепольском формы *chrzbiel*, *chrzebiet*, *chrzebt*, *chrzybiet*, *grzebiet*, *grzebt*, *krzebiet*, *krzebt* обозначали всю спину (*dorsum*, *tergum*) [SSp 2: 507]. В современном литературном польском *grzbiel* обозначает преимущественно спину животного, к спине человека применяется редко.

В польских говорах потомки *хгьбъть представлены в огромном количестве фонетических и морфологических вариантов: *grzbiel*, *grzbiot*, *grzbietowina*, *rzgbiel*, *rzgbiot*, *grzybiet*, *grzept*, *grbiet*, *krzebiet*, *krzybiet*, *krzybiót*, *krzywiót*, *skrzybiet*, *krzept*, *krzeptowina*, *pokrzept*, *krzep*, *pokrzep*, *krzypt*, *skrzypt*, *krzybiec*, *krzypiec*, *krzybon*, *chrzbiel*, *rbetowina*, *chrzybiet*, *chrzybiot*, *chrzybietny kość*, *chrzept*, *chrzeptowina*, *pochrzept*, *chrzypt*, *chrzybiec*, *chrzybion*, *chrzybon*, *chrebet*, *chrebiot*, *chrybet*, *chrybiet*, *chrybion*. Наиболее распространённая семантика – ‘спина’ или ‘спина животного’, однако встречаются и другие значения: ‘нижняя часть позвоночника’, ‘верхняя часть позвоночника’, ‘нижняя часть спины, переходящая в хвост’, ‘торчащие кости на спине’ [MAGP 8/393]. «Słownik gwar polskich» приводит следующую семантику: ‘спина (человека и животного), иногда отождествляемая с позвоночником; мясо со спины свиньи; полоса сала, вырезанная из спины сви-

⁹ То есть в следующих контекстах: Втор. 33:11; 2Цар. 22:41; 3Цар. 12:10; 2Пар. 29:6; Пс. 17:41; Пс. 20:13; Пс. 65:11; Пс. 67:14; Пс. 68:24; Пс. 80:7; Пс. 128:3; Прит. 10:13; Прит. 26:3; Сирах. 21:18; Сирах. 35:22; Ис. 45:1; Иер. 18:17; Иер. 48:37; Вар. 2:33; Иез. 8:16; Иез. 9:11; Иез. 41:15; Амос. 8:10; Наум. 1:13; Рим. 11:10.

ни; горб; верхняя часть, край; вершина возвышенности, горы; склон возвышенности, горы; два отвала земли, появившиеся в результате пахоты и накладывающиеся друг на друга' [SGP 29: 319–321].

В лужицких говорах континуанты *хгьвьть также значительно варьируются: *křebět, kšebět, sčebjät, ščebjät, ščebet* 'спина' [SSA 6/36].

В полабском слово *grěbāt* обозначало преимущественно спину, хотя отмечены и значения 'позвоночник' и 'горб' [SEJDP 2: 183].

В древнерусском *хръвьтъ*, по-видимому, означал всю спину, во всяком случае, на это указывает текст «Повести об Акире Премудром», где *хръвьтъ* противопоставлен чреву, животу: и да^х емѣ по хрѣвѣтѣ. ꙗ. ранѣ. а по чревѣ. ꙗ. ранѣ. и посади^х и под сѣнами своими [ДПНКРЯ].

Более поздние памятники говорят о том же [СПНКРЯ]:

Широкии плеча и широкий хребет указуютъ крѣпость сердечную и легкомие. (Тайная Тайных, 1470–1550);

<...> а митрополита затеснили и манатию на немъ с ысточники изодрали, а боярь в хребеть толкали. (Первое послание Ивана Грозного Курбскому, 1564).

В современном русском *хребет* обозначает в первую очередь позвоночник, но может относиться и к спине в целом. То же относится и к украинскому *хребѣт* [СУМ 11: 138] и белорусскому *хрыбѣт* [ТСБМ 5-2: 216]. В белорусских говорах в значении 'спина' отмечаются формы *хры́бет, хрыбці́на, хрыбья́ціна, грыбѣт* [ЧТС 2006: 198].

Сумма этих данных заставляет нас считать, что основным значением *хгьвьть в праславянском было именно 'спина'. При этом мы никак не можем согласиться с В. Борысем, который считал, что *хгьвьть в праславянскую эпоху ещё не имело соматического значения [Wogůs 2020: 4].

Перейдём к особенностям реконструкции формы этого слова. Большое разнообразие среди потомков *хгьвьть привело к тому, что в науке был сделан ряд попыток восстановить параллельные праславянские формы: *skrġвьть [Holub, Korečnŭ 1952: 134; Snoj 2016: 239], *xribъть [Sławski 1: 366–367; ЭССЯ 8: 96–97; Bańkowski 1: 493; Worys 2005: 184; Шапошников 2: 501], *kri(ь)вьть [Schuster-Šewc 1963: 862], *grġвьть [Rejzek 2001: 216].

Реконструкция *skrġвьть базируется на польском диалектном *skrzybiet*. Однако, на наш взгляд, эта форма вторична. Появление вто-

ричного *s*- перед группой *krz*- в польском известно: *kridlo > *skrzydło*¹⁰ 'крыло'. Чешский предоставляет нам примеры вторичного *s*- перед *tř*-: *čerwo > *střevo* 'кишка', *čegrъ > *stěp* 'черепок'.

Варианты с *-i*-вокализмом можно объяснить контаминацией *хгьбъ и **хгьбъ*¹¹. Формы на *k*- ограничены западнославянскими языками и, вероятно, возникли в результате диссимиляции перед *-ř*-. Наконец, формы с *g*- объясняются аттракцией к континуантам **гьгьбъ*¹².

Ближайшим родственником *хгьбъ, по-видимому, является *хгьбъ > ц.-сл. *хригъ* 'спина' (Погодинская псалтырь) [SJS 4: 795], слвн. *hrīb* 'холм', схр. *hrīb* 'холм', др.-чеш. *chřib* 'холм' [VW], пол. топоним *Chrzybsko* (в настоящее время *Chrzypsko*)¹³ [Kozierowski 1916: 89]. Если полагать, что значением *хгьбъ было 'холм', на что, кажется, указывает большинство данных, то встает вопрос о том, является ли в случае *хгьбъ значение 'спина' производным от 'холм'. В целом более обычен переход от соматических терминов к географическим, однако и обратный сценарий является вполне вероятным. В качестве параллели достаточно указать на развившееся у слова *gorá* значение 'женская грудь' в русских говорах [СРНГ 7: 17].

Формант **-ьт* в *хгьбъ является изолированным. А. Вайан видел в *хгьбъ deverбалив от глагола на **-ьtati* [Vaillant 4: 699].

Мы полагаем, что в данном случае **-ьт* мог выступать как формант, параллельный **-ькь*, подобно параллелизму **-ьт* и **-ькь* (см. [Саенко 2019а]). Формант **-ьт* первоначально присоединялся к основам на заднеязычные, а затем – на *-l*- и губные согласные. То же можно наблюдать в случае **-ука* / **-ута*: *woldyka 'владыка', но *molkyta 'вид ивы', *orkyta 'ракита' и, возможно, *wolkyta. Можно говорить о некоем стремлении к эффонии в позднем праславянском: если основа заканчивалась на заднеязычный, *l* (который, видимо, имел денталь-

¹⁰ Можно, конечно, считать это реликтом *s-mobile*, ср. литовское *skrieti* 'лететь' [ЭССЯ 12: 153], однако формы с *s*- за пределами польского не представлены, что заставляет сомневаться в их древности.

¹¹ Ф. Славский указывал на варьирование *ь/и* в пол. *drzwi* – др.-пол. *dźwirze* 'двери', пол. *cerkiew* – др.-пол. *cyrkiew* 'церковь', ст.-сл. *цръкы* – *църкы* [Sławski 1: 367].

¹² В качестве альтернативы предлагают озвончение *k* в соседстве с сонорным, указывая на примеры слов *drzazga*, *gruczol* и *grusza* [Sławski 1: 367].

¹³ Иного мнения придерживался С. Роспонд, который производил этот топоним от *chrzyp* 'хвоц' [Rospond 1984: 56]. К сожалению, нам не удалось найти никакого подтверждения существования такого слова в польском языке и его диалектах.

но-велярный характер) или губной согласный, то предпочтение отдавалось суффиксу с *-t-*, а основы на зубной согласный присоединяли суффиксы с *-k-*.

На первый взгляд, **-ькъ* не следует этой схеме, мы встречаем его только с основами на заднеязычный: **wьlькъ* > **wьlьцькъ* 'волчок'; **gogь* > **goзькъ* 'рожок'; **bogь* > **boзькъ* 'божок'; **byкъ* > **byцькъ* 'бычок' (сев.); **br'uxь* > **br'uшькъ* 'брюшко' (сев.); **cьvьgčati* > **cьvьgьцькъ* 'сверчок'; **xьgkati*, **xьgčati* > **xьgьцькъ* 'хомяк' (зап.-юж.); **skočiti* > **skoцькъ* 'прыгун' [Sławski 2011: 68–69]. Однако поскольку заднеязычные перед **-ькъ* переходили в **č*, **ž*, **š*, «неблагозвучных» сочетаний двух заднеязычных не возникало.

Не исключено, что **-ьтъ* выступал в положении после основ на губные как формант, параллельный **-ькъ*, однако поскольку **xьgьbьтъ* является единственным примером с этим формантом, судить трудно.

Что касается аблаутных отношений между **xгibь* и **xгьbьтъ*, на хорошую параллель указал Вайан: **muxa – *mъšica* [Vaillant 4: 699].

Под вопросом праславянский статус формы **xгibьтъ* (см. [ЭССЯ 8: 96–97]). Возможно, это результат контаминации **xгibь* и **xгьbьтъ*.

Перейдём к этимологии. Некоторую проблему представляет начальный **x-*, из-за чего были предложены версии о звукоподражательном или заимствованном происхождении этих слов. Часть учёных источник начального **x-* в данном случае ищет в **sk-* или **sg-*. К сожалению, условия перехода **sk-* > **x-* пока что точно установлены не были (см. некоторые работы на эту тему: [Schuster-Šewc 2000; Vičovský 2008; Matasović 2011; Šefčík 2013; Шапошников 2015]).

С. Микуцкий считал, что хребет и ребро так названы, поскольку они хрустят, связывая эти слова с чеш. *chropati* 'храпеть'¹⁴, пол. *chrobot* 'шорох, скрип, хруст', русским диалектным *хробостеть* 'стучать, греметь, грохотать, трещать, громко хрустеть' и рядом других славянских и балтийских слов [Микуцкий 1855: 335–336]. Примерно в том же ключе рассуждал Бернекер, считая, что **xгьbьтъ* может быть звукоподражательного происхождения, что он связывал с хрустом позвонков позвоночника. Среди потенциальных родственников **xгьbьтъ* он указывал на **xгobакъ* 'жук' и болгарское *хърбел* 'зубрина; черепок' [Berneker 1908: 404–405]. Ономастическую версию трудно оспаривать, однако представляется, что названия спины и позвоночника не относятся к вещам, склонным получать звукоподражательные обозна-

¹⁴ В современном литературном чешском – *chrápat*.

чения. Сложно также игнорировать фонетические различия между *хгъбъть и предложенными сопоставлениями.

А. Калина предложил связывать *хгъбъть с рядом греческих и латинских слов: *kára*, *kár* 'голова', *kárhoov* 'голова, вершина', *κορυφή* 'макушка, вершина', *ῥάχις* 'хребет, спина', *cernuus* 'падающий головою вниз', *cervix* 'шея, затылок' [Kalina 1888: 772]. Эта этимология противоречит современным представлениям об исторической фонетике праславянского.

Г. Петерссон сравнивал *хгъбъть с греч. *kárho* 'стягиваю, покрываю морщинами, иссушаю; гну, сгибаю', *kárhoс* 'сухая щепочка или палочка, высохшая веточка, соломинка', *kárho* 'сено', *καρφηρός* 'сделанный из сухих соломинок', *καρφαλέος* 'сухой, высохший', лит. *skrėbti* 'твердеть, сохнуть' и рус. *коробить*, реконструируя пракорень *qhrebh- / *qhṛbh- / *qhrejbh- / *qhribh-. В *-bh-* он видел «расширитель корня», считая *qhrebh- родственным санскр. *khārah* 'твёрдый, крепкий', *kharma* 'грубость', греч. *kárhoс* 'острозубый, зубастый', *καρχαλέος* 'пересохший' и др. [Pettersson 1914: 371]. Однако Р. Бекес, указывая на *-a*-вокализм греческого корня карф-, считал его субстратным элементом [Beekes 2010: 651–652]. Русское *коробить* (< *korbiti) серьёзно отличается от *хгъбъть в фонетическом отношении и вероятнее связано с *коробом* [ЭССЯ 11: 52]. Литовское *skrėbti* разнится с *хгъбъть в плане вокализма.

А. И. Соболевский пытался связать *хгѣвь и *хгъбъть с *Ῥίται* 'Рифейские горы', которое, по его мнению, было заимствовано из скифского *hripa*, *hriba* 'гора' [Соболевский 1924: 32]. Однако никаких доказательств существования в скифском языке такого слова Соболевский не приводил.

Ещё одна гипотеза о заимствовании принадлежит П. Скоку, который считал, что *хгѣвь и *хгъбъть имеют субстратное происхождение и пришли из доиндоевропейского *gṛpa < *gṛep(p)-, приводя в качестве аргументов далматинские топонимы *Gripa*, *Fripa*, *Hripa*, рум. *răpă* 'обрыв, круча, овраг' (а также родственные формы в других балкано-романских языках) и алб. *shkrep* 'скала' [Skok 1: 685]. Мы полагаем, что данная версия недостаточно хорошо аргументирована. Румынское слово является потомком латинского *rīpa* 'берег' (семантический сдвиг 'берег' > 'обрыв' совершенно не удивляет). Албанское же *shkrep* В. Орёл рассматривал как префиксальный дериват от *krep* 'скала', являющегося потомком праалб. *krapa [Orel 1998: 195, 423].

Предполагалось родство *хгьвьть с *гьгьь [Holub, Korešný 1952: 134; Machek 1968: 187; КрЭс 482; Rejzek 2001: 216]. Однако для этого надо как-то объяснять серьёзные расхождения в консонантизме¹⁵ и вокализме.

П. Я. Черных выводил интересующее нас слово из праиндоевропейского *(s)kreib- / *(s)krib-, производного от *(s)ker- ‘гнуть, сгибать’, считая его родственным лтш. *kribas* ‘плетёная часть саней’ и др.-в.-н. *href* ‘плетёная корзина (для носки на спине)’ [Черных 2: 355; Pokorný 1959: 937]. Эту этимологию ослабляет необходимость постулировать для славянского слова *s-mobile*.

О. Н. Трубачёв связывал *хгьвь и *хгьвьть с глаголом *skrebtī ‘скрести’ [ЭССЯ 8: 108], что плохо в отношении корневого вокализма. А. К. Шапошников пытался найти выход, постулируя для глагола парадигму *хgrebtī, *хгьвq [Шапошников 2015: 367], но это кажется решением ad hoc.

Наконец, Р. Матасович предложил сравнивать *хгьвьть и *хгьвь с лтш. *skriþāt* ‘царапать’, лит. *skriēbti* ‘чертить, резать’, лат. *scribō* ‘черчу, вырезаю, пишу’ и др.-сканд. *hrifa* ‘царапать’ [Matasović 2011: 469]. В то же время др.-сканд. *hrifa* Г. Кронен связывает с корнем *kreip- (ср. лит. *kreipti* ‘клонить, поворачивать’) [Kroonen 2013: 241]. Что касается латышского *skriþāt*, оно в первую очередь связано всё же со славянскими глаголами *skripati, *skripēti ‘резать’ > ‘скрипеть’ [Варбот 1983: 16–21] и лишь затем, возможно, с корнем *skreib-.

В качестве параллели к семантической связи между ‘царапать’ и ‘холм’ Матасович приводит *grebtī и *greby, у потомков которого действительно есть географические значения (‘гребень холма’). Однако в данном случае связь вряд ли была прямой. Основным значением *greby было всё же ‘гребень, расчёска’, а значение ‘вершина холма или горы’ развилось через посредство ‘гребень петуха’ или ‘торчащая часть позвоночника животных’ (см. список потомков *greby в [SP 8: 194–195]).

Тем не менее именно предложенные Матасовичем сравнения с *skriēbti* и *scribō* кажутся нам наиболее перспективными из всех вышеописанных гипотез.

¹⁵ В качестве параллели к расхождению в консонантизме В. Махек приводил чешское *hrtan* / *chrtán* ‘гортань’, однако вряд ли это позднее и локальное изменение может как-то позволять игнорировать разницу между *g- и *x- в праславянском. К тому же *chrtán* можно объяснить влиянием др.-чеш. *chřipēti* / *chřipēti* ‘хрипеть’. Ещё хуже толкование Эндзеллина, который видел истоки этой разницы в чередовании *kh* // *gh* [Эндзеллин 1911: 127].

V.2. ЛОКАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ СПИНЫ

V.2.1. Перенос с названий других частей тела

Начнём со случаев переноса на спину названий других частей тела. Помимо описанных выше примеров ('лопатки' > 'спина', 'поясница' > 'спина', 'горб' > 'спина'), нам удалось найти ещё несколько случаев.

В македонском говоре села Враништица (Кичевско) спину обозначает слово *снага* [Дрвошанов 2005: 79], которое в литературном македонском значит 'тело'. Похоже, что мы имеем дело с сужением значения.

У молизских хорватов (Круч / Аккуавива-Коллекроче, пункт ОЛА 44а) спина обозначается словом *gri:ne* (< *griwъn'a) [ОЛА 9/30]. Таким образом, спина получила своё название как часть тела, на которой лежит грива.

В одном каринтийском словенском говоре (Кнежа / Графенбах, ОЛА 148) в значении 'спина' записано слово *řri:š* [ОЛА 9/30], которое соответствует литературному слову *križ* 'поясница'. В данном случае значение расширилось: 'поясница' > 'спина'. То же самое произошло в хорватском говоре деревни Добринь на острове Крк (пункт ОЛА 24), где в значении 'спина' известно слово *k'ri:ža* [ОЛА 9/30]. Такой же сдвиг в семантике можно найти в польских диалектах, где *krzyż* (в литературном языке 'крестец, поясница') довольно широко встречается в качестве обозначения спины человека и/или животного [ОЛА 9/30; MAGP 8/393]. Форма *kr'y'ža* 'спина' (Баранинцы, Закарпатская область, пункт ОЛА 465) объясняется польским влиянием.

Аналогичный дрейф, 'крестец' > 'спина', обнаруживается у славян на территории Румынии: *кръс* у банатских болгар [Стойков 1968: 116] и *kr's'tine* в сербохорватском говоре села Клокотич (пункт ОЛА 168) [ОЛА 9/30]. Учитывая большое количество сербизмов у банатских болгар, можно предположить, что в случае *кръс* мы также имеем дело с сербским влиянием.

В части сербохорватских говоров спина обозначается словом *kičma* (пункт ОЛА 46 *ki:čma*, 57 *kičma*) [ОЛА 9/30]¹⁶. Поскольку в XV веке это слово засвидетельствовано в значении 'волосы на голове' [RHiSJ 4: 944] и в словенском известно *kičma* 'лошадиная чёлка' [Pleteršnik 1: 396], в этом слове вполне закономерно видят производное с суффиксом *-ьт- от (*кука >) *kiika* 'коса' [Bezljaj 2: 30–31; Gluhak 1993: 316;

¹⁶ В одном словенском говоре на территории Хорватии (SLA 410) *'ki:čma* обозначает поясницу [SLA 1/60]. По-видимому, это хорватское заимствование.

ERNJ 1: 438]¹⁷. В таком случае на спину было перенесено название волос, на ней лежащих (либо у человека, либо, возможно, у лошади).

В части русских говоров спина обозначается словом *холка*. Отметим, что спектр значений этого слова в говорах довольно широк. Перечислим только основные: 'конская грива; шея; спина; зад; бедро; сустав; берцовая кость; щиколотка; мозоль; ступня ноги; горб верблюда; шишковатый нарост на стволе дерева; веретено с напряденными на нём нитками (как единица счета пряжи)' [СРНГ 51: 160–165]. Эту лексему связывают с *хохол* [Фасмер 4: 255; Черных 2: 347] или с глаголом *холить* [ЭССЯ 8: 66]. А. Е. Аникин пытается вывести её на прауровень, восстанавливая праславянское диалектное (восточнославянское) *xъlka < *skъlka и связывая с *kъlъkъ / *kъlka (о котором см. ниже) [НРЭ 2002: 256]. Однако, если учесть исключительно русскую географию данного слова и его позднее появление в памятниках письменности (с XVI в.), его проблематично реконструировать даже для древнерусского уровня, не говоря уже о праславянском. Мы полагаем, что более вероятна версия, связывающая *холку* и *холить*. В таком случае этимологическое значение слова *холка* – 'то, что холят; то, за чем ухаживают'. По всей видимости, исходной точкой было значение 'конская грива', затем 'часть шеи, смежная с хребтом'. Оба этих значения характерны для слова *холка* в литературном русском. Затем, с одной стороны, произошло расширение значения до 'спина', как в случае вышеописанного сербохорватского *kičma*. С другой стороны, это слово стало 'опускаться' по телу лошади вниз, обозначая бедро, сустав и т. д. Об этом см. соответствующий раздел ниже.

В белорусских говорах слово *сярэдзіна* 'середина' приобрело значение 'поясница', а в некоторых произошло расширение семантики, и это слово стало обозначать всю спину [ЧТС 2006: 198]. То же отмечается у слова *серёдина* в смоленских говорах [СРНГ 37: 202].

Параллельный процесс мы наблюдаем в случае украинского закарпатского *po'perek* 'спина' (пункт ОЛА 483), соотносящегося с украинским литературным *пóперék* 'поясница'.

В вологодских говорах в значении 'спина' записано слово *стан* [СВГ 10: 118]. Вероятно, здесь шло сужение значения: 'туловище' (это значение известно с XVI века [СлРЯ XI–XVII 27: 196] до современности) > 'спина'.

¹⁷ В свете этого следует отбросить версию о заимствовании из тур. *kiç* 'зад, задница' (ср. [RHiSJ 4: 944; ОЛА 9/30]).

В русских говорах в значении 'спина' известно слово *тыл* [СРНГ 45: 322]. Мы полагаем, что в праславянском слово **tyľ* обозначало затылок (что, кстати, хорошо сохранилось и в русских говорах), и в данном случае речь идёт о переносе названия с одной части тела на другую. Спину обозначает *тѣмль* и в чешскоцерковнославянском, правда, только в составе оборота *обратити сѧ тѣмльмь* [SJS 4: 542].

У казаков-некрасовцев слово *ребро́* стало обозначать 'позвоночник; спина (рыбы); место прикрепления спинного плавника у рыбы' [СРНГ 34: 361].

В русских говорах Восточного Казахстана в значении 'спина' отмечено слово *остов* [СРНГ 24: 68]. Вероятно, промежуточным звеном при семантическом дрейфе был 'позвоночник'.

V.2.2. Перенос с названий одежды

В некоторых случаях на спину метонимически переносятся предметы, которые на ней носят или к ней прилегают. В первую очередь это тверское и московское *кошлы* 'плечи, спина' [СРНГ 15: 151]. С учётом того, что в значении 'верхняя часть спины, заплечье' записаны слова *кошлы́, кошелы́, кошелки* [Мызников 2003: 106], отправная точка – это слова *кошель* и *кошёлка*, обозначающие в говорах различные виды сумок.

В вологодских говорах в значении 'спина' записано слово *лямка* [СРНГ 17: 276].

Есть случай переноса на спину названия части одежды. В ярославских и костромских говорах засвидетельствовано слово *изна́чка* 'спина человека; спинка костюма' [СРНГ 12: 156]. В этом случае первое значение следует признать производным от второго. Само слово соответствует литературному *изна́нка* 'внутренняя сторона одежды'.

В тульских говорах слово *седёлка* 'седло' приобрело значение 'спина лошади', а переносно также 'спина человека' [СРНГ 37: 112].

V.2.3. Прочие обозначения

У Даля в значении 'горб; спина; загривок' записано слово *хох-ря́к*, которое шире известно в значениях 'шишка, бугор, кочка' и т. д. [СРНГ 51: 351]. Вероятно, дрейф шёл следующим путём: 'шишка' > 'горб' > 'спина'.

В русских говорах представлены формы *стен* 'спина лошади; место на спине лошади, куда кладётся седло; часть шеи и хребта лошади'

ди, где грива; часть шеи, холка (животного)', *stena* 'спина (человека)' [СРНГ 41: 138], *stеть* 'спина коровы, быка, (чаще) лошади; место на спине лошади для седла; часть шеи и хребта лошади, где грива; загривок; холка у лошади; часть туловища животного между передними ногами; часть мясной туши – лопатка' [СРНГ 41: 145]¹⁸.

Скорее всего, с этимологической точки зрения, эти формы идентичны географическому термину – рус. *стень*, укр. *стен*. Важно понять, в какую сторону шёл перенос: от соматического термина к географическому или наоборот. Более обычен, конечно, первый вариант, ср. рус. *горный хребет*, *подошва горы*, рус. диал. *горб* 'холм' и т. д. Согласно гипотезе В. А. Меркуловой, дрейф значений у *стьрь (на такую реконструкцию указывает украинский) шёл следующим путём: 'спина' > 'луг, пастбище на возвышенном месте, поляна на возвышенном месте' > 'степь' [Меркулова 1971: 86–91]. Правомерность реконструкции *стьрь для праславянского уровня, учитывая его ареальную ограниченность, остаётся под вопросом.

Русское диалектное *жох* 'одна из сторон игральной бабки, плоская с желобом сторона игральной бабки, выпуклая сторона бабки; лежачее положение игральной бабки, лежачее положение бабки круглой, выпуклой стороною кверху или вниз' во владимирских говорах засвидетельствовано также в значениях 'выпуклый бок кривого бревна' и 'спина' [СРНГ 9: 217–218]. По происхождению слово, по-видимому, является тюркизмом [НРЭ 2002: 84–90].

Отмечены производные от слова *хребет*: *захребётница* 'спина', *захребёток* 'хребет, спина; затылок, загривок' [СРНГ 11: 163]. Аналогичные случаи вытеснения исходного наименования производными от него же известны и для других соматических терминов. Например, на месте *týľ в значении 'затылок' во многих славянских языках используются приставочно-суффиксальные дериваты: слвн. *zatiľnik*; схр. *zatiľiak*, *zatiľak* [РСКНД 6: 467]; чеш. диал. *zatiľek*, *zatiľec*, *zatiľi*, *zatiľe* [ČJA 1/49]; слвц. *zatiľok*, *zatiľia* (n.) [SSJ 5: 549]; русск. *затылок*, диал. также *затыл*, *затылица*, *затылочье*, *затыльник* [СРНГ 11: 117–118]; схр. *potiľjak*; пол. *potylicza*; рус. диал. *потылка*, *потылок*, *потыльница* [СРНГ 30: 321–322]; укр. *потылиця*; бел. *патыліца*, диал. также *патылак* 'затылок'. Небо (праслав. *nebo) в польском называется словом *podniebienie*. В русских говорах известно слово *запятак* 'пятка' [СРНГ 10: 375].

¹⁸ Отдельным вопросом остаётся то, как с этими формами соотносится *стень* 'хребет животного' [СРНГ 41: 136].

Не вполне понятно, какова этимология записанного в деревне Богдюки Брестской области слова *гэтал* («н'ёшта мой гётал' бал'йц'») [Сцяшковіч 1972: 135]. Поскольку это гапакс, сложно определить, верно ли была записана эта форма, и не является ли это, например, искажением слова *тал* 'талия', которое в брестских говорах бывает и мужского рода (см. [Сцяшковіч 1983: 479]). Вряд ли можно видеть здесь окказиональный дериват от *гэты* 'этот'.

Без объяснения остаётся записанное в пункте ОЛА 73 (Горана, Черногория) слово *ko'ri:s* 'спина'.

V.2.4. Заимствования

В нескольких хорватских говорах записаны формы *ški:na* (пункт ОЛА 24), *ški:na* (ОЛА 42, 43), *ški:na* (ОЛА 44) [ОЛА 9/30], заимствованные из итальянского *schiena* 'спина; хребет, позвоночник', которое, в свою очередь, заимствованно из лангобардского *skina* [Prati 1959: 879].

В чешском к спине животного или (пейоративно) человека может применяться германизм *semr* < нем. *Ziemer* 'хвостовая часть, зад, огузок (дичи)' [Rejzek 2001: 104].

В воронежских и донских говорах засвидетельствованы слова *кабарёжка* 'спина', *кабаржіна* 'хребет, скелет (человека, животного), *кабаро́жка* 'спина, спинной хребет; тощая скотина; (бранно) о человеке' [СРНГ 12: 283], вероятно, тюркского происхождения. Ср. тат. *кабырга*, башк. *кабырга*, азерб. *qabırğa* 'ребро' и т. д., восходящие к пратюркскому *каруга, которое, в свою очередь, скорее всего является монголизмом, ср. [ЭСТЯ 5: 275–276; СИГТЯ 2001: 275].

В западных русских говорах в значениях 'затылок' и 'хребет, спина' записан полонизм *карк*¹⁹ [СРНГ 13: 91].

В новосибирских говорах засвидетельствована форма *кирса* 'спина' [СРНГ 13: 224]. Р.М. Козлова пытается вывести её из праслав. *къгса, однако для этого ей приходится постулировать нестандартное развитие группы *СъrС* [Козлова 1990: 340]. На наш взгляд, перспективнее сравнивать это слово (несмотря на различие в семантике) с встречающимся в сибирских говорах *кирсен*, *кырсен* 'грудная часть бараньей туши' [СРНГ 13: 224], которое заимствовано из южнобурятского *хэрсэн* 'баранья грудинка, жаренная на костре' или подобного источника [Аникин 2000: 292].

¹⁹ Об истории семантики этого слова см. [Саенко 2020в].

VI. НОГА ЧЕЛОВЕКА

Праиндоевропейское обозначение ноги *rōds (> санскр. *pāt*, греч. ποῦς, лат. *pēs* и др.) было утрачено в праславянском, хотя сохранилось производное *rěšь(ь) ‘пеший’. На его место пришло слово *nogā (акцентная парадигма с [Зализняк 2019: 169; Derksen 2008: 354–355]), которое, возможно, первоначально являлось собирательной формой от *nogos ‘ноготь’ [ЭССЯ 25: 161–164].

Этот семантический дрейф можно наблюдать в семантике балтийских когнатов славянского слова: лит. *nāgas* ‘ноготь’, *nagà* ‘копыто; коготь’, лтш. *nags* ‘ноготь; коготь; копыто’, прус. *nage* (f.) ‘нога’.

В целом обозначение копыта как ногтя довольно распространено в языках мира. Приведём несколько примеров: лат. *unguis* ‘ноготь; коготь; копыто или нога лошади’; алб. *thua* ‘ноготь’ > *thundër* ‘копыто’ [Orel 1998: 481]; тур. *turnak* ‘ноготь; коготь; копыто’.

В качестве параллели для сдвига ‘копыто’ > ‘нога’ приводят лат. *gamba* ‘копыто; подколенный сустав’ > фр. *jambe*, ит. *gamba* ‘нога (в том числе человека)’ [ESJS 9: 549].

Хронологически ситуацию можно представить так:

1. На праиндоевропейском уровне ноготь, копыто и нога обозначались разными корнями – *h₃nog^{whs}, *k^horNos и *rōds соответственно.

2. На прабалтославянском уровне старое название копыта вытесняется инновационным, образованным от названия ногтя.

3. В праславянском новое название копыта, *nogā, первоначально могло пейоративно применяться к человеческой ноге. Затем пейоративность была утрачена, и *nogā стало основным обозначением ноги. В значении ‘копыто’ на его место пришло инновационное *kopyto. В значении ‘ноготь’ сохранился старый корень, однако вместо ожидаемого *nogь стал использоваться диминутив *nogъть (подробнее о форме -ъть см. [Саенко 2019a]).

Таблица 11

Обозначение ногтя, копыта и ноги
в праиндоевропейском, прабалтославянском
и праславянском языках

	ПИЕ	ПБСл	ПСл
ноготь	*h ₃ nog ^{whs}	*nogos	*nogъть
копыто	*kópHos	*nogā	*kopyto
нога	*pōds	*pēdā	*noga

Слово *noga очень устойчиво в славянском мире. Перечислим его континуанты в литературных славянских языках: мак. *нога*, схр. *nòga*, слвн. *nóga*, словц., чеш., в.-луж. *noha*, н.-луж., пол. *noga*, бел. *нага́*, укр., рус. *нога́*. Единственный ареал, где оно было вытеснено инновацией, – большая часть Болгарии, где нога стала обозначаться словом (*kōtkъ >) *крак* [ОЛА 9/43; БДА 1/241; БДА 4/345; БДА СЗ/329].

С семантической точки зрения следует подчеркнуть, что в славянских языках взаимоотношения между потомками *noga и *stopa устроены иначе, чем в германских и романских языках, где стопа (англ. *foot*, нем. *Fuß*, фр. *piéd*, ит. *piède* и т. д.) – это активный орган, связанный в первую очередь с хождением, а нога в целом (англ. *leg*, нем. *Bein*, фр. *jambe*, ит. *gamba* и т. д.) – это обозначение всей конечности в целом вне связи с хождением. В славянских языках хождение связано в первую очередь с континуантами *noga, а потомки *stopa – это слова с относительно узкими значением и сферой употребления. По всей видимости, такое же распределение было характерно и для праславянского.

VII. НОГА ЖИВОТНОГО

VII.1. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *LAPA

В славянских языках сравнительно широко представлены континуанты *lápa (а. п. *a*), которые обычно обозначают конечность непьюпытных животных, пейоративно могут также переноситься на человеческие части тела¹: схр. диал. *lāpa* [РСКНЖ 11: 224], чеш. *tlapa*, словц. *laba*, *dlaba*, *dlapa*, *tlapa*, пол. *lapa*, бел., укр., рус. *lána*.

Болгарское *lána* является русизмом [БЕР 3: 309]. Македонское литературное *lana* – вероятно, также русизм либо сербизм.

В чешском и словацком представлены формы, по-видимому, с вторичным начальным согласным, на что указывает уже даже само колебание *d/t*. В моравских говорах есть также вариант *dlapa* [Machek 1968: 645]. В тешинских польских говорах засвидетельствованы формы *dlapa* ‘большая ладонь’ и *dlapka* ‘мухобойка’, а на юге Малопольского воеводства – *dwǫpki* / *dʰopki* ‘два сходящихся бруска, в которых крепится дрога телеги’ [SGP 15: 542], которые можно объяснить моравским и словацким влиянием. Х. Шустер-Шевц со ссылкой на сообщение М. Грухмановой упоминает также польское диалектное *glapa* [Schuster-Śewc 1963: 178], однако такая форма неизвестна современному «Словарю польских говоров», в котором можно найти только *glapcie* ‘продольные брусья бороны, в которой сидят зубья’ [SGP 26: 410]. В работах же самой Грухмановой обнаруживаются только *glapki* ‘ноги птиц’ / *glapy*ⁱ ‘ноги животных’ [Gruchmanowa 1969: 129] и *glapka* ‘нога птицы’, *glapa* ‘нога птицы, животного’ наряду с *gapa*, *glapa* ‘ворона’ [Gruchmanowa 1970: 45–46]. Наличие в польских диалектах слова *glapa* ‘птица; ворона; грач’² [SGP 26: 366–367] не вызывает сомнения, но вряд ли оно связано с *lapa*, скорее имеет звукоподража-

---

¹ На древность такого переноса указывает праславянское производное *larъть ‘лапоть’.

² В словаре Бандтке мы, правда, находим именно *glapa* ‘ворона (великопол. диал.)’ с *l* [Bandtkie 2: 1975], одно это может быть ошибкой самого Бандтке.

тельное происхождение [Sławski 1: 281–282]. Значение ‘нога птицы’ может быть результатом паронимической аттракции *glapa* и *lapa*.

Наличие этих вторичных согласных пытались объяснить контаминацией с немецким *Tappe* ‘след ноги’³ [Ильинский 1917: 194–196] или чеш. *dlaň* [Kroonen 2013: 340].

На основании чешского *tlapa* Соболевский пытался реконструировать *tlapa для праславянского [Соболевский 1913: 95]. В пользу первичности начального кластера высказывался также А. Брюкнер [Brückner 1914: 207]. Век спустя эта идея была реанимирована С. Л. Николаевым, который предположил, что нижегородское диалектное *клары* ‘руки и ноги’ [СРНГ 13: 265] – это реликт диалекта верхневолжских кривичей, и эта форма восходит к *tlapa [Николаев 2011: 11]. Однако даже если не обращать внимания на то, что данная форма – гапакс, и считать её архаизмом, то ничто не мешает связывать её с *klapati ‘стучать’ (см. [ЭССЯ 9: 184–185], где восстанавливается как глагол *klapati, так и отглагольное существительное *klapa). Как справедливо отметил уже Ильинский, проблемы реконструкции *tlapa состоят в том, что польское слово придётся считать русизмом, а от традиционной этимологии (см. ниже), которая хороша как формально, так и семантически, отказаться в пользу непонятно чего [Ильинский 1917: 194–196].

Х. Шустер-Шевц пытался включить в число родственников *lapa в.-луж. диал. *kl'abora, kl'abra* ‘нога (пейор.)’, др.-чеш. *klabonosý* ‘горбоносый’, чеш. *klabonos* ‘горбинка носа у животных’, рус. диал. *кляпоносый* ‘имеющий сплюснутый и загнутый на конце нос’ и *кляплый* ‘согнутый’ [Schuster-Šewc 1963: 178], однако эти сравнения маловероятны в фонетическом плане.

Встречаются также формы с *-b-* вместо *-p-*. Помимо вышеупомянутого словацкого *laba*, это польское диалектное *laba* [Karłowicz 3: 64] и укр. диал. *лаба* [СУМ 4: 427]. В применении к словацкому это *-b-* объясняется как возникшее или в результате обратного словообразования из диминутива *lapka*, или под влиянием венгерского *láb* ‘нога’ [Králik 2015: 313]. Первый вариант нам кажется более правдоподобным, особенно в свете наличия украинских и польских форм. См. историю рус. *ляха* ниже.

Начиная с Миклошича родственников *lapa искали в балтийских и славянских языках [Miklosich 1886: 160]. Сюда относят лит. диал. *lópa* (а. п. 1), *lopà* (а. п. 2) ‘лапа’, лтш. *lāpa, lēpa* ‘лапа’ [Derksen 2015:

³ Сам Ильинский глоссировал немецкое слово как ‘лапа’.

292–293; Smoczyński], прагерм. *lōfō, gen. sg. *lappaz ‘ладонь’ (> гот. *lofa*, др.-сканд. *lófi*) [Kroonen 2013: 340–341], арм. диал. *lup‘, *lap‘ ‘ладонь’ [Martirosyan 2010: 304–306], курд. *lap* ‘кисть, ладонь; лапа; рука; горсть’ [Цаболов 1: 577]. Если армянские и курдские формы действительно относятся к тому же корню, то можно было бы спроецировать данное слово (*leh₂peh₂) на праиндоевропейский уровень и предпочтительной семантикой было бы ‘ладонь’. Для прабалтославянского в таком случае пришлось бы предполагать перенос названия части тела человека на животное. Конечно, более обычен обратный перенос, но именно сдвиг ‘ладонь’ > ‘лапа’ мы находим в части скандинавских потомков *lōfō: норв. *labb* ‘лапа’, фар. *labbi* ‘лапа’ [Kroonen 2013: 340].

Менее распространено мнение об ономапопеическом происхождении славянского слова [Holub, Korešný 1952: 386; ЭССЯ 14: 27]. Л. Кралик разделяет этимологию словацких форм *laba* с одной стороны и *dlaba*, *dlapa*, *tlapa* с другой. Первую он связывает с праславянским *lapa [Králík 2015: 313], а вторые считает ономапопеическими [Králík 2015: 127, 615].

Версию Х. Шустер-Шевца о происхождении *lapa от *(s)kel- ‘сгибать’ [Schuster-Šewc 1963: 178] следует признать маловероятной (см. выше критику привлекаемых лужицким учёным сопоставлений).

В этимологической литературе нередко говорится о родстве *lapa ‘лапа’ и *lopata ‘лопата’. Однако, как справедливо отметил Р. Дерксен, при реконструкции *leh₂peh₂ это становится проблематичным фонетически, и, возможно, исходно это два разных корня [Derksen 2008: 269].

VII.2. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *КОРКЪ

Реконструкция семантики слова *kōrkъ представляет некоторую сложность, поскольку его прямые потомки сохранились почти исключительно в южнославянских языках (тем не менее вряд ли приходится сомневаться в праславянском статусе слова с такой структурой, кроме того, производные представлены и в западнославянских языках⁴). Перечислим его основные континуанты:

- болг. *крак* ‘нога’;
- мак. диал. *крак* ‘нога’;
- схр. *krâk* ‘длинная нога; длинная и тонкая нога (рака, паука, насекомого); нога человека; нога лошади’ [RHiSJ 5: 447–448]; ‘задняя лап-

⁴ Ср. полаб. *kori'ëtuc* ‘крот’ < *korkotošъ [SEJDP 2: 275].

ка лягушки; нога (пейоративно); щупальце; нога животного (диал.); корень зуба; шаг (поэт.)' [РСКНД 10: 410–411];

- схр. диал. *kr'ak* 'лягушачья лапка' [Lip|jin 2013: 586]; *krák* 'нога человека и некоторых животных' [Динић 2008: 358]; *kr'ak* 'нога (пейоративно)' [Жугић 2005: 168; Стојановић 2010: 393]; *kr'āk* 'нога; шаг' [Петровић et al. 2013:192];

- слвн. *krāk* 'задняя лапка лягушки; нога (пейоративно)' [SSKJ], 'длинная нога; кончики оленьих рогов; выступающая кость' [Pleteršnik 1: 455];

- слвн. диал. *k'rek* 'щиколотка' [Ivančić Kutin 2007: 57];

- рус. диал. *кóрок* 'окорок' (том.), *кóрок* 'бедро' (смол.) [СРНГ 14: 359], *кóрок* 'задняя часть ляжки' [Добровольский 1914: 345].

Кроме того, в форме *crac* 'нога' это слово было заимствовано в румынский.

Передко к потомкам *korǫkъ относят и польское *krok* 'шаг'⁵ [ЭССЯ 11: 77; Gluhak 1993: 342], однако, на наш взгляд, логичнее считать его, наряду с схр. *krōk* 'шаг', диал. *kr'ok* 'шаг' [Петровић et al. 2013: 192] и чеш., слвц. *krok* 'шаг' потомком отдельного слова *krokъ 'шаг'. Производным от этого корня является болг. диал. *крóкам / крóквам* 'шагаю' (см. [БЕР 3: 17]). При этом столь фонетически и семантически близкие слова в каких-то случаях могли переживать паронимическую аттракцию.

Соотношение *korǫkъ и *krokъ можно объяснить швебеаблаутом, ср. *plъtь 'кусочек ткани' (< **plōht-*) и *polъtno (< **polht-*) 'полотно'.

По-видимому, с *korǫkъ связаны также следующие формы, однако следует отметить разницу в интонации:

- слвн. *kráka* 'свиная нога' [Pleteršnik 1: 455];

- слвн. *kráča* 'свиная голень; нога человека (пейоративно)' [SSKJ];

- схр. *krāča* 'лопатка туши; нижняя часть бедра' [RHISJ 5: 428; РСКНД 10: 446].

На основании схр. *kòrāk* 'шаг', слвн. *korāk* 'шаг; промежность'⁶ реконструируют форму *koǫgакъ [ЭССЯ 11: 50], от которой был образован глагол *koǫgaciti [ЭССЯ 11: 50] (> рус. диал. *корачить(ся)* 'пятить(ся)' > *на корáчках* 'на четвереньках'). Ж. Ж. Варбот считает, что в случае *korǫkъ / *koǫgакъ можно говорить о вариативности суффиксов [Варбот 1984: 218]. В. Махек, основываясь на семантике русского

⁵ А также производные *krocze* 'промежность' и *okrakiem* 'расставив ноги'.

⁶ Произведение значения 'промежность' от 'шаг' наблюдается также в случае чеш., слвц. и пол. *rozkrok* 'пах', деривата *krok* 'шаг'.

слова, предлагал здесь фантастическое объяснение, согласно которому *когакъ – от слова *гакъ с приставкой *ко- [Machek 1968: 294]. Мы полагаем, что нельзя исключать в данном случае переосмысление основы с вычленением ложного суффикса *-ak*, как, например, в случае слвн. *woskъ > *vôsak*⁷ ‘воск’.

Дериват *о(б)когкъ напрямую связан с мясом на ноге животного, в первую очередь свиньи: схр. диал. *okrak* ‘голень или вся передняя нога у животных’ [RHISJ 8: 851], слвн. *okrâk* ‘свиная нога’ [Pleteršnik 1: 815], укр. (редк.) *ókorok* ‘окорок’ [СУМ 5: 676], рус. *ókorok* и т. д. (более подробный список форм см. в [ЭССЯ 27: 151])⁸. Этимологическое значение в данном случае, как верно указал М. Фасмер, – ‘мясо вокруг ноги’ [Фасмер 3: 130]. Почти полной параллелью в данном случае является украинское *ókicm* ‘окорок’ с такой же мотивацией.

От *когкъ образовано прилагательное с формантом *-ать (ср. другие прилагательные, образованные от соматизмов: *bordать, *golwать, *gъrbать, *nosать и т. д.), представленное схр. *krâkat* ‘длинноногий’ и укр. *карака́тий* ‘кривоногий’ [ЭССЯ 11: 77]. О его более широкой распространённости в восточнославянском ареале в прошлом говорит дериват – рус. *карака́тица* (заимствовано в бел. *карака́ціца* и укр. *карака́тиця*), в говорах также в значении ‘большая лягушка и, особенно рода, большая козявка’ [СРНГ 13: 70].

Существует также ряд форм, которые позволяют Р. М. Козловой видеть в данном случае корень с *s*-mobile: слвн. *skrâk* ‘задняя нога; длинная нога’, пол. *skrocz* ‘иноходь’ (при равнозначном *krocz*), н.-луж. *škrok* ‘пихтовые сучья’, *škrock* ‘пихтовый побег; небольшая пихта’ [Козлова 1985: 48]. Однако у нас нет уверенности, что *s*- в данном случае вообще можно проецировать на праславянский уровень, мы вполне можем иметь дело с приставкой *jъz-.

Вернёмся непосредственно к *когкъ. Значение ‘нога человека’, по-видимому, является результатом пейоративного употребления обо-

⁷ Графически *vosek*.

⁸ Курьёзным образом польское диалектное *okorek* ‘голень, верхняя часть ноги; окорок; кость окорока; жилистая часть ноги над коленом у свиньи, вола и т. д.’ [Karłowicz 3: 430] в ЭССЯ было включено в словарную статью *obkogъкъ/*obkogъка вместе с названиями досок с корой дерева (см. [ЭССЯ 27: 152]). На самом деле это очевидное восточнославянское заимствование с пересчётом суффикса, на что дополнительно указывает его кресовая география: Карлович взял эти формы из словариков А. Осиповича (августовский говор), А. Петрова (говор литовских поляков) и З. Глогера (тыкоцинский говор).

значения ноги животного. Вероятно, именно ногу животного *koŕkь первоначально и обозначало, правда не любого, а домашнего нехищного, в первую очередь свиньи. В этом отношении оно было противопоставлено *lara, относившемуся к ногам медведей, собак, кошек. В словенско-сербохорватском ареале *koŕkь было распространено на лапку ещё одного съедобного в некоторых культурах животного – лягушки. Вполне объяснимо и значение ‘длинная нога’: при пейоративном употреблении *lana* часто обозначает не просто конечность человека, а большую конечность.

За пределами славянской семьи *koŕkь сравнивают со следующими словами:

а) лит. *kárka* ‘свиная голяшка’ [Miklosich 1886: 131];

б) лит. *kárti* ‘вешать’ [Трубачёв 1: 618–619];

в) лтш. *karcinēt* ‘сидя болтать ногами’, *karcināt* ‘трясти, судорожно дёргать’ [ЭССЯ 11: 79];

г) алб. *krah* ‘рука; плечо; сторона; крыло’ [Meуer 1: 203–204], однако В. Орёл критиковал эту этимологию как проблематичную морфологически и видел в *krah* заимствование из славянского *kraǰь [Orel 1998: 193–194];

д) санскр. *kiṣkuḥ* ‘предплечье’ [Pokorny 1959: 624], что, однако, довольно проблематично фонетически;

е) прагерм. **skrekk-* ‘прыгать’ [Корецнý 1959: 129] – это сближение также слабо в фонетическом отношении, даже если постулировать *s-mobile*; отметим, что Г. Кронен реконструирует этот глагол как **skrikkōn-* [Kroonen 2013: 447–448];

ж) санскр. *krámati* ‘ступает, шагает’ [Machek 1968: 294] – фантастично в фонетическом отношении.

В свете реконструированной выше семантики *koŕkь наиболее перспективным представляется сопоставление с лит. *kárka* ‘свиная голяшка’, однако нельзя не обратить внимания на разницу в интонации – циркумфлекс в славянском слове и акут в литовском, так что этот вопрос требует отдельного объяснения. Если предположить, что верна гипотеза Трубачёва, то мы имеем дело с балтославянским дериватом с суффиксом *-k-* от корня **keŕH-* ‘вешать’ [LIV 2001: 353]. Циркумфлексная интонация праславянского *kōŕkь в таком случае может объясняться влиянием корня **k^weŕ-* ‘резать’ [LIV 2001: 391–392].

Отметим также гипотезу Р. М. Козловой, которая связывала *koŕkь с *(s)keŕ- ‘сгибать, крутить’ (эта этимология была поддержана М. Сноем [Snoj 2016: 343]), однако, как уже было сказано выше, мы не счита-

ем реконструкцию с *s- обоснованной. Кроме того, данная версия базируется на семантике кривизны, которую исследователь постулирует для корня *kogk- на основе дериватов *kogkuŕa, *kogkъь и др. [Козлова 1985]. Однако, согласно реконструкции ЭССЯ, эти формы восстанавливаются как *къгкуŕа / *къгкуль(ъ) и *къгкоŕь / *къгколь [ЭССЯ 13: 217], таким образом, непосредственно с *kogkъь они не связаны.

VII.3. Копыто

Обозначение копыта для праславянского надёжно восстанавливается как *korŭto 'копыто': болг. *kopŭto*, мак. *kopŭto*, схр. *korŭto*, слвн. *korŭto*, чеш., слвц., в.-луж., н.-луж., пол. *kopyto*, бел. *капѣт* (т.), укр. *копѣто*, рус. *копѣто*.

Это слово и его производные были заимствованы в румынский (*copită* 'копыто') и венгерский (*karca* 'портянка', *kartafa* 'сапожная колодка' [Benkő 1993: 688, 690]).

Обращает на себя внимание форма мужского, а не среднего рода в белорусском. Если обратиться к диалектному материалу, то видно, что маскулинизация обозначения копыта затронула почти все белорусские говоры, значительную часть украинских, некоторые русские и польские говоры, встречается также в части словенских говорков. Есть и случаи феминизации обозначения копыта – преимущественно в сербохорватских говорах, но имеются также в словенских, болгарских, польских и русских [ОЛА СФГ 5/44]. На наш взгляд, это поздние инновации, которых совершенно недостаточно для реконструкции форм двух (*kopyto / *kopyть [Schuster-Šewc 9: 619]) или даже трёх родов (*kopyto / *kopyta / *kopyть [ЭССЯ 11: 35–37]) на праславянском уровне.

Перейдём к семантике. В польском существует противопоставление *kopyto* (у непарнокопытных) – *racica* (у парнокопытных). В Бोरыйс даже утверждал на этом основании, что *kopyto могло обозначать копыто только коня [Boryś 2005: 249–250]. Однако это кажется маловероятным, поскольку континуанты и дериваты *ortъ, к которым относится *racica* [ЭССЯ 32: 214–215], характерны лишь для одного ареала в рамках славянского мира (чешский, словацкий, польский и украинский, в котором это может быть полонизмом), и вполне естественно здесь подозревать относительно позднюю и локальную инновацию. Вторичное различие названий копыт разных животных можно встретить в русских донских говорах: «У коровы не копыто, как у лошади, а раковина, они широкие» [СРНГ 34: 89].

Мы полагаем, что в праславянском *koryto было обозначением копыта любого животного, и в семантическом отношении противопоставление *noga – *lapa – *koryto вполне соответствовало тому, что мы находим в современном русском у слов *нога*, *лапа* и *копыто*.

В этимологическом отношении было предложено два основных решения. Согласно почти общепринятому, *koryto – это производное от *korati ‘бить ногой, пинать’ или от *kopati ‘копать, рыть’, и тогда внутренняя форма *koryto – ‘то, чем конь пинает’ или ‘то, чем животное роет землю’ [Miklosich 128; Brückner 1985: 256; Преображенский 2: 351; Berneker 1908: 565–566; Фасмер 2: 320; Sławski 2: 470; Boryś 2005: 249].

Вторая гипотеза видит родственников славянского слова в прагерманском *hōfaz ‘копыто’, санскритском śaphāḥ ‘копыто’, авестийском safa ‘копыто’ [Miklosich 1886: 128; Горяев 1896: 156; Zupitza 1904: 401; Machek 1968: 276]. Несмотря на семантическую заманчивость этого решения, оно проблематично в фонетическом отношении – *korNos⁹ должно было бы дать *sor-, а не *kor- в праславянском, и нужно в том или ином виде постулировать нестандартный, «кентумный», рефлекс *k̑ в праславянском (например, (s)k̑ > (s)k [ЭСБМ 4: 260]). В связи с этим З. Голомб считал *koryto заимствованием из кентумного языка, даже не упоминая об альтернативной этимологии [Gołąb 2004: 79]. Существует и промежуточная точка зрения, согласно которой прагерманское слово является родственником праславянского, а индоиранские – нет [ERHJ 1: 479]. На наш взгляд, это не слишком удачная попытка спасти вторую гипотезу.

Следует упомянуть о гипотезе В. Борыся, согласно которой п.-и.-е. *korNos сохранилось в праславянском в виде *sarь, давшем схр. *sāpi* (pl.) ‘крестец, круп (лошади)’, мак. *sanu* ‘крестец, круп’, болг. диал. *can* ‘круп’ и рус. диал. *can* ‘конские пути’ [Boryś 2007].

В оппозиции к этимологическому мейнстриму находился А. Баньковский, заявивший, что членение *kor-ut-o неубедительно по морфологическим и семантическим причинам, и предложивший совершенно фантастическую альтернативу: *ko-put-o с префиксом *ko- [Bańkowski 1: 796].

Добавим, что в свете вышеизложенной истории слова *noga, в определённый момент вытеснившего потомка *korNos в значении

⁹ Правда, Г. Кроонен полагает, что метатеза ларингала произошла не в индоиранском, а в прагерманском и следует восстанавливать праформу *koNros [Kroonen 2013: 238–239].

‘копыто’, вполне естественно видеть в *koryuto позднюю инновацию, никак с *korNos не связанную. Что касается внутренней формы *koryuto, то, на наш взгляд, более вероятна связь с копанием, рытьём земли, для чего есть полная семантическая параллель в арабском: *hāfir* ‘копыто’ < *h-f-r* ‘рыть, копать землю’ [Майзель 1983: 254]. Ещё одной потенциальной параллелью является вышеупомянутое *ortь, которое, возможно, является дериватом от *orti ‘царапать, скрести, чертить’ [ЭССЯ 32: 214–215].

Интерес представляет редкий суффикс *-yt-*, который помимо *koryuto мы находим в *koryto ‘корыто’, *orkyta ‘ракита’ и, возможно, *wolkyta¹⁰ [Burda 1870; Vondrák 1: 598; Vaillant 4: 700]. Сюда следует также добавить *molkyta ‘вид ивы’ [ЭССЯ 19: 189]. А вот название некоего музыкального инструмента из Краледворской рукописи *varyto* [Burda 1870: 94], по всей видимости, было выдуманно Ганкой.

В. Бурда полагал, что это расширение тематического *-y-*, подобно *kamukъ, и даже реконструировал праформу *kapan-ta-m. Аналогичную точку зрения высказал Преображенский [Преображенский 2: 351]. А. Брюкнер реконструировал исходные *kору и *когу [Brückner 1985: 488]. Как нами было показано ранее (см. [Саенко 2019а]), формант *-ьть* в праславянском первоначально присоединялся к основам на заднеязычный (включая *l) согласный, а впоследствии также на губной. Формы *orkyta, *molkyta, *wolkyta и *koryuto, похоже, следуют аналогичному принципу.

Иначе историю этого суффикса рассматривал П. Арумаа, который сопоставлял его с литовским диминутивным *-ūt-* (например, *paikštis* ‘птица’ > *paukštītis* ‘птенец’), пытаясь отыскать параллели также в латыни, греческом и санскрите [Arumaa 1963: 79].

Среди инновационных названий копыта можно назвать рус. диал. *отпятьши* ‘задняя часть пятки, копыто’ (Мурманская область) [СРНГ 24: 287], *отпятьши* ‘малое копытце (у оленя)’ (Терский район Мурманской области) [СРГК 4: 320], *роговица* ‘овечьё копыто’ [СРНГ 35: 125], *ступень* ‘копыто’ (Медвежьегорский район Карелии) [СРНГ 42: 97]. Последняя форма интересна переносом названия части человеческого тела (ступни) на тело животного.

¹⁰ Бурда и Вондрак называли в этой связи только рус. *волокига*. Сюда можно добавить украинскую и белорусскую формы (см. [Аникин 8: 161–162]), а также пол. *włokita* [Linde 3: 265].

VIII. БЕДРО

VIII.1. *BEDRA И *STEGNO

VIII.1.1. Определения *bedra и *stegno в этимологической литературе

В качестве двух наиболее распространенных обозначений верхней части ноги в славянских языках служат континуанты *bedrā и *stegnó [ОЛА 9/44]. При этом оба слова надежно реконструируются для праславянского состояния. Отметим, что первое в научной литературе восстанавливается чаще как *bedro, однако, как было показано ранее (см. [Саенко, Szeptyński 2022]), древнейшие памятники славянской письменности говорят в пользу реконструкции формы женского рода. Также весьма показательны в этом отношении польские диалектные формы со смешанной парадигмой – nom. sg. *biedra* / *biodra* (f.) при nom. pl. *biedra* / *biodra* или nom. sg. *biedro* / *biodro* (n.) при nom. pl. *biedry* / *biodry* [AGM 8/395].

Встречающиеся в литературе определения слов *bedra и *stegno см. в таблице 12. Добавим также, что Л. Кралик с опорой на этимологию осторожно предполагает, что изначально слово *stegno обозначало бедренную кость [Králik 2015: 554].

А. Лома на ограниченном материале памятников приходит к выводу, что древнейшим значением *bedro было ‘пояс’ [Лома 2017: 193].

Дефиниции из таблицы 12 противоречат друг другу, причем формулировки ЭССЯ и SP представляют собой перенесение на праславянскую почву семантики слов *bedro* и *biodro* в русском и польском языках соответственно. Р. Дерксен одинаково глоссирует как *bedro, так и *stegno. А. Д. Дуличенко даёт на первый взгляд разные, но на самом деле одинаковые определения.

Необходимо сказать, что русскому ‘bedro’ в ряде языков соответствуют два слова: одно обозначает часть ноги от коленного сустава до тазобедренного, а другое – боковую поверхность таза вокруг тазобедренного сустава. Такое противопоставление мы находим в

Рис. 4. Ареалы континуантов *bedra и *stegno в значении 'верхняя часть ноги' по данным Общеславянского лингвистического атласа (основная карта) и Словенского лингвистического атласа (вставка в правом нижнем углу).

Таблица 12

Встречающиеся в литературе определения слов *bedra и *stegno

	*bedra	*stegno
ЭССЯ [ЭССЯ 1: 179]	верхняя часть ноги от таза до колена, бедренная кость	–
SP [SP 1: 199]	область вокруг бедренной кости (okolica kości biodrowej (ilium), soxa, lumbus, femur)	–
Г. Шустер-Шевц [Schuster-Šewc 17: 1272]	–	бедро (продолговатая мышца бедра) (Oberschenkel (länglicher Oberschenkelmuskel))
А. Баньковский [Bańkowski 1: 52]	о выпуклости человеческого тела ниже пояса, спорадически также о других выпуклостях (o wypukłości ciała ludzkiego poniżej pasa, sporadycznie też o innych wypukłościach)	–
Р. Дерксен [Derksen 2008: 35, 466]	бедро (thigh)	бедро (thigh)
А. Е. Аникин [Аникин 3: 33]	бедро, чресло	–
А. Д. Дуличенко [Дуличенко 2014: 281]	бедро	часть ноги от таза до коленного сгиба
Э. Клотц [Klotz 2017: 72, 204]	бедро (Oberschenkel)	бедро (Schenkel)
В. Борысь [Boryś 2020: 23]	область вокруг бедренной кости (okolice kości biodrowej)	бедро (udo)

польском (*udo – biodro*), латыни (*femur – coxa*), французском (*cuisse – hanche*¹), английском (*thigh – hip*), немецком (*Oberschenkel – Hüfte*) и других языках. В деталях, конечно, возможны расхождения между отдельными языками, но основной принцип заключается в том, что одно слово обозначает часть ноги, а второе – часть туловища. Соответственно, когда мы по-русски говорим «у нее длинные бедра»² и «у нее широкие бедра», обычно мы подразумеваем разные вещи – в первом случае у женщины длинные бедренные кости, а во втором широкий таз.

Таблица 13

Разница между *femur* и *coxa* в некоторых европейских языках

	‘длинные бедра’	‘широкие бедра’
польский	długie uda	szerokie biodra
французский	longues cuisses	hanches larges
итальянский	cosce lunghe	anche larghe
немецкий	lange Oberschenkel	breite Hüften
английский	long thighs	wide hips

В некоторых языках существует отдельное слово для тазобедренного сустава – чешское *kučel* или словенское *kolk*³.

VIII.1.2. Семантика континуантов *bedra и *stegno в отдельных славянских языках

К сожалению, определение семантики потомков слов *bedra и *stegno серьезно усложняется тем, что далеко не во всех исторических и диалектных словарях, а также лингвистических атласах последовательно разграничиваются значения ‘coxa’ и ‘femur’.

¹ Отметим, что *cuisse* является потомком *coxa*, однако его семантика изменилась по сравнению с классической латынью. Франкское заимствование *hanche* сдвинуло *cuisse* вниз по ноге.

² Пример, конечно, в некоторой степени искусственен, поскольку редко когда говорящему нужно подчеркнуть длину именно бедер, а не всей ноги целиком, однако ср. «...рыская, почесывая сквозь платье *длинное бедро*, стала объяснять причину...» (В. В. Набоков, «Solus Rex») (автор благодарит за подсказанный пример А. Ф. Журавлёва).

³ Хотя «Словарь словенского литературного языка» определяет *kolk* как ‘stranski del medenice’, то есть ‘боковая часть таза’ [SSKJ], имеется в виду таз только как кость. Словенское *kolk*, таким образом, не соответствует вышеупомянутым обозначениям боковой поверхности таза вообще (‘coxa’).

VIII.1.2.1. Старославянский и церковнославянский

В старославянских памятниках «узкого» канона слово **вѣдра** (f.) фиксируется лишь единожды во фрагменте из Пс 44:4, оно переводит греческое μηρός 'бедро, тазобедренный сустав' [SJS 1: 70; СтСл 1994: 70; СР 1: 49]: **прѣпоѣши сѣа жржжъемъ твоимъ по вѣдрѣ твои** (Синайская псалтырь).

И **стегно** в памятниках узкого канона фигурирует лишь один раз, переводя греческое σκέλος 'бедро; голень; нога' [SJS 4: 164; СтСл 1994: 625; СР 2: 740]: **прорѣкша жъзль междуу ржкана и стегноу юго** (Супрасльская рукопись).

В памятниках «широкого» канона **стегно** встречается еще несколько раз, всегда как соответствие μηρός, в том числе как эвфемизм для обозначения половых органов [SJS 4: 164].

В церковнославянских списках Пятикнижия мы находим ту же картину: **вѣдра** – это та часть тела, которую опоясывают, а **стегно** – часть ноги. В греческом им при этом как правило соответствует одно слово – μηρός:

поашиѣса ко^ждо своимъ мече^м к вѣдрѣ (Исх 32:27) [Вилкул 2015: 240];

Θέσθε ἕκαστος τὴν ἑαυτοῦ ῥομφαίαν ἐπὶ τὸν μηρὸν

и положи рѣкоу свою по^а стегноу ми (Быт 24:2) [Михайлов 2: 159];

Θὲς τὴν χεῖρά σου ὑπὸ τὸν μηρὸν μου

и приаса въ стегна его и оутерпе рѣческа стегна Іаковла. егда ворашеся съ ни^м (Быт 32:25) [Михайлов 3: 271].

καὶ ἦψατο τοῦ πλάτους τοῦ μηροῦ αὐτοῦ, καὶ ἐνάρκησεν τὸ πλάτος τοῦ μηροῦ
Іаковβ ἐν τῷ παλαίειν αὐτὸν μετ' αὐτοῦ

Пожалуй, наиболее показательным является следующий фрагмент из книги Исход (28:42), где **вѣдра** переводит ὀσφύς 'бедро; бок; тазобедренный сустав; поясница', а **стегно** – μηρός:

и да сотвориши имъ надрагы полотнаны покрывати стыдѣна плоти ихъ, ѿ вѣдръ даже до стегнъ [Вилкул 2015: 217].

καὶ ποιήσεις αὐτοῖς περισκελῆ λινᾶ καλύψαι ἀσχημοσύνην χρωτὸς αὐτῶν
ἀπὸ ὀσφύος ἕως μηρῶν ἔσται

Следует, однако, оговориться, что в рукописях нет последних слов, они появляются лишь в Острожской библии, и, вероятно, это результат сверки с греческим оригиналом или чешским переводом Пражской библии (см. ниже). Тем не менее эта семантика совершенно не противоречит тому, что было описано выше, где **вѣдра** – это скорее 'соха', а **стегно** – 'femur'.

VIII.1.2.2. Болгарский и македонский

В современных болгарском и македонском континуанты *stegno не сохранились, что, возможно, отчасти связано с широким распространением в значении 'femur' турцизмов *бут* и *баджак*, а также инновационного *кълка*. Континуанты *bedra имеют значение 'femur' в части североболгарских говоров [ОЛА 9: 122–123], а также фигурируют в литературных болгарском и македонском языках, где обозначают как 'соха', так и 'femur'.

Отметим зафиксированную «Общеславянским лингвистическим атласом» ситуацию в говоре села Ореховец (Сярско, Греция; пункт 850), где верхняя часть ноги обозначается словом *but*, а *bed'ro* сдвинулось вниз по ноге и приобрело значение 'икра' [ОЛА 9: 122–125].

VIII.1.2.3. Сербохорватский

Сербохорватская картина довольно сложна. В значении 'femur' могут выступать как *bedra, так и *stegno, в зависимости от диалекта [ОЛА 9: 122–123]. Это подтверждается также данными, зафиксированными в словарях [РСКНД 1: 378; RHiSJ 1: 223].

В то же время у форм *bèdro* / *bèdra* и производных от них более широко представлено значение 'соха' [РСКНД 1: 376–378; RHiSJ 1: 222].

Ситуацию, когда континуанты *bedra и *stegno являются синонимами, по-видимому, можно найти в говоре черногорского племени кучей. Диалектный словарь этого говора характеризует *бедр'о* как 'део ноге од колена до кука' ('часть ноги от колена до бедренного сустава') [Петровић et al. 2013: 51], а *стегн'о* как 'бутина' ('femur') [Петровић et al. 2013: 384].

В говоре черногорского племени загарачей *бедро* – это 'соха', а *стегно* – 'femur'. Словарь этого говора, к сожалению, предоставляет не очень много примеров, но два из них довольно показательны:

Каквѝ је она̑ мазгуљина од женѝ му, фѝла бѝгу, ѝмѝ јѝј з бѝдра нѝ бедро мѝтар «Его жена прямо бочка, метр в бедрах» [Ћупић & Ћупић 1997: 218];

Њѝј је јѝдно от стѝгѝнѝ дѝбљѝ но дрѝгѝ њевѝјка окѝ пѝса «У нее одно бедро толще, чем иная девушка в поясе» [Ћупић & Ћупић 1997: 463].

Третий вариант можно обнаружить в одном из чакавских говоров, где *bèdra* / *bedrǎ* / *bedrǐca* значит 'thigh' [Houtzagers 1985: 208],

a *stegnò* – ‘hind-quarter’ (‘задняя часть туши животного’) [Houtzagers 1985: 358].

Важно отметить также вторичные значения континуантов *bedra. В первую очередь это ‘внутренности’ или ‘почка’ [RHISJ 1: 223], во вторую – ‘бок, боковая сторона’ [РСКНЖ 1: 378; RHISJ 1: 223].

VIII.1.2.4. Словенский

Слова *bédro* и *stégno* в первом значении глоссировались М. Плетершником одинаково: ‘Oberschenkel’ [Pleteršnik 1: 16; 2: 572]. Соглашается с ним и современный «Словарь литературного словенского языка»: ‘noga nad kolenom’ [SSKJ].

В настоящее время противопоставление лежит в диалектной плоскости. В большинстве говоров в значении ‘femur’ используются континуанты *stegno, а *bedra в этом значении преобладает на востоке: во всей паннонской группе говоров, в восточной части штирийских и доленьских говоров. Кроме того, оно сохранилось на крайнем западе: 6 пунктов «Словенского лингвистического атласа» в терском и надишском говорах (приморская группа), точно также на севере, в каринтийских говорах [SLA 1.1: 154–155].

Тем не менее существуют говоры, в которых встречаются оба слова. В «Словенском лингвистическом атласе» имеется карта ‘kolk’ (‘тазобедренный сустав’), однако под вопросом остается, всегда ли исследователи записали для этой карты обозначение именно тазобедренного сустава, а не ‘соха’. На вторую возможность косвенно указывают попавшие на карту обозначения *hiften*, *hifte*, *hufa* (< нем. *Hüfte* ‘соха’⁴), *flank od noge* (< фриул. *flank* ‘бок’), *fjank* (< ит. *fianco* ‘бок’) [SLA 1.1: 152–153]. Некоторые неточности в SLA известны. Например, для карты ‘туловище’ вопрос был сформулирован как ‘truplo (život)’, однако в литературном словенском *truplo* может означать как ‘туловище’ (реже), так и ‘труп’ (чаще). Так среди названий туловища, собранных для карты, оказались слова и коллокации *mrlič*, *mrtvak*, *mrtvec*, *mrtvo truplo*, *mrtvo telo* [SLA 1.2: 132].

Внесем в таблицу некоторые интересующие нас случаи, включая обозначения икры континуантами *stegno.

⁴ В комментариях к карте *Hüfte* глоссируется как ‘kolk’ [SLA 1.2.: 157], хотя, как мы указали выше, семантика этих слов различается.

Таблица 14

Обозначения тазобедренного сустава (?), бедра и икры
в нескольких пунктах «Словенского лингвистического атласа»

[SLA 1.1: 152–157]

номер пункта	название пункта	kolk	stegno	meča
009	Краньска Гора (информант 2)	bédər	stégno, bédər	měča
098	Трново	vedrīca	stīēyno	deb ^ɛ lo mesū ^o
196	Средня-Вас-в- Бохиню	bēdro	stégno	měča
198	Згорне Горье	bédər	stégən	měča
200	Брег	bēdər	stégən	měča
018	Чахорич	(stahnö)	stahnö	bádĭ
169	Идрия (информант 3)	kăuk, kük	stīēynu, buōdl	stīēynu, buōdl
250	Студенец (Любляна)	kôlk	stīégən	stégən

Несмотря на некоторую непоказательность данных атласа для наших целей, информация из таблицы рисует интересную картину. Если в одном и том же пункте зафиксированы как *stegno*, так и *bedro*, то *bedro* имеет значение ‘тазобедренный сустав’ (‘соха’?), а *stegno* – ‘femur’. Есть говоры, в которых *bedro* не сохранилось, а значение *stegno* расширилось – вверх (охватило также боковую поверхность таза) или вниз (распространилось также на икру).

VIII.1.2.5. Древнечешский

В древнечешских памятниках засвидетельствованы оба интересующих нас слова. Начнем анализ их семантики с распределения форм *bedra* и *stehno* в чешском переводе Библии первой редакции, сделанном в 50-е годы XIV века. *Bedra* является основным переводом латинского *femur*, а также несколько раз появляется в виде соответствия *lumbus* ‘поясница’, чаще всего в контексте подпоясывания чем-то (4 раза), один раз как эвфемизм для обозначения половых органов.

Таблица 15

Соответствия латинских слов *lumbus* и *femur*
в тексте Оломоуцкой библии

	lumbus	femur
ledvie	28	6
ledviny	6	1
bedro	6	20
třiesla	1	1
lóno	0	3

В контексте подпоясывания могут выступать как *bedra*, так и *ledvie*, что доказывается множеством контекстов, но особенно ярко расхождением между Дрезденской и Оломоуцкой библиями (Мф. 3:4)⁵:

A paas kozieni na fwich ledwich (Дрезденская библия) [Куяс 1: 44];

a pás kožený u svých bedr (Оломоуцкая библия) [Куяс 1: 45].

Слово *stegno* появляется сравнительно редко: один раз как эквивалент *nates* 'ягодицы'⁶ (Ис. 20:4), один – *crus* 'голень'⁷ (Амос 3:12).

Интересен уже упоминавшийся выше контекст из книги Исход (28:42). В Вульгате он звучит следующим образом: *facies et feminalia linea ut operiant carnem turpitudinis suae a renibus usque ad femina*. Перевод Оломоуцкой библии укладывается в общую канву, по которой *renes* 'почки; поясница' обычно переводится как *ledvie*, а *femina* – *bedra*: *A učiníš nábedrně lněnie, aby přikryly tělo ohavnosti své ot ledví až do bedr* [Куяс 3: 144].

То же сохраняется и в тексте третьей редакции: *Učiníš y rušce lniené, aby přikryli tielo mrzkosti fwé od ledví až do bedr* [Bible kladrubská]. Однако в Пражской библии (4-я редакция) в данный фрагмент была внесена корректура: *Nadielašs y koffil zpodnich lnienych aby przykrywali tielo hanby fwe od bedr až do ftehen* [Bible pražská].

⁵ Текст Евангелий от Марка, Луки и Иоанна в Дрезденской и Оломоуцкой библиях отличается незначительно, однако Евангелие от Матфея в Оломоуцкой библии дается в более позднем переводе [Куяс 1: 26].

⁶ Остальные три раза это слово переведено как *třiesla*, *ledvie* и *ožiedlé*.

⁷ Это слово 4 раза переводится как *hnát*, по разу – *noha*, *koleno* и *kost*.

Отметим, что, вероятно, на библейском тексте основывает некоторые свои решения автор популярного в Средневековье латинско-чешского глоссария Кларет, выбирая, однако, далеко не самые распространенные соответствия: *grus* [вместо *crus*] – *stehno* (1298); *femur* – *ledvie* (1301); *clunes* (в другом списке *nates*) – *bedri* (1295) [Flajšhans 1: 152–153; Flajšhans 2: 238].

Значительно более показательны, чем библейский текст, контексты, которые нам удалось обнаружить в древнечешском переводе трактата Гульельмо да Саличето. Вот так описывается выравнивание бедренной кости при закрытом переломе перед наложением шины:

Posad' vedlé nemocného a na straně kosti zlomené pacholka silného, ať drží díel **stehna** k klůbu **bedrniemu**; a v čas narovňanie a rúchy ať drží druhý díel stehna od kolena, a třetí ať drží pevně u prostřed stehna vezpod, pro tiež a velikost' údu.

«Посади возле больного со стороны сломанной кости сильного слугу, чтобы он прижимал часть **stehna** к суставу **bedrniemu**; а во время выравнивания и перебинтовывания пусть второй [слуга] держит часть бедра у колена, а третий пусть держит крепко посреди бедра снизу в связи с тяжестью и величиной этой части тела» (глава О zlomení kosti stehenné s ranú neb bez rány, а obyčejí uléčenie «О переломе бедренной кости с раной или без раны, и способы лечения») [Erben 1867: 168].

Из этого описания очевидно, что *stehno* обозначает 'femur'. И в этом же значении оно употребляется и в других частях трактата. Что касается слова *bedro*, оно означает 'соха', как показывает следующий фрагмент:

Potom uvěž ten úd obinadlem širokým na dlaň, počna od třěsl, okolo **stehna** a kýty tak, aby toho obinadla jeden (díel) sáhl přes **bedro** uražené až do **bedra** zdravého, а druhý díel od třěsla až přes pupek do **bedra** zdravého; а tu bud'ťa oba kraje sšita pevně, а každé obinutie s druhým, аť by se nepohnulo.

«Потом обвяжи эту часть тела бинтом шириной в ладонь, начиная от паха, вокруг **stehna** и ляжки так, чтобы этого бинта одна часть дотянулась через **bedro** поврежденное до **bedra** здорового, а вторая часть от паха через пупок до **bedra** здорового; и в этом месте пусть будут оба края каждой перевязки крепко сшиты со второй, чтобы ничего не двигалось» (глава О vyvinutí bedrníeho klůbu neb kosti stehenné z klůbu toho «О вывихе тазобедренного сустава, то есть бедренной кости из этого сустава») [Erben 1867: 188].

Словосочетание *kost bedrní* обозначает подвздошную кость, os ilium [Erben 1867: 237], а *klůb bedrní* – тазобедренный сустав.

Менее яркие контексты, подтверждающие, однако, тот факт, что переводчик трактата Саличето использовал слова *bedro* и *stehno* в полном соответствии с их наиболее распространенным древнечешским значением, можно найти в других текстах.

Так, в астрологической части трактата неизвестного францисканца, составленного на рубеже XIV и XV веков, описывается привязка знаков Зодиака к определенным частям тела. На наш взгляд, показательно объединение *bedr* с почками и мочевым пузырем, а *stehen* с бедренным суставом: *Váha panuje bedróm, ledvinám a měchýři*. <...> *Střelec panuje stehnóm a klúbóm bedrným* «Весы управляют бедрами, почками и мочевым пузырем. <...> Стрелец управляет бедрами и тазобедренными суставами» [Černá 2006: 316].

В одном древнечешском соннике, являющемся переводом с латыни (латинский текст, в свою очередь, был переведен с греческого, а тот с арабского), можно найти следующий пассаж:

Pakli tělo jeho oteče nežity, výklad toho bude po údech. Neb hlava na vladaře, ramena na ženimy, plecí a řebra na rodičky, ruce na opatrného sluhu, **bedra** na příbuzné, holeně, **stehna** a nohy na stav chudých slušie.

«Если же тело его покроется чирьями, толкование будет зависеть от части тела. Поскольку голова государю, плечи проституткам, спина и ребра родственникам, руки бережливому слуге, **bedra** родственникам, голени, **stehna** и ноги беднякам пристали» (Snář Vavřince z Březové, Моравская краевая библиотека, ок. 1450 г.) [SČTB].

Как мы видим, части тела перечисляются сверху вниз, причем *stehna* объединяются с другими частями ноги.

Основываясь на описанных выше данных, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой слово *bedra* в древнечешском обозначало ‘соха’, а *stehno* – ‘femur’, что лучше всего видно в медицинских трактатах, для которых анатомическая точность крайне важна. В связи с тем, что при подпоясывании пояс может лежать как на пояснице, так и на боковой поверхности таза, а меч при этом находится именно на боковой поверхности таза, чешские переводчики Библии могли передавать латинское *lumbi* и как *ledvie*, и как *bedra*. В качестве основного эквивалента *femur* ими было избрано *bedra*. Поскольку для многих контекстов различие между ‘соха’ и ‘femur’ не является принципиально важным, некоторое несоответствие значений не вызвало у переводчиков никаких подозрений. Калькируя латинский оригинал, переводчики часто используют слова *ledvie* и *bedra* в качестве эвфемизмов для обозначения половых органов.

VIII.1.2.6. Современный чешский

В современном литературном чешском сохранилось слово *bedra* (pl. t.), которое имеет следующие значения: 'поясница; спина, плечи, бока (как правило, в контексте несения бремени, ответственности, обязанности и т. д.)» [SSJČ].

В диалектах *bedra / b'edra* (pl. t.) также обозначают спину или плечи в контексте ношения груза. Формы *bedro / b'edro* засвидетельствованы в значении 'соха' (Баборув, Польша; вероятно, это значение появилось под польским влиянием), 'живот' (экспр.) и 'щипец дома' [SNČJ].

Слово *stehno* в литературном чешском означает 'femur' [SSJČ].

VIII.1.2.7. Словацкий

В словацком литературном языке присутствуют как *bedro*, так и *stehno*. Шеститомный «Словарь словацкого языка» определяет первое слово как 'kost' vučnievajúca z ranvy na pravom i ľavom boku' ('кость, выдающаяся из таза на правом и левом боках') [SSJ 1: 78]. Однако даже приводимые в самом словаре примеры показывают, что костью семантика этого слова не ограничивается, и можно говорить, что оно примерно равно 'соха': *opriet' ruku o bedrá* (упереть руки в бока); *Pritiahne opasok, aby dobre dol'ahol na bedrá* «Он затянет пояс, чтобы тот хорошо сидел на бедрах» [SSJ 1: 78].

Как и в чешском, *stehno* означает 'časť nohy medzi kolenom a bedrom' ('часть ноги между коленом и тазобедренным суставом') [SSJ 4: 241].

VIII.1.2.8. Лужицкие

В верхнелужицком языке *bjedro* означает 'Hüfte, Lende' ('соха, поясница') [Schuster-Šewc 1: 33; SSA 6/40], а *sčehno* – '(Ober-)Schenkel, dickes Fleisch; Keule (vom Schlachtvieh); Hang, Böschung, Fuß (am Berg)' ('femur; окорок; склон, подножье горы') [Schuster-Šewc 17: 1271–1272; SSA 6/47].

В нижнелужицком слово *bjedro* 'Hüfte, Lende' является устаревшим, а *sčogno* значит 'Oberschenkel, Lende, Hüfte; Schinken' ('femur, поясница, соха; ветчина') [Schuster-Šewc 17: 1271–1272; SSA 6/47].

VIII.1.2.9. Полабский

В полабском сохранился только континуант *stegno – *stegnü*, в памятниках глоссированный как 'Ars-Backe', 'Lenden' и 'Hüffte' ('задница; поясница; соха') [SEJDP 5: 758].

VIII.1.2.10. Польский

В польском литературном, как уже было упомянуто выше, слово *biodro* означает 'соха' (позицию 'femur' при этом занимает *udo*). Оно зафиксировано уже в древнепольский период как *biodro / biodra* 'biodro, łędźwie, górna część uda' ('соха, поясница') [SSStp 1: 93]. В диалектах оно представлено как *biodra* 'staw łączący udo z tułowiem, a także cała przylegająca część uda i tułowia u człowieka, często też u zwierząt; łopatką; udo' ('сустав, соединяющий бедро с туловищем, а также вся прилегающая часть бедра и туловища у человека, часто также у животных; лопатка; бедро') [SGP 5: 221–222] и *biodro* 'staw łączący udo z tułowiem, a także cała przylegająca część uda i tułowia u człowieka, często też u zwierząt; dolna część klatki piersiowej; siano lub zboże wystające poza drabinę wozu' ('сустав, соединяющий бедро с туловищем, а также вся прилегающая часть бедра и туловища у человека, часто также у животных; нижняя часть грудной клетки; сено или колосья, высовывающиеся за решетку телеги') [SGP 5: 222–223].

Континуант *stegno не отмечен в древнепольский период, а в XVI веке появляется только в словарях: *soxa, die Hüff, scyegno* у Яна Мурмелиуса (1528 г.) и *soxa, scyegno* у Бартломея из Быдгоща (1532 г.) [Картотека Słownika polszczyzny XVI w.]⁸.

Под вопросом остается то, является ли польское *ścięgno* 'сухожилие' потомком *stegno⁹. Часть исследователей отвечает на этот вопрос положительно [Фасмер 3: 751; ЕСУМ 5: 405; Rejzek 2001: 601; ESJS 15: 877], однако для этого нужно постулировать вторичную назализацию и необычный дрейф значения. Согласно альтернативной точке зрения, *ścięgno* является дериватом от *ściągać* 'стягивать', возникшим по образцу *ścięgno* [Boryś 2005: 613]. Наконец, третья гипотеза предполагает, что форма *ścięgno* в рамках народной этимологии сблизилась с глаголом *ściągać*, изменившись фонетически и приобретя новое значение ('сухожилие'), а затем утратив значение старое [Wysocka 1994: 66].

Именно последняя точка зрения кажется наиболее вероятной в силу ряда факторов:

а) в трактате Яна Урсинуса *De ossibus humanis tractatus tres* (1610 г.) старая форма *ścięgno* без назализации имеет уже новое значение, она

⁸ Автор выражает благодарность К. Опалинскому за предоставленную возможность поработать с картотекой «Словаря польского языка XVI века».

⁹ Автор благодарит Р. Шептыньского за плодотворное обсуждение данного вопроса.

характеризуется как сухожилие (*ligamentum*), связывающее бедренную и подвздошную кости [Wysocka 1994: 66];

б) напротив, в переводе работы Я. А. Коменского *Orbis Sensualium Pictus*, выполненном М. Добрацким, новая форма *ścięgno* с назализацией имеет старое значение, соответствуя латинскому ‘соха’, французскому ‘hanche’ и немецкому ‘Hüfte’ [Komenský 1667: 88];

в) в медицинском словаре *Dykcjonarz powszechny medyki, czyli lekarz wiejski* (1788–1792 гг.) отмечено слово *ściągnio* ‘сухожилие’, которое представляет собой еще более сближенную с глаголом *ściągać* форму [Wysocka 1994: 66];

г) формы *ściegna* и *ścięgna* выступают в современных говорах в одном и том же значении ‘сницы (деревянные бруски, удерживающие дышло) телеги’ [картотека SGP].

Упомянем о древнепольской форме *cięgno*, появляющейся в следующем контексте: *Ipse accepit eum in ulnas suas* «он взял Его на руки» (Лк 2:28) с глоссой *in vlna[n]s, id est inter brachias, vnde cyagna* (в других памятниках: *na lokcze szwe; na lokczye svogye; w svoye rącze*) [SPJP]¹⁰. Хотя авторы словаря дают этому слову определение ‘część ręki od łokcia do palców, może też cała ręka, brachium, fortasse manus integra (часть руки от локтя до пальцев, возможно, вся рука)’, мы бы не стали исключать, что в данном случае имеем дело с несколько неточно записанным *ścięgno* ‘сухожилие’, и автор глоссы имел в виду следующее: «in ulnas, то есть на предплечья, там, где сухожилия».

Формы вида *stehno*, *šćehno* и *ściegno* ‘femur’, засвидетельствованные в «Малом атласе польских говоров» [MAGP 9-2: 45–49], являются заимствованиями из белорусского, украинского и чешского языков, на что помимо фонетики указывает также география: пункт 57 (Серпелице) находится недалеко от границы с Белоруссией, пункт 93 (Якубовице, Глубчицкий повят) – рядом с чешской границей, пункты 94 (Тулигловы) и 98 (Ревушки) находятся на Украине.

VIII.1.2.11. Восточнославянские письменные памятники

В древнерусских памятниках встречаются формы *вѣдро* и *стѣгно* / *стѣгно*. Вот как их определяют основные словари древнерусского языка:

¹⁰ Благодарим Р. Шептыньского за указание на данный факт.

Таблица 16

Словарные определения слов **бѣдро/бѣдра** и **стѣгну/стѣгну**

[Срезневский 1: 47; Срезневский 3: 584; СДЯ 1: 108; СДЯ 11: 686; СлРЯ XI–XVII 1: 89; СлРЯ XI–XVII 28: 42]

	бѣдро/бѣдра	стѣгну/стѣгну
Срезневский	верхняя часть лядвей ¹¹	бедро, лядвезя; чресла ¹²
Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.	бедро, часть ноги от таза до коленного сустава; лоно, тазобедренные кости с окружающими их тканями	бедро, ляжка
Словарь русского языка XI–XVII вв.	бедро	верхняя часть ноги, бедро, ляжка; чресла, <i>перен.</i> род, колено

К сожалению, в значительном количестве случаев оба слова встречаются в памятниках религиозного характера, в которых их семантика является фактом истории скорее церковнославянского языка. Так, значения 'лоно' или 'чресла' фигурируют только в церковных памятниках и представляют собой кальку с греческого *μηρός*.

В ряде контекстов сложно определить, какая именно часть тела имеется в виду, однако по всей вероятности *бѣдра* выступало как в значении 'соха', так и в значении 'femur'. Оно дважды встречается в знаменитом контексте из «Поучения Владимира Мономаха»:

вепрь ли на бѣдрѣ мечь ѿтѣлѣ . медвѣдь ли у колѣна подъклада оукүсиль . лютьи звѣрь скочилъ ко лигѣ на бѣдрѣ . и конь со мною поверже (Лаврентьевская летопись).

И если первый случай (*на бѣдрѣ мечь*) не вполне показателен, то множественное число во втором случае заставляет думать, что «лютый зверь» запрыгнул на коня сзади, и под *бѣдры* подразумевается поясница князя, поскольку запрыгнуть одновременно на оба бедра человека, сидящего на коне, довольно проблематично.

В дальнейшем *бѣдра* фигурирует в контекстах ношения неких предметов [СП НКРЯ]:

¹¹ *Лядвезя* = бедро, часть ноги от колена до таза.

¹² *Чресла* = поясница.

а с меня, господине, снял кафтан под крашениною, да сермягу белу, да калиту з бедры с татауром и с ножны (Правая грамота суда ярославских писцов Семена Александровича Плещеева и Василия Иванова сына Беречинского приказчику Сп.-Яр. монастыря с. Кормы Шестаку Артемьеву и монастырским крестьянам по тяжбе между ними и людьми кн. Ивана Федоровича Мстиславского (1543));

да з бедры сняли калиту (Правая грамота (с докладом ц. Ивану Васильевичу) суда нижегородского воеводы кн. Семена Ивановича Гундорова иг. Дудина монастыря Макарию по тяжбе между дудинскими старцами Елисеем, Серапионом, монастырскими крестьянами и нижегородскими детьми боярски (1555));

да з бедры оторвали мошну (Явочная челобитная суздальских островщиков Семака Домашнего, Семейки Секиотова, Ивана Баранова и др. на суздальских посадских людей в бое и грабеже (1578));

И на томъ постановили: пустили их со оружиемъ, яже точию при бедрах, новопришедших во град воинство их, а тутошних жителей со женами и з дѣтьми токмо, а богатество и стяжания во граде оставили (Андрей Курбский. История о великом князе Московском (1564–1583));

щить же на бедру повѣшають съ прочими орудіи нелѣпотнѣ (Иван Тимофеев. Временник (1610–1617)).

Значение ‘femur’ подтверждается следующим контекстом: *и перебиша ногу и бедру его на полы* (Повесть о Темир Аксаке (1402–1418)).

В то же время *стегно*, насколько позволяет судить проанализированный нами материал, в контекстах ношения каких-либо предметов, а также иных контекстах, характерных для ‘соха’, не фигурирует, так что, вероятно, его семантика ограничивалась значением ‘femur’.

Добавим сюда материал из «Речей тонкословия греческого» (рукопись начала XVI в., РНБ, Соф. 1474), где *вѣдры* глоссировано как *γοφῆς*, то есть *γοφός* ‘соха’, а *стегна* как *μερῆα*, то есть *μερέα* ‘части’ [Ковтун 1963: 350–351], последнее, вероятно, по ошибке вместо *μηροί* ‘бедра’.

Согласно данным «Исторического словаря белорусского языка», в рутенских текстах присутствуют как *бедра*, так и *стегно*. Первое, если исходить из примеров в словарной статье, имеет значения ‘femur’ и ‘соха’, а также используется в качестве эвфемизма для половых органов [ГСБМ 1: 221]. Слово *стегно* означает ‘femur’ [ГСБМ 32: 373]. Однако следует сказать, что большинство примеров происходит из текста Библии или цитирует этот текст, таким образом, эта семантика может не отражать живого употребления слов. «Словарь украинского языка XVI – первой половины XVII века» глоссировывает *бедро* следующим образом: ‘стегно, бедро, клуб; нога; рід, потомство’ [СУМ XVI 2: 33].

VIII.1.2.12. *Белорусский*

В современном литературном белорусском *бядро́* имеет значение ‘часть ноги человека или животного от таза до колена; внешняя сторона верхней части ноги, таза (частка нагі ў чалавека або ў жывёліны ад таза да калена; знешні бок верхняй часткі нагі, таза)’ [ТСБМ 1: 435], то есть как ‘femur’, так и ‘soxa’. *Сцягно́* имеет следующие значения: ‘часть ноги животного или человека от таза до колена, бедренная часть туши, окорок (частка нагі жывёлы або чалавека ад таза да калена; бядровая частка тушы, кумпак)’ [ТСБМ 5-1: 423], то есть семантически эти два слова частично перекрываются. При этом в значении ‘soxa’ используется также слово *клуб* ‘внешняя сторона верхней части бедра (знешні бок верхняй часткі бядра)’ [ТСБМ 2: 701].

Что касается диалектов, то в значении ‘femur’ в них доминирует слово *сцягно* (с фонетическими и морфологическими вариантами), как показывают данные сразу трех атласов [ОЛА 9: 122–123; ЛАБНГ 3: 50–51; AGWB V-1: 68–69]. Однако по поводу того, насколько часто в этом значении выступает *бядро*, данные расходятся. ОЛА отмечает его в трех пунктах Витебской области (Пялики (328), Козлы (329), Поташня (335)) и одном Могилевской (Стайки (370)). ЛАБНГ – только в двух пунктах: Техтин (73), Могилевская область, и Махновичи (135), Гомельская область. В обоих случаях форма *бядро́* записана наряду с другими обозначениями – *сьцягно́*, *ляшка*, *галёнка*, *ку́льша*. Разница в информации, которую дают атласы, может иметь несколько объяснений, в том числе то, что вопрос ОЛА сформулирован менее конкретно – ‘верхняя часть ноги человека’, а под это определение может попадать как ‘femur’, так и ‘soxa’.

О том, что пара *бядро* – *сцягно* может быть противопоставлена по принципу ‘soxa’ – ‘femur’, свидетельствуют «Материалы к словарю Гродненской области» Т. Штешкович, где *бядро́* глоссируется как ‘бядро, тазавае косьць’ [Сцяшковіч 1972: 66], а *сцягно* как ‘частка нагі ад калена да клуба, ляжка’ [Сцяшковіч 1972: 484]. К сожалению, проиллюстрировано это лишь одним-двумя примерами, однако эти данные, по нашему мнению, вполне можно считать релевантными.

VIII.1.2.13. *Украинский*

В украинских говорах верхняя часть ноги чаще обозначается словом *стegno*, а *бедро* в этом же значении появляется значительно реже [ОЛА 9: 122–123]. То же мы находим и в литературном языке, где

стегно и *бедро* являются синонимами, однако *бедро* в словаре приводится с пометкой 'рідко' [СУМ 1: 118; СУМ 9: 679].

VIII.1.2.14. Русский

В современном литературном русском слово *стегно* утрачено, однако оно хорошо известно в говорах, преимущественно в значении 'верхняя часть ноги' [ОЛА 9: 122–123], помимо этого также 'окорок; четверть разделанной туши; кусок мяса или рыбы; ножка комара; голень, икра; лопатка весла' [СРНГ 41: 113–114], 'ягодица' [СВГ 10: 125]. В говорах встречаются неожиданные фонетические варианты – *стóгно* 'бедро' [СРНГ 41: 173] и *стягно* 'бедро' [СРНГ 41: 125].

Нам не удалось найти говора, в котором встречались бы оба слова. По всей вероятности, разница между ними лежит в сфере географии. В диалектных словарях можно найти много контекстов, в которых информанты указывают на то, что *бедро* – слово литературного языка, противопоставленное диалектному *стегну*: «По-культурному так: бедро, а у нас просто – стегно» [СРНГ 41: 113], «Бедро раньше и стегно называли» [СВГ 10: 125], «Стегно бедром можно звать» [СРГСУ 6: 58].

Отдельный интерес представляют данные «Общеславянского лингвистического атласа», относящиеся к деревне Лискино Ярославской области (пункт 664), где бедро обозначается словом *ляшка*, а *бедро* получило значение 'икра ноги' [ОЛА 9: 122–125].

VIII.1.3. Выводы о значении

Попробуем теперь свести основные значения континуантов *bedra и *stegno в тех случаях, когда они оба представлены в одном идиоме, в таблицу (см. таблицу 17).

Теперь перечислим все вышеописанные соматические значения континуантов *bedra:

- боковая поверхность таза;
- часть ноги от коленного сустава до тазобедренного;
- икра ноги;
- половые органы (калька с греческого);
- поясница и далее также любое место ношения груза (спина, плечи, бока);
- живот;
- внутренности;
- почка;

Таблица 17

Основные значения континуантов *bedra и *stegno
в тех идиомах, где они оба сохранились

	*bedra	*stegno
Старославянский	соха (?)	femur (?)
Сербохорватский (кучи)	femur	femur
Сербохорватский (загарачи)	соха	femur
Сербохорватский (Орлец)	femur	задняя часть туши животного
Словенский	тазобедренный сустав или соха (?)	femur
Древнечешский	соха	femur
Чешский	поясница	femur
Словацкий	соха	femur
Верхнелужицкий	соха; поясница	femur
Старопольский	соха	соха
Польский	соха	сухожилие
Древнерусский	соха / femur	femur
Рутенский	соха / femur	femur
Белорусский	соха / femur	femur
Украинский	femur	femur
Русский	femur	femur

- нижняя часть грудной клетки;
- лопатка.

В случае *stegno это:

- часть ноги от коленного сустава до тазобедренного;
- боковая поверхность таза;
- икра;
- голень;
- ягодицы;
- окорок (далее также задняя часть туши, четверть туши, кусок туши и ветчина);
- сухожилие.

Как мы видим, дрейф семантики *bedra идет преимущественно вверх по телу, в то время как значения *stegno по большей части держутся в рамках ноги.

На наш взгляд, все эти данные позволяют выдвинуть гипотезу, согласно которой в позднем праславянском слово *bedra имело значение 'боковая поверхность таза' ('соха'), в то время как *stegno означало 'часть ноги от коленного сустава до тазобедренного' ('femur').

VIII.1.4. Этимология

VIII.1.4.1. *bedra

Реконструируемая нами семантика плохо согласуется с наиболее обоснованной этимологией слова *bedra, согласно которой оно образовано от *b^hed^h- 'бить, колоть' [ЭССЯ 1: 179]. Однако это не должно нас смущать: если придерживаться такой этимологии, *bedra изначально должно было обозначать некую часть ноги, а затем появление нового термина *stegno, мотивация которого в некотором смысле параллельна (от *steg- 'стегать', ср. также русское слово *ляжка*, образованное от *lęgati 'лягать' [ЭССЯ 15: 66, 53–54]), заставило *bedra «сдвинуться» вверх по ноге. Ср. упомянутый выше сдвиг (правда, в противоположную сторону) в семантике французского *cuisse*, связанный с появлением инновации.

Существуют и альтернативные этимологии *bedra, см. обзор в [ESJS 1: 58]. Сопоставление с латинским *femur* малореально, поскольку в латыни *-dhm-* дало бы *-mm-*. Сравнение с армянским *port* 'пупок, живот' предполагает sporadическую метатезу в армянском.

Вряд ли можно считать достоверной этимологию Хольцера, который считает *bedro / *bedra заимствованием из «темематического» (то есть субстратного доиндоевропейского языка, оставившего след в праславянском) и увязывает далее с п.-и.-е. *ped- 'нога' [Holzer 1989: 105–107].

Интересно недавнее предположение А. Ломы, который в качестве исходной семантики реконструирует 'пояс' и *bedro полагает дериватом от *b^heg- 'нести' при помощи суффикса *-d^hro [Лома 2017: 188–194]. К сожалению, эта версия сталкивается с целым рядом проблем. Во-первых, как уже упоминалось, первична всё же форма женского рода *bedra [Саенко, Szeptyński 2022], что говорит против выделения суффикса *-d^hro. Во-вторых, как показано выше, 'пояс' не является исконным значением *bedra, и вряд ли это *nomen instrumenti*. В-тре-

тых, как известно, в праславянском континуант глагола *b^her- имел значение 'брать', а не 'нести'. Наконец, данная этимология предполагает наличие нестандартной диссимилиации *-rdr- > -dr-*.

VIII.1.4.2. *stegno

Первостепенное значение для этимологии данного слова имеет то, от какой праформы мы отталкиваемся. Некоторые этимологи исходят из *stьgno или *stęgno, однако, как было показано выше, оснований для таких реконструкций крайне мало, большинство материала указывает на исходное *stegno. Словенские и сербохорватские данные, где рефлексы *е и *ь отличаются, однозначно говорят против реконструкции *stьgno, а в пользу *stęgno говорит только часть польского материала, где, однако, *-ę-* может объясняться и иначе¹³.

В связи с этим следует отбросить целый ряд этимологий.

а) В первую очередь это старая гипотеза Миклошича, отталкивающаяся от реконструкции *stīgno, которое выводится из *stęgno < *skęgno и сравнивается с древневерхненемецким *scincho* 'бедро' [Miklosich 1886: 328].

б) Й. Зубатый также исходил из праформы *stьgno и предложил следующие балтийские когнаты: лтш. *stīga* 'струна', лит. *stigti* 'держаться спокойно; стоять спокойно на месте', *stįgoti* 'затихать, утихать', лтш. *stigt* 'вязнуть'¹⁴, *staigs*, *staigns*, *stiglais* 'топкий, вязкий' [Zubatý 1895: 20].

в) Э. Лиден сопоставил *стьгно* с др.-арм. *t'ēkn* 'плечо' (< *toig^u-no-), лит. *stiegarà* 'стержень'¹⁵, др.-ирл. *tóeb*, *tóib* 'сторона' и родственные кельтские формы (< *toig^{ues}-) [Lidén 1906: 31]. Этимология принята (за вычетом литовского слова) А. Глухаком и Р. Матасовичем [Gluhak 1993: 583; Matasović 2009: 387]. Чтобы обойти фонетические сложности, М. Сной предположил следующий сценарий: *stōig^unó- > *stęgnò > *stęgnò (с вторичной назализацией) > *stьgno / *stegnò (с диссимилиацией) [М. Сной в Bezlej 3: 315]. На наш взгляд, эта сложная цепочка является решением ad hoc.

¹³ В качестве довода в пользу реконструкции *stęgno указывают на румынское *stinghie* 'планка, перекладина; бедро' [Skok 3: 331], однако у нас нет никакой уверенности, что такая этимологизация румынского слова верна. Ср. также альтернативную версию о заимствовании из праслав. *sъtęgъ [Cioranescu 1966: 794] (правда, и эта версия маловероятна в свете того, что древнерусское стѣгъ 'знамя' является скандинавизмом [Фасмер 3: 790]).

¹⁴ Сам Зубатый даёт как *ēstigt* 'in einen Sumpf einschossen'.

¹⁵ У Лидена ошибочно *steigara* 'Glied, Gelenk'.

г) Й. Миккола сравнивал *stьgno / *stegno с др.-рус. *стагъць* 'туша убитого животного', ст.-сл. *стежеръць* 'опора, столб' и лат. *tignum* 'балка, брус' [Mikkola 2: 163].

А. Мейе считал, что ст.-сл. *стегно* сложно отделить от санскр. *sákthi* 'бедро', греч. *ισχίον* 'таз, бедро' и арм. *azdr* 'бедро' [Meillet 2: 446]. Позднее гипотеза была поддержана В. Махеком с постулированием нестандартных фонетических изменений [Machek 1968: 576]. Славянско-санскритско-авестийское сравнение (авест. *haxti-* 'бедро'), дополненное хеттским *šakuttai-* 'бедро', можно найти у Д. Адамса с реконструкцией праформы *sók^wt '(upper) leg', при этом для русского *стегно́* постулируется фантастическое развитие < *segdno < *sektno [Adams, Mallory 2006: 182]. Однако это невозможно фонетически, кроме того, санскритское, греческое и армянское слова также, по-видимому, неродственны друг другу [Mayrhofer 2: 684; Beekes 2010: 603; Martirosyan 2010: 10]¹⁶.

Х. Шустер-Шевц добавил к имеющимся сопоставлениям лит. *stāgaras*, *stegerys* 'сухой стебель, твёрдый стебель', лтш. *stega* 'пенис' [Schuster-Šewc 17: 1272].

Иногда упоминается также др.-в.-н. *stehho* 'шест' [Rejzek 2001: 601].

Наиболее же вероятно, на наш взгляд, предположение о связи *stegno и *steg- 'стегать' [Vaillant 4: 584; Derksen 2008: 466], безупречное как фонетически, так и семантически (ср. этимологию слов *bedra и *ляжка*).

VIII.2. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *КЪЛКЪ

Ещё одним словом, семантически связанным с бедром и реконструируемым для праславянского уровня, является *кълкъ. Сперва рассмотрим семантику его потомков в славянских языках.

В первую очередь это болгарское *кълк* / *кълка* 'бедро', довольно широко представленное в диалектах [ОЛА 9/44; Стойков 1968: 123]. В говорах *кълка* имеет также значения 'тазовая кость'¹⁷, 'резкий изгиб реки' (Странджа) [Станчев 1999: 121], 'изгиб дороги' (Менково / Μέδουσα,

¹⁶ Но, возможно, родственны древнеиндийское и хеттские слова, см. [Kloekhorst 2008: 703–704].

¹⁷ Сам Станчев приводит довольно странное определение – «тазова (бедрена) кость», из которого непонятно, идёт ли речь о тазовой кости, бедренной или же тазобедренном суставе. Мы склонны подозревать последнее.

дим Мики; Плевня / Петроўсса, дим Просоцани) [Антонова-Василева, Митринов 2011: 161], ‘бок’ (Городнее, Бессарабия) [Колесник 2019: 288] и ‘угол комнаты, в котором находится очаг’ [БЕР 3: 190].

Следует также отметить ряд важных производных:

- диал. *кълчечек* ‘щиколотка’ (Странджа) [Станчев 1999: 121];
- диал. *кълчест* ‘искривлённый’ [БЕР 3: 190];
- *изкълчвам* (нсв.) / *изкълча* (св.) ‘вывихиваю кость’ [РБЕ].

В македонском *колк* значит ‘тазобедренный сустав; бедро’ [ОДРМЈ; Шклифов 1977: 258; Hendriks 1976: 264; Groen 1977: 260].

Особое внимание следует обратить на болгарское церковнославянское *кълка ножнаа*, зафиксированное в Манассиевой хронике (XIV век). Оно соответствует греческому ἀγκύλη ‘сгиб руки или ноги’, на основании чего Миклошич глоссировал его как *poples* (‘подколенная впадина’) [Miklosich 1977: 290]. Тем не менее текст не вполне однозначен, и у нас нет уверенности, что болгарский переводчик подразумевал именно подколенную впадину. Речь идёт о римском царе Анке Марции: *Маркѣ, нареч(є)ный Яггила, икѡ кълка емѣ ножнаа кѣ не здрава, тог(о) ради сице нареч(є)нъ выс(тѣ)* [Cyrrillomethodiana]. Нам кажется, что в свете вышеуказанных значений слова *кълка* в болгарском, связанных не с коленом, а с бедром, *кълка ножнаа* вполне допустимо понимать как ‘тазобедренный сустав’.

В сербохорватском *kŭk* значит ‘тазобедренный сустав; холм’. В говорах также ‘бедро; вяленый свиной окорок, ветчина; кость в свином окороке’ [РСКНЈ 10: 774].

В словенском мы также находим *kŏlk / kŏlk* (ранее *kŏlk*, gen. sg. *kŏlka*) ‘тазобедренный сустав’. Слово в этом значении широко распространено в словенских говорах [SLA 1/61].

Среди потенциальных потомков *кълкъ называют также чешское *kelka* ‘культя руки или ноги; протез руки или ноги; хвост у парнокопытных, бобра и медведя’ [SSJČ]. Однако праславянское *кълкъ не могло дать *kelka* чисто фонетически. Нормальным рефлексом *ТЪЛТ в современном чешском является *ThuT / TlouT*: *гълкъ > *hluk* ‘шум’, *тълвити > *mluvit* ‘говорить’, *рълкъ > *pluk* ‘полк’, *стълръ > *sloup* ‘столб’, *сълнце > *slunce* ‘солнце’, *тълстѣъ > *tlustý* ‘толстый’, *тълти > *tlouci* ‘колотить’. На наш взгляд, предпочтительнее иное решение: *kelka* может быть дериватом от *kel* ‘клык’, получив название по торчащей кости культуры [Utěšený 1986]. Перенос на хвост вторичен: относительно короткие хвосты оленя или медведя были названы культуей (хвоста).

Г. Шустер-Шевц предлагал связывать с *кълкъ также в.-луж. *kulka* 'щиколотка' и пол. диал. *kulka* 'щиколотка' [Schuster-Šewc 10: 723]. Однако, во-первых, это проблематично фонетически, во-вторых, эти слова довольно прозрачно связаны с *kulka* 'шарик, пуля'. Для щиколотки вообще довольно характерно, что на неё переносятся названия круглых предметов (см. ниже в главе о щиколотке).

В этимологической литературе широко цитируется также русское диалектное *колк* 'костяной комель, под рогом быка и коровы', почерпнутое в словаре Даля. При этом обычно не уточняется, что в самом словаре стоит следующая пометка: [колóк?], а также нет указания на местность, где эта форма записана [Даль 2¹: 749; Даль 2²: 139; Даль 2³: 348]. Видимо, неслучайно эта форма не была включена в СРНГ.

Более надёжным кандидатом на роль континуанта *кълкъ на восточнославянской почве является ярославское *кóлки* (pl.) 'голеностопные сочленения; щиколотки' [ЯОС 5: 50].

Показательно заимствованное из древнерусского праприбалтофинское *külki 'бок' [Koivulehto 2008: 310].

А. А. Зализняк связывал с *кълкъ древнерусские имена *Колка*, *Колчко*, *Колочко*, а также *Колокы*- из берестяной грамоты 410 [Зализняк 2004: 509].

Отсутствие западнославянских континуантов и не слишком надёжные континуанты в восточнославянском ареале ставят праславянский статус *кълкъ под сомнение, однако его архаичная структура, а также этимология говорят в пользу праславяности этого слова.

Если говорить о роде, то ЭССЯ реконструирует две формы – *кълка / *кълкъ [ЭССЯ 13: 188] – ставя форму женского рода на первое место. Тем не менее женский род характерен только для болгарского, да и то не для всего ареала. Прочие же данные говорят в пользу исконности формы мужского рода *кълкъ.

Перейдём к семантике. В литературе значение *кълкъ восстанавливается следующим образом:

- а) 'гибкий сустав' [ЭССЯ 13: 188];
- б) 'bony stump' (костяная культя) [Derksen 2008: 260];
- в) 'gibljiv telesni del' (подвижная часть тела) [Snoj 2016: 320];
- г) 'hip' (бедро) [Matasović 2013: 89].

Ещё раз упомянем о концепции В. В. Мартынова, который рассматривал праславянские *кълкъ и *bedro как абсолютные синонимы, не видя также никакого семантического различия между ними и *stegno. При этом он считал *bedro итальяским «инфильтратом», а *stegno, по

его мнению, указывало на связи с индоиранскими языками [Мартынов 2004: 73–74].

Если не принимать во внимание несоматические значения континуантов *къкъ¹⁸, мы имеем дело со следующим спектром семантики:

- а) тазобедренный сустав;
- б) бедро;
- в) окорок;
- г) бок;
- д) щиколотка.

Шире всего представлено значение ‘тазобедренный сустав’, оно зафиксировано во всех южнославянских языках, являясь основным в словенском и сербохорватском. В болгарском на первоначальную связь *къкъ* с костью указывает дериват *изкъкъвам* ‘вывихиваю кость’, что можно также рассматривать как свидетельство исходной семантики ‘тазобедренный сустав’, ср. словенское *izkólčiti* ‘вывихнуть ногу в тазобедренном суставе’. Мы полагаем, что в части Южной Славии произошло расширение значения ‘тазобедренный сустав’ > ‘бедро’ или ‘бок’. Аналогичный случай можно наблюдать в резьянском словенском говоре деревни Била, где *sklip* значит ‘бедро’ [Steenwijk 1992: 309] при слвн. литер. *sklep* ‘сустав’.

Что касается щиколотки, перенос названия одной кости, выпирающей под кожей, на другую вполне понятен. Несоматические значения ‘угол комнаты’, ‘изгиб реки / дороги’, ‘холм’ также можно вывести из обозначения тазобедренного сустава.

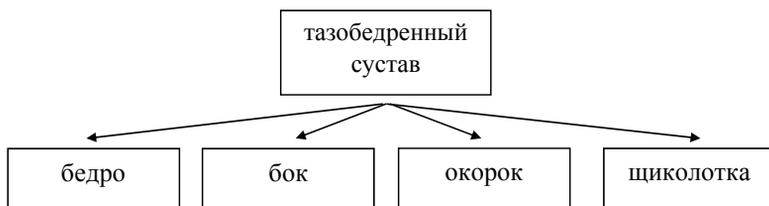

Рис. 5. Схема дрейфов соматических значений *къкъ

¹⁸ О географических значениях см. [Куркина 1979: 48].

Среди этимологических родственников *кълкъ в праславянском называли рус. *клок* [Jagić 1880: 390], различных потомков *кълъс, *кълъсѣ и *кълъкъ [Brückner 1888: 133–134], ст.-сл. *колѣно*, *члѣкъ* [Meillet 1907: 375], чеш. *kyčel* ‘тазобедренный сустав’, пол. *giczal* ‘нога’ (разг.)¹⁹, словц. диал. *húč* ‘верхушка хвойного дерева’ [Bezlej 2: 57–58]. В ЭССЯ допускается возможность связи *кълкъ с глаголами *кълkati, *кълcати, *кълъkati и *кълtati с семантикой ‘качать, мотать, шатать, колотить’ [ЭССЯ 13: 188]. На наш взгляд, все эти сопоставления гадательны.

В плане внешнего родства предлагались следующие варианты:

а) лит. *kūlšė* ‘бедро (диал.); тазобедренный сустав, поясница’ [Matzenauer 1881: 176];

б) лит. *kulkšnis* ‘щиколотка; верхняя часть ноги выше колена (диал.); скакательный сустав у домашних животных (диал.)’, лтш. *kulkšnis* ‘скакательный сустав у животных; стопа; нога’ (семантика приводится по этимологическому словарю В. Смочиньского) [Berneker 1908: 660];

в) лит. *kulnīs / kuļnas* ‘пятка’ [Būga 2: 220];

г) прус. *culczy* ‘бедро’ [Matzenauer 1881: 176];

д) лат. *calx* ‘пятка’ [Berneker 1908: 660];

е) исл. *kálfi*, англ. *calf* ‘икра ноги’ [Matzenauer 1881: 176].

Кроме того, Ю. Покорный пытался включить все эти формы (кроме *kálfi / calf*) в гнездо континуантов корня *(s)kel- ‘сгибать; прислонять; кривой (также в нравственном отношении: ‘неправильный’), искривлённый’ (‘biegen; anlehnen; krumm (auch sittlich: ‘verkehrt, un-recht’), verkrümmt’) [Pokorny 1959: 928].

Р. Матасович, говоря о славянских, балтийских и латинском словах, полагает, что корень *kVlk- заимствованного происхождения, в связи с его неиндоевропейской структурой [Matasović 2013: 89].

Однако у нас есть некоторые сомнения по поводу того, что все эти слова вообще восходят к единому корню: этому мешают фонетические сложности. Хотя Буга с учётом всех вышеназванных литовских форм и реконструировал форму *kuļknas [Būga 2: 220], *kulkšnis* является производным от *kūlšė*²⁰ с -k- вторичного происхождения, а *kulnīs*/

¹⁹ Ранее критиковалось в: [Куркина 2021: 298].

²⁰ Ван Видекенс пытался связать с этим словом, а также русским диалектным *голья* ‘ветка’ и армянским *kolr* ‘ветка’, тох. А *kolye* и тох. В *kolyi*, которые он глоссировал как «хвост, шерсть на хвосте» (‘Schweif, Schweifhaar’) [van Windekens 1951: 110]. Однако, согласно Д. Адамсу, тохарские слова значат ‘лапа’ и должны быть связываемы с прагерм. *klawo- ‘коготь’ [Adams 2013: 219].

kulnas вообще не следует связывать с этим корнем [Smoczyński]. Что касается последнего, то его праформу, как и прусского *culczi*, следует реконструировать как *kļk-, в отличие от *kļk- для праславянского²¹. Латинское *calx* отличается от славянского и балтийского слов вокализмом.

На наш взгляд, *-k-* в *кълкъ вполне может быть суффиксом²², в то время как корень *къл- – тот же, что и в слове *кълъ ‘клык’. На этот корень в истории славянских языков неоднократно наращивались суффиксы. Согласно ЭССЯ, к таким производным относятся *кълъкъ, *кълукъ, *кълъсь, *кълъжь (последнюю реконструкцию вряд ли можно спроецировать на праславянский уровень) [ЭССЯ 13: 193–194]. В результате семантических дрейфов такие производные стали обозначать различные торчащие, выступающие предметы, например пол. *kietek* ‘росток’ или схр. *klik* ‘голая, каменная вершина’. Если учесть, что у животных тазобедренный сустав может довольно сильно выпирать под кожей (ср. *klobuk svoj tu (suhemu konju) lahko obesiš na kolk* «ему (худому коню) можно шляпу повесить на тазобедренный сустав» [Pleteršnik 1: 424]), можно предположить, что *кълкъ изначально было производным от *кълъ, позднее семантически специфицировавшимся.

В качестве частичной типологической параллели можно указать на следующий дрейф: др.-греч. γόμφος ‘гвоздь, шип, колышек’ > нов.-греч. γοφός ‘бедра (соха)’.

VIII.3. Локальные инновационные названия бедра

VIII.3.1. Перенос названий с других частей ноги

а) В словенском говоре деревни Солбица (пункт ОЛА 001; записано в 1968 г.) в значении ‘бедра’ *plas'mę / ta na plas'mo* [ОЛА 9/44]. Возможно, мы имеем дело с дрейфом ‘подъём ноги’ > ‘бедра’. См. историю континуантов *plesno ниже. Однако SLA фиксирует в том же населённом пункте иное обозначение – *to tölste mīso / to tolste mīso* (записано в 1962 г.) [SLA 1/62].

б) В одном словенском говоре в значении ‘бедра’ записаны формы *kulĕnu, kolĕnu, kolĕno* ‘колено’ (пункт SLA 344).

²¹ И. Шефтеловиц объяснял это расхождение параллельными суффиксами [Scheftelowitz 1927: 224]. Теоретически, конечно, можно сравнить это с другими случаями «кентумно-сатемных» расхождений между славянскими и балтийскими языками, например, лит. *klausyti* ‘слушать’ – праслав. *slušati.

²² Подробнее о суффиксе см. [SP 1: 89].

в) В нескольких польских говорах отмечен дрейф у слова *łydka* ‘голень’ > ‘бедро’ (пункты ОЛА 256, 257, 267, 314)²³. То же наблюдается у белорусского *лытка* (пункты ОЛА 336, 352; пункты ЛАБНГ 15, 33, 44, 129) и русского *лытка* (пункты ОЛА 565, 651, 711, 713, 794, 807, 813, 819, 829). Единично в словенском – *lītka* (пункт SLA 388). Аналогична ситуация у континуантов *golěнь в восточнославянских говорах: бел. *галёнка* (ОЛА 340; ЛАБНГ 3, 12, 37, 39, 75, 76, 84, 105, 129, 131, 135, 139, 140) [ОЛА 9/44; ЛАБНГ 3/92], укр. *ho'l'onka* (ОЛА 411), *ho'l'enka* (ОЛА 424), рус. *гол'эн'* (ОЛА 713) и *гал'аушка* (ОЛА 777).

г) В ряде русских говоров значение ‘бедро’ отмечено у слова *лодыжка* [ОЛА 9/44; СРНГ 17: 107].

VIII.3.2. Перенос с прилегающих частей тела

а) В русских говорах *лопáтка* стала обозначать бедро / окорок животного [СРНГ 17: 135]. Если под бедром понимать верхнюю часть не только задних, но и передних ног четвероногого животного, то в данном случае можно говорить о переносе названия с соседней части тела. Согласно данным ОЛА, это же слово встречается в качестве обозначения бедра человека в Хотилицах (Тверская область, ОЛА 695) и Иванкивцах (Украина, Хмельницкая область, ОЛА 472). Видимо, по тому же принципу бедро начало называться словом *plięće* в одном словенском говоре (SLA 297). Ср. слвн. литер. *plěče* ‘лопаточная часть туши коровы или свиньи’. То же мы находим и в двух верхнелужицких говорах – *pl'ecə* и *hərne pl'ecə* [SSA 6/47].

б) В значительной части севернорусских говоров бедро обозначается словом *холка* (с фонетическими вариациями) [ОЛА 9/44]. Как мы уже писали выше, спектр значений этого слова в русских говорах довольно широк и, по всей видимости, исходной точкой было значение ‘конская грива’, затем ‘часть шеи, смежная с хребтом’. Оба этих значения характерны для слова *холка* в литературном русском. Значения, связанные с ногой и её частями, специфичны только для севернорусских и сибирских говоров [СРНГ 51: 160–165]. Скорее всего, дрейф шёл по сценарию, аналогичному вышеописанному.

²³ Это подтверждается данными диалектного словаря: *łydka* ‘голень человека; бедро коровы; бедро человека’, в последнем значении также в составе коллокации *łydka wuzu kolana* (= «голень выше колена») [Kaś 1: 550], которая может являться переходным звеном при дрейфе ‘голень’ > ‘бедро’.

в) В русских говорах (псковских, тверских, ярославских) слово *ребро́* пережило дрейф значения и стало обозначать 'бок'. В Пудожском уезде Олонецкой губернии оно было записано в значении 'бедро' [СРНГ 34: 361]. Если это верно²⁴, то дрейф, видимо, шёл следующим образом: 'ребро' > 'бок' > 'бедро'. Нечто подобное можно обнаружить в случае деривации *костре́ц* 'бок человека' > *костречи́ще* 'бедро' [СРНГ 15: 79].

г) Русское *ля́двѣя* 'бедро' является производным от корня *lędw-, которым в праславянском, по-видимому, обозначалась поясница. В говорах представлены фонетические и словообразовательные варианты: *ладвѣжка* [СРНГ 16: 229]; *леду́га*, *леду́жина* [СРНГ 16: 323].

д) В Харине (Вологодская область, ОЛА 623) записана форма *жо́пина*, производная от *жо́па*.

Часто встречается дрейф '(тазобедренный) сустав' > 'бедро':

а) Резьянское *sklip* 'бедро' [Steenwijk 1992: 309] при слвн. литер. *sklèp* 'сустав'.

б) Для праславянского *klǫbъ, по-видимому, следует реконструировать значение 'клубок', широко представленное у его континуантов, см. [ЭССЯ 10: 74]. В ряде языков произошёл перенос этого обозначения на сустав (чешский), тазобедренный сустав (сербохорватские и белорусские диалекты), плечевой сустав (старорусский), выпуклость на месте стыка шейных и грудных позвонков у лошади. Значение 'бедро' представлено во всех западнославянских языках, а также украинских и белорусских говорах [ЭССЯ 10: 74; ОЛА 9/44], где это может объясняться польским влиянием. Вероятно, имеет смысл говорить о дрейфе 'клубок' > '(тазобедренный) сустав' > 'бедро'.

в) Аналогичную ситуацию следует постулировать для словенского диалектного *hù:j* 'бедро' (Ошние / Osgnetto, ОЛА 2) и *gùlj* у Плетершника 'бедро' [Pleteršnik 1: 260]. В значении 'тазобедренный сустав' *gulj* образует компактный ареал на западе словенской языковой территории (пункты SLA 66–74, 76–81, 89–91, 94, 161, 166) [SLA 1/61]. Этимологически его связывают с *gulъ 'выпуклость, опухоль, шишка, отросток' [SLA 1.2: 157].

г) В деревне Михалув (Калишский повет, ОЛА 279) записана форма *pšugub'e* 'бедро', которую следует соотнести с литературным *przegub* 'сустав' и диалектным *przegubie* 'сустав' [Karłowicz 4: 373].

²⁴ Контекст, приводимый в СРНГ, несколько двусмыслен: «Он бьет коня по тучным ребрам».

д) В деревне Лоск (Минская область, ОЛА 338) отмечена форма *c'ľunak*, исходно являющаяся заимствованием из польского диалектного *członek*²⁵ (см. [SGP 13: 138]), причём источником был мазуряцкий говор. По-видимому, мы имеем дело с дрейфом уже на белорусской почве, аналогичным вышеописанному, поскольку полонизмы типа *члўнак*, *члўнак* в белорусских говорах шире представлены в значении 'сустав пальца' [ЧТС 2006: 196].

е) В д. Шеломя (Архангельская область, ОЛА 577) засвидетельствована форма *вёртлук*, которая соответствует литературному *вертлуг* / *вертлóg* 'подвижный конец бедренной кости, входящий в чашку таза'.

ж) Возможно, сюда же относится рус. диал. *маклó* 'бедро', *маклóк* 'мосол, выступающая кость; мясо плохого качества' [СРНГ 17: 310–311]. Согласно гипотезе Е. Л. Березович и О. Д. Суриковой, эти слова и однокоренные *маклýга*, *маклýшечка* 'круглое, выпуклое утолщение на конце чего-либо; набалдашник', *маклýжка* 'шишка на лбу; комочек; бомбошка, помпон', обозначающие нечто выпирающее, восходят к *макъ 'мак' с суффиксом *-ьл-. В таком случае *макло* оказывается родственником слов *мак*, *макушка* и *маковка* [Березович, Сурикова 2017: 23–25]. Перенос на бедро, вероятно, шёл через обозначение тазобедренного сустава.

з) Русское диалектное *маслák* (ОЛА 635, Токарёво, Новгородская область), производное от *мосóл*, известно в той же Новгородской области (и шире) в значении 'тазобедренная кость' [СРНГ 18: 286].

VIII.3.3. Описательные конструкции

Известен целый ряд коллокаций, обозначающих бедро²⁶: луж. *hór'ešna nōha* (пункт ОЛА 235), *górejčna nōga*, *horéšna nōha*, *hór'ija nōha*, *hōrna nōha* [SSA 6/47] букв. 'верхняя нога'; в.-луж. *hušej koľena nōga* букв. 'выше колена нога' (ОЛА 236); пол. *noga powyż kolana* букв. 'нога выше колена' (ОЛА 320); слвн. *nó:jə nad ʔolé:nəm* (SLA 020), *nōha nat koliénan* букв. 'нога над коленом' (SLA 079); *nat kòtenu* (SLA 290), *nat kolèjini* (SLA 336), *'natko'le:nə* (SLA 049), *vàrxka kolèna* (SLA

²⁵ В литературном польском – *członek* 'член'.

²⁶ А. Ф. Журавлёв полагает, что «в большинстве случаев это образования аднос – ответы на анкетные вопросы эксплораторов, свидетельствующие об отсутствии в говоре интересующего собирателей термина» (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение, 01.03.2022). Несмотря на то, что эти слова во многом справедливы, мы полагаем, что сама повторяемость некоторых из таких конструкций говорит о том, что пренебрегать ими нельзя.

362) букв. 'над коленом'; *od kolēna yorǵ* букв. 'от колена вверх' (SLA 058); *hor nat količnan* букв. 'наверху над коленом' (SLA 081); *ta zgùǎjja stěhna* букв. 'верхнее бедро' (SLA 023). Как минимум в части этих форм можно видеть кальку с немецкого *Oberschenkel*.

Такие коллокации нередко подчёркивают толщину бедра:

а) 'толстое мясо' встречается в болгарских (*de'belo 'meso*, ОЛА 117), македонских (*di'belo 'meso*, ОЛА 110), сербских (*děbala mé:sa*, ОЛА 152), словенских (*to tōlste mīso / to tolste mīso*, SLA 059), словацких (*hrube meso*, ОЛА 227), лужицких (*tuste / t̥uste / t̥uste / kluste mēsɔ; t̥uste / t̥uste mēsɔ; t̥uste mjasɔ*) [SSA 6/47];

б) 'толстое тело' в восточнословацких говорах (*hrube celo* в пунктах ОЛА 226, 228–230, 232; *hrubi celo* в пункте 231);

в) 'толстая нога' в лужицких (*tousta noŋa*, ОЛА 237; *tusta noŋa, tousta noha* [SSA 6/47]), в польских говорах отмечены описательные выражения вида 'нога в толстом месте': *noga f xrubę m'ysę* (ОЛА 317), *noga v grub'izńe* (ОЛА 318);

г) 'толстая голень' в хорватском говоре (*de'be:li li:st*, ОЛА 26), словенских (*debēli list*, SLA 291; *debēli list* SLA 292) и польском (*hytek xruby*, ОЛА 316);

д) 'толщина' в болгарских говорах (*debeli'nə*, ОЛА 120; *debel'ta*, ОЛА 125), 'в толстом' – в словенском (*u debēlem*, SLA 089), 'толстое' в словацком (*hrube*, ОЛА 156).

VIII.3.4. Перенос с названий костей

В нескольких словенских говорах бедро получило обозначение по названию кости: *kù:ǎst od nǒ:e* 'кость ноги' (SLA 063), *ta 'dǒ:uga 'kǒ:st* букв. 'длинная кость' (SLA 280) и *pīšek < pišček* (SLA 339).

Возможно, тот же механизм работал в случае хорв. диал. *kña:t* 'бедро' (ОЛА 24) при более распространённом значении схр. *gnjât* 'часть ноги от колена до предплюсны у большинства млекопитающих, сгус; нога (вообще)', в сочетаниях *veliki gnjat / gornji gnjat* – 'бедренная кость' [РСКНЖ 3: 390].

В одном севернорусском говоре представлена формы *сопѣлка* (ОЛА 584). По всей видимости, мы имеем дело с переносом названия с кости, ср. *сопѣлка* 'голень; предплечье; берцовая кость' [СРНГ 9: 330]. По всей видимости, на кость перенесено название инструмента, изготавливаемого из кости: *сопѣлка* 'дудка' [СРНГ 9: 330]. Ср. также польское *piszczel* и словенское *piščal* 'большеберцовая кость' (< 'дудка').

В ряде южнорусских говоров (ОЛА 803, 816, 824, 825, 839, 840, 844) мы находим слово *булдышка*. «Костяные» значения у него представлены шире, ср.: *булдыга* ‘кость, мосол; бедренная кость; часть ноги; название части тела; шишковатая палка, дубина; всякая высокая сорная трава’, *булдыжка* ‘кость; голенная кость; кость надкопытного сустава животных; утолщение в кости, мосол; нога; часть ноги животного; нога птицы; хромой человек; веретено с намотанной пряжей; утолщение на конце палки, трости’ [СРНГ 3: 269]. Вероятно, дрейф здесь всё тот же самый: ‘(бедренная) кость’ > ‘бедро’. А. Е. Аникин считает, что в этимологическом отношении мы имеем дело с контаминацией *булыга* ‘дубина, суковатая палка; крупный окатыш, валун’ и *балда* ‘большой, тяжёлый набалдашник; шишка, нарост, большая блона’ [Аникин 5: 112].

В качестве типологической параллели можно вспомнить немецкое *Bein* ‘нога; кость’ при родственном английском *bone* ‘кость’.

VIII.3.5. Континуанты *udъ

На большей части Польши представлены формы *ud* и *udo* (с фонетическими вариантами). Это очевидная поздняя инновация, почти не выходящая за пределы польской языковой территории (ОЛА фиксирует её ещё только в пункте 345 в Белоруссии). В данном случае мы имеем дело с сужением значения ‘часть тела’ > ‘бедро’. Новое значение представлено уже в памятниках XV века. Встречающееся в памятниках значение ‘часть тела’, по мнению авторов SStp, является богемизмом [SStp 9: 323]. Из вариантов *ud* и *udo* более старым является, конечно, первый, имеющий параллели в других славянских языках и представленный как в древнепольском, так и во многих современных диалектах.

VIII.3.6. Континуанты *kyta

В литературном чешском *kyta*, континуант праславянского *kyta ‘пучок, связка’, означает ‘окорок’. В чешских, словацких и польских говорах потомки *kyta используются для обозначения бедра как животных, так и человека [ЭССЯ 13: 279; ОЛА 9/44].

VIII.3.7. Перенос с названий одежды

В случае рус. диал. *гач* (m.) ‘бедро, ляжка; пах, круп у лошади’ и *гáча* (f.) ‘бедро, ляжка; голень; нога’ [СРНГ 6: 154] мы имеем дело с дрейфом ‘штаны’ > ‘бёдра’. Ещё один случай, когда название одежды было перенесено на часть тела, на которой данная одежда носится, –

*rojaš 'пояс; талия'. См. также ниже о словах *уборина* и *уборник* 'щиколотка' в русских говорах.

Возможно, с переносом 'штаны' > 'бёдра' мы сталкиваемся в случае одного псковского говора (Подборовье; ОЛА 628), где записаны два названия бедра: *солна́* (сбоку) и *ляшка* (сзади) [ОЛА 9/44]. При этом формы *солн* / *солна́* / *солни́нка* засвидетельствованы в значении 'штанина' (в том числе в псковских говорах) [СРНГ 39: 306]. А. Е. Аникин выводит слово *солна́* 'штанина' из *сьлр и связывает с гнездом **selp-* / **solp-* / **сьлр-* (ср., например, ц.-сл. *slъpati* 'прыгать') и полагает, что внутренняя форма в данном случае – 'куда толкают, суют ногу', указывая на полесское *совпатис* 'тыкаться, толочься' [Аникин 1985: 70]²⁷. Отметим также, что в том же Подборовье *sol'pa* записано и в значении 'стопа' [ОЛА 9/46], а в Лужском уезде Петербургской губернии в 1896 г. зафиксировано слово *солне́ги* 'голени' [СРНГ 39: 306].

Нельзя исключать связи этих форм с *сопёлка* 'голень; предплечье; эти части туши животного; берцовая кость' и *сопель* 'штанина', засвидетельствованными в том же ареале [СРНГ 39: 330] (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение). Фонетические расхождения вряд ли позволяют говорить об этимологическом родстве, однако вполне можно предположить наличие в данном случае паронимической аттракции.

VIII.3.8. Отглагольные дериваты

а) В крашских словенских говорах существует компактный ареал, где бедро обозначается словом *skok* (пункты SLA 097, 102, 103, 105, 106), производным от *skočiti 'прыгнуть'. В отдельных говорах того же ареала оно же записано в значениях 'тазобедренный сустав' (пункты 84 и 101) [SLA 1/61] и 'икра' (пункты 097, 102) [SLA 1/65]. В не связанном с ними каринтийском говоре *skok* значит 'щиколотка' (пункт 035) [SLA 1/66], что, возможно, является независимой инновацией.

б) На большей части восточнославянской территории основным обозначением бедра стало слово *ляжка*²⁸, образованное от *lęgati 'лягать' [ЭССЯ 15: 66, 53–54]. В памятниках встречается с 1616 года с отражением на письме оглушения: *ляшка* [СлРЯ XI–XVII 8: 350]. Эта

²⁷ Мы полагаем, что решение Аникина во всех отношениях лучше, чем этимология Фасмера, который связывал *солна́* и *сопля́* 'штанина' [Фасмер 3: 714], хотя сам Аникин считает, что предположение Фасмера «вполне правдоподобно» [Аникин 1985: 70].

²⁸ Встречаются также форма среднего рода *ляшко* и аугментатив *ляха* с вторичным *х*, получившимся в результате обратной деривации от *ляшка*/.

инновация доминирует в русских говорах, а также в восточной Белоруссии и восточной Украине, точно доходя до белорусско-польской и украинско-польской границ, а также заходит на территорию Молдавии [ОЛА 9/44; ЛАБНГ 3/92]. За пределами восточнославянских языков не встречается. Отметим, что внутренняя форма этого слова аналогична *bedra и *stegno.

в) В деревне Добрунь (Брянская область, ОЛА 800) записана форма *кулуга* 'бедро', являющаяся дериватом от *кульгать* 'хромать' (см. [СРНГ 16: 74]).

г) В русских говорах засвидетельствованы девербативы от *ходить* – *ходило* 'бедро, окорок' [СРНГ 51: 31] и *ходуля* 'тазобедренный сустав; бедро коровы, быка' [СРНГ 51: 115].

д) Дериватом от *корачить(ся)* 'пятить(ся)', по-видимому, является рус. диал. *карач'ина* 'бедро' (пункт ОЛА 762).

е) Возможно, к отглагольным дериватам следует отнести также русское диалектное *кляга* 'колено; нога; бедро человека или животного; рука' [СРНГ 13: 328]. О. Н. Трубочёв возводил его к праслав. *klęka, деривату от *klękati 'становиться на колени' [ЭССЯ 10: 31–32]. Однако в таком случае требует объяснения звонкий *-z-*.

VIII.3.9. Тёмные случаи

К тёмным случаям относится словацкое диалектное *bonc* (Сирк, пункт ОЛА 225). Возможно, это заимствование из немецкого *Bein*.

VIII.3.10. Заимствования

а) Турцизмы

В восточной части южнославянского ареала доминирует форма *but* < тур. *but* 'бедро'. В Сербии и Черногории преимущественно используется вариант, оформленный славянским суффиксом, – *butina*. Это слово представлено на большей части территории Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории, а также Боснии и Герцеговины. В Хорватии отмечен только в одном пункте (ОЛА 27), расположенном, однако, довольно далеко на западе. Территорией Болгарии (пункты ОЛА 118, 121, 130, 132, 136, 141) ограничен ареал ещё одного турцизма – *баджак* < тур. *bacak* 'нога'.

б) Итальянизмы

Итальянизмы представлены в сербохорватских и словенских говорах. В градищанском хорватском деревни Чемба (Schandorf, пункт ОЛА 147а) наряду со *s'tegno* засвидетельствована форма *'ča:mpa* < ит. диал.

ciampa (при ит. литер. *zampa* 'лапа'). Слово *culatta* 'зад' было заимствовано в словенские говоры, как *ko'lq:te* 'бедро женщины' оно записано в Помьяне (ОЛА 11), а как *kulâta* – в Корте (SLA 121). Слово *fe'mo:re* (< ит. *femore* 'бедренная кость') записано в Мирнике (Mernico, SLA 082).

в) Германизмы

Германизмы обнаруживаются в словенских и польских говорах. В первую очередь это *Schenkel* 'бедро'. Данное слово отмечено как *šynk'el* в Шелееве, Гостыньский повят (ОЛА 269), и как *šé:ŋkŭ* в Радише (Radsberg, SLA 023). В виде *шёнкель* 'икра ноги всадника' оно вошло и в литературный русский, однако как часть кавалерийской терминологии. *Oberschenkel* 'бедро' отмечено в двух каринтийских говорах – Свече (Suetschach, SLA 016) и Радванье (Rothwein, SLA 049). Средневерхнемецкое *Wadel*, уменьшительное от *Wade* 'икра' [SLA 1.2: 161], трансформировалось в *brá:dŭ* в Радише и в *buôdl* в Идрии (SLA 169).

г) Литуанизмы

Преимущественно на севере Белоруссии представлено слово *кумняк* (с фонетическими вариантами), заимствованное из лит. *kum̃pis* 'ококор' [ОЛА 9/44; ЛАБНГ 3/92]. Другой литуанизм, *kūlsė* 'бедро' > *кўльша / кўльшнĳя / кľюшнĳя*, больше тяготеет к западу Белоруссии, но встречается в украинских и русских говорах [ОЛА 9/44; ЛАБНГ 3/92]. В литературный польский форма *kulsza* была заимствована в значении 'бедренная кость' [SJP]. См. также обзор географии и семантики этого литуанизма в [Топоров 4: 256–259].

д) Урализмы

В севернорусских говорах известно слово *кóйба* 'нога, лапа (человека); женское бедро; шкура оленя с нижней части ноги до колена; выделанная шкура с оленьих ног', заимствованное из уральских языков, ср. кар. *koipi* 'нога животного, лапа', фин. *koipi* 'нога', эст. *koib* 'нога, ножка, лапа' и др. [Мызников 2019: 315–316].

е) Внутриславянские заимствования

В македонском говоре села Витолиште (ОЛА 102, южная Македония) записана форма *кус*. Толковый словарь македонского языка глоссирует данную форму как 'большой кусок мяса; бедро (диал.)' [ОДРМЈ]. Логично видеть в этой форме континуант праславянского *kǫsъ 'кусок', как это делает Я. Сятковский [Siatkowski 2012: 184]. Однако нормальным континуантом *ǫ в говоре данного населённого пункта является *a*, в то время как у представлен севернее [ОЛА СФГ 26: 105]. Представляется, что форма *кус* заимствована из северномакедонских говоров или же из сербохорватского языка.

IX. КОЛЕНО

IX.1. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *KOLĚNO

Праиндоевропейское название колена *ǵonu (> хеттск. *gēnu*, санскр. *jānu*, греч. γόνυ, лат. *genū*, гот. *kniu*, арм. *cunr* и др.) было утрачено в балтославянских языках. На его место пришли инновационные прабалт. *kelis (> лит. *kēlis* (m.), лтш. *celis* (m.)) и праслав. *kolěno¹ (акцентная парадигма *a* [Derksen 2008: 228]). Отметим, что славянское и балтийское слова различаются вокализмом корня.

В славянских литературных языках континуанты *kolěno сохранились повсеместно: болг. *коляно*, мак. *колeно*, схр. *kòljeno / kòleno*, слвн. *koléno*, чеш., слвц., в.-луж. *koleno*, н.-луж. *kóleno*, пол. *kolano*, бел. *калёна*, укр. *коліно*, рус. *колéно*. Данные атласов также показывают высокую степень сохранности этого слова, при этом в большом количестве русских пунктов старая форма вытеснена диминутивом *коленка* [ОЛА СФГ 1/26; ОЛА БМ 2015: 34–35; SLA 1/63].

Среди потенциальных когнатов балтославянского слова назывались также греческие *κῶλον* ‘член тела’ и *κολλῖν* ‘бедро, окорок; pl. кости ног (бедренная и берцовые)’ [Verneker 1908: 545; Фасмер 2: 289; ESJS 6: 328], однако Р. Бекес отрицал наличие связи на основании необъяснённого долгого корневого гласного в греческом [Beekes 2010: 813].

В отношении суффикса² точным соответствием славянскому слову является литовское *kelėnas* ‘коленная чашечка’. В целом в праславянском формант *-ĕn- сравнительно редок у существительных сред-

---

¹ Г. Шустер-Шевц на основании верхнелужицкого устар. *kolen* и полабского *tūlon предполагает для праславянского наличие параллельной формы мужского рода – *kolěнь [Schuster-Šewc 8: 601], однако на самом деле в полабском мы имеем дело с *tūloně* среднего рода [SEJDP 5: 895]. В целом верхнелужицкая форма, как мы полагаем, является вторичной, даже несмотря на наличие хорватской (XVII–XVIII вв.) формы мужского рода *koljen* [RHiSJ 5: 223].

² Русское диалектное *кóлюшки* ‘коленки’ [СРНГ 14: 220], по-видимому, является вторичной формой, образованной с усечением основы. Ср. *голень* > *голяшка* ниже.

него рода. Помимо *kolěno, его можно найти в слове *rolěno 'полено' и, возможно, в диалектном *timěno 'трясина'. Дериватов мужского рода значительно больше [SP 1: 128–129].

У литовских существительных суффикс *-ėn-* весьма продуктивен. Он образует [Otrębski 2: 183–184]:

а) патронимические термины: *brólis* 'брат' > *brolésnas* 'племянник (сын брата)';

б) диминутивы: *balañdis* 'голубь' > *balandėnas* 'голубок';

в) маскулитивы: *tetà* 'тётя' > *tetėnas* 'муж тёти';

г) обозначения обитателей: *girià* 'лес' > диал. *girėnas* 'житель леса'.

Есть предположение, что суффикс *-ėn- возник в результате тематизации существительных согласного склонения на *-en*³ [SP 1: 128]. Р. Матасович, развивая эту идею, даже реконструирует прабалтославянскую *-n-основу *kalēn- [Matasović 2014: 126].

Среди потенциальных славянских когнатов называют слова *čelnъ, *čelo, *čelustь, *čel'adъ, *čelowěкъ, *klǫbъ [ESJS 6: 328]. Существует также сравнение с *kolo 'колесо' [Пјинский 1907: 164], против которого возражал М. Фасмер [Фасмер 2: 289].

В отношении корня существуют две основные гипотезы. Первая отталкивается от *k^welh₁- 'поворачиваться' [Skok 2: 130; БЕР 2: 565; Богус 2005: 243; Snoj 2016: 318; Králik 2015: 276] и этимологического значения 'сгибающаяся, подвижная часть тела' ('pregiben, vrtljiv telesni del', 'zginająca się, ruchoma część ciała') [Snoj 2016: 318; Smoczyński]. Вторая исходит из *keln- 'возвышаться' [Gluhak 1993: 330; Derksen 2008: 228–229] и этимологического значения 'то, что торчит из ноги' ('to, co z nogi wystaje') [Smoczyński]. Стоит упомянуть, что О. Н. Трубочёв полагал, будто это один и тот же корень, а не два разных [Трубочёв 3: 203–205; ЭССЯ 10: 133–134], но такой подход противоречит твёрдо установленным фонетическим соответствиям.

Особняком стоит концепция Ильинского, который привлекал для сравнения прусское *poquelbton* 'став на колени', лит. *klūpti* 'спотыкаться' и греч. *κάλλη* 'конская рысь' < *k^wəln- [Пјинский 1907: 163; Ильинский 1916: 234]. Однако даже неславянские слова между собой вряд ли родственны [Mažiulis 3: 314; Smoczyński; Beekes 2010: 627], а уж для привлечения к этому сопоставлению *kolěno необходимо постулировать переход *wə > o.

³ Обзор дискуссии о происхождении суффикса прилагательных *-ėn- см. в [Rigler 1964].

Существует также гипотеза Х. Шустер-Шевца, согласно которой *kolĕno образовано от *kol- 'отколотый кусок, клин, палка, кол' ('abgespaltenes Stück, Keil, Stock, Pfahl') [Schuster-Šewc 1963: 865–866], что сомнительно в семантическом отношении.

Напоследок упомянем о реконструкции А. Баньковского, который считал анатомическое значение вторичным, а в качестве первичного указывал следующее: 'узел на побеге растения, разделяющий два отрезка его годовых приростов; коленце на стебле растения (węzeł na pędzie rośliny, rozdzielający jego dwa odcinki przyrostów rocznych; kolanko na źdźble roślinnym)' [Bańkowski 1: 749]. Мы считаем эту реконструкцию необоснованной: именно соматическое значение представлено у континуантов *kolĕno наиболее широко и надёжно⁴. Кроме того, латинское *geni* демонстрирует нам ровно обратный дрейф: 'колено' > 'узел (на стебле)'.

На наш взгляд, наиболее перспективной линией этимологизации является произведение *kolĕno от *k^welh₁- 'поворачиваться' и, что важно, увязывание его с *kolo 'колесо', также дериватом от этого глагольного корня.

Дело в том, что мы располагаем хорошей типологической параллелью: латинское *rotella* 'колёсико' дало ит. *rotella* 'колёсико; коленная чашечка', порт. *rodela* 'колёсико; коленная чашечка' и исп. *rodilla* 'колено'. Дрейф значений, очевидно, шёл следующим путём: 'колёсико' > 'коленная чашечка' > 'колено'.

Перенос на коленную чашечку названий круглых (необязательно вращающихся) предметов довольно широко распространён в европейских языках: слвн. *pogáča* 'погача (круглый хлеб)' > *pogáčica* 'маленькая погача; коленная чашечка'; пол. *rzepa* 'репа' > *rzepka* 'репка; коленная чашечка'; слвц. *jablko* 'яблоко' > *jablčko* 'яблочко; коленная чашечка'; лит. *girnós* 'жернова' > *girnėlė* 'коленная чашечка' (= 'жерновок'); лат. *patella* 'мелкая кастрюля, чашка или сковорода; коленная чашечка'; нем. *Kniescheibe* 'коленная чашечка' (= 'коленный диск').

Приведённые выше примеры наводят на мысль, что *kolĕno может быть дериватом не непосредственно от глагольного корня, а от *kolo 'колесо'. Хотя последнее существительное на поздних этапах существования праславянского языка, по всей видимости, было с

⁴ Дрейф значений 'колено' > 'поколение' широко распространён как в индоевропейских языках, так и за их пределами. Обзор гипотез, объясняющих этот факт, см. в [ESJS 6: 328].

*-es-основой, его ранние дериваты, например *kolaśь и *kolēja, не имеют -es- в своём составе.

Что важно, параллельные балтийские обозначения колеса, прус. *kelan (в составе сложения и дериватов) и лтш. диал. *ducele* 'двуколка', имеют -e-вокализм в отличие от славянского -o-вокализма, аналогично разнице прабалт. *kelis 'колено' – праслав. *kolěno.

Для прабалтийского языка сценарий выглядит следующим образом: от *k^welh₁- 'поворачиваться' были образованы параллельные дериваты *kelan 'колесо' и *kelis 'колено'. Затем от *kelis был произведён диминутив *kelēnan 'коленце', позднее специфицировавший своё значение в 'коленная чашечка' (лит. *kelėnas*). Аналогичный случай дифференциации значений предоставляет в наше распоряжение литовский: *žiurkė* 'крыса' > *žiurkėnas* 'хомяк'.

Для праславянского можно предположить два варианта развития событий. Первый описан выше: от *k^welh₁- 'поворачиваться' образовано праслав. *kolo 'колесо', а уже от него *kolěno 'колёсико' > 'коленная чашечка' > 'колено'. Второй предполагает параллелизм с точностью до вокализма с прабалтийским: от *k^welh₁- 'поворачиваться' были произведены *kolo 'колесо' и **kolis > **kolь 'колено'. От последнего было образовано *kolěno 'коленце' > 'коленная чашечка' > 'колено'.

IX.2. ИННОВАЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ КОЛЕНА

Нам известно несколько новых названий колена в русских говорах: *вѣтлюг* 'коленный сустав' [СРНГ 4: 195]; *кляга* 'колено; нога; бедро человека или животного; рука' [СРНГ 13: 328]; *слом* 'локоть; колено' [СРНГ 38: 299]; *сунузка* 'колено'⁵ [СРНГ 42: 247]; *угол* 'локоть или колено' [СРНГ 46: 227]. Сюда можно добавить ещё сербохорватское диалектное *голѣнике* 'колени' [Стојановић 2010: 138].

⁵ Вряд ли это некорректно записанное *суножка* 'ножка стула, стола и т.п.; перекладина, планка, соединяющая ножки стола', ср. [СРНГ 42: 246].

Х. ГОЛЕНЬ И ИКРА

Х.1. *LYSTЬ, *GOLĚŃ И *JЬKRA

Х.1.1. Вводные замечания

В известных нам языках более обычно двухчастное членение ноги между коленом и щиколоткой: одним словом обозначается вся эта часть ноги (голень), другим – мясистая задняя часть (икра). Существует и трёхчастная схема. Так, в литературном чешском *bérec* (этимологически – русизм) – вся голень целиком, *holeň* – передняя часть голени, *lýtko* – икра. Впрочем, в разговорном чешском *holeň* может обозначать и всю голень целиком. Аналогичную систему мы находим в словацком: *predkolenie* – *holeň* – *lýtko*. Ещё одним примером является английский, в котором *shank* означает всю голень, *shin* – переднюю часть, а *calf* – икру.

На роль праславянских обозначений голени и её частей могут претендовать три слова: *lystь, *golěň и *jьkra.

Х.1.2. Континуанты *lystь, *golěň и *jьkra в славянских языках

Х.1.2.1. Старославянский

Греческое κνήμη ‘голень’ переводится в старославянских текстах тремя способами.

Первый – это стих Пс. 146:10 в Синайской псалтыри:

оудѣ ѓн таїс κνήμας τοῦ ἀνδρός εὐδοκεї

ни въ лыстєхъ (къ мж)жєстѣхъ благово<литъ> [Mareš et al. 1997: 40].

Более поздние псалтыри (Погодинская, XII в., юж.-слав.; Болонская, XIII в., юж.-слав.; Лобковица, XV в., хорв.-глаг.; Парижская, XV в., хорв.-глаг.¹) дают здесь ту же лексему [SJS 2: 145]. Из формы лыстєхъ довольно сложно извлечь nom. sg. Авторы SJS сочли, что это слово

¹ В последнем случае пропущена буква: в' лєтєхъ.

лъысто [SJS 2: 145]. А. Вайан на основе этой же формы писал о *lystь (m.) [Vaillant 4: 681].

В Супрасльской рукописи при цитировании того же места псалтыри использован гапакс кѣкъѣнѣ или кѣкъѣнѣ: не благовоитѣ гѣосподѣ въ кѣкъѣнѣ мѣжъскоу (546, 13) [SJS 2: 91].

В той же Супрасльской рукописи слово εὐκνημία переведено без учёта приставки εὐ- словом голѣнь:

τῆ εὐκνημία τῶν ποδῶν
и голѣньми сконии (31, 6) [SJS 1: 416].

Однако обычно голѣнь соответствует σκέλος ‘бедро; голень; нога’, чаще всего в рамках словосочетания πρѣбити голѣни ‘перебить голени’ (Ин. 19: 31–33) [SJS 1: 416].

В «Вопросах святого Сильвестра и ответах преподобного Антония», переведённых в X веке и сохранившихся в русской рукописи XV в., читаем следующее:

Голени же наши оустранитѣ млатѣлѣни и лѣстьлѣни сложенн. акы стѣпа тѣ-
готѣ носѣща. все подѣржащи наше тѣло. на врѣкѣ же има колѣнкѣ намаюци.
плеснѣ и глезны [Cyrillomethodiana].

Здесь лъысть является частью голѣни, за чем логично видеть соотношение ‘икра’ – ‘голень’.

X.1.2.2. Болгаро-македонский ареал

В литературном македонском *лист* обозначает икру ноги [ОДРМЈ]. Это же слово представлено и в диалектах: *лист* (Ново Село, Струмичко), *лис* (Ехловец, Попоец, Светораче – Кичевско; Боровец – Струшко; г. Берово), *листу* (Сухо и Висока – Солунско) ‘икра’ [Дрвошанов 2005: 154]. Современный болгарский этого слова, кажется, не сохранил вовсе.

Что касается континуантов *golěнь, то мы располагаем лишь болгарским *голен* (m.) ‘большеберцовая кость (пищял)’, помеченным как устаревшее [РБЕ], но в подтверждение его употребления – только один контекст из П. Р. Славейкова: «...защото видях развърлени по земята тамо на една страна лобове, лакти, голени и други человечески кости». Однако в данном случае *голен* может быть таким же русизмом, каковым является предшествующее *лоб*.

Слово *икра* ‘икра ноги’ широко распространено в южномакедонских (Кайларско, Воденско, Преспанско) и части юго-восточных говоров (Струмичко, Гевгелиско, Гуменджиско, Долновардарско) [Rusek 1995: 488].

Следует оговорить, что в словаре болгарского языка Н. Герова у *икра́* также записано значение ‘икра ноги’ в следующем виде: ‘дебело-то мясо отдырѣ на пищяла, прасци, прасета, балджръ’ [Геров 2: 325], – и, видимо, вслед за Геровым оно появляется в этимологическом словаре Младенова [Младенов 1941: 222]. Однако отсутствие фиксации этого значения в других источниках заставляет подозревать и в этом случае русизм, особенно в свете ударения болг. диал. (Банско) *икра* ‘маленькое пятно жира в мясном блюде (малко мазнинно петно в месна гостба)’ [БЕР 2: 63].

Х.1.2.3. Сербохорватский

В литературных языках штокавского ареала, а также большинстве говоров *líst* (с фонетическими вариантами) является основным обозначением икры ноги. Преимущественно в кайкавских говорах встречается дериват *listanjek* [ОЛА 9/45].

Слово *gòlĕn / gòlijen* может обозначать как всю голень целиком, так и только её переднюю часть, в редких случаях икру [RHiSJ 3: 253–254].

Первую ситуацию мы находим в вараждинском говоре: *gol'ĕno* ‘голень (potkolonica)’ – *líst* ‘икра (požni mišić od ahilove tetive do koljena)’ [Lipljin 2013: 380, 656].

Вторая ситуация обнаруживается в черногорских говорах: *g'olijĕn* ‘передняя часть голени (‘предњи део ноге од колена до чланка’)’ – *поткољена* ‘голень (потколеница)’ [Петровић et al. 2013: 86, 309], *gòlijĕn* ‘передняя часть голени (део ноге од колена до чланака, с предње стране, потколеница)’ [Стијовић 2014: 89]².

Слово *ikra*, трактуемое как ‘икра ноги (líst od noge, polraccia, la polpa della gamba, suga)’ давал в своём словаре Иоаким Стулли в начале XIX века [Stulli 1: 223]. В этом случае, правда, нельзя исключать возможности, что данная форма является русизмом.

Х.1.2.4. Словенский

В словенских паннонских говорах *lítka* (с фонетическими вариантами) является доминирующим обозначением икры ноги (пункты SLA 367–382, 386–389, 391–394, 396, 398–404, 407) [SLA 1/65]. В пункте 388 (Горица) Словенский лингвистический атлас отмечает *lítka* в

² С аналогичным определением даётся также слово *kònjc / kònjec* [Стијовић 2014: 90].

значении 'бедро' [SLA 1/62]. Полисемия 'бедро' / 'икра' в рамках одного говора в принципе возможна, но без дополнительных данных у нас есть основания подозревать здесь ошибку. Аналогично с фиксацией *li:tka* в пункте 399 (Горни-Петровци) в значениях 'икра' и 'большеберцовая кость' [SLA 1/64]. Интереснее ситуация в пункте 395 (Горня-Бистрица), где *li:tka* записана в значении 'большеберцовая кость', а в качестве обозначения икры выступает *gul'ni:ica* [SLA 1/64], при том что в литературном словенском *golenica* значит как раз-таки 'большеберцовая кость'.

Словенский выделяется на фоне всех остальных славянских языков тем, что в нём отмечена форма *lātki* (m. pl.) 'икры' [Pleteršnik 1: 502], которая восходит к *lŷt-, а не *lyt-³.

В двух пунктах Словенского лингвистического атласа, расположенных у словенско-хорватской границы, в значении 'икра' записаны коллокации с антонимичными прилагательными *debēli list* (пункт 290, Виница) и *tānki list* (пункт 292, Адлешичи) [SLA 1/65]. По всей вероятности, это заимствования из хорватского. Кроатизмами, скорее всего, являются также формы *listājnk* 'икра' (351, Мостец) [SLA 1/65] и *leš'ta:jnk* 'большеберцовая кость' (307, Добено) [SLA 1/64].

Слово *golēn* (f.) в литературном словенском – 'голень; большеберцовая кость', а *ikra* означает 'икра рыбы; личинка ленточного червя' [SSKJ]. Словарю Плетершника последнее слово известно также в значении 'чешуйка' [Pleteršnik 1: 292].

X.1.2.5. Чешско-словацкий ареал

В древнечешском слово *lytka* было женского рода, лишь позднее род сменился на средний, что было отмечено уже Гебауэром [Gebauer 3-1: 193]. Данные древнечешского корпуса подтверждают это наблюдение: все найденные нами примеры – женского рода [SČTB]. Согласно данным ОЛА, в современных чешских и словацких говорах доминируют формы среднего рода, но встречаются и варианты женского рода [ОЛА 9/45].

Чешские и словацкие диалектные данные указывают на присутствии в этом ареале основы *lŷt-, как правило, со вторичными морфологическими изменениями, вызванными главным образом влиянием *lytka* [ОЛА 9/45]:

³ Ср. взаимоотношения пол. *łyżka*, с одной стороны, и рус. *ложка* (< *lŷzьka) – с другой.

- *lisc* (f.) (пункт ОЛА 214);
- *list* (ОЛА 217);
- *lista* (ОЛА 228, 231, 232), *lysta* (233);
- *ly:stka* (f.) (ОЛА 205);
- *listje* (ОЛА 215);
- *listva* (ОЛА 216).

В отличие от современного чешского, наряду с *holeň* древнечешские памятники предоставляют в наше распоряжение и форму *holeno* среднего рода. Отметим появление у этого слова формы согласного склонения *holene* (gen. sg.), аналогичной новообразованной *kolene* [Synková 2017: 255]. Такой параллелизм форм наводит на мысль, что и *holeno* возникло из *holeň* под влиянием *koleno*.

Кларет глоссировал эти слова следующим образом: «*sura litka* <...> *tibia holen*» и «*sura lytka* <...> *tibia sit holen*» [Flajšhans 1: 55, 153]. Это хорошо коррелирует с семантикой современных чешских *lýtko* и *holeň* (по-латыни *sura* ‘икра’, *tibia* ‘берцовая кость, голень’), а также не противоречит тому, что мы находим в других древнечешских памятниках. По всей видимости, *holeň* обозначала голень, а *lýtko* – икру.

Как уже было сказано выше, появление в эпоху национального возрождения русизма *bérec* привело к перестройке системы в трёхчастную с ограничением семантики *holeň* до ‘передняя часть голени’.

Слово *jikry* в древнечешском, как и современное чешское *jikra*, означало в первую очередь икру рыбы [VW]. Однако в ляхских говорах записана форма *ikro* ‘икра ноги’ [Bartoš 1906: 133]. Кроме того, в старословацких памятниках начиная с XVII в. фиксируется *ikra* ‘малоберцовая кость (lýtková kost)’. Отметим коллокацию *litkové ykri* (1763 г.) [HSSJ 1: 491].

X.1.2.6. Польский

В древнепольских памятниках *goleń* глоссируется по-латыни как ‘*tibia*’ (большеберцовая кость, голень) и ‘*crus*’ (голень) [SStp 2: 451], в то время как *lytka* и *lyst* – ‘*sura*’ (икра) [SStp 4: 133, 134]. Слово *ikro* / *ikry* (pl.) известно только в значении ‘икра рыбы’ [SStp 3: 13]. В XVI веке *goleń* также обычно переводят как ‘*crus*’ и ‘*tibia*’, в единичных случаях как ‘*regna*’ (задняя часть бедра), ‘*sura*’, ‘*crusculum*, *internodium crusis*’ (промежутки между суставами голени) [SP XVI 7: 522–523], *lyst* (один раз засвидетельствована форма женского рода *lysta*) – это ‘*sura*’, один раз ‘*crus*’, *lytka* также ‘*sura*’ [SP XVI 12: 634–635, 636].

В современном литературном польском *goleń* – это часть ноги между коленом и щиколоткой, а *łydka* – икра ноги.

В говорах *goleń* (м.)/(ф.) значит ‘голень человека и животного; нога (часто экспрессивно) человека и животного; икра (экспрессивно, пейоративно); стопа; ветка’ [SGP 27: 580–581].

Литературному *łydka* в говорах соответствует большое количество морфологических вариантов: *lysta, lyda, lydek, lyta, lyto, lytka, lytko, glyda, glytka*. Помимо основного значения ‘икра’ также встречается ‘бедро’ (*lyda, lyta, lytka, glyda*), ‘ягодица’ (*lytka*) и ‘подколенная впадина’ (*glyda, glytka*) [Картотека SGP]. Отметим, что *lyda* часто глоссируется как аугментатив.

Довольно широко у слова *ikra/ikro* значение ‘икра ноги’ мы находим в польских говорах в первую очередь на севере страны и в Силезии [ОЛА 9/45; MAGP /419; AJŚ 4: 639; AGM 8/393].

X.1.2.7. Восточнославянский ареал

В древнерусских памятниках мы находим слово *лысть* ‘голень’ мужского рода. В том, что это голень вообще, а не икра, нас убеждает следующий контекст: *по сѣмь привъзана къ колѣси лыста юго* (Пролог мартовской половины 1383 г.; РГАДА, ф. 381, №172, 576) [СДЯ 4: 443]. К сожалению, все памятники церковные, то есть могут не отражать живого языка.

При этом «Словарь русского языка XI–XVII вв.» даёт вокабулу *лысто* [СлРЯ XI–XVII 8: 317], хотя на это нет никаких оснований. Форма ном.-асс. *лыста* в примерах (*проръзав лыста*) является реликтом двойственного числа мужского рода, а вовсе не множественным числом среднего.

С XV века в памятниках появляется слово *лытка* ‘голень; окорок’ [СлРЯ XI–XVII 8: 318].

В закарпатских украинских говорах засвидетельствованы формы *лы́стка* (которое Дзендзелевский считал полонизмом), *лыст’* (ф.), *влыст’* (ф.) ‘икра ноги’ [Дзендзелівський 2/147]. В бойковских говорах записаны формы *lyść, lys’t’, lyst’, lysta, lystka, lystva, lytka* ‘икра ноги’ [AGB 3/161]. В надсанских – *lyda, lydka, lyta, lysta, lystva* [AUGN 2/102].

В то же время *икра* известна в соматическом значении лишь с XVII века [СлРЯ XI–XVII 6: 223].

Для современных литературных восточнославянских языков характерно двухчастное деление голени: *голень* – *икра* в русском, *галёнка* – *лытка* в белорусском, *гомілка* / *голінка* – *лытка* в украинском.

Украинское *гомілка*, которое представлено также в диалектах (см., например, [Дзендзелівський 2/306; AGB 3/162]), мы склонны скорее объяснять как результат действия народной этимологии (*гомілка* ‘головка сыра’), а не метатезой и диссимиляцией (см. [ЕСУМ 1: 558–559]).

В восточнославянских говорах *лытка* и *икра* конкурируют за роль обозначения мягкой части голени. *Икра* является основным обозначением данной части тела в русских диалектах, однако островками и довольно широко обнаруживается также *лытка* [ОЛА 9/45]. В Белоруссии *икра* доминирует на востоке страны, а на западе занимает скорее островные ареалы [ОЛА 9/45; ЛАБНГ 91]. В украинских говорах это слово обнаруживается маргинально, лишь в зоне контакта с русским языком [ОЛА 9/45].

В русских говорах слово *лытка* представлено в широком спектре новых значений, встречаясь в роли обозначений чуть ли не всех частей ноги: ‘нога; передняя нога свиньи; задняя нога свиньи; (бранно) о тонких, худых ногах; бедро, ляжка; колени; ступни; пятка (ноги); кость ноги; берцовая кость; толстая кость ноги животного; кость голени; коленная кость; щиколотка; игральная кость, бабка; передняя часть мясной туши; свиной окорок; клешня рака; материя, лоскут, которыми женщины обертывают икры ног’ [СРНГ 17: 226], ‘палка, дубина’ [Малеча 2: 381], ‘рука; ключица’ [ОСВГ 5: 218].

Х.1.3. Реконструкция формы

Х.1.3.1. *golěнь

Для праславянского надёжно реконструируется слово *golěнь женского рода. Хотя в литературе эта форма обычно восстанавливается с *-ě*, можно встретить и вариант *golěнь с *-e* [ЭССЯ 6: 201–202; Черных 1: 199; Gluhak 1993: 237; Вору́с 2005: 170; Snoj 2016: 208; ERHJ 1: 283]⁴.

О первичности *-ě* свидетельствуют старославянская форма *голѣнь* [SJS 1: 416], сербохорватская *gòlĕn* / *gòlijen* [РСКНХ 3: 432] и древнерусская *голѣнь* [СДЯ 2: 351].

⁴ Акцентуация восстанавливается следующим образом: *gòlěнь, *gòlěнь [ERHJ 1: 283], *gòlěнь, *gòlěнь [Snoj 2016: 208].

В пользу *-e-* говорят только польское *golonka* ‘рулька’ и белорусское *галёнка* ‘голень’. Однако в данном случае вокализм вполне может быть вторичным, если дериват возник в эпоху, когда *ě* как отдельная фонема уже исчез в данных языках, ср. пол. *piosenka* ‘песня’ при праслав. *rěsнь и *dzienek* ‘денёк’ при праслав. *dьнь. В [ЭСБМ 3: 30] можно найти мнение, что белорусское диалектное *галёны* ‘голени’ может быть реликтом праславянского *golěнь с переходом из *-i-*основ в *-a-*. Но куда более вероятным видится, что это поздний дериват от *галёнка*. Ср. аналогичные примеры: *ляга, ляха, ляхо* или даже *ляко* ‘бедро’ от *ляжка* в русских говорах [ОЛГ 9/44] (*ляха* также в просторечии); пол. *bary* от *barki* ‘плечи’.

В некоторых работах можно также найти форму среднего рода *goleno [ЭССЯ 6: 201–202; Gluhak 1993: 237] или *golěno [SP 8: 36; Holzer 1989: 105] для праславянского уровня. Но материал для такой реконструкции довольно ограничен. Это словенское *goleno* в памятниках XVI в. (обычно во мн. ч.) [Besedje 16: 121] и единично в современных говорах (*go'liěno* ‘большеберцовая кость’ в пункте SLA 384) [SLA 1/64], сербохорватское *goljeno* (в словарях Делла Беллы, Вольтиджи и Стулли) [RHiSJ 3: 254] и древнечешское *holeno* [VW]. Сюда потенциально примыкает русское диалектное (архангельское) *гóлено* ‘часть шестерни водяной мельницы’ [СРНГ 6: 291].

Как показывает практика, если формы среднего рода и появляются, то только как дублиеты наряду с формами женского рода. Форму *golen* (f.) мы находим в словенском языке XVI в. [Besedje 16: 121], и она является единственно возможной в современном литературном словенском. В словаре Делла Беллы ‘нога, часть тела животного от колена до ступни; голень (*gamba, parte dell'animale dal ginocchio al piede; crus*)’ переводится как *goljèn* (f.) и *goljèno* (n.) [Della Bella 1728: 337]. Стулли приводил формы всех трёх родов: *goljen* (m.), *goljen* (f.), *goljèno* (n.) ‘*gamba, crus*’, причём как основную – форму женского рода [Stulli 1: 183]. В древнечешском мы также находим колебания в роде.

В то же время кое-где обнаруживаются и варианты мужского рода. Помимо процитированного выше сербохорватского, это польское диалектное *goleń* [SGP 27: 580].

Учитывая наблюдения, сделанные нами ранее о массовой смене рода континуантами *bedra, реконструкции *golěno и *goleno для праславянского выглядят необоснованными. Появление форм среднего рода в литературе обычно объясняют влиянием слова *kolěno

[Младенов 1941: 105; Skok 1: 587], однако в случае форм мужского рода это вряд ли могло бы сработать.

X.1.3.2. *lyst- / *lyt-

В случае *lyst- / *lyt- мы имеем дело с большим разнообразием дериватов. Это привело также к разнобою реконструкций в литературе (вплоть до 13!). Приведём некоторые взгляды:

- *lyďka, *lyda, *lystь, *lysta, *lysto, *lysty (*-ū-основа) [Sławski 5: 390, 428–430];

- *lyda, *lydo, *lyďka, *lysta, *lysto, *lystь, *lystьka, *lysty, *lyta, *lyть, *lyťka, *lyťko, *lyťкъ [ЭССЯ 17: 22–23, 43–44, 54–58];

- *lysto, *lysta, *lystь, *lyda, *lyta, *lyto, *lyть, *lyťka, *lyťko [ESJS 8: 445];

- *lyťka, *lyta [Bańkowski 2: 113];

- *lyďka, *lyťka, *lystь, *lysta, *lysto [Boryś 2005: 306];

- *lyda, *lyta, *lyďka, *lyťka, *lysto, *lystь, *lysta [Derksen 2008: 295–296];

- *lystь, *lysto, *lyda, *lyďka [ERNJ 1: 558–559].

Нам кажется совершенно необоснованным проецировать всё разнообразие фонетических и морфологических вариантов этого слова на праславянский уровень. Как было сказано выше, чешская и словацкая форма *lytko* является вторичной по отношению к более старой *lytka*. Аналогично *-d-* в польском, похоже, секундарного происхождения (см. выше о *ляжка / ляшка* в русском)⁵. Мы также не считаем правильным реконструировать *lyda и *lyta. Их мнимые продолжения в славянских говорах встречаются редко и больше подходят на аугментативы (как польское *bary* от *barki*), в пользу чего говорит сам параллелизм *-d-* / *-t-*⁶. Наконец, не все члены тройки *lystь,

⁵ Ср. также рус. *свадьба* < *сватьба* или чеш. *kresba* ‘рисунок’, в случае которого *-z-* произносится даже в форме gen. pl. *kreseb*.

⁶ Во вторых частях рус. диал. *толстолыдый* и *толстолытый* ‘имеющий большие, толстые голени’ [СРНГ 44: 210] логично также видеть аугментативы в свете таких форм, как *толстогузый* (ср. пример, где видно, что прилагательное образовано от *гузно*, а не *гуз*: *кака толстогузая баба, какое у ее гузно, задище-то* [СРНГ 44: 209]) и *толстопытый* ‘имеющий тяжёлую походку’ [СРНГ 44: 211] (в русских говорах доминирует форма *пятка*, а не *пята*). Кроме того, именно от таких прилагательных, подчеркивающих толщину, величину какой-либо части тела, вполне логично ожидать аугментативности.

*lysta, *lysto имеют право на существование. Большинство данных указывают на мужской род. Однако у нас нет уверенности, что это была *-о-основа. Старославянские данные говорят скорее в пользу *lystь (m.). Как известно, *-i-основы мужского рода довольно рано начали растворяться в других типах склонения или менять род, так что, возможно, старославянский отражает наиболее архаичное состояние, в то время как македонские, сербохорватские, польские и древнерусские данные (если последние не противоречат живой речи, в чём мы не вполне уверены) отражают переход данной основы из *-i-склонения в *-о-.

Таким образом, мы полагаем, что для праславянского следует восстанавливать всего две формы – *lystь (или *lystь?) и *lytьka. Отдельным вопросом является то, как они соотносятся друг с другом в словообразовательном отношении. В качестве частичной параллели, доказывающей возможность присоединения суффиксов *-t- и *-ьк- к одной и той же основе, служит *berza ‘берёза’ > *berzьka ‘берёзка’ и *berstь ‘вяз’. Ещё один случай – это *br’uxo ‘живот’ – *br’ustь ‘?’ [ЭССЯ 3: 34–35]⁷ – *br’ušьko.

X.1.3.3. *jьkr-

Праславянское *jьkr- является потомком праиндоевропейского названия печени – *jēkʷr̥. Это слово изменялось по гетероклитическому типу склонения, и среди его потомков вед. *yákrt* (G. *yaknáḥ*) ‘печень’, греч. ἥπαρ (G. ἥπατος) ‘печень’, лат. *iecur* (G. *iecinoris*) ‘печень’, ирл. *iuchair* ‘икра (рыбья)’, лит. *jėknos* (f. pl.) ‘печень’, *jāknos* (f. pl.) ‘железа’, лтш. *aknas* (f. pl.) ‘печень’, прус. *iagno (конъектура из *lagno*) ‘печень’, лит. *ikrai* (m. pl.) ‘икра (рыбья)’, лтш. *ikri* (m. pl.) ‘рыбья икра; икра ноги’, прус. *uścroy* (m. pl.) ‘икра (ноги)’.

Для праславянского реконструируют три формы: *jьkга, *jьkго и *jьkно. Последняя, на наш взгляд, крайне недостоверна. Её восстанавливают главным образом на основании верхнелужицкого *jikno* ‘икра рыбы’. Однако в этой форме куда проще видеть упрощение из также засвидетельствованного *jikrno* ‘икра рыбы’, с аналогичным упрощением в случае *jutrny*, *jutny* ‘утренний’ [Журавлёв 2: 17]. Кроме того, нам известен случай перехода *kr* > *kn* в верхнелужицком: это слово *knot* ‘крот’ [Трофимович 1974: 85] < *кгть. В связи с этим *jikno* вполне можно объяснить как континуант *jьkго.

⁷ SP здесь реконструирует *bfustь ‘икра ноги’ [SP 1: 412].

В некоторых работах сюда же добавляют украинское диалектное (Полесье) *júklo* ‘брюхо’⁸ [ЭССЯ 8: 216]. Отметим, однако, что в том же источнике мы находим также *juц* ‘желудок’ [Климчук 1968: 40], что уже само по себе ставит под сомнение взаимосвязь *júklo* с гипотетическим *ǰkno. Более того, -у- в *júklo* не может восходить к праславянскому *ь, и непонятно, почему мы должны принимать в данном случае диссимилятивный переход $n > л$, а не куда более распространённый $p > л$. Именно такую диссимиляцию мы находим в формах *'ikly* (наряду с *'ikry*) ‘икры ног’ (пункт ОЛА 831) и *'ikla* ‘икра ноги’ (ОЛА 832) [ОЛА 9/45].

Мы полагаем, что как недостоверные следует также отбросить реконструкции *ǰ-ькгъ [Machek 1968: 226–227] и *ikъga [Bańkowski 1: 539–540].

Более интересен вопрос, следует ли для праславянского восстанавливать форму только женского рода *ǰьkra [Шанский 7: 47–48; ЭСБМ 3: 376–377; Rejzek 2001: 250; Králik 2015: 228; ERNJ 1: 346], *ьkra [Beneker 1908: 423–424], *ǰikra / *ǰьkra [Snoj 2016: 245–246; Boryś 2005: 197–198] или же параллельные формы женского и среднего *ǰьkra / *ǰьkro [Ślawski 1: 447–448; Черных 1: 342; ЭССЯ 8: 217–220; ЕСУМ 2: 294; Gluhak 1993: 275; Derksen 2008: 210; Шапошников 1: 349]. Если учитывать не только значение ‘икра ноги’, но и ‘икра рыбы’, то оказывается, что обе формы имеют хорошую географию (см. [ЭССЯ 8: 217–220]) и, по-видимому, могут считаться праславянскими. В таком случае, вероятно, *ǰьkra первоначально было формой множественного числа от *ǰьkro, впоследствии переосмысленной как f. sg.

Х.1.4. Семантика

Х.1.4.1. *ǰьkro / *ǰьkra

Прежде чем мы перейдём к выяснению соотношения значений *golěнь, *lystь / *lytьka и *ǰьkro / *ǰьkra, следует проанализировать историю дрейфа семантики последнего.

Наиболее широко у континуантов *ǰьkro / *ǰьkra представлено значение ‘икра рыбы’. Его мы находим в следующих случаях: болг. устар. и книжн. *íkpa* и *íkpo* [РБЕ]; мак. *ikpa* [ОДРМЈ]; схр. *ikra* [RHiSJ 3: 785–786]; слвн. *ikra* [SSKJ]; др.-чеш. *jikry* [Gebauer по VW]; чеш. *jikra*;

⁸ К которой следует добавить бел. диал. (Глусский район) *júklo* ‘большой обвисший живот; человек с большим животом’ [Янкоўскі 3: 152].

в.-луж. *jikra*, вост.-н.-луж. *jakro* [Schuster-Šewc 7: 461]; др.-пол. *ikro*, *ikry* (f. pl.) [SStp 3: 13]; пол. *ikra*; полаб. *jākřə* [SEJDP 2: 213]; др.-рус. *икра* [СДЯ 4: 140]; бел. *ікрá*; укр. *ікрá*; рус. *ікрá*. Данное значение можно с уверенностью реконструировать для прауровня.

Отдельным вопросом является то, относился ли праславянский к языкам, различающим названия для рыбьей икры и лягушачьей, как польский (*ikra – skrzek*), или не различающим, как, например, русский литературный. К сожалению, лексикографы не всегда разделяют эти два значения, поэтому нередко сложно определить, означает ли континуант *jьkго / *jьkra только рыбью икру или и лягушачью тоже. Однако в славянских языках, различающих эти понятия, мы имеем дело скорее с инновациями: польское *skrzek* образовано от *skrzeczeć* [Boryś 2005: 555], а сербохорватское *mrijest* и словенское *mrest* восходят к праслав. *nerstь ‘нерест’ [Snoj 2016: 445]. Восточнославянские и чешский литературные языки такой разницы не проводят. Кроме того, в некоторых польских диалектах *ikra* также относится к лягушачьей икре [Картотека SGP].

Менее широко представлено значение ‘икра ноги’ (см. выше), однако в целом приведённых выше данных достаточно, чтобы ответить на вопрос о праславянской древности значения ‘икра ноги’ у *jьkго утвердительно. Дополнительно нас в этом убеждают неславянские факты. Славизм *ikra* ‘икра ноги’ засвидетельствован в венгерском языке уже в 1565 г. [Benkő 1993: 605]. Среди балтийских когнатов *jьkго имеются лтш. *ikri* (m. pl.) ‘рыбья икра; икра ноги’ и прус. *uccroy* (m. pl.) ‘икра (ноги)’, не являющиеся славянскими заимствованиями.

Третьим значением, могущим претендовать на праславянскую древность, является ‘льдина на реке’. Его мы находим в следующих случаях: чеш. *kra*; пол. *kra*; пол. диал. (Порембы-Майданьске, Кольбушовский повят) *ikra* ‘шуга’ [картотека SGP]; пол. диал. *ikra* ‘шуга, наст (masa kawałków lodu spływających rzeką; kra lodowa; twarde, zlodowaciały śnieg)’ [Kaś 1: 343]; бел. диал. *kra* ‘шуга (шарош, крыгі)’ [СПЗБ 2: 512]; рус. диал. *ікрá* (f.), *ікра* (f.), чаще мн. *ікры* ‘глыба льда; льдина во время ледохода’ [СРНГ 12: 182]; рус. диал. (самарское) *kra* ‘тонкий лёд, плывущий в заморозки по рекам’ [СРНГ 15: 159]. Прямые потомки *jьkra с подобными значениями в южнославянских языках нам неизвестны. В то же время в сербохорватском отмечается слово *kréja* ‘сойка; чёрнеть; вид погремушки (диал.); мелкие кусочки тонкого льда (мањи делови танког слоја леда) (диал.)’ [РСКНЈ 10: 481]. И если обозначения птиц и погремушки развились из оно-

матопеи, то последнее значение очень хорошо коррелирует с тем, что мы находим в севернославянских языках (тем более что приводимые в словаре контексты говорят именно о льде на воде). Вполне вероятно, что *kréja* в последнем значении является дериватом от *jьkra. В таком случае значение 'льдина на реке' вполне можно постулировать для праславянского уровня.

Данное значение, по-видимому, развилось на основании внешнего сходства рыбьей или лягушачьей икры, плавающей на поверхности воды, и мелких льдин, возникающих во время заморозков и ледохода. Подобный механизм переноса, по-видимому, работал в случаях схр. диал. *ikra* 'пена, которая образуется на поверхности при варке медовухи (пена, површинска скрамица, која се образује при кувању медовине)' [РСКНЖ 7: 674] и болг. диал. (Банско) *ikra* 'маленькое пятно жира в мясном блюде (малко мазнинно петно в месна гостба)' [БЕР 2: 63].

Прочие значения появляются лишь локально и являются очевидно вторичными. Довольно часто встречается распространение названия рыбьей икры на яйца и личинки различных животных, что связано, по-видимому, с округлой формой икринок. Речь идёт о следующих случаях: слвн. литер. *ikra* 'личинка ленточного червя'; схр. диал. *ikra* 'бугорки в мясе, вызванные различными паразитами (ленточными червями и т. д.) (громульце у месу које изазивају разни паразити (пантљичаре и др.), бобице)' [РСКНЖ 7: 674]; ст.-пол. *ikry* 'яйца саранчи (jaja szarańczy)' (Хроника армянских монахинь ордена св. Бенедикта во Львове⁹ 1703–1756: 204; Китович¹⁰ 1743: 49; Хмелёвский¹¹ 1754: 318), 'яйца блох (jaja pcheł)' (Хмелёвский 1754: 461), 'яйца шелкопрядов (jaja jedwabników)' (Хмелёвский 1755: 604) [ЕКТР 17–18]. Вероятно, внешним сходством с рыбьей или лягушачьей икрой мотивировано пол. диал. (Негова, Мышковский повят) *ikro* 'семечко в ягоде рябины (nasionko (w owocu jarzębiny))' [Картотека SGP].

Ещё ряд значений, видимо, является результатом переноса с 'икра рыбы': вост.-н.-луж. *jakro* 'рыба' [Schuster-Šewc 7: 461], 'рыбья чешуя' у словенского *ikra* [Pleteršnik 1: 292] и у сербохорватского диалектного *ikra* [РСКНЖ 7: 674] и 'вид рыбы (врста рибе)' у того же *ikra* [РСКНЖ 7: 674]. Болгарское диалектное (Витошки села) *ikra* 'брыжейка животного (момица от вътрешности на животно)' [БЕР 2: 63] появилось,

⁹ Kronika zakonnic ormiańskich reguły ś. Benedykta we Lwowie.

¹⁰ Jędrzej Kitowicz. Pamiętniki.

¹¹ Benedykt Chmielowski. Nowe Ateny.

вероятно, вследствие переноса названия икры рыбы с окружающим её паюсом на данный орган животных.

В двух случаях мы обнаруживаем перенос на части растений: рус. диал. (Гдовский район) *икра́ / икрó* 'ядро, внутренняя часть плода растения, отделённая от кожуры, оболочка' [ПОС 13: 262]; пол. диал. (Монколица, Згерский повят) *ikra* 'чистое волокно льна (czyste włókno lnu)' [картотека SGP]. Основанием для переноса, скорее всего, было то, что икра – это то, что находится внутри паюса, то, до чего нужно добраться.

Перенос на название икры из овощей как блюда (баклажанной, кабачковой) в восточнославянских литературных языках, как мы полагаем, состоялся по принципу внешнего сходства.

В сербохорватских диалектах *ikra* обозначает различные бугорки: 'бугристые наросты у основания рога оленя и на самих рогах (квргасте израслине на основи јеленског рога и на самим роговима); бугорки на коже животного (квржице по кожи животиње); твёрдая бугристая часть дерева (тврди квргави део дрвета)' [РСКНЈ 7: 674]. Сюда же относится слвн. *ikra* 'набухшие железы (stroge, natečene žleze)' [Bezljaj 1: 209]. Вероятно, сюда же примыкают обозначения вымени: схр. диал. *ikra* 'сосок груди, вымени' [Šimunović 2009: 290], пол. диал. (Буды, Хайновский повят) *ikro* 'половина вымени (połowa wumienia)' [картотека SGP] и бел. диал. *ikpá* 'большое мускулистое вымя' [СПЗБ 2: 341], а также укр. диал. (Волынь) *і́кра* 'толстое мясо в вымени (dickes Fleisch in der Zitze (Wade))' [Budziak 2014: 221].

Ряд значений развился из 'икра ноги'. В первую очередь сюда относится пол. диал. *ikro* 'куриное бёдрышко (udko kurzczęcia)' [SGŚC 1995: 124]. Рус. диал. (Южный Урал) *икра́* 'мышца, с помощью которой сгибаются кисть и пальцы руки' [СРНГ 12: 182] и перм. *икра́* 'мускул, мышца' [СПГ 1: 357], без сомнения, появились в результате расширения значения 'икра ноги'. См. аналогичный дрейф с ноги на руку у *plesno: 'подъём ноги' > 'запястье'. На другую часть руки, а именно на подушечку пальца, было расширено значение пол. диал. (Грембув, Тарнобжеский повят) *ikra*, ср.: *ikra jest v lystax i k'ojcax palcuf iu rok* 'ikra в голенях и кончиках пальцев рук' [Картотека SGP]. Метонимическим является перенос 'икра ноги' > 'чулок без стопы (pończocha bez stopy)', как у пол. диал. (Старе-Сёлковице) *ikro* [Картотека SGP].

В двух случаях мы имеем дело с абстрактными значениями. Во-первых, это др.-чеш. *jikry* 'потомство (фигурально)'. Здесь произошёл метафорический перенос с названия рыбьей икры. Второй

случай – это польское *ikra* ‘энергия, запал’, представленное также в диалектах (Ендрысек). Возможно, первично ‘мужская сила’¹².

Как уже было сказано выше, в этимологическом плане *jьkго считается потомком праиндоевропейского названия печени, гетероклитической основы *jek^wg, и взаимосвязь значений ‘печень (рыбы)’ и ‘икра (рыбы)’ находит свои параллели в следующих примерах:

1. рус. диал. *ма́кса* / *максá* ‘печень крупной рыбы, рыбы потроха’ [СРНГ 17: 314], *макс* / *максá* / *максó* ‘семенные железы рыб; молоки; печень рыбы, чаще налима; рыбы потроха, преимущественно налима’ [ПОС 17: 339–340] заимствовано из финно-угорских языков, ср. эст. *taks*, фин. *taksa* ‘печень’ – в данной ситуации расширение значения произошло уже на русской почве;

2. рус. диал. *ксень* ‘печень налима, печень рыбы; налимья икра; жир налима, считающийся лакомством; внутренности рыбы, рыбы потроха’ [СРНГ 15: 373]; учитывая спектр значений, представленных у потомков *kъсень (см. [ЭССЯ 13: 245–246]), для этого слова следует, по-видимому, реконструировать значения ‘рыбий желудок’ или ‘внутренности рыбы’ – в таком случае значение ‘печень рыбы’, представленное в части русских говоров, – это результат вторичного переноса или сужения семантики;

3. рус. диал. *ма́йка* ‘печень рыбы; икра рыбы’ [СРНГ 17: 304];

4. рус. диал. *турсу́н* ‘икра, молока, печень осетра’ [СРНГ 45: 280];

5. рус. диал. *рахма́нка* ‘кушанье из кусочков хлеба, накрошенных в воду, тюря; внутренности рыбы; несъедобные внутренности рыбы; съедобные внутренности рыбы (печень, икра, молоки и т. д.); жир, снятый с кишок свежей рыбы’ [СРНГ 34: 342].

Мы полагаем, что в ситуации с праславянским *jьkго речь идёт о переносе значения между разными съедобными внутренностями рыбы – ‘печень’ > ‘икра’, – возможно, на основании внешнего сходства, поскольку икра некоторых видов рыб, находясь в паюсе, действительно может напоминать печень.

При этом для праславянского реконструируется *ętra (n., pl. t.) ‘печень’, которое вытеснило в этом значении *jьkго. По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с сужением семантики ‘внутренности’ > ‘печень’, что находит свою параллель в польском, где аналогичное изменение пережило слово *wątroba*.

¹² А. Баньковский полагал, что первоначально это был эвфемизм (‘chłop z ikra’ = «мужик с яйцами») [Bańkowski 1: 539–540].

Семантический перенос 'икра рыбы' > 'икра ноги', на первый взгляд, довольно необычен. Однако уже весьма рано для него была найдена типологическая параллель в виде нидерл. *kuit* 'икра (рыбы) / икра (ноги)'. Не всех этимологов она убедила. Так, Бернекер и Баньковский считали её мнимой [Berneker 1908: 423–424; Bańkowski 1: 540]. Впрочем, уже в 1932 г. Й. Калима указал на ряд сходных случаев в финно-угорских языках [Kalima 1932]. Мы перепроверили его данные по современным источникам и полагаем, что можно выделить следующие ситуации:

1) людииковское карельское (Новоселовская / Vošinkylä; Тивдия / Tiudia): *mädähn* 'икра рыбы' (обычно используется во мн. ч.) и *šjär-värttîmem mädähn* 'икра голени' [Kujola 1944: 253];

2) эстонское *sääremari* 'икра ноги' (дословно 'ягода голени') и *kalamari* 'икра рыбы' (дословно 'ягода рыбы') [Тамм 1988: 535, 142];

3) удмуртское *мызь* 'икра рыбы' / 'икра ноги' [Вахрушев et al. 1983: 290];

4) коми *пõк* 'икра; икры ног; цветковая часть некоторых растений' [Лыткин, Гуляев 1970: 228];

5) салымское хантыйское *purə* 'икра окуня, ерша' и *kürpurə* 'икра ноги' (*kür* – 'нога') [Терешкин 1981: 384, 131].

Мы считаем, что перенос 'икра рыбы' > 'икра ноги' осуществился в праславянском языке на основании внешнего и, возможно, тактильного сходства икроножной мышцы с круглой и упругой рыбеёй икринкой или же с пауком. Здесь стоит вспомнить близкий по мотивации случай русского *ягодица*, образованного от *ягода*. В целом как в славянских, так и в неславянских языках распространены обозначения икры ноги как брюшка, животика, пузика (см. ниже), как мякоти, мякиша (французское *mollet*; словенское литературное *meša*; белорусские диалектные *мякаць* ~ *мякóць*, *мякіць*, *мякіш*) или как некоего животного – поросёнка (болг. *прасец*; пол. диал. *prosiak* и под.), телёнка (английское *calf*), лягушки (македонские и болгарские говоры), рыбы (словенские и хорватские говоры) (см. подробнее ниже).

Перечислим весь набор значений, присущий *jьkго и его потомкам:

0. 'печень' – в праславянском было уже утрачено;
1. 'икра рыбы' – основное праславянское значение;
2. 'икра ноги' – производное от предыдущего;
3. другие производные от 'икра рыбы':
  - 'льдина на реке; шуга; глыба льда';
  - 'пена, которая образуется на поверхности при варке медовухи';

- ‘маленькое пятно жира в мясном блюде’;
  - ‘личинка ленточного червя; бугорки в мясе, вызванные различными паразитами (ленточными червями и т. д.); яйца саранчи; яйца шелкопрядов; семечка в ягоде рябины’;
  - ‘рыба; вид рыбы; рыба чешуя’;
  - ‘брыжейка животного’;
  - ‘ядро, внутренняя часть плода растения, отделённая от кожуры, оболочки; чистое волокно льна’;
  - ‘икра из овощей’;
  - ‘бугристые наросты у основания рога оленя и на самих рогах; бугорки на коже животного; твёрдая бугристая часть дерева’;
  - ‘набухшие железы; сосок груди, вымени; половина вымени; большое мускулистое вымя’;
  - ‘потомство (фигурально)’;
  - ‘энергия, запал’;
4. производные от ‘икра ноги’:
- ‘куриное бёдрышко’;
  - ‘мышца, с помощью которой сгибаются кисть и пальцы руки’;
  - ‘подушечка пальца’;
  - ‘чулок без стопы’.

X.1.4.2. Соотношение семантики *golěń, *lystь и *jьkro

Если соглашаться с тем, что *jьkro уже в праславянском обозначало некую часть ноги, установление деталей взаимоотношений *golěń, *lystь и *jьkro становится нетривиальной задачей, осложняемой в первую очередь тем, что мало в каких славянских диалектах отмечены и точно глоссированы все три слова. Основной материал в наше распоряжение предоставляют белорусские и польские говоры.

Особый интерес представляют карты ‘голень’ и ‘икра’ Лексического атласа белорусских говоров [ЛАБНГ 3/90; 3/91]. Первая представляет собой ответ на вопрос «Як называецца частка нагі да калена: лытка, галень...», вторая – «Як называецца мускулістая частка нагі (да калена): пугца, пузік, пузца, ікра, лытка...». В целом ряде пунктов представлены все три интересующих нас слова, однако, к сожалению, точная разница между ними чаще всего не описывается. В целом же картина вырисовывается следующая:

Таблица 18

Значения континуантов *golěń, *lytʹka и *jʹkra
в белорусских говорах согласно ЛАБНГ

пункты ЛАБНГ	*golěń	*lytʹka	*jʹkra
1, 13, 20, 39, 43, 63, 70, 78, 79, 112, 122, 127, 138, 140		‘голень’	‘икра’
10, 11, 18, 25, 26, 27, 29, 36, 45, 53, 56, 58, 64, 72, 86, 92, 94, 95, 96, 100, 104, 106, 110, 111, 113, 114, 117, 120а, 123, 131, 134	‘голень’	‘икра’	
15, 19, 44, 83, 87–89, 128	‘голень’		‘икра’

Интересные противопоставления засвидетельствованы в следующих случаях:

а) *лытка* – икра человека, *галёнка* – у животного (пункты 60 и 139);

б) *галёнка* – голень, *ікра́* – икра, *лытка* – икра (пейор.) (пункт 125);

в) *лытка тóўста*, *дык гавораць ікры́ста нага́* (пункт 45).

Рассмотрим данные картотеки «Małego Atlasu Gwar Polskich». Некоторые говоры демонстрируют любопытные противопоставления слов *łydka* и *ikra* (вопрос опросника №209, данные для карты 419, ‘łydka’) [картотека MAGP]:

а) *lytka* = ‘икра (łydka)’; *jikra* = ‘мышца икры (mięsień w łydce)’ (пункт 17а);

б) *ikry* = ‘икры’; *gudydy* = ‘толстые икры’ (пункт 51а);

в) *uita*, *lita* = ‘икра’; *jikra* = ‘икра, мышца икры (łydka, mięsień łydki)’, контекст: *jikra je v liće* (пункт 75);

г) *lytka* = ‘нога до колена’; *jikra* = ‘задняя часть икры’ (пункт 99);

д) *lytka* = ‘вся нога от щиколотки до колена (całość nogi od kostki do kolana)’; *ikra* = ‘мышца икры (mięsień łydki)’ (пункт 100).

Присовокупим контекст из другого атласа: *lytka*, а *jikra to fśrotku*, то есть *lytka* = вся икра, *jikra* = её внутренняя часть (пункт В-15) [AGM 8/393].

Данные из «Słownika gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur»:

а) *ikra*, *golėń to špėtńe* [SGOWM 2: 291] «*ikra* [= икра ноги], *golėń* – это нехорошо [= пейоративное слово]»;

Таблица 19

Значения континуантов *golěнь, *lystь и *jьkго
в славянских языках

	*golěнь	*lystь	*jьkго
ст.-сл.	голѣнь 'голень'	лысть 'икра' (?)	
мак.		лист 'икра'	икра 'икра'
схр. варажд.	gol'eno 'голень'	líst 'икра'	
схр. черн.	g'oličen 'передняя часть голени'		
слвн.	golēn 'голень'	диал. lītka 'икра'	
чеш.	holeň 'передняя часть голени'	lytko 'икра'	
пол.	goleń 'голень'	lydka 'икра'	
пол. диал.		lysta 'икра'	jikra 'мышца икры'
пол. диал.		gcydu 'толстые икры'	ikry 'икры'
пол. диал.		lytka 'нога до колена'	jikra 'задняя часть икры'
пол. диал.		lytka 'голень'	ikra 'мышца икры'
пол. диал.		cytka 'икра'	jikra 'внутренняя часть икры'
бел.	галёнка 'голень'	лытка 'икра'	
бел. диал.		лытка 'голень'	ikrá 'икра'
бел. диал.	галёнка 'голень'		ikrá 'икра'
бел. диал.	галёнка 'голень'	ikrá 'икра' (пейор.)	ikrá 'икра'
бел. диал., рус. диал.		'бедро'	'икра'
укр.	голінка 'голень'	літка 'икра'	
рус.	голень		икра́

б) *цista abo jikra, цitka* [SGOWM 4: 83], то есть *цista, цitka* и *jikra* названы синонимами в значении 'икра ноги';

в) *цitka to je ot kolana do kl'ikutof, a ta sinka taka w srotku to se ikra nazywa* [SGOWM 3: 33] «*цitka* – это от колена до щиколотки, а мясо такое внутри называется *ikra*».

Подчеркнём, что континуант *jьkra, как правило, обозначает меньшую часть, а *lyтьka – нечто большее.

Данные ОЛА показывают, что в некоторых говорах *lyтьka начинает обозначать 'бедро', в то время как в значении 'икра' продолжает выступать *jьkra (пункты 352, 565, 651, 711, 713, 794, 807, 819) [ОЛА 9/44, 45].

То же, осложнённое сдвигом 'бедро' > 'бедро коровы', мы видим в Бобульчине (Шамотульский повят): *judco* (= литер. *udo*) 'бедро коровы', *цitka* 'бедро', *ikr'co* 'икра' [картотека SGP].

Сведём представленные выше данные в таблицу (см. табл. 19).

Мы полагаем, что исконное значение *golěнь – 'передняя, немясистая, часть голени', что хорошо согласуется с этимологическим значением этого слова (см. ниже). Сложнее реконструировать разницу между *lystь и *jьkro. Как нам кажется, здесь можно представить два варианта: а) *lystь 'вся мясистая часть голени' – *jьkro 'округлая часть икроножной мышцы, выступающая под кожей'; б) *lystь 'голень (часть ноги между коленом и щиколоткой) целиком' – *jьkro 'икра ноги'. С типологической точки зрения второй вариант представляется более вероятным.

X.1.5. Этимология

X.1.5.1. *golěнь

Этимологически *golěнь, как правило, возводят к *golь 'голый' с одной из двух мотиваций: 'голая, не покрытая мышцами часть ноги' [Sławski 1: 311–312; Черных 1: 199; ЕСУМ 1: 549; Králik 2015: 202] или 'голая, не покрытая одеждой часть ноги' (идея Соболевского) [ЭССЯ 6: 201; Snoj 2016: 208; Шапошников 1: 184]. Вторая идея критиковалась за то, что у нас нет данных о том, чтобы штаны древних славян доходили только до колена [ESJS 3: 187]. С учётом того, что, скорее всего, *golěнь обозначала голень как человека, так и животного, первая версия кажется более правдоподобной.

Альтернативная этимология, связывающая славянское слово с греч. γύβλον 'выпуклость, выгнутая поверхность; полость; впадина, долина, лощина, ущелье', γῦρός 'круглый, выпуклый', лат. *vola* 'ладонь (руки) или подошва (ноги)' [Berneker 1908: 320–321], сталкивается с серьёзными трудностями фонетического и семантического характера.

Гипотеза Я. Отрембского о связи *golěнь с прагерманским *lagja (> др.-сканд. *leggr* 'нога' [Machek 1968: 175]) привлекательна в семантическом плане, но в отношении фонетики предполагает нестандартную метатезу, так что, как и предыдущая версия, она должна быть признана ненадёжной.

Ж. Ж. Варбот реконструирует форму *golěнь, которую связывает с схр. диал. *glānj* 'мышечный узел около большого пальца руки, возвышение на ладони', и полагает, что исходным было *golнь, которое затем было «тематизировано» в *golěнь [Варбот 1984: 206–207]. Однако более обоснованной всё же представляется позиция Ф. Славского, согласно которой *glānj* восходит к *dolнь 'ладонь' и оснований для реконструкции *golнь вообще нет [SP 8: 43].

Г. Хольцер в рамках своей концепции заимствований из «тематического» языка в праславянском связывает *golěнь с *kolěno [Holzer 1989: 105], для чего, как кажется, нет никаких оснований.

Несколько иначе увязывает *golěнь и *kolěno Л. Беднарчук, выдвинувший гипотезу, согласно которой *golěнь является контаминацией *kolěno и исконного праиндоевропейского названия колена – *ǵonu [SP 8: 36–37]. Если учесть, что первый согласный *ǵonu надёжно реконструируется как палатовелярный, то эта гипотеза не имеет под собой никакой доказательной базы.

На наш взгляд, ни одна из вышеназванных версий не может конкурировать с «традиционной», согласно которой *golěнь – это 'голая, не покрытая мышцами часть ноги'. В подкрепление этой версии упомянем о рус. диал. *голяшка* 'голень, икра ноги; голая нога' [СРНГ 6: 351] и *голяна* 'голень; голые икры ног' [СРНГ 6: 350] (несмотря на то, что обе формы, вероятно, образованы от *голень*, показательно само совмещение семантики 'голень' и 'голая нога').

Стоит, однако, обратить внимание на редкость форманта. Кажется, *golěнь является единственным праславянским словом на *-ěнь. В связи с этим можно предположить, что *golěнь было образовано не от *golь напрямую, а от глагола *golěti 'становиться голым' (см. [SP 8: 37]). Формант *-нь образовывал deverбативы: *borti > *bornь,

*dati > *danь, *kazati > *kazнь [SP 1: 117], так что такой сценарий не представляется невероятным.

X.1.5.2. *lystь

Слово *lystь до сих пор не имеет общепринятой этимологии. Почти все имеющиеся версии трудно назвать удовлетворительными.

А. Брюкнер сравнивал с укр. *сулдига* 'голень' [Brückner 1985: 315], которое, по-видимому, образовано при помощи приставки *су-* от континуанта *oldyga 'стебель' [ЕСУМ 5: 471]. Несмотря на то, что семантически заманчиво связывать *lytьka и *oldyga (ср. рус. *лодыжка*), фонетически это невозможно. Выпадение *-o-* в *сулдига*, по всей видимости, явление позднее и вторичное (ср. рус. разг. *проволка* и *протвень* вместо *проволака* и *противень*).

Как гадательные следует отбросить две этимологии Баньковского: с реконструкцией *lūtā сопоставление с санскр. *lūtā* 'паук' и с реконструкцией *lūgh-t-ā – с санскр. *róhati* 'растёт, поднимается' [Bańkowski 2: 113].

Две гипотезы предполагают упрощение начального кластера согласных. Первая связывает славянское слово с лит. *blauzdà* 'голень; икра' [Brückner 1985: 315]. Однако, как мы знаем, *bl- в праславянском не упрощалось, ср. *blěskь 'блеск', *blōditi 'блуждать', *blьxa 'блоха'.

Вторая версия принадлежит Х. Шустер-Шевцу, который с опорой на польские диалектные формы *glyda* и *glydka* восстанавливал праслав. *glyd- / *glyt- [Schuster-Šewc 1963] (этимология принята также в [Machek 1968: 345; Sławski 5: 390; Králik 2015: 337]). Однако, как мы знаем, праславянское *gl- в языках-потомках сохраняется очень хорошо, ср. судьбу слов *glogь 'боярышник', *glōbokь 'глубокий', *gluxь 'глухой' и т. д. Немногочисленные контрпримеры, подобранные Шустер-Шевцем, могут быть объяснены иначе.

А. Глухак в качестве деривационной базы интересующего нас слова восстанавливает праславянский глагол *lyti 'ударять, резать, рубить (udarati, rezati, sijeći)' < п.-и.-е. *leu- 'отрезать, разделить, отделить (odrezati, razdijeliti, odvojiti)' [Gluhak 1995: 147]. Однако, на наш взгляд, приводимого им материала недостаточно для реконструкции такого глагола.

Неоднократно *lystь / *lytьka связывали с глаголом *lytati. Пальма первенства принадлежит, по-видимому, Далю, который объединил *лытáть* 'уклоняться от дела, бегать работы; шляться, шагаться, ски-

таться, бегать без дела, проводить время празднично и вне дома', *лѣтка*, *лѣсто* и *лѣды* в одну словарную статью [Даль 1': 873]. Несколько позже о том же писал Потебня, который считал *лѣтáть* родственником санскр. *ṛtiḥ* [Потебня 1879: 77–78]. Последнее сопоставление ошибочно, поскольку *ṛtiḥ* 'атака' является образованием с суффиксом *-ti-*, родственным ст.-сл. *рать* [Maurohofer 1: 256–257]. Маценауэр спустя несколько лет также писал о родстве *лѣтка* и *лѣтáть*, связывая, однако, последнее с др.-сканд. *lúta* 'наклоняться' [Matzenauer 1883: 50–51]. Родство *lytka и *lytati, *lutati принято в ЭССЯ с реконструкцией *lytь и *lyta как первоначально адъективных форм и возведением гнезда к п.-и.-е. *(s)leut- 'ослаблять'¹³. Предполагается, что *lytka обозначала мягкую, слабую часть нижней части ноги, то есть икру [ЭССЯ 17: 57].

Мы считаем, что сопоставление *lystь / *lytka и *lytati / *lutati является наиболее перспективным из имеющихся этимологий. Однако в отношении реконструкции семантических дрейфов мы склонны не соглашаться с ЭССЯ. Если реконструировать для *lystь / *lytka исходную семантику не 'икра', а, как сделано выше, 'голень (часть ноги между коленом и щиколоткой) целиком', деривация такого существительного от того же корня, что и глагол движения *lytati / *lutati 'бродить, шляться', выглядит вполне ожидаемой.

Х.2. ИННОВАЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ ИКРЫ

Х.2.1. Перенос с названий других частей ноги

а) Нередко на икру переносится название бедра. Следующие случаи зафиксированы в ОЛА (см. табл. 19).

Наличие у *udo* значения 'икра' в польских говорах подтверждается МАГР (9/419, пункт Р9, Буловице, Освенцимский повят), а также картотекой SGP (Забжег, Бельский повят).

В трёх словенских пунктах (SLA 097, 169, 250) слово *stegno* записано и как 'бедра', и как 'икра' [SLA 1/65].

В нескольких русских пунктах ОЛА (802, 814, 829, 840, 848) икра обозначается словом *булдышка*. Вероятно, в данном случае можно говорить о дрейфе '(бедренная) кость' > 'бедра' > 'икра' (см. выше раздел «Бедра»).

¹³ О других потенциальных потомках этого корня в праславянском см. [Петлёва 1985: 46–47].

Таблица 20

Сопоставление названий бедра и ноги в некоторых пунктах ОЛА

пункт ОЛА	Название пункта	‘икра’	‘бедро (часть ноги)’
289	Рудзинец, Гливицкий повят	udo	udo
292	Коцежовы, Радомщаньский повят	уџтка, udo	уџт, џт
664	Лискино, Ярославская область	'b'odro, br'uško	'l'aška
850	Ореховец, Сярско, Греция	bed'ro	but
566	Верхнее Тойсино, Ленинградская область	ik'ra, 'l'axo	'l'aška
756	Рогово, Нижегородская область	go'l'ašk'i (nom. pl.), 'l'ašk'i (nom. pl.)	'l'ašk'i (nom. pl.)
836	Борисполье, Белгородская область	'l'ažka	'l'ažka
84	Ораховац, Черногория	'butka	'but
139	Момчиловци, Болгария	'kaŋka	but

б) Согласно данным ОЛА, во многих пунктах икра обозначается континуантами *golёнь (пункты 25, 244, 250, 338, 348, 369, 438, 442, 444–447, 465, 556, 568, 575, 583, 590, 602, 604, 612, 615, 619, 622, 623, 625, 642, 645, 648, 668, 724, 746, 756, 811, 813, 814, 820) [ОЛА 9/45]. Это подтверждается данными других атласов: *golіka* (пункт ЛАБНГ 90), *галёнка* (123) [ЛАБНГ 3/91]; *gól'inka*¹⁴ [Дзэндзелівський 2/147].

В ряде русских населённых пунктов в значении ‘икра’ используется слово *бёрце* (пункты ОЛА 701, 762, 774, 800) [ОЛА 9/45]. Вероятно, как словообразовательный вариант следует расценивать *бёрка* ‘икра ноги’ [СРНГ 2: 259].

В случае *цыбалка* ‘икра ноги’ (ОЛА 726а, Зекеево, Тверская обл.), по-видимому, речь идёт о переносе на икру названия с голени, ср. бел. *цыбалка* ‘стебель; голень’, *цыбаты* ‘высокий и стройный, обычно долгоногий (о коне); длинный и тонкий, с удлинённой голенью (о ноге)’ [ТСБМ 5-2: 255].

¹⁴ С комментарием, что не во всех говорах есть отдельное слово для икры.

в) В словенских говорах отмечен случай переноса на икру названия большеберцовой кости: *pəš'čī:əlo* (пункт SLA 082). Перекликается с ним обозначение *'me:sò u pīš'kâ:lī* (SLA 413) [SLA 1/65].

Македонское диалектное *сворци* 'икра' (Муртино, Габрово, Робово – Струмичко) соотносится с литературным *сворче* 'свирель' [Rusek 1995: 491]. Видимо, промежуточным звеном были обозначения берцовой кости. То же в селе Конче (Радовишко), где икра обозначается словом *писка* [Бојковска 2003: 170], соотносящимся с мак. литер. *писка* 'большеберцовая кость'. Подобным случаем является рус. диал. *бирюлька* 'пастушья свирель; часть ноги от колена до ступни, голень' [СРНГ 2: 294], отмеченное и в значении 'икра ноги' (пункт ОЛА 644) [ОЛА 9/45]. Ещё два примера – *дўтка* 'дудка' > 'икра ноги' (пункт ОЛА 720) и *санілка* (ОЛА 635).

г) В некоторых польских говорах в значении 'икра' известно слово *giczal*, которое записано также в значениях 'нога (как правило, пейоративно); голень; бедро; мало- или большеберцовая кость; рука (как правило, пейоративно); ладонь' [SGP 26: 326–327].

Аналогичный переход от кости и/или пейоративного обозначения ноги – чеш. диал. *hnat* 'икра' (Жалобин, ОЛА 232) [ОЛА 9/45] при чеш. литер. *hnát* 'длинная кость руки или ноги; рука или нога (пейоративно)' [SSJČ].

д) Нам известны два случая, когда название икры соотносится с названием сустава. Первый – слвн. диал. *skòk* (SLA 097), *s'kco:k* (SLA 102) [SLA 1/65], которое соотносится с обозначением тазобедренного сустава и щиколотки в других говорах (вторично также бедра).

Вероятно, с какого-то сустава на икру перенесено польское диалектное *zgiętka* < *zgiąć* 'согнуть' [Zierhoffer 1963: 32], однако эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке.

е) В трёх случаях на икры было перенесено название подколенного сухожилия. Во-первых, это укр. диал. *'zižka* (ОЛА 438), *'žyžka* (ОЛА 443, 463, 479) и рус. диал. *'žyžka* (ОЛА 849) при укр. разг. и диал. *жижка* 'подколенная жила'. Аналогичные случаи – рус. диал. *поджы́лки* (pl.) (ОЛА 541, 636, 661), *пóджилки* (pl.) 'икры' [СРНГ 28:10], *поджы́лочька* [СПинГ 1: 135] и бел. диал. *ця́глы* 'икры' (ОЛА 395) при бел. литер. *ця́гли* 'подколенные сухожилия' и *ця́гліца* 'мышца' [ТСБМ 5-2: 274].

ж) В одном случае (Лабуновщина, ОЛА 333) на икру было перенесено слово *'сеўка*, соответствующее литер. бел. *цэўка* 'цевка (кость птицы между голенью и пальцами)'.

Х.2.2. Икра как ‘животик’

В целом ряде языков икра обозначается как ‘животик’. В первую очередь это дериваты от *br’ихо в лужицких языках: *brjuškə*, *bruškə*, *brjuška*, *brjušk*, *brušk’i* (pl.), *brjuščə*, *bruščə*, *bruscə*, *brjuščə*, *briščə*, *briščə*, *briščə*, *brustu*, *bristu*, *bristuǰə*, *brist’ja*, *bristuja*, *brištuja*, *brist*, *brisc’*, *brišč*, *brišče*, *brisc’e* [SSA 6/44].

Широкий спектр суффиксальных дериватов от того же корня предоставляют в наше распоряжение и польские говоры: *brzusiec*, *brzuszec*, *brzuśc*, *brzust*, *brzustwa*, *brzuszcz*, *brzuszek*, *brzuszka*, *brzuszko*, *brzusze*, *brzuśce*, *brzuszcze*, *brzuśco*, *brzuszczo* [SGP 7: 6–10].

По свидетельству ЛАБНГ, слово *брышка* образует замкнутый ареал на западе Витебской области (пункты 2, 4–6) [ЛАБНГ 3/91].

В России известны формы *брюшкó* (пункты ОЛА 585, 593, 618, 627) [ОЛА 9/45], *брюшкó* [СПинГ 1: 135] а также *брюшка* (f.) [СРНГ 3: 227].

Дериваты от *пузо* представлены в белорусских и примыкающих к ним смоленских говорах: *пўзычка* (ОЛА 329), *пўсца* (ОЛА 359, ЛАБНГ 32, 34, 38), *пўзца* (ОЛА 360, ЛАБНГ 37, 41, 74), *пўзачка* (ЛАБНГ 8), *пўзичка* (ЛАБНГ 9), *пўска* (ЛАБНГ 12), *пўз’ич’кэ* (ОЛА 760).

Кроме того, в Белоруссии записаны формы *жыבותóк* (ОЛА 363) и *трыбушóк* (ЛАБНГ 52).

Х.2.3. Обозначения икры по мягкости

В словенском литературном языке, а также большинстве диалектов (в центре ареала) икра обозначается словом (*mękъ ‘мягкий’ >) *męča со словообразовательными вариантами [SLA 1/65; ЭССЯ 18: 233; Snoj 2016: 413]. Это же слово обозначает мякоть (тыквы, хлеба и т. д.) [SSKJ]. В сербохорватских говорах оно имеет значение ‘мякоть мяса, мякиш хлеба’ [ЭССЯ 18: 233]. По всей вероятности, мясистая икра противопоставляется голени, и мы имеем дело с семантическим дрейфом ‘мякоть’ > ‘икра ноги’.

Аналогичную инновацию мы находим в нескольких белорусских населённых пунктах, не образующих какого-либо ареала: *мякаць* ~ *мякóць*, *мякіць*, *мякіш* [ЛАБНГ 3/91]. В закарпатских украинских говорах записаны формы *мн’акўшка*, *мн’атушка*, *мн’акч’иц’а* [Дзеньдзелівський 2/147]. В одном русском говоре (пункт ОЛА 582, Оскуй, Новгородская область) – *мякоть* [ОЛА 9/45].

Кроме того, в одном словенском говоре (SLA 064) отмечена коллокация *tu tēxņę mesūđ* (= 'мягкое мясо') [SLA 1/65].

В качестве типологической параллели стоит упомянуть о французском *mollet* 'мягкий; икра ноги'.

Мягкость икры легла также в основу такого обозначения, как *па-дўшычка* (Белоруссия, Яново, пункт 35) [ЛАБНГ 3/91].

Х.2.4. Икра как толстая часть тела

В болгарских и македонских говорах часто встречается коллокация *дебело месо* (= 'толстое мясо'), иногда также *дебелта* и *дебелина* [ОЛА 9/45; Rusek 1995: 490; Дрвошанов 2005: 153].

Аналогичное обозначение широко распространено в словенских приморских говорах: (*to*) *debelo meso*. За пределами приморской группы эта коллокация встречается в ровтарских говорах (пункты SLA 158 и 164) [SLA 1/65].

Известна эта коллокация и сербохорватским говорам, правда, встречается она преимущественно в соседстве со словенскими (пункты ОЛА 22 и 25) и македонскими (пункт 85) говорами, либо в переселенческих говорах в Австрии и Венгрии (пункты 147а и 150) [ОЛА 9/45].

В резьянской Солбице (ОЛА 001) записано параллельное словосочетание *to 'tolstę 'miso* [ОЛА 9/45].

Словацкому говору деревни Длга-Лука (район Бардеёв, пункт ОЛА 218) известна коллокация *tušņцо meso* [ОЛА 9/45].

Как уже было сказано выше, в Винице (пункт SLA 290) используется коллокация *debēli list*, вторая часть которой, скорее всего, является кroatизмом. Что интересно, в пункте 292 (Адлешичи) в состав коллокации входит антонимичное прилагательное – *tānki list* [SLA 1/65]. Объясняется это тем, что как *debēli list* в нём обозначается бедро [SLA 1/62].

В польских говорах представлены коллокации *gruba noga* букв. 'толстая нога', *grube cialo* букв. 'толстое тело', *grube mięso* букв. 'толстое мясо' [Zierhoffer 1963: 32].

В белорусских говорах отмечены словосочетания *лўмка тоўстāя* (Петрашунцы, пункт ЛАБНГ 23) и *тоўстыя ныгá* (Антополье, пункт 33) [ЛАБНГ 3/91].

Мускулистость икры легла в основу таких обозначений, как *mišica* (пункты SLA 279, 384, 409, 410), то есть 'мышца' > 'икра' [SLA 1/62]; словенское же *kę:ta* (ОЛА 16), 'коса; сухожилие' > 'икра' [ОЛА 9/45];

пол. *mięśnie* [Zierhoffer 1963: 32]; бел. *пучок* и *пучок лыткі* (пункты ЛАБНГ 40 и 21) [ЛАБНГ 3/91].

Видимо, с толщиной и формой икры связаны такие русские диалектные обозначения, как *бу'тылка* (ОЛА 729) и *бу'тылка* (ОЛА 587, 697–699), *бу'тылкэ* (ОЛА 696, 700) 'икра' (ср. также *буты́лка* 'голень; голенная кость', *буты́ли*, *бу́тылы*, *буты́лы* 'высокие рабочие сапоги' [СРНГ 3: 316])¹⁵. Сложно отказаться от мысли, что сюда же так или иначе относятся *бу'былка* (ОЛА 663), видимо, с ассимиляцией; *č'u'былка* (ОЛА 748), возможно, контаминация *бутылка* и *чублик* 'ковш для питья из дерева или береста', заимствованного из коми (см. [Фасмер 4: 375–376]); *сэру'былкэ* (ОЛА 760).

Х.2.5. Икра как «задняя» или «подколенная» мышца

Местоположение икры на ноге стало базой для словенских коллокаций с компонентом 'задний': *zôdneţ mëčę* (SLA 055), *to mîso ta zât* (SLA 058), *'za:gja'mi:šica* (SLA 408) [SLA 1/62].

В нескольких македонских говорах икра обозначается как часть ноги под коленом: *потколено* (Пространье), *испод колено* (Кнежино) [Дрвошанов 2005: 154], *podkolénica* (Тearце, ОЛА 093) [ОЛА 9/45]. Близкие коллокации встречаются в словенских диалектах: *'noŷa'da pat ka'li:nam* (SLA 167), *mesû pot kolénam* (SLA 260), *čõntã põt kulê-nun* (= 'кость под коленом'; SLA 388) [SLA 1/65]; *pat ka'li:nam* (ОЛА 006) [ОЛА 9/45]. Аналогично в польских говорах – *noga pod kolanem* [Zierhoffer 1963: 32]. В Словакии записано обозначение *potkoléni sval*, то есть 'подколенная мышца' (Трстена-при-Горнаде) [ОЛА 9/45].

Х.2.6. «Животные» обозначения икры

а) В болгарско-македонском ареале доминирует обозначение икры как (*porse >) *прасе* 'поросёнок' с дериватом *прасенце* [ОЛА 9/45; Rusek 1995: 487–488]. Форма *p'rasence* также засвидетельствована в Сербии при границе с Болгарией (пункт ОЛА 87, Кална). То же, *prâse* 'икра', было записано Ившичем в городе Ораховица (Славония) [RHiSJ 11: 370].

Аналогичные названия, *prosię*, *prosiątko*, *prosiak*, известны в польских говорах [MAGP 9/419; AGM 8/393]. Кроме того, в Польше представлена также форма *wieprzek* [Stieber 1933: 31].

¹⁵ Иначе у Аникина: результат контаминации *буды́ла*, *буды́лка* с дериватами от *бут-* [Аникин 5: 230].

В Словакии записана форма *šviňka* (пункт ОЛА 227, Плавница, район Стара-Любовня) [ОЛА 9/45].

В закарпатских говорах засвидетельствована форма *пац'а* (пункт атласа 13) [Дзэндзелівський 2/147], которое соответствует *паця* 'поросёнок, свинья' и *паця* 'кость надкопытного сустава; бабка' [СУМ 6: 103] ономастопеического происхождения [ЕСУМ 4: 323]. Отдельным вопросом, правда, остаётся то, произошёл ли перенос на икру непосредственно с обозначения поросёнка или же через названия кости надкопытного сустава.

б) В болгарских и македонских говорах можно встретить обозначение икры словом *жаба* с фонетическими и морфологическими вариантами (пункты ОЛА 111, 131, 142, 167, 852). В одном македонском говоре (Башино село) встретилось также *жабино месо*, что Е. Русек считал контаминацией *жаба* и *дебело месо* [ОЛА 9/45; Rusek 1995: 490; Дрвошанов 2005: 154].

Типологической параллелью в данном случае служит чеченское *пхьид* 'лягушка; икра ноги' [Алироев 2005: 206].

в) В одном македонском говоре (Ваташа, Кавадаречко) записана форма *јапаб'ица*, предположительно перенесённая на икру с рябчика [Rusek 1995: 491; Дрвошанов 2005: 154].

г) В словенских говорах существуют два относительно компактных ареала, в которых икра обозначается как 'рыба' или 'рыбка'. Первый (*riba*) представлен преимущественно в приморских говорах и в одном ровтарском (пункты SLA 073, 083–086, 090–092, 094, 097, 100, 102, 103, 105, 106), второй (*ribica* или *ripec*) – в доленьских говорах (SLA 272, 282, 283, 285–289, 294–296) [SLA 1/65].

Похожие обозначения мы находим в двух хорватских говорах: '*riba ol*¹⁶ *nogè*: (Комижа, ОЛА 42) и '*riba do nō:ge* (Круч / Аккуавива-Коллекроче, ОЛА 44а).

В польских мазовецких говорах также известно слово *ryba* как обозначение икры [AGM 8/393].

В качестве ещё одной типологической параллели к «животным» названиям икры можно вспомнить англ. *calf* 'телёнок; икра (ноги); часть руки, включающая трицепс'.

¹⁶ В данном говоре *t* и *d* перед сонантами *m, n, j* переходят в *l*: *d'no* > *l'no* [FO 1981: 261].

Х.2.7. «Растительные» обозначения икры

Наряду с «животными» имеются и «растительные» обозначения икры. Можно назвать мак. диал. *jabukce* (Вратница, Тетовско), дословно 'яблочко' [Rusek 1995: 490; Дрвошанов 2005: 154], и слвн. диал. *bù:ča* (Шмартно, ОЛА 004) при слвн. литер. *búča* 'тыква'.

Не вполне ясна записанная в Осиповке Нижегородской области (ОЛА 770) форма *g'i'g'il'*. Если это не ошибка, она соотносится с *gizil'* 'борщевик рассеченнолистный' [СРНГ 6: 169]. Возможно, дрейф шёл по пути 'борщевик' > 'стебель' > 'голень' > 'икра'.

Х.2.8. Единичные названия

Сюда относятся мак. диал. *čan'al'ka* (Вамбел, Костурско) [Дрвошанов 2005: 155] (< ? *čarati); пол. диал. *obrazka* [Zierhoffer 1963: 32] (< *obrzezać* 'обрезать'); укр. диал. *po'l'oca* (ОЛА 409); рус. диал. *'duška* (ОЛА 623) при *дúшка* 'рыболовная снасть, мережа; голенище у сапога' [СРНГ 8: 284]; *u'tulk'i* (ОЛА 695), *s'tup'ica* (ОЛА 719).

Х.2.9. Заимствования

а) Тюркизмы

В некоторых македонских говорах (Маврово, Гостиварско; Баньште, Дебарско; Пространье, Кичевско) икра обозначается словом *бут*, заимствованным из турецкого *but* 'бедро' (см. выше). Иногда это слово дополняется прилагательным *долен* 'нижний' (Маврово, Гостиварско; Джебеште, Дебарско) [Дрвошанов 2005: 154]. Это же слово, только с диминутивным суффиксом – *'butka*, записано в одном сербском говоре (ОЛА 84, Ораховац) [ОЛА 9/45].

Ещё один турцизм – *бáлдáр* (Нови-Дойран, Гевгелиско), заимствованное из *baldir* 'голень; икра'¹⁷.

В одном населённом пункте записано слово *кáбá* (Крецово, Кукушко) < тур. *kaba* 'грубый, крупный, большой' [Дрвошанов 2005: 154–155].

Также лишь в одной деревне (Любаништа, Охридско) слово *табан*, заимствованное из турецкого *taban* 'подошва, ступня; подмётка, подошва (обуви); пол; основание', записано в значении 'икра' [Дрвошанов 2005: 155].

¹⁷ Дрвошанов ошибочно считает, что источником было турецкое *bidircin* 'перепел' [Дрвошанов 2005: 154].

Русское диалектное *butыр'ышка* (ОЛА 728, Вязовка, Смоленская область) [ОЛА 9/45], по-видимому, заимствовано из татарского *балтырлык* 'обмотка для ног' (< *балтыр* 'голень; икра') [Аникин 5: 228].

б) Албанизмы

Македонское *пулна* (Бобоштица – Корчанско), *пулна́* (Слимница – Костурско) пришло из албанского *pulrë* 'икра ноги', которое, в свою очередь, заимствовано из латинского *pulpa* 'мясистая часть, мясо; плоть, род человеческий; мякоть плодов; мягкие части древесины' [Rusek 1995: 491; Дрвошанов 2005: 154].

в) Романизмы

Среди романизмов наиболее распространены потомки латинского *musculus* 'мышонок; мышца'. Они известны в македонских говорах в виде *мускул* (Лескоец и Претор – Ресенско) [Дрвошанов 2005: 154].

В словенские говоры это слово попало тремя путями, из фриульского (*mù:škulni* – SLA 074, *mûškul* – SLA 081, *'mu:skul* – SLA 097, *mûškuli* – SLA 121), итальянского (*'mu:škol* – SLA 087, *mûškolo* – SLA 113, *mûškole* – SLA 136) и немецкого (*mù:skļ* – SLA 034, *mûskļ* – SLA 066, *môskelŋ* – SLA 086) [SLA 1.2: 169].

Ещё один случай в словенских говорах – *polpá:č* (SLA 060), *pol'pa:č* (SLA 082), заимствованное из итальянского *polpaccio* 'икра ноги'.

Наиболее вероятный источник словенского диалектного *'pu:pola* (ОЛА 5) – фриульское *pipule* 'икра ноги' [Carozzo 2008: 350]¹⁸.

Македонское *ansa* (Езерец, Костурско) заимствовано из арумунского *andzã* 'икра' или греческого *άντζα* 'икра' [Rusek 1995: 491].

г) Германизмы

В словенских говорах широко представлено слово *bodelj* / *badelj* (с фонетическими и словообразовательными вариантами), заимствованное из средневенгерского *wadel* 'икра' [SLA 1/65]. В польских силезских говорах то же слово представлено в форме, близкой современному литературному немецкому (*Wade*), – *vada* [AJŚ 4/639].

Для зильских словенских говоров характерно слово *vampič* / *vampica*, заимствованное из баварского *wamp* 'живот' (литер. нем. *Wamme* 'брюшко, брюхо, пузо') [SLA 1/65].

В одном рожанском говоре (SLA 023, Радише/Радсберг) засвидетельствовано слово *šé:ŋkl̩* < нем. *Schenkel* 'бедро' [SLA 1/65].

¹⁸ Ср. также далматинское *pìpola* 'икра ноги' из Грацкой рукописи [Bartoli 2000: 284].

В двух соседних словенских говорах (SLA 281, Осилница и SLA 411, Равнице) икра обозначается словом *prâte* / *p'ra:ta*, которое соответствует литературному *prâta* 'жаркое' (со сниженным оттенком), заимствованным из среднебаварского *prâte* (литер. нем. *Braten* 'жаркое') [SLA 1/65].

В Словакии (ОЛА 222, Гонтъянске-Моравце) засвидетельствована форма *ru:ra* [ОЛА 9/45], ср. слвц. литер. *rúra* 'труба, трубка' < нем. *Röhre* 'труба'. Сдвиг значения 'труба' > 'берцовая кость' (?) > 'икра', по-видимому, осуществился уже на словацкой почве.

д) Унгаризмы

В два словацких говора (ОЛА 155, Галгагута, Венгрия; 230, Трстена-при-Горнаде) было заимствовано венгерское слово *lâbszár* 'голень' в виде *la:basa:ra* и *labasara* соответственно.

XI. ЩИКОЛОТКА

XI.1. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *GLEZNŲ

XI.1.1. Имеющиеся реконструкции

Нет причин сомневаться, что щиколотка в праславянском обозначалась корнем *glez-, который сохранился в этом значении в болг. *глѣзен* (м.), срп. *glěžanj* (м.), слвн. *glěženj* (м.), др.-чеш. *hlečno*, н.-луж. *glozonk*, др.-рус. *глѣзнъ* и т. д. Однако род праславянского слова, а также структура суффикса (-*n-* или -*ьn-*) пока не были удовлетворительно реконструированы в литературе. Отсюда расхождения между различными работами (по возрастанию количества реконструируемых вариантов):

- а) *glezънь [Sławski 1: 286];
- б) *gleznъ [Skok 1: 569; SP 7: 92–94];
- в) *gleznъ [Boryś 2020: 23];
- г) *glezънь / *glezънь'ь [Berneker 1908: 302];
- д) *glezънь, *glezъно [ERHJ 1: 273];
- е) *gleznъ, *glezънь, *glezънь'ь [Čop 1961/1962: 204];
- ж) *glezna / *glezno / *gleznъ [ЭССЯ 8: 118; Gluhak 1993: 230; Derksen 2008: 163];
- з) *glez(ъ)на, -но, -нъ [Rejzek 2001: 202];
- и) *gleznò, *gleznъ, *glèzn'ь [Snoj 2016: 202];
- к) *glez(ъ)нъ, -н'ь, -на, -но [ESJS 3: 178].

А. Баньковский даже полагал, что родовые варианты свидетельствуют в пользу реконструкции исходного прилагательного *glegh-n-o-s 'служащий для бросания жребия' ('*slużący do rzucania w losowaniach*') [Bańkowski 1: 448–449].

Тем не менее А. Вайан считал, что форма мужского рода безусловно первична [Vaillant 4: 582]. Того же мнения придерживались Ф. Славский и К. Херей-Шиманьска [SP 7: 93].

XI.1.2. Материал отдельных славянских языков

Прежде всего рассмотрим, насколько обосновано проецирование в праславянское прошлое такого большого количества вариантов. В церковнославянских текстах южнославянского происхождения мы находим фрагмент из Деяний апостолов (3:7), где греческому σφύρα в Апостоле Гильфердинга (юж.-сл., XIV в.) соответствует форма *nom. du.* среднего или женского рода *глѣзнѣк*: *авие же оутвърдиста се емоу плѣснѣк и глѣзнѣк*. На том же месте в Шишатовском апостоле (юж.-сл., XIV в.) обнаруживается вариант *глѣзъна*, а в Македонском апостоле (юж.-сл., XIII в.) – *глѣзни*. Форму *глѣзъна* можно понимать как *nom. pl.* от *глѣзънѣ* (т., *-jo-) или же как транслитерацию *глѣзнѣк* глаголического оригинала. Форму *глѣзни* можно понимать как *nom. pl.* от *глѣзнѣ* или *nom. du.* от *глѣзнъ* [Gozazd]. Второй контекст нам предоставляют чешские церковнославянские Беседы папы Григория: *риза же та до глѣзноу сказаетъ са* [SJS 1: 403]. Форма *gen. du.* из этого фрагмента, к сожалению, совершенно непоказательна в отношении рода.

На основании этих данных в SJS в качестве вокабулы была волонтаристски избрана форма *глѣзъна*, однако с пометкой, что засвидетельствованные формы могут быть также выведены из *глѣзноу*, *глѣзънѣ* или *глѣзънѣ* [SJS 1: 403].

Особый интерес представляет в данном случае Шестоднев Иоанна Экзарха. В древнейшей рукописи этого памятника (ГИМ Син. 345, 1263 г., сербская; л. 246а) мы находим фрагмент, фиксирующий форму мужского рода:

нѣнѣк же тежек¹ глѣзнѣ подъложитъ подъ ногою слоноу «тяжёлая щиколотка находится под ногой у слона»¹.

Болгарский литературный язык, как уже было сказано, предоставляет в наше распоряжение форму *глѣзен* (т.). В говорах можно также обнаружить вторичные варианты *глѣжни* (pl.; Вылчедрым, северо-западная Болгария) и *глѣжден* (Шишковци, западная Болгария) [БЕР 1: 248]. В македонских говорах есть форма *глѣзен* (д. Конче) [Божковска 2003: 170].

В сербохорватском литературном мы имеем дело с формой *glèžanj/glèžanj* (т.), однако в диалектах можно встретить также *glèžen* (т.;

¹ В тексте русского извода этот фрагмент, к сожалению, отсутствует, а в болгарском текст испорчен: *ннѣк же къ глѣзени полѣжитъ подъ ногож слонѣ* (ГИМ Син. 35, 1786).

gen. sg. *glěžna*) [Maresić, Miholek 2011: 189], *gljezno* [Gusić, Gusić 2004: 106], *glězan* (m.), *glěžno* (n.) и *glěžnja* (f.) [РСКНЈ 3: 342]. В ранних словарях засвидетельствованы формы *glezno* (Паричич), *gliježno* (Белла), *glježno* (Волтиджи), *gližanj* (Волтиджи и Рапич), *gljezno* (Павлинович) [Skok 1: 569]. В словенском литературном представлена аналогичная сербохорватской форма *glěženj* (m.). Для зильских каринтийских говоров характерны формы женского рода, возможно, вторичные: *glěžnà* (пункт SLA 001), *gležnà* (002), *gližènjà* (004), *gližnja* (005), *gližnič* (007) [SLA 1/66].

Ф. Славский и К. Херей-Шиманьска полагали, что формы типа *glěžanj* восходят к южнославянскому вторичному деривату с формантом *-jь [SP 7: 93]. Однако у нас даже нет уверенности, что такие формы можно считать общеюжнославянскими: они доминируют в словенско-сербохорватском ареале, но в македонских и болгарских говорах редки, в Болгарии встречаются только на западе. Также мы не считаем, что в данном случае есть убедительные основания говорить о деривате, а не о вторичных изменениях старой формы без *-j-.

Вообще говоря, сербохорватскую и словенскую формы было бы заманчиво объяснить как переход старой *-i-основы в более продуктивный тип, аналогично *земь > *zemjā 'земля'. Однако нам известны поздние и вторичные переходы из твёрдого типа склонения в мягкий, например польское *stoń* 'слон'. На наш взгляд, наиболее вероятное объяснение словенской и сербохорватской форм – это, как предположил А. Вайан, аналогия к основам с формантом *-ьп'ь [Vailant 4: 582] (о суффиксе см. [Sławski 2011: 118]). Есть случаи, когда в отдельных славянских языках в некоторых словах выделялся ложный суффикс. Например, ауслат континуантов *mozgь 'мозг' был преобразован по аналогии с формантом *-ькь в целом ряде идиомов: бел. диал. *мóзак*, *мóзык*, укр. *мóзок*, *мізок*, чеш. *tozek*, болг. *мóзък*, схр. *мòзак* (gen. sg. *мòзга*). То же в случае слвн. *woskь > *vòsək*² 'воск' или *měšєсь > *měšəc* (gen. sg. *měšəca* или *měšca*) 'месяц' и *zajєсь > *zājəc* (gen. sg. *zājca*) 'заяц' по аналогии с *-ьсь. Аналогично в украинском: *засць* (gen. sg. *зайця*)³. В некоторых русских говорах как беглое было переосмыслено -о- в слове *мозоль*, что дало такие формы множественного числа, как *мозлі́*, *мозлы́* и *мозля́* [СРНГ 18: 205]. Есть примеры, когда тяжёлый для произношения ауслат был

² Графически *ə* в словенском записывается как *e*.

³ В русском та же инновация частично маскируется орфографией.

преобразован путём вставки неэтимологического беглого гласного. Таков случай праслав. *kazнь (деривата с суффиксом от *kazati), которое ещё в древнечешском известно как *kázn* или *kázň* [VW], но в современном чешском оно уже имеет вид *kázeň* 'дисциплина'. Аналогично в словенском: *kázən* 'наказание, казнь'. Таким образом, реконструкцию *glezнь'ь для праславянского состояния мы считаем необоснованной.

Древнечешский даёт нам амбивалентные данные. Древнейшую фиксацию можно найти в словариках Кларета. «Глоссарий» был составлен в 1350-е гг., а «Богемарий» – в 1360-е [Voleková 2015: 153]. Три рукописи «Глоссария»⁴ единогласно дают форму *hlezen* как эквивалент латинского *talus* [Flejšhans 1: 154]. А вот в случае «Богемария» имеются расхождения: в рукописи E (Knihovna pražské metropolitní kapituly, сигн. O 59, кон. XIV в.) представлена форма *hlezn*, в то время как в F (Knihovna pražské metropolitní kapituly, сигн. F 44/2, нач. XV в.) и O (Knihovna pražské metropolitní kapituly, сигн. E 32, кон. XIV в.) – *hlezo* [Flejšhans 1: 55].

Другие памятники XIV–XV веков также демонстрируют конкуренцию между мужским и средним родами (см. табл. 21; на основе SČTB).

В современном литературном чешском отмечается уже только устаревшая форма среднего рода *hlezo* [SSJČ].

В древнепольском начиная с 1437 года известна только форма *glozn* мужского рода [SSStp 2: 417]. Однако в XVI веке мы находим уже вариативность *glozn* (1 фиксация) / *głozn* (5 фиксаций) / *glozna* (2 фиксации) [SP XVI 7: 431]. В польских говорах записаны формы *glozna* / *głoźna* / *głoźnia* 'щиколотка', *głoźno* / *głoźno* 'щиколотка; голень', *głoźnie* (п.) 'щиколотка' [SGP 26: 395].

В нижнелужицких говорах зафиксированы суффиксальные формы *głoznyk*, *głoznyk*, *głoznyk*, *głoznyka*, *głoznyka*, *głozník*, *gl'ozník*, *gl'oznyk* [SSA 6/45].

На восточнославянской почве корень *глеzn-* не засвидетельствован в живых говорах, что заставляет некоторых этимологов сомневаться в его исконности в восточнославянских языках [SP 7: 94; Аникин 10: 289].

⁴ *Рукопись А* – Братислава, Kapitulská knižnica, сигн. 50, 2-я пол. XIV века; *рукопись В* – Moravský zemský archiv v Brně, фонд E6, сигн. Hf 27, 2-я пол. XIV века; *рукопись F* – Прага, Národní knihovna, сигн. VIII C 23, ок. 1400 г.

Таблица 21

Род древнечешских континуантов *glezn-

памятник	дата	masc.	neut.	fem.
Dalimilova kronika, rukopis vídeňský	конец XIV в.	gen. du. hleznú		
Bible olomoucká	1417		nom. du. hlezně	
		gen. pl. hlezen		
Knihy, jenž slovú Zrcadlo člověčieho spasenie	около 1420 г.	gen. du. hleznu		
Hvězdářství krále Jana	сер. XV в.		acc. pl. hlezna	
		gen. pl. hleznóv		
			acc. du. hlezně	
		ins. sg. hleznem 4×		
Lékařství neznámého františkána	сер. XV в.	loc. du. hleznu		
		loc. sg. hlezně 2×		
		gen. pl. hleznóv		
		dat. pl. hleznóm		
		ins. sg. hleznem 10×		
Ranné lékařství	2-я пол. XV в.	gen. sg. hlezna		
latinsko-české slovníky z rukopisu ostřihomského	2-я пол. XV в.		nom. sg. hlezno 2×	
latinsko-český slovník Klementinský	1455		nom. sg. hlezno	
		nom. sg. hlezen		
		gen. du. hleznú		
Traktáty a modlitby	1495		acc. sg. hlezno	
Knihy lékařské	1502–1503		acc. sg. hlezno	
		ins. sg. hleznem 4×		
Chirurgické lékařství	нач. XVI в.	loc. du. hleznu		
		ins. sg. hleznem		

«Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» выносит в вокабулу только форму мужского рода *глезнъ* [СДЯ 2: 329], в то время как Срезневский и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» дают формы всех трёх родов [Срезневский 1: 519; СлРЯ XI–XVII 4: 32].

Если присмотреться к имеющимся контекстам внимательнее, то видно, что данные рукописей XIV–XV веков указывают скорее на мужской род: две однозначные формы, *nom. sg. m.* и *acc. sg. m.*, а также пять амбивалентных форм, которые могут быть поняты как *masc./neutr.* или *masc./fem.*, и одна форма *nom. sg. f.* Формы женского и среднего родов начинают активнее использоваться с XVI века, возможно, в связи с тем, что слово исчезло из обиходной речи:

- *nom. sg. m. глезнъ рочнныи* = ἀστράγαλος χειρός (Хроника Георгия Амартола, Троицкий список XIV в.) [Истрин 1: 189];
- *nom. sg. f. глезна пависѣ въ стѣнѣ* (Хроника Георгия Амартола) [Истрин 1: 8] в соответствии с библейским ἀστράγαλος χειρός (Дан. 5:24);
- *dat. sg. m./n. и тако и глезноу его оугавнитисѣ* = ὡς καὶ τὸν ἀστράγαλον αὐτοῦ πλῆξι (Пролог Юрьевский, XIV в., л. 66в) [СДЯ 2: 329] – Л. А. Глинкина трактовала эту форму как *acc. sg. f.* [Глинкина 1974: 217], однако в данном случае мы имеем дело с конструкцией *яко* + датив + инфинитив, ср. *яко и персем его троскатати* [Стеценко 1972: 284];
- *gen. sg. m./n. одежю носи долгѣ до глезна* (Святительское поучение новопоставленному священнику; Кормчая Варсонофиевская, конец XIV в., л. 308б) [СДЯ 2: 329];
- *acc. pl. m./f. обловызають глезны стѣхъ аплѣ* (Палея толковая, 1406 г., л. 135в) [СДЯ 2: 329];
- *gen. sg. m./n. и въ ѡрѣжкѣна. и похыти оу глезна за голень* (История Иудейской войны Иосифа Флавия, рук. последней трети XV века, 455а) [ИИВ 1: 340];
- *ins. sg. m./n. свояя ноги глѣзномъ земли прикоснувь* (Хроника Иоанна Малалы, рук. XV в.) [СлРЯ XI–XVII 4: 32];
- *gen. du. до глезнѣ омочишася нозѣ емоу* (Житие св. Висариона, Минея четья июньская, XV–XVI вв.) [Срезневский 1: 519];
- *acc. sg. m. оудари въ глезнѣ* (Житие преподобной Февронии, Минея четья за июнь, XV–XVI вв.) [Срезневский 1: 519];
- *acc. du. m./f. таж повелѣ провѣртети еи глѣзне* (Пролог сентябрьской половины, БАН, Ром. №93, рук. перв. четв. XVI в.) [СлРЯ XI–XVII 4: 32];
- *ins. du. f. под глезнама* (Житие Григория, епископа Армянского, Минея четья сентябрьская, XVI в.) [Срезневский 1: 519];

- асс. pl. n. *желѣзными млаты глѣзна съкрѣшиши* (Пролог, май 24) [Срезневский 1: 519] (к сожалению, Срезневский не указал, из какого именно Пролога это было взято);
- асс. sg. f. *омочи едину глезну ноги тоя в воду* (Житие Варлаама Пинежского, рук. XVI–XVII вв.) [СлРЯ XI–XVII 4: 32];
- ном. du. m./f. *глезне – голени* (Книга глаголемая гречески алфавит, БАН, Арх. д. №446, рук. XVII в.) [СлРЯ XI–XVII 4: 32].

Рутенские данные предоставляют в наше распоряжение как *глезна* женского рода [ГСБМ 6: 292] (хотя следует учесть, что большинство цитируемых в словаре форм амбивалентно в отношении рода), так и *глезно* среднего рода (Зизаний и Славинецкий), а также одно личное имя *Миско Глезна* [СУМ XVI–XVII 6: 218]⁵.

Следует также упомянуть о заимствованном в румынский слове *gleznă* ‘щиколотка’. К сожалению, оно мало что говорит о форме своего славянского источника, поскольку румынское *-ă* может соответствовать славянским *-a*, *-o* и *-ъ*: *koža > *coață* ‘кора’, *tajьna > *taină* ‘тайна’, *prawidlo > *prawilo > *pravilă* ‘закон’, *stьklo > *sticlă* ‘стекло’, *korуto > *copită* ‘копыто’, *porь > *popă* ‘поп’.

Если говорить о вторичных значениях континуантов *gleznъ, то в сербохорватских говорах у *gležanj* представлен семантический дрейф ‘щиколотка’ > ‘большеберцовая кость’ [РСКНД 3: 342]. В одном словенском каринтийском говоре (пункт SLA 031) записана форма *ylè:žan* ‘сустав пальца’ [SLA 1/41]. Последнее имеет параллель в белорусских говорах, где слово *ичьыкалатка* также засвидетельствовано в значении ‘сустав пальца’ [ЛАБНГ 3/94].

XI.1.3. Критическая реконструкция

Сведём представленный выше материал в таблицу (таблица 22).

Видно, что формы женского рода распространены только в восточнославянских языках и польском. Наиболее же распространён мужской род. Если учесть, что памятники демонстрируют переход от мужского рода к среднему или женскому, мы полагаем, что единственной надёжной реконструкцией для праславянского является *gleznъ.

Отдельный вопрос заключается в том, следует ли реконструировать основу в виде **glezn-* или же **glezъn-*. В качестве аргумента в

⁵ Формы *глѣзна* и *глѣзно*, вошедшие в словари Желеховского и Яворницкого [Желехівський 1: 143; Яворницький 1920: 142], даны в этих словарях как устаревшие.

Таблица 22

Род континуантов *glezn- в славянских языках

	m.	n.	f.
церковнославянский	+	+ (?)	+ (?)
болгарский	+		
македонский	+		
сербохорватский	+	+	
словенский			
древнечешский	+	+	
чешский		+	
древнепольский	+		
старопольский	+		+
польский		+	+
древнерусский	+		+
рутенский		+	+

пользу второго решения указывают акцентуацию в сербохорватском и словенском [ERNJ 1: 273].

На наш взгляд, более показательны наличие лехитской перегласовки в польском *glozn* (которая была бы невозможна в случае *gleznъ), отсутствие *-e-* в том же польском (ср. *goźnъ > *rožen*) и большая редкость форм с *-ь-* в церковнославянских и русских памятниках.

XI.1.4. Этимология

Что касается этимологии слова *gleznъ, то было выдвинуто немало версий. В рамках славянских языков были предложены три сопоставления:

а) Миклошич предлагал сравнивать с русским диалектным *поглѣзнуть* 'поскользнуться' [Miklosich 1886: 65]. Однако с учётом форм *поглѣзка*, *поглѣдѹха* 'гололедица; катание на ногах по льду', *поглѣздывать* 'скользить, поскользываться' [СРНГ 27: 292] здесь следует видеть другой корень.

б) Родство с рус. *глаз* было предложено П. Перссоном [Persson 1912: 792–793], в дальнейшем поддержано Рейзеком [Rejzek 2001: 202]. Заманчиво семантически, если реконструировать для *glazъ зна-

чение 'скала, булыжник', но проблематично фонетически из-за разницы в вокализме корней.

в) *želza 'железа' [Persson 1912: 792–793]. Привлекательно семантически, хотя для сведения *glezpn и *želza необходимо постулировать швебеаблаут, что, впрочем, не является непреодолимым препятствием, ср. *koġk и *kroġk выше, а также *platz 'кусоч ткани' и *poltno 'полотно'.

В плане внешнего родства версий ещё больше:

а) Лит. *slėsnas* 'щиколотка', *slėсна* 'подъём стопы' [Matzenauer 1869: 34; Brückner 1985: 145; SP 7: 94]. Привлекательно семантически, но проблематично фонетически. Согласно Смочиньскому, литовские слова следует скорее связывать с прилагательным *slėsnas* 'пологий (склон горы, край рва)' [Smoczyński].

б) Др.-сканд. *klakkr* 'ком' [Persson 1912: 792–793; Berneker 1908: 302; ЭССЯ 8: 119; Derksen 2008: 163]. Скандинавское слово и прочие германские формы восходят к прагерм. **klak(k)az* [Orel 2003: 215]. По закону Ключе, *-kk-* действительно может восходить к **-kn-*.

в) Греч. γέλυς 'долька чеснока' [Persson 1912: 792–793; Rejzek 2001: 202]. Идея отвергалась Р. Бекесом, который относил греческое слово к субстратным заимствованиям [Beekes 2010: 265].

г) Б. Чоп пытался вывести славянские формы из **elek-* > **leks-n-* > **legz-n-*, чтобы связать с арм. *olok* 'голень', лит. *úolektis* 'локоть (мера длины)', *alkúnė* 'локоть', греч. λοξός 'косой' и валл. *llechwedd* 'склон холма' [Čop 1961/1962: 204]. С фонетической точки зрения это, конечно, маловероятно.

д) Санскр. *glāhaḥ* 'игральная кость' [Machek 1968: 167–168; БЕР 1: 248]. Однако М. Майрхофер связывал санскритское слово с корнем *grabh-* 'хватать, держать, собирать' [Mayrhofer 1: 505–506].

е) От **gel-*, наряду с санскр. *gulikā* 'шар, мяч, пилюля', греч. γαγγλίον 'опухоль', лат. *galla* 'чернильный орех' [Gluhak 1993: 231]. На наш взгляд, эти сопоставления гадательны.

ж) Греч. λαχάνω 'получать в удел, обретать по жребию' [Bańkowski 1: 449]. Совершенно невозможно фонетически.

з) Нем. *Klüngel* 'клубок' [Rejzek 2001: 202]. Однако немецкое слово восходит к др.-в.-н. *klungilīn*, диминутиву от *klunga* [Kluge 1989: 380], которое фонетически сложно связать со славянским.

е) Лит. *glėžti* 'вянуть' и *glėžnas* 'нежный'. В этом случае славянская щиколотка должна была получить своё название как 'слабое ме-

сто ноги' [Vaillant 4: 582]. Авторы ERHJ добавляют к этому сравнению лат. *flectō* 'сгибаю' и реконструируют пракорень *g^{wh}leg^h- [ERHJ 1: 273]. Стоит, впрочем, отметить, что *flectō* может восходить к большому количеству вариантов пракорней: *b^hleK-, *d^hleK-, *g^{wh}leK- [de Vaan 2008: 225]. Литовские слова со славянским сопоставляет также В. Смочиньский, который, однако, восстанавливает корень в виде *gleg- 'становиться слабым, чувствительным' [Smoczyński].

Из всего вышеперечисленного, на наш взгляд, более внимательно рассмотрения заслуживают лишь сравнения *gleznъ с *želza 'железа', *glazъ 'скала', лит. *glėžnas* 'нежный', прагерм. *klakkaz и санскр. *glāhaḥ* 'игральная кость'. В свете сопоставления *gleznъ с *želza особо отметим слвн. диал. žlī^oza 'железа' > 'щиколотка' (см. ниже).

XI.2. ИННОВАЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ ЩИКОЛОТКИ

XI.2.1. Перенос с названий других частей ноги

В двух случаях на щиколотку были по смежности перенесены названия голени:

а) *gulē:na* в одном словенском населённом пункте (SLA 033; Кнежа/Графенбах, каринтийская группа говоров);

б) *лытка* (Белозерский уезд Новгородской губернии, в настоящее время Ленинградская область) [СРНГ 17: 226].

Также нам известны примеры обозначения щиколотки как коленца или пятки, однако в данном случае, скорее всего, речь идёт о переносе по сходству: щиколотка, колено и пятка – круглые кости, выступающие под кожей:

а) 'коленце' > 'щиколотка': *kolence* в каринтийских говорах (пункты SLA 016, 020, 022, 025–028, 033, 034–038, 040) или *kolenčese* в паннонских говорах (пункты SLA 403, 404) с фонетическими вариантами;

б) *pīta* 'пятка' > 'щиколотка' в одном населённом пункте Словении (SLA 119; Кубед, приморская группа говоров).

Видимо, по тому же принципу на щиколотку переносятся названия тазобедренного сустава. Сюда относятся описанные выше болг. диал. *кълъчек* 'щиколотка' (Странджа) [Станчев 1999: 121] и рус. диал. *кólки* (рл.) 'голеностопные сочленения; щиколотки' [ЯОС 5: 50], а также рус. диал. *мослак*, которое обычно обозначает бедренную кость или головку бедренной кости, но в калужских говорах засвидетельствовано также в значении 'щиколотка' [СРНГ 18: 286].

Возможно, сюда же относится рус. моск. *макльџжа* / *макльџика* [СРНГ 17: 311], родственное *маклџак* ‘часть мясной туши от затылка до огузка; мясо третьего сорта’, *маклџика* / *маклџжа* ‘деревянная колотушка; костяшка; место внешнего сгиба на пальцах рук; удар костяшками пальцев, кулаком; подзатыльник’, *маклџо* ‘бедро’, *маклџок* ‘мосол, выступающая кость; мясо плохого качества’ [СРНГ 17: 310–311] (< *макъ ‘мак’, см. выше в VIII.3.2).

Как уже упоминалось выше, в русских говорах *хџлка* имеет значение ‘щиколотка’ [СРНГ 51: 164–165]. Если принять предложенную ранее схему, перенос был осуществлён с названия бедра или тазобедренного сустава.

Здесь же примыкает вышеупомянутое слвн. диал. *k'rek* ‘щиколотка’ [Ivančić Kutin 2007: 57], в случае которого перенос, вероятно, произошёл с названия ноги животного.

XI.2.2. Щиколотка как ‘горло’

Интересной словенской инновацией является обозначение щиколотки как горла (слвн. литер. *grlo*), которое мы находим в нескольких населённых пунктах (SLA 187, 210, 212, 217, 266).

Типологической параллелью в этом случае может служить японское 足首 (*ashikubi*) ‘щиколотка’, дословно ‘шея ноги’ (при этом 手首 (*tekubi*), то есть ‘шея руки’ – это запястье⁶).

XI.2.3. Щиколотка как ‘запястье’

Есть случаи переноса на щиколотку названия запястья: болг. диал. *k'utka* ‘цветок; ветка дерева; запястье; щиколотка’ [Станчев 1999: 108; БЕР 2: 396]. Следует указать на параллель в германских языках: шв. *wrist* ‘щиколотка’ при англ. *wrist* ‘запястье’.

XI.2.4. Щиколотка как ‘косточка’

У банатских болгар засвидетельствована форма *кџкълче* ‘щиколотка’, диминутив от *кџкъл* ‘кость’ [Стойков 1968: 111], заимствованного из греческого (*кџккалос* >) *кџкало* ‘косточка’. Этот же диминутив мы находим в македонских говорах: *к'окъл* ‘кость; запястье; щиколотка’

⁶ В свою очередь, здесь частичной параллелью служат западнокавказские обозначения запястья, например, адыгейское *Ианишь* ‘запястье’ < *Иэ* ‘рука’ + *нишьэ* ‘шея’ [Климов, Халилов 2003: 75] (пример подсказан нам А. Ф. Журавлёвым, письменное сообщение, 01.03.2022).

[Karanfilovski 2009: 36], *k'okǎl* 'щиколотка, локоть' [Bojkovska 2003: 216], *kòkalčǎ* 'щиколотка' [Mačeki 2: 52].

Близкую ситуацию мы находим и в сербохорватских говорах – *koščica* [Jurčić 2: 95], *koščica* [NGHR 1982: 208], *кочѝнка* (диминутив от *кочѝна* 'кость') [Динић 2008: 355].

В словенских диалектах можно встретить три варианта [SLA 1/66]: 'кость' (пункт 005 *kūǎst*; 032 *qūǎst*), 'косточка, в косточке' (154 *u koščicj*; 291 *u kòščice*; 292 *kòščica*; 307 *f koš'čiči*; 308 *koš'čiči*; 351 *kuš'čica*) и 'дикая кость' (060 *ta di:uja kù:ǎst*). Последнее обозначение, возможно, является калькой со встречающихся в итальянских диалектах обозначений щиколотки как «бешеной кости» из-за её чувствительности (см. [Аникин 10: 290]). Альтернативную гипотезу выдвинул А. Ф. Журавлёв, который указал на наличие словенского обозначения *divje meso* 'дикое мясо, гипергрануляция (избыточная соединительная ткань, выпирающая за края раны при неправильном заживлении)', что в свою очередь является калькой с немецкого *wildes Fleisch*. В этом случае *divji* можно понимать как 'лишний, сверх нормы'⁷. Ср. также развитие семантики континуантов *buǐjъpъ: рус. *буйные кудри*, пол. *bujne kędziorу* 'буйные кудри', *bujny biust* 'пышный бюст', чеш. *bujné kadeře* 'буйные кудри', *bujné poprsí* 'пышный бюст' и т. д. (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение, 01.03.2022).

В значительной части моравских диалектов щиколотка обозначается словом *kostka* [ČJA 1/57]. Это слово встречается уже во второй половине XV века в латинско-чешском словаре: *Talus hlezno vel kostka* (Венгрия, Эстергом, Esztergomi Főszékesegyházi Könyvtár; Ms. II 8; л. 115) [VW].

То же слово *kostka* в значении 'щиколотка' представлено в литературном польском. В нижнелужицком мы находим форму *kóstka*, а в украинском – *кісточка*.

Аналогичные формы есть и в русских диалектах – *кóстка* 'щиколотка, лодыжка' (Йыгеваский и Тартуский районы Эстонской ССР) и *кóсточка* (Лужский уезд Петербургской губернии) [СРНГ 15: 75, 79].

⁷ Параллелью могло бы быть абазинское *быгъвчыда*, которое в «Русско-абазинском словаре» Х. Д. Жирова и Н. Б. Экбы переводит русское *лодыжка* [Жиров, Экба 1956: 215]. Вероятно, из этого словаря, правда в ошибочной транскрипции *biŋwčifwčida*, оно попало в труд Климова и Халилова, где трактуется как сложение 'кость' + 'излишний' [Климов, Халилов 2003: 84]. Несмотря на то, что *быгъвчыда*, по-видимому, действительно является сложением *бгъвы* 'кость' и *чыда* 'лишний', означает оно 'двужилый, выносливый, крепкий' [АРС 1967: 123].

Можно встретить и коллокации – *кругла кóстка* (Анадырь) [СРНГ 15: 75] и *составная кость* ‘лодыжка’ (Великолукский уезд Псковской губернии) [СРНГ 40: 59].

Возможно, сюда же относится рус. брянск. *вуды́шка* ‘лодыжка, щиколотка ноги’ [СРНГ 5: 239] (здесь можно подозревать ошибочную запись вместо *булды́шка*⁸) при *булды́га* ‘кость, мосол; бедренная кость; часть ноги’ и *булды́жка* ‘кость; голенная кость; кость надкопытного сустава животных; утолщение в кости, мосол; нога; часть ноги животного; нога птицы’ [СРНГ 3: 269].

Нельзя не заметить сходства этих славянских наименований с немецкой парой *Knochen* ‘кость’ и *Knöchel* ‘лодыжка, щиколотка; сгиб пальцев (рук и ног); бабка (для игры)’.

XI.2.5. Лодыга и лодыжка

Интересным случаем является ст.-рус. *лодыга* ‘говяжья надкопытная кость, бабка; подножье’ и *лодыжка* ‘лодыжка, щиколотка’ [СлРЯ XI–XVII 8: 272] с потомками в современных восточнославянских языках (см. [ЭССЯ 32: 55–56]) и др.-пол. *łodyżka* [SStp 4: 115]. Дрейф, видимо, шёл по схеме ‘стебель’ > ‘кость ноги’ > ‘щиколотка’.

XI.2.6. Щиколотка как ‘сустав’

Часто в славянском мире щиколотка обозначается как сустав. Видимо, именно так следует объяснять значение ‘щиколотка’ у континуантов *kl’uščь в македонских говорах – *kl’ušč* ‘ключ, щиколотка’ [Mačeki 2: 52] и *kl’uč* ‘щиколотка’ [Karanfilovski 2009: 36]. В македонских же говорах у этого слова засвидетельствовано значение ‘сустав’ [ЭССЯ 10: 51].

Точечно, но достаточно широко в словенских говорах представлено *sklep* ‘сустав’ > ‘щиколотка’ (пункты SLA 041, 140, 186, 198, 206, 314, 318, 327, 345, 384, 386, 408), *zglob* с аналогичным семантическим дрейфом (409, 410) и производные от *pregib* ‘сустав’ – и *prejĩbali* (SLA 153) и *prejĩblej* (SLA 154).

Гораздо шире в Словении встречается *člen* или *členek* с дрейфом ‘сустав пальца’ > ‘щиколотка’. Это слово доминирует в приморских и

⁸ Ср. однако, схожие анлаутные колебания в случае рус. диал. *вўтарь, вўтор, вўтарь* ‘крестьянские пожитки’ [СРНГ 5: 239] и *бўтор, бутор, бўторь* в т.ч. ‘имущество крестьянина’ [СРНГ 3: 312], *валáндаться* и *балáндаться* ‘валандаться, слоняться без дела’ [СРНГ 2: 73], *барахло* и *ворохло, ворохно* ‘тряпьё, хлам, барахло’ [СРНГ 5: 125–126] (А. Ф. Журавлёв, письменное сообщение, 01.03.2022).

доленьских говорах, широко представлено в ровтарских и встречается в отдельных каринтийских, гореньских и штирийских [SLA 1/66]. То же самое мы находим в сербохорватских говорах: *члѝнак* 'сустав (на руке или ноге), обычно щиколотка; мерная единица, часть дюйма' (Лика) [Зобеница 2016: 822], *шкљѝнак* 'щиколотка' (Дубровник) [Бојанић, Тривунац 2002: 449], *щѝпѝнак* 'щиколотка' [Barbić 2011: 85]. В радивишском македонском говоре *шл'анѝк* [Бојковска 2003: 235], по-видимому, является сербизмом. То же слово мы находим в словацком (в том числе литературном): *щленок* 'щиколотка', а также в некоторых чешских говорах: *щлањек* 'щиколотка; звено цепи' [Gregor 1959: 39].

На севере Чехии есть два ареала, в которых щиколотка обозначается словом *kloub* и *kloubek*, исходно 'сустав' [ЩА 1/57].

В русских говорах от *кѝкот* / *кѝкѝт* 'ноготь' были образованы диминутив *кѝкотѝк* 'ноготь, коготь; сустав пальца (на руке), наружная сторона сустава пальца (на руке)' и *кѝкотѝшка* (обычно мн.) 'самые крупные, центральные суставы пальцев руки (которыми можно нанести сильный удар, если сжать руку в кулак); щиколотка' (вологодские говоры) [СРНГ 14: 99–100]. Общую схему дрейфа в данном случае можно описать следующим образом: 'коготь' > 'сустав пальца' > 'щиколотка'.

В качестве типологической параллели можно упомянуть о шведском *led* 'сустав' и сложениях *foted* 'щиколотка' (= 'сустав ноги') и *handed* 'запястье' (= 'сустав руки').

XI.2.7. Перенос на щиколотку названий круглых предметов

а) Мак. литер. *щлужд* (м.) 'сучок; щиколотка'. В диалектах представлены также фонетические варианты *щлуж*, *щлюж*, *щлюжд*, *щлюш*, *щлюч* [БЕР 1: 251]. В говоре деревни Горно-Каленик *щлюш* – это не только щиколотка, но и запястье [Hill 1991: 187]. В этимологическом отношении сопоставляют с рус. диал. *щлѝда* 'глыба, ком; кусок; выглаженная волнами поверхность камешка' [ЭССЯ 6: 144–145]. В качестве частичной типологической параллели можно привести белуджское *bѝg* / *bѝy* 'сустав; лодыжка, щиколотка; нарост (на дереве, стебле, у виноградной лозы)' < **baug(a)*- 'изгиб; выпуклость, округлость' [ЭСИЯ 2: 148]⁹.

б) Слвн. диал. *щлища* 'железа' > 'щиколотка' (пункт SLA 024).

в) Слвн. диал. (Приморье) *щшшка* 'шишка' > 'щиколотка' (пункты SLA 099, 109, 108, 112, 128, 129).

⁹ Автор благодарит А. Ф. Журавлёва за указание на этот факт.

г) Слвн. диал. (Штирия) *sklěčke* ‘мисочка’ > ‘щиколотка’ (пункты SLA 340 и 345).

д) В словенских говорах от *kíta* ‘пучок волос’ образован диминутив *'ki:čica* (SLA 156), *'kī:čica* (SLA 413) ‘щиколотка’. То же в одном чакавском говоре: *kīčica* ‘щиколотка’ [Kalsbeek 1998: 465].

е) В.-луж. *kulka* ‘шарик’ > ‘щиколотка’. Аналогично *kułka* ‘щиколотка’ в силезском говоре (пункт AJŚ 01) [AJŚ 4: 642].

XI.2.8. Перенос с названий одежды

В русских говорах засвидетельствованы формы *убóрина* (Архангельская и Свердловская области) и *úборник* (Свердловская область) [СРНГ 46: 137, 139]. По всей видимости, они являются производными от *уборка* ‘оборка’ и возникли в связи с тем, что отороченный оборкой край юбки доходил до щиколотки.

XI.2.9. Отглагольные дериваты

Известно несколько девербативов в роли обозначения щиколотки.

В двух приморских словенских говорах это дериват от глагола *škrípati / škrípáti* ‘скрипеть’: *škrípc* (пункт SLA 076), *škrîpc* (SLA 094).

В одном каринтийском словенском говоре (SLA 035) щиколотка называется словом *skuók*, производным от *skočiti ‘прыгнуть’. Поскольку в других словенских говорах *skok* выступает в значениях ‘бедро’ и ‘тазобедренный сустав’, нельзя исключать в этом случае перенос ‘тазобедренный сустав’ > ‘щиколотка’.

В двух резьянских говорах записаны следующие обозначения щиколотки: *hüŋgaj / hüŋgaj* (SLA 057), *hüŋgie / xüŋgie* (SLA 058). По предположению Д. Зилин-Кумар, эти формы восходят к *gug-yl-ь со вторичной назализацией и таким образом являются дериватами от глагола *gugati ‘качаться’ [SLA 1.2: 171].

Чешское *kotník* и нижнелужицкие диалектные формы *koŋk*, *kótk*, *ketk*, *kytk* [SSA 6/45] часть учёных считает заимствованием из средненижненем. *kote* ‘щиколотка’ (ср. совр. нем. *Köte* ‘щёлка (часть ноги над копытом лошади)’) [Berneker 1908: 587; Rejzek 2001: 306]. Однако существует и альтернативная этимология: *kotník* вместе с параллельным чеш. диал. *koŋík* ‘лодыжка’ образовано от др.-чеш. *koŋ* ‘лодыжка’ [VW] (> совр. диал. *koŋ* ‘берцовая кость; нога вообще’ [SSJČ]). Эта форма в свою очередь восходит к *koŋь, отглагольному производному

от *kotiti ‘катить’ [ЭССЯ 11: 204, 212], ср. др.-чеш. *kot* ‘бросание, валиние, катание (vrh, kácení, valení)’ [VW].

XI.2.10. Тёмные случаи

Существует ряд слов с не вполне ясной этимологией. В первую очередь это восточнославянское обозначение лодыжки: укр. *щиколотка*, блр. *шчыкалатка*, рус. *щиколотка*. Было выдвинуто несколько версий происхождения этого слова:

а) Родство слов *щиколотка* и *щеколда* предположил В. И. Даль [Даль 4¹: 600]. То же спустя почти полвека можно встретить у Соболевского [Соболевский 1911: 338].

б) Вторая часть связана с *лодыжка*, а первая с французским *chicot* ‘пенёк’, лат. *ciccut* ‘пустяк, мелочь’, греч. κίκκος [Горяев 1896: 429–430]¹⁰. В настоящее время эта версия не может рассматриваться всерьёз.

в) Черных исходил из варианта *щиколка* и связывал с *щикалка* ‘бита’ [Черных 2: 435]. Сомнительно в связи с фонетическими трудностями.

г) Л. В. Куркина также считает форму *щиколка* исходной и указывает на болг. диал. *шикълкъ* ‘округлый нарост на дубовых листьях’, *шикалка* ‘округлый нарост на дубовых листьях; помёт овцы, козы; шишка еловая, сосновая; початок кукурузы’, *шикла* ‘семя в еловой шишке’, в которых она видит производные от *кълка* (см. выше) с префиксом *ши-*. Сюда же Куркина относит рус. диал. *шиковка* (< *ši-kъl-ka) ‘шишка на теле человека; бугор, неровность на дороге, ухаб’. В *щиколка* она видит тот же корень, но иной префикс – **šči-* [Куркина 1981: 22–23].

д) А. А. Кретов исходит из формы **ще-колот-ък(а)* и сравнивает корень с *колт* ‘подвеска, серьга’ и *колтун*, а приставку выводит из **ske-* [Кретов 2009: 92–94].

е) Авторы ЕСУМ дают праславянскую реконструкцию **ščikokolъ-*ка [ЕСУМ 6: 508], к сожалению, не развивая этой идеи дальше.

ж) А. К. Шапошников членил как *skъkol > **ščikol-ot-/*ščъkol-ot-* и сопоставлял с болг. *кóкал* ‘кость’ и греч. *кóкало* ‘кость’ [Шапошников 2: 555; Шапошников 2015: 378].

Ни одну из представленных этимологий нельзя признать удовлетворительной. От себя отметим, что данное слово появляется на огра-

¹⁰ Горяев также давал ит. *cigolo*, якобы означающее ‘малый’. Однако здесь закралась ошибка: *cigolo* значит ‘скриплю, трещу’, тогда как ‘маленький’ – *piccolo*.

ниченной, только восточнославянской, территории и сравнительно поздно (первая фиксация – 1594 г. [ГСБМ 37: 242]), так что вряд ли может быть спроецировано на праславянский уровень.

Ещё одним сложным случаем является рус. диал. *вахólка* ‘щиколотка ноги, лодыжка’ (1964 г., Шарья, Костромская область) [СРНГ 4: 75]. Аникин связывает с *холкой*, признавая, что *ва-* в таком случае остаётся необъяснённым [Аникин 6: 132].

Не получила пока объяснения словенская форма *u glîěšt* (SLA 262).

XI.2.11. Заимствования

а) Нем. *Glied* ‘член (тела); конечность; сустав’ представлено в отдельных словенских говорах, преимущественно каринтийских (пункты SLA 012, 013, 017–019, 029, 039, 129, 147, 150, 187, 202, 257, 347) в различных фонетических вариантах.

б) Нем. *Gelenk* ‘сустав’ – по большей части в гореньских и штирийских говорах (SLA 010, 046, 219, 224, 226, 227, 262, 305, 306, 317, 322, 323, 325, 326, 332, 341, 350, 352, 353).

в) Нем. *Knöchel* ‘лодыжка, щиколотка; сгиб пальцев (рук и ног); бабка (для игры)’ – пункты SLA 023, 030, 049.

г) Ср.-в.-н. *wadel*, диминутив от *wade* ‘икра ноги’, представлен в форме *bôdálna* в одном словенском говоре (SLA 247) [SLA 1.2: 172]. Здесь мы имеем дело либо со сдвигом ‘икра’ > ‘лодыжка’ уже на словенской почве, либо с ошибочной записью, что, наверное, более вероятно, если учесть, что то же слово записано в этом говоре в значении ‘икра ноги’ [SLA 1/65].

д) В два словенских говора заимствовано итальянское *caviglia* ‘щиколотка’: *ka'vi:lja* (SLA 087), *kavîl'a* (137).

е) Венетская форма *ziogo* ‘яро’ заимствована в один словенский говор как *zjôyo* (SLA 123) [SLA 1.2: 172].

ж) В пункте SLA 400 засвидетельствована форма *čonklênâc* ‘щиколотка’, которую Д. Зулян-Кумар пытается вывести из ит. устар. и диал. *cionco* ‘разбитый, сломанный; обрубленный’ или венг. *csonka* ‘искалеченный, изувеченный’¹¹ [SLA 1.2: 172]. Если учесть, как часто названия щиколотки являются производными от слов со значением ‘кость’, на наш взгляд, логичнее видеть в *čonklênâc* производное от венг. *csont* ‘кость’ с диссимиляцией *tl* > *kl*.

¹¹ Непосредственно в тексте Зулян-Кумар обе формы записаны неверно, как *cionko* и *csonk* соответственно (слово *csonk* в венгерском есть, но это существительное со значением ‘обрубок’).

з) Рус. донск. *казей* / *казейка* ‘лодыжка, голеностопный сустав’ [СРНГ 12: 316] или *козей* / *козейка* [СРНГ 14: 58] у Даля связывалось с сибирским *казанок*, которое Даль глоссировал как ‘ручная щиколотка, костяная шишка под запястьем, со стороны мизинца, на локтевой кости’ [Даль 2¹: 691–692]. В этимологических словарях Преображенского и Фасмера *казей* помечено как неясное [Преображенский 1: 282; Фасмер 2: 159], однако *козей* Фасмер сравнивал с тюркским *qazıq* [Фасмер 2: 278], основное значение которого в тюркских языках – ‘кол, колышек’ [ЭСТЯ 5: 190–191].

XII. СТОПА

XII.1. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *СТОПА

На большей части славянской территории стопа обозначается дериватами от корня *stop- / *stǫp-. В литературных языках это болг. *стѣпало*, мак. *станало*, слвн. *stopálo*, схр. *stǫpalo*, в.-луж., н.-луж., пол. *stopa*, бел., укр., рус. *стуння́*, укр., рус. *смонá*. Если учесть и диалектные данные, то оказывается, что от одного корня образовано большое количество разнообразных производных. Тем не менее на праславянскую древность и на роль праславянского обозначения стопы может претендовать только слово *stopá, которое засвидетельствовано почти во всём славянском мире (большинство вторичных значений не указывается): ст.-сл. *стѡпа* 'след, стопа, шаг' [SJS 4: 169]; схр. *stǫpa* 'след' [RHiSJ 16: 626–628], схр. диал. *stopa* (с фонетическими вариантами) 'стопа' (пункты ОЛА 25, 36, 38, 44а, 47–50, 59, 61, 63, 78, 80) [ОЛА 9/46]; слвн. устар. *stǫpa* / *stǫpa* 'шаг, след' [SSKJ]; чеш. *stopa* 'след; стопа (устар. и диал.)' [SSJČ]; слвц. *stopa* 'след' [HSSJ 5: 492; SSJ 4: 262–263]; в.-луж., н.-луж. *stopa* 'стопа, шаг, след' [Schuster-Šewc 18: 1360]; пол. *stopa* 'стопа'; бел. *сманá* 'единица счета бумаги, равная 1000 листов'; укр., рус. *смонá* 'стопа'¹. Вдобавок *stopa обладает архаичной структурой: будучи образованным от корня *step- (см. ниже), это слово демонстрирует чередование по качественному аблауту в корне, аналогичное, например, слову *roka 'рука'.

В материалах ОЛА в верхнелужицком пункте 237 (Радибор / Радвор) засвидетельствована форма мужского рода *stop* [ОЛА 9/46]. В лужицком атласе она отмечена в нескольких верхнелужицких пунктах [SSA 6/42]. По всей видимости, это вторичная маскулинизация более старой формы *stopa*. Корневой вокализм верхнелужицкого диалектного *stoupa* / *stouþja* [SSA 6/42], вероятно, объясняется народно-этимологическим влиянием слова *stolp* 'столб'.

---

¹ Отдельно отметим дрейф 'стопа' > 'тыльная сторона руки' у *смонá* в архангельских говорах [СРНГ 41: 231].

В болгаро-македонском ареале доминирует отглагольное существительное, образованное при помощи форманта *-dlo от *stopati [ОЛА 9/46]. Оно же представлено и в обоих литературных языках: болг. *стъпáло*, мак. *стапало*. В македонских говорах засвидетельствована и суффиксальная форма женского рода – *стапалка* (с фонетическими вариантами) [Дрвошанов 2005: 160–161].

Большую часть сербохорватского ареала занимает аналогичная форма, но с другим вокализмом: *stòpalo* (с фонетическими и морфологическими вариантами женского и мужского родов) [ОЛА 9/46]. Однако записан и вариант с вокализмом *q > u: *stupàlo* (пункт ОЛА 40) [ОЛА 9/46]. Он также отмечен в словарях и литературе, начиная со Стулича [RHiSJ 16: 816]. Мы полагаем, что *stopalo* является контаминацией *stupalo* и *stopa*.

Форма *стапало* засвидетельствована и в части македонских говоров, но в них это закономерный рефлекс *q [Дрвошанов 2005: 157–158].

Отдельно следует отметить, что в македонских говорах у слова *стапало* отмечен дрейф 'ступня' > 'ладонь' [Дрвошанов 2005: 159].

Как уже было сказано выше, в литературном словенском стопа обозначается словом *stopálo*. В большинстве говоров представлены аналогичные формы, причём в трёх каринтийских пунктах записаны формы с сохранением *-d-* [SLA 1/67]. В связи с совпадением рефлексов *q и *o в большинстве словенских говоров сложно установить, восходит ли *stopalo* к *stopadlo или *stopadlo. Авторы карт ОЛА и SLA сделали выбор в пользу первого варианта (см. [ОЛА 9/46; SLA 1/67]). Однако есть говоры, в которых *q и *o в предупредном слоге дали разные рефлексы. Таков, например, говор деревни Подлешче (пункт SLA 094, баньшская подгруппа приморской группы говоров). Согласно описанию Т. Логара, собиравшего материал в этой деревне для SLA, в предупредном слоге *q редуцировался в ə, а *o сохранялся (редукция отмечена только в отдельных случаях). Приведём примеры: *zòbę 'зубы' (acc. pl.) > zə'ba:, *ròkę 'руки' > rə'ka:, *ròčьnikъ 'ручка' > ərč'ni:k, но *kopyto 'копыто' > kò'pi:to, *koza 'коза' > kò'za:, *noga 'нога' > nò'ya:, *osa 'оса' > o'sa: и т. д. [Logar 1996: 310]. Стопа в данном говоре обозначается формой *stopâlo*² [SLA 1/67], что указывает на исходное *o, а не *q. Таким образом, есть основания полагать,

² Для говоров, не различающих тонов, в SLA используется $\hat{V}$ вместо ${}^hV$: у Логара [SLA 1: 30].

что словенский язык в этом отношении повёл себя так же, как и сербохорватский и как минимум в части говоров представлены формы, восходящие к *stopadlo, а не *stopadlo.

Параллельный дериват с суффиксом *-dlo можно найти в чешском и словацком. Чешское *stupadlo* означает 'подножка кареты; (во мн. ч.) скобы в стене, заменяющие лестницу, в дымоходах, шахтах, каналах' [SSJČ]. Словацкое *stúpadlo* имеет те же значения, а также 'ножной привод' и, редко, 'ступня' [SSJ 4: 313]. Мы полагаем, что в случае столь продуктивной модели одного лишь словацко-южнославянского схождения недостаточно, чтобы реконструировать *stopadlo для праславянского.

Что интересно, и в русских говорах имеется аналогичный дериват от *stopiti: *ступило* 'след ступни человека или ног, лап животного' [СРНГ 42: 100].

Для восточнославянского ареала характерен дериват *ступня́*, представленный не только во всех трёх литературных языках, но и очень широко в говорах [ОЛА 9/46]. Это deverбатив от *ступить* / *ступать*, как *бить* > *бойня*, *квасить* > *квашня*, *мазать* > *мазня*, *пахать* > *пашня*, *резать* > *резня*, *стряпать* > *стряпня* и т. д. Аналогичная деривация произошла в словенском. В литературном языке *stópnja* означает 'степень', однако в говорах встречается и в значении 'стопа' (пункт SLA 403) [SLA 1/67].

В нескольких украинских говорах мы находим формы с тем же суффиксом, но с вокализмом -о- (пункт ОЛА 413), -р- (500) и -у- (454, 455, 457, 458, 460, 461, 505)³. Пункты с *styp'n'a* укладываются в узкую полосу говоров с -у- на месте -о- в новом закрытом слоге, тянущуюся от Луцка через Ровно, Новоград-Волынский, Житомир, Прилуки и Конотоп до российской границы и даже заходящую за неё [Назарова 1968: 99; АУМ 1/57–63]. Аналогичная форма, *стання́*, записана и в одном белорусском говоре (ЛАБНГ 126) [ЛАБНГ 3: 53]. Кроме того, *стоння́* отмечена у Даля, правда без указания места записи [Даль 4³: 551]. Вероятно, в этом случае мы имеем дело с контаминацией форм *стопа* и *ступня*.

Несколько меньше, чем у *ступня́*, ареал форм, которые в ОЛА выводят из *stop-ъп-ь. В основном они концентрируются в русско-украинско-белорусском пограничье, однако местами доходят до северного

³ На карте ОЛА как континуанты *stop-ъп-я также обозначены формы *styp'n'a* из пунктов 477, 492 и 847, но, по-видимому, речь идёт об ошибке.

и западного краёв восточнославянского ареала, картографируемого в атласе [ОЛА 9/46]. Отметим, что в русских говорах *стүпéнь* – мужского рода и, как правило, с небеглым *-e-* [СРНГ 42: 97–98]. Украинское *стүпíнь* ‘шаг’ – мужского рода, гласный может быть как беглым, так и небеглым [СУМ 9: 807]. В белорусских говорах *стүпéнь* также мужского рода [ЛАБНГ 3: 53]. В южно- и западнотславянских языках представлены преимущественно формы мужского рода, но с беглым гласным, однако есть и формы, указывающие на *-en-, а не *-ьн-, например, чешское устаревшее *stupen* (gen. sg. *stupenu*) при обычном *stopeň* (gen. sg. *stupně*) [SSJČ]. Возможно, верна мысль, что мы имеем дело с поздними преобразованиями исходного *stepenъ под влиянием *stopiti [Фасмер 3: 788] и форманта *-ьнъ (см. [Sławski 2011: 118]).

Помимо восточнославянских языков, континуант *stopьнь (или *stopenъ) в значении ‘стопа’ обнаруживается в старословацком (XVIII в.): *stopeň* ‘ступенька; степень; мера, уровень; стопа; фут’ [HSSJ 5: 533–534].

В восточнославянских говорах записаны также формы *stope'n'a* (ОЛА 425; Украинское Полесье) [ОЛА 9/46] и *стүпéняк* [Сцяшковіч 1972: 477].

Ещё один восточнославянский дериват – *стүпáк*, широко представленный в центральной Белоруссии [ОЛА 9/46; ЛАБНГ 3/98], а также в двух ареалах на Украине – на севере (пункты ОЛА 409, 411, 417, 423 и 434) и Среднем Приднепровье (478, 502, 503 и 511). Форма *stempak* в польском кресовом говоре деревни Хорошки-Малэ (ОЛА 306) объясняется восточнославянским влиянием с фонетическим пересчётом. Как и в предыдущем случае, засвидетельствованы контаминированные формы с *-o-* (418) и *-o-*вокализмом (453), непосредственно примыкающие к северноукраинскому ареалу.

Кроме того, в значении ‘стопа’ засвидетельствован ряд узлокальных дериватов от *stop-:

а) болг. диал. *стѣпанец* (Софийская область) [БЕР 7: 523];

б) слвн. диал. *s'top* (SLA 023) при слвн. литер. *stóp* ‘шаг’ (устар.) [SSKJ] и схр. *stup* ‘след, шаг, степень, ступень’ [RHISJ 16: 809]; аналогичный дериват, но с уменьшительным суффиксом (записанным на чешский манер) отмечен в старословацком (XVIII в.): *stopek* ‘след’ [HSSJ 5: 535]; форма *stup* известна в двух верхнелужицких говорах [SSA 6/42]; форма мужского рода *стун* ‘ступня; след’ представлена и в русских говорах [СРНГ 42: 93];

в) слвн. диал. *štopiěna* (SLA 077) при слвн. литер. *stopinja* 'след; шаг; степень' [SSKJ] и схр. *stupinja* 'след, фут, ступень' [RHiSJ 16: 822]; аналогичный суффикс в белорусской диалектной форме *sturu'n'a* (ОЛА 361) и русской диалектной *ступыня* 'большая ступня' [СРНГ 42: 106];

г) слвн. диал. *stoplâi* (SLA 382) при схр. *stupljaj* 'тропа, шаг' [RHiSJ 16: 826];

д) слвн. диал. *stopâi* (SLA 368), *stopôi* (SLA 375) при схр. *stupaj* 'след; шаг; ступень' [RHiSJ 16: 814–816], слвц. *stupaj* (f.) 'ступня; след; ступенька; шаг' [SSJ 4: 313–314] и диал. *stopaj* (f.) 'след' [HSSJ 5: 532–533; SSJ 4: 263];

е) ст.-слвц. (XVII в.) *stupel'* (f.) 'след' [HSSJ 5: 533];

ж) слвц. диал. *stupa* 'ступня' [SSJ 4: 313]; аналогичные формы отмечены в восточнославянских говорах: укр. закарпатское *стунá* [Дзендзелівський 2/307], бел. *стунá*, *стýна*, *стýнка* 'ступня' [ЛАБНГ 3: 53], рус. *сту'па* (ОЛА 758) [ОЛА 9/46], *стýнка* 'ступня; нога человека; ступенька; след от копыт лошади; (мн. ч.) домашние лапти с глубокими носками и без задников, лёгкая вязаная или суконная обувь типа тапочек, домашние тапочки без задников, шлёпанцы' [СРНГ 42: 101]; в болгарских говорах известна форма *стѣнка* 'шаг; след' [БЕР 7: 524];

з) укр. диал. *стунáчка* [Дзендзелівський 2/307]; в словацком аналогичный дериват, *stúpačka*, имеет несоматические значения: 'подножка (автомобиля); скобы в стене, заменяющие лестницу; (сленг.) водопровод, газопровод или электропроводка, ведущие с первого этажа на последний; (мн. ч.) монтажные кошки' [SSJ 4: 313].

В материалах ОЛА встречаются также формы *sta'pok* (пункт 802, Красная Горка, Орловская область) и *stap'k'i* (nom.pl., пункт 804, Михнево, Тульская область). Авторы карты поместили их как континуанты формы *stop-ък-ъ [ОЛА 9/46]. Однако их связь со *стопой* вызывает сомнение. Обычно дериваты на *-ък- в русском сохраняют род производящего слова, и нормальным диминутивом от *стопá* является *стóпка* женского рода. Мы полагаем, что имеет смысл обратить внимание на дериват от *стóпать* 'износить, стоптать' [СРНГ 41: 231–232] и *стáпать* 'id.' [СРНГ 41: 65], а именно *стóпок* (m.) 'стоптанная старая обувь' (Забайкалье) [СРНГ 41: 234] и *стáнок* 'id.' (псковские и тверские говоры) [СРНГ 41: 65]. Контраргументом, правда, может послужить окситонеза форм из ОЛА.

Попробуем свести вышеописанные дериваты в таблицу (в скобки взяты несоматические значения).

Таблица 23

Континуанты корня *stop-/*stǫp- в славянских языках

	болг.	мак.	схр.	слвн.	слвц.	чеш.	В.- луж.	Н.- луж.	пол.	бел.	укр.	рус.
*stopa			+	(+)	(+)	(+)	+	+	+	(+)	+	+
*stopъ							+					
*stopa					+					+	+	+
*stopъ			(+)	+			+					+
*stopъka	(+)									+		+
*stopadlo	+	+	+		+	(+)						
*stopadlo		+	+	+								
*stopъn'a				+						+	+	+
*stopъn'a										+	+	+
*stopень	(+)		(+)	(+)	(+)	(+)	(+)	(+)		+	+	+
*stopакъ										+	+	
*stopакъ											+	
*stopаньсь	+											
*stopун'a			(+)	+						+		+
*stopjajъ			(+)	+								
*stopajъ			(+)	+	+							
*stopѣль					+							
*stopačьka					(+)						+	

Мы полагаем, что эти данные свидетельствуют о том, что на праславянский уровень из всех этих дериватов можно спроецировать лишь *stopa и *stopень (*stopънь?), причём соматическое значение имело только первое из них. В истории отдельных славянских языков на стопу переносились многочисленные дериваты от *stopiti 'ступить' и *stopati 'ступать'. Иногда происходила контаминация корней, и такие дериваты получали вторичный -o-вокализм от *stopa.

В какой-то мере это можно сравнить с обозначениями плавника, которые в большинстве славянских языков образованы от глагольного семейства *pluti / *plyti / *plawati, но имеют разный вокализм и суффиксы: болг. *плавник*, бел. *плаўнік*, укр., рус. *плавнік*, укр. *плавéць*, слвн. *plavût*, чеш. *ploutev*, слвц. *plutva*, пол. *pletwa* и т. д.

Перейдём к этимологии. Форма *stopa является прозрачным производным от корня *step-, представленного также в *stepень 'ступень'

и, вероятно, *stōpiti ‘ступить’ и *stōpati ‘ступать’. Предложенное Брюкнером сопоставление с *top- (*topić* ‘топить’) и *top- (*tepy* ‘тупой’) [Brückner 1985: 517] не имеет под собой никаких оснований.

К внешним когнатам корня относят лит. *stāpas* ‘свая, столб’, *stapinti* ‘морить голодом; укреплять; эрегировать; вызывать затекание, онемение’, *stapyti* ‘останавливать’, *stēpas* ‘паралич’, диал. *stēpinti* ‘утверждать’, лтш. *stepis* ‘карапуз’, санскр. *sthāpayati* ‘ставит’, хеттск. *ištapp-* ‘закрывать’ [Фасмер 3: 766; Rejzek 2001: 604; ЕСУМ 5: 426–427; Bezlaj 3: 321].

Бросается в глаза сходство славянских и балтийских форм с некоторыми германскими словами с близкой семантикой: англ. *step* ‘шаг’, нем. *Stapfen* ‘след’ и т. д. Однако по закону Гримма балтославянскому *р должен соответствовать германский *f. Это расхождение заставило некоторых учёных отрицать родство балтославянских и германских форм (ср. [Rejzek 2001: 604]), а других постулировать заимствование из славянского ([Machek 1968: 579; Bezlaj 3: 321]). Г. Кронен реконструирует прагерманские глаголы *stap(p)an- ~ *stapjan- ‘шагать’ и *stapp/bōn- ‘ходить’, причём -pp- в них он объясняет при помощи закона Ключе, согласно которому в предупредном слоге взрывной согласный ассимилировал последующий -n-, давая глухую геминанту. Для выполнения условий закона Ключе Кронен постулирует глагольную форму 3. sg. *stop-néh₂-ti [Kroonen 2013: 474].

Вопросы вызывает и взаимоотношение корней *step- и *stōp-. Некоторые учёные пытаются свести их в одну парадигму *stepti – *stēpō [ESJS 15: 884]. Небольшое количество глаголов с носовым инфиксом в праславянском сохранилось: *let’i ‘лечь’ – *lęqō, *sěsti ‘сесть’ – *sędō, *byti ‘быть’ – *bōdō, *obvrěsti ‘найти’ – *obvręťō. Как мы видим, -e-степени в инфинитиве соответствует -ę- в настоящем времени, тогда как в дериватах с -o-степенью носовой инфикс отсутствует: *ložiti sę, *saditi sę.

В качестве (несколько сомнительной) параллели к *stōp- можно указать на корень *xōp-, соотносимый с *харати, *хорити [ЭССЯ 8: 89] и восстанавливаемый на основе ст.-сл. охъпнити ‘схватить’ и хъпнати ‘хватать, ловить’ [SJS 2: 631; SJS 4: 815].

Есть также пример использования носового инфикса при deverбальной деривации: *хотěти ‘хотеть’ > *хоть (чеш. *chut’* ‘вкус, желание’, пол. *chęć* ‘охота, желание’).

XII.2. *XODIDLO

Слово *xodidlo, на первый взгляд, обладает хорошей дистрибуцией [ЭССЯ 8: 48] и должно быть реконструировано для праславянского уровня. Однако оно образовано по очень продуктивной модели от частотного глагола, так что в обоснованности такой реконструкции всё же остаются серьёзные сомнения.

В значении 'стопа' оно представлено в чешском (*chodidlo*), словацком (*chodidlo*) и болгарском (*ходѝло*) литературных языках, а также довольно широко встречается в диалектах этих языков [ОЛА 9/46], кроме того, записано в солунском македонском говоре (*худѝло*, село Негован) [Дрвошанов 2005: 160].

В словенском форма *hodilo* отмечена в словаре Плетершника в значениях 'ходовой механизм; подошва; деловая поездка' [Pleteršnik 1: 274].

В русских говорах слово *ходѝло* представлено, но не в значении 'стопа', а как 'сустав, коленный сустав, тазобедренный сустав; заплечная кость, лопатка; бедро, бедренная или лопаточная часть туши животного, окорок; вяленое, сушеное баранье бедро' [СРНГ 51: 30–31]. Это не может не наводить на мысль о независимой от фактов других славянских языков деривации от глагола *ходить*.

Однако отметим, что в древнечешском мы впервые встречаем слово *chodidlo* довольно рано, уже в XIII веке. В псалтырях первой редакции оно переводит латинское *calcaneum* (Пс 55:7; Виттенбергская псалтырь, Глоссированная псалтырь, Подебрадская псалтырь; Глоссированная Клементинская псалтырь) [VW].

XII.3. ИННОВАЦИОННЫЕ НАЗВАНИЯ СТОПЫ

XII.3.1. Перенос на стопу названий лапы животного

В русских говорах встречается перенос на стопу названий ноги животного – континуантов *lара и производных: *лána*, *лáпка*, *лáпочка*, *лáпóсть*⁴, *лапу́сть*, *лапу́стка*, *лопу́стка*, *лапу́шка* [ОЛА 9/46; СРНГ 16: 261, 263, 267, 269; СПинГ 1: 135]. Реже этот дрейф встречается в украинских (пункты ОЛА 171, 495), польских (309, 323) и чешских (181) говорах [ОЛА 9/46].

⁴ Это слово может иметь и более специфическое значение 'плюсна' или 'ступня ноги морского животного' [СРНГ 16: 261].

Мы полагаем, что от этих случаев не следует отделять и слова *lépeсть* ‘ступня ноги; передняя часть ступни’ [СРНГ 16: 361], *лопасть* ‘ступня или нижняя часть ноги; лапа медведя’ и *лопастіна* ‘ступня ноги’ [СРНГ 17: 132, 131]. Формально они являются производными не от *lapa, но, вероятно, в силу паронимической аттракции к *лápость* и подобным формам у них могло появиться новое значение. Дополнительно нас в этом убеждает наличие такой формы, как *пóлость* ‘ступня ноги’ [СРНГ 29: 119], если, конечно, она была записана верно.

В македонском говоре села Теарце стопа называется словом *шапало* [Дрвошанов 2005: 160], ср. схр. *šápa* ‘лапа’. Последнее также отмечено в значении ‘стопа’ в одном сербохорватском говоре: *šá'pa* (ОЛА 087)⁵ [ОЛА 9/46].

ХІІ.3.2. Перенос с названий других частей ноги

В первую очередь это ‘пятка’ > ‘стопа’ в нескольких словенских говорах (пункты SLA 062, 082, 083) [SLA 1/67]. То же отмечено в русских (пункты ОЛА 565, 634) [ОЛА 9/46] и белорусском говоре [ЛАБНГ 3: 53]⁶.

Шире встречается дрейф ‘подошва обуви’ > ‘подошва ноги’ > ‘стопа’. Его мы встречаем в словенских говорах в случае *podplät* [SLA 1/67], которое в литературном языке обозначает только подошву (как обуви, так и ноги). То же отмечено в хорватских говорах (ОЛА 22, 37, 42) [ОЛА 9/46].

Аналогичная ситуация в русских и украинских говорах островками наблюдается со словом *подóшва / підóшва* (пункты ОЛА 435, 507; 553, 583, 585, 597, 620, 624, 660, 675, 684, 696, 753, 800, 818), а под украинским влиянием также в польских переселенческих говорах (ОЛА 239, 240) [ОЛА 9/46]. То же в белорусских говорах для форм *падóшва, падóшва, пудóшва, підóшва, падашва́, пудашва́, пыдышва́* (в общей сложности 18 пунктов атласа) [ЛАБНГ 3/98].

Ещё один случай – это дрейф ‘плюсна’ > ‘стопа’, представленный в восточнославянском ареале⁷ [ЛАБНГ 3/98; ОЛА 9/46]. Здесь, правда, следует оговориться: не очевидно, что исходной точкой дрейфа была ‘плюсна’ (см. ниже о *plesno).

⁵ На карте ошибочно обозначено одним символом с *sapa*, о котором см. ниже.

⁶ На карту это слово не попало, поскольку было сочтено ошибкой.

⁷ Сюда же, скорее всего, относится форма *блесна́* ‘ступня ноги’ (Владимирская губерния) [СРНГ 3: 19], вероятно, записанная с ошибкой.

В русских говорах представлен дрейф 'лодыжка' > 'стопа' у формы *lo'dyška* (пункт ОЛА 720) [ОЛА 9/46]. Ср. также *лодыга* 'большая ступня' [СРНГ 17: 106].

Как уже упоминалось выше, в значении 'ступня ноги; подъём ступни человека' в русских говорах засвидетельствовано слово *хólка* [СРНГ 51: 165]. Дрейф, по-видимому, шёл «сверху вниз», от названий верхней части ноги вплоть до ступни.

В Подборовье (Псковская область; пункт ОЛА 628) слово *sol'pa* записано в значениях 'стопа' и 'бедро', причём дрейф, вероятно, шёл по следующему пути: 'штанина' > 'бедро' > 'стопа' (см. подробнее выше).

В македонском говоре города Пехчево в значении 'стопа' отмечена форма *лис*. Дрвошанов выводит её из *lyš 'лысый' [Дрвошанов 2005: 160]. Однако мы видим более простое решение: дело в дрейфе 'голень' > 'стопа', то есть это слово восходит к *lyšt, тем более что формы с отпадением конечного -*г*- в македонских говорах засвидетельствованы (см. [Дрвошанов 2005: 154; ОЛА 9/45]).

Наконец, во многих пунктах ОЛА и SLA в качестве обозначения стопы записаны континуанты *нога, однако по данным атласов нельзя определить, действительно ли в этих случаях речь идёт об утрате отдельного названия стопы.

XII.3.3. Перенос на стопу названия ладони отмечен в двух македонских говорах в общине Ресен: *длан* (село Лескоец) и *блана* (Слимница), в обоих случаях с полисемией 'ладонь; стопа' [Дрвошанов 2005: 119–120, 159].

XII.3.4. В нескольких случаях засвидетельствован **перенос на стопу названий обуви или её частей**.

У градищанских хорватов (пункт ОЛА 146а) записана форма *po-stuòl*, которой соответствуют более широко распространённые *pòstō* и *postola* 'башмак' [RHISJ 11: 46–47, 48].

Вероятно, «обувное» значение первично в случае схр. диал. *bedn / bedno* 'подошва, стопа; нижняя часть ботинка' [Jakšić 2015: 48]. Мы можем предположить, что это заимствование из немецкого (*Schuh*) *boden*, мн. ч. (*Schuh*)*böden* 'низ обуви; подошва'.

Есть два словенских случая. Первый – это *oglāv* 'верхняя часть обуви' [SSKJ]. Этот дрейф произошёл в прекурских паннонских говорах (SLA 389, 390, 392–396) [SLA 1/67]. Не исключено, что по

похожему сценарию шло изменение значения у схр. диал. *poglà'vak* 'ступня' (ОЛА 151). В одном восточнодоленском говоре (SLA 266) стопа обозначается словом *úrbas* [SLA 1/67], которому соответствует литературное *úrbas* 'передняя часть верхней части обуви' [SSKJ], заимствованное из немецкого [Snoj 2016: 822], ср. *Vorfuß* 'плюсна'.

В украинском имеется слово *передók* 'передняя часть обуви' [СУМ 6: 173], которое означает 'стопа' в нескольких говорах (ОЛА 427, 490, 492). То же слово записано в значении 'стопа' и в русских говорах⁸ (ОЛА 549, 593) [ОЛА 9/46].

Ещё одна украинская форма – *pid'boj* (ОЛА 512) – является гапаксом в значении 'стопа', и у нас нет уверенности, что на самом деле она не обозначает лишь части стопы, как другая диалектная форма – *pidbimé* 'расстояние от верхней части обуви до подошвы; верхняя часть стопы' [Шило 2008: 202] или польское *podbicie* 'подъём ноги'. В любом случае, вероятнее всего, изначально это слово было частью сапожной терминологии.

В русских говорах в качестве обозначения ступни засвидетельствовано слово *lánotь* (Восточный Казахстан) [СРНГ 42: 266].

Видимо, с обувью также связано вологодское *ko'tyška* (ОЛА 589), которое, вероятно, образовано от *кóты* 'кожаная обувь наподобие башмаков или туфель, преимущественно женская; кожаные сапоги с матерчатыми голенищами' [СВГ 3: 113] (в целом в русских говорах это слово обозначает большое количество разнообразной обуви, ср. [СРНГ 15: 116–117])⁹.

ХII.3.5. В некоторых юго-западных македонских говорах **стопа обозначается континуантами праславянского *slědzь 'след'**: *слет*, *шлет*, *шлјѣт* [Дрвошанов 2005: 159]. То же и в русских говорах – несколько островков со *след* или, со вторичной феминизацией, *следá* [ОЛА 9/46], а также дериваты *слѣдка* и *следник* [СРНГ 38: 249].

Дрейф 'след' > 'стопа' представлен также в случае мак. диал. *трага* (Шлегово, община Кратово) [Дрвошанов 2005: 160].

Возможно, сюда же относятся некоторые из вышеописанных дериватов от *stōpatí 'ступать'.

⁸ Правда, вполне возможно, что дрейф мог идти другим путём, ср. *передók* 'передняя часть ступни; носок обуви, облегающий эту часть; выпуклая часть стопы, подъем' [СРНГ 26: 92].

⁹ Созвучие с глаголом *кóтышкáть*, *кáтышкáть* 'трогать, перебирать, ворошить; шекотать; бить насмерть, убивать' [СРНГ 15: 117], видимо, случайно.

XII.3.6. Отглагольные дериваты

- а) в первую очередь это вышеописанное слово *xodidlo;
- б) в одном резьянском словенском говоре *pôlš*, *pôlš* (SLA 057) является дериватом от *rylzi ‘ползти’;
- в) в чешском языке это производные от *šlapat* ‘топать, наступать’: *šlapa*, *šlapka*, *šlapadlo* [SSJČ; ОЛА 9/46], в говорах также *šlapák* (пункт ОЛА 186); формы *šlapa* (ОЛА 299) и *ščapa* (ОЛА 308) записаны также в польских говорах на чешско-польском пограничье [ОЛА 9/46];
- г) рус. диал. *вихлѣц* ‘нижняя часть позвоночника, косточки ниже крестца, копчик; позвоночник; затылок; ступня’ в русских говорах [СРНГ 4: 304] произведён от *вихлѣть*;
- д) рус. диал. *тяпка* ‘ступня ноги, стопа’, *тяпочка* ‘стопа, ступня’ [СРНГ 46: 97, 100] следует признать производными от *тяпать* в значении ‘идти, направляться; идти с трудом, с напряжением; медленно идти, брести; идти, шлёпая по грязи’ [СРНГ 46: 95].

XII.3.7. В украинских говорах записаны описательные конструкции *spud no'hu* ‘нижняя часть ноги’ (ОЛА 465) и *'vyšy pja'ty* (ОЛА 448), но, конечно, неизвестно, не являются ли они окказиональными.

XII.3.8. В сибирских русских говорах имеются формы *босва*, *босовь* (f.) [СРНГ 3: 123, 125], являющиеся прозрачными производными от прилагательного *босой*.

XII.3.9. В ровтарском словенском говоре (SLA 167) засвидетельствовано слово *'ruožje*, которое В. Нартник выводит из *rožž-ьj-e, собирательного от *rozg-a ‘побег виноградной лозы’, не поясняя мотивации такого обозначения [SLA 1.2: 173]. А. И. Грищенко считает, что в качестве таковой может служить тот факт, что напряжённые сухожилия пальцев стопы при взгляде сверху могут напоминать пучок из лоз (А. И. Грищенко, письменное сообщение, 21.08.2022).

Отметим, что в электронной версии «Slovníku staroslověnského jazyka» слову *запѣтие* приписываются следующие значения: ‘noha, chodidlo; leg, foot; нога, ступня; Fuß, Fußsohle’¹⁰ [Gorazd]. Встречается оно в контексте *изидѣт' на пола запѣтѣк' егѣ* (Ав. 3:5) в трёх хорватско-глаголических рукописях XIV–XV вв. (Псалтырь Лобковица; Па-

¹⁰ В бумажной версии словаря оно не выделяется в отдельную словарную статью и объединено с *запѣтие* ‘препятствие’ [SJS 1: 656].

рижская псалтырь; Книги Малых пророков Вайса) в соответствии с греческим καὶ ἐξελήσεται, ἐν πεδίλοις κατὰ πόδας αὐτοῦ и латинским *in campis post pedes eius*¹¹. Мы полагаем, что **заплатиѣ** следует воспринимать как эквивалент словосочетания *post pedes*, а не просто *pedes*. В пользу этого говорит и то, что в более древних памятниках (Фрагмент Евгениевской псалтыри, XI в., вост.-сл.; Новая часть Синайской псалтыри, XI в., Погодинская псалтырь, XII в., Болонская псалтырь, XII в., все три – юж.-сл.) на этом месте находится наречие **запальть** ‘вслед’ [Gorazd]. Чешское наречие *vzápětí* ‘вслед’ отличается от хорватскоцерковнославянского **заплатиѣ** только наличием дополнительного префикса. Мы считаем, что и **заплатиѣ** следует признать наречием со значением ‘вслед’, а признание его существительным и тем более приписывание ему значений ‘нога, ступня’ не имеет оснований.

Таким образом, в славянских говорах семантический дрейф в сторону стопы осуществлялся со стороны существительных со следующими значениями:

- а) лапа;
- б) нога и её части: пятка, подошва, плюсна, лодыжка, голень, бедро;
- в) ладонь;
- г) обувь и её части;
- д) след.

ХІІ.3.10. Заимствованные обозначения стопы

а) В части болгарских (пункты ОЛА 119, 123, 134, 138, 141–144), македонских и хорватских (пункты ОЛА 29, 45, 52) говоров стопа обозначается турцизмом *taban* (с фонетическими и морфологическими вариантами) [ОЛА 9/46; Дрвошанов 2005: 159]. Турецкое *taban* ‘подошва, ступня; подмётка, подошва (обуви); пол; основание’ имеет большое количество когнатов в других тюркских языках, вместе с которыми оно восходит к пратюркскому *ta:pa:n. Основное соматическое значение потомков этого слова – ‘ступня, подошва ноги (человека и животного)’, реже встречается ‘пятка’ и совсем редко ‘ладонь руки’ (в чувашском) и ‘нога человека’ (в тувинском) [СИГТЯ 2001: 289]. Помимо болгарского и сербохорватского, турецкое слово было заимствовано в широком спектре соматических и несоматических значений в румынский, арумынский, греческий и албанский языки [БЕР 7: 735].

¹¹ Разночтения в греческом и латинском тексте для простоты пропустим.

В македонских говорах у *табан* отмечены следующие значения: 'средняя часть стопы; человек с большими ногами; человек, который ходит ровным шагом; стопа без пятки; небо; ладонь; икра ноги; след' [Дрвошанов 2005: 159].

б) В эгейскомакедонских говорах засвидетельствованы формы *pa'tuna* (ОЛА 112) и *pa'tuna* (ОЛА 113), заимствованные из греческого *πατούνα* 'ступня, след', образованного от *πάτος* 'дно; подошва' (др.-греч. *πάτος* 'шаг; тропа, дорога').

в) В болгарском говоре в румынском Банате (ОЛА 167) представлена форма *'talpə*. То же, *málna*, и в части закарпатских украинских говоров [Дзензелівський 2/307]. Первое слово, по-видимому, заимствовано из румынского *talpă* 'подошва', а второе из венгерского *talp* 'ступня, подошва'.

г) В словенских южнобелокраньских доленьских говорах (SLA 285, 286, 288, 289, 292) записана форма *śapa*, которая встречается также в соседних кайкавских говорах как *'śapa* (ОЛА 26).

В литературном словенском *śapa* значит 'тряпка' [SSKJ]. В кайкавских говорах оно известно в значении 'выделанная кожа' [Skok 1: 251]. В литературе указывают на возможность заимствования из венгерского *sapa* 'шагрень', которое, в свою очередь, пришло из баварского *Zapp* 'шагрень' [Skok 1: 251; Snoj 2016: 98; Benkó 1993: 158].

Альтернативный вариант, более предпочтительный семантически, – заимствование из итальянского *zampa* 'лапа' [Skok 1: 251].

д) Заимствование из фриульского *plante* 'подошва' отмечено в одном резьянском – *p'lonta* (ОЛА 001) и одном терском говоре – *plà:nta od nó:e* (SLA 060).

е) В рожанском каринтийском говоре (SLA 023) записана форма *šà:ufla* < нем. *Schaufel* 'лопата; лопасть'.

ж) В олонекских русских говорах представлено слово *ла́бача / ла́боча* [СРНГ 16: 214], которое С. А. Мызников сравнивает с вепскими *laba* 'плюсна' и *labad'ouk* 'стопа' [Мызников 2019: 411].

XIII. ПРАСЛАВЯНСКОЕ *PLESNO

XIII.1. ИМЕЮЩИЕСЯ РЕКОНСТРУКЦИИ

Хотя в современных славянских языках континуанты *plesn- встречаются редко, вкупе с историческими сведениями этих данных хватает, чтобы считать данное слово праславянским. В отношении исходного рода мнения исследователей разделились:

а) одни реконструируют для праславянского только форму женского рода: *pletsnā [Фасмер 3: 279–280], *plesn'a (*plet-sna) [SP 1: 117], *plesnā < *pletsnā [БЕР 5: 340], *plesna [Ostrowski 1991: 243; Boryś 2020: 11];

б) другие восстанавливают дублиеты женского и среднего родов: *plesnō / *plesnā [М. Фурлан в Bezlaj 3: 55], *plesno / *plesna [Boryś 1999: 38; ЭСБМ 9: 190; ESJS 11: 655; Derksen 2008: 403; Siatkowski 2014: 434].

Что касается реконструкции семантики, предлагались следующие варианты:

- 'подошва стопы, стопа (podeszwa stopy, stopa)' [SP 1: 117; Boryś 2020: 11];
- 'подошва стопы (podeszwa stopy)' [Boryś 1999: 38];
- 'подошва (sole)' [Derksen 2008: 403];
- 'подошва (sole of the foot)' [Matasović 2014: 108].

XIII.2. ДАННЫЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Чтобы решить вопрос об исходном роде и семантике праславянского *plesn-, разберём имеющийся материал.

XIII.2.1. Старославянский и церковнославянский

В старославянских памятниках обнаруживаются всего три вхождения искомого слова, к сожалению, все в формах двойственного числа, не позволяющих определить род. Первый контекст, содержащий форму nom. du., таков:

оуширилъ естъ стопы мои подо лъножъ • изнеможете плеснѣ мои / ἐπλάτυνας τὰ διαβήματα μου ὑλόκατῶ μου, καὶ οὐκ ἠσθένησαν τὰ ἵχνη μου (Пс 17:37; Синайская псалтырь, XI в.)¹ [SJS 3: 50].

Обратим внимание, что διαβήματα ‘следы’ [Liddell, Scott 1996: 390] переведено как стопы, а ἵχνη ‘следы; стопы; подошвы’ [Liddell, Scott 1996: 846] – как плеснѣ.

Ещё два контекста дают форму gen. du. [SJS 3: 50]:

пригвождениемъ плесноу своєю (Синайский евхологий 35b, 15);

надъкъшше сѧ ꙗко ѡзлѣкованнѣе ѡтъ плесноу ꙗго. поддестъ сѧ тѣлесемъ ѡхъ (Житие Анина чудотворца; Супрасльская рукопись 556, 22).

На первый взгляд, определить род старославянского слова в этой ситуации невозможно, что получило отражение в трёх основных словарях старославянского языка: SJS и CP в качестве вокабулы дают формы двух родов (плесна / плесно), а СС только среднего (плесно).

Однако следует обратить внимание на дериват от основы плесн- – плесньце ‘башмак, сандалия’ [SJS 3: 50]. Дело в том, что прочие дериваты на -цьце в старославянском образованы с сохранением рода производящей основы, то есть от слов среднего же рода: крашьно ‘еда, кушанье’ > крашьньце ‘еда, кушанье; просфора; причащение’, *младѣ > младѣтьце ‘младенец’, *окъно > окъньце ‘окно’, полѣно ‘полено’ > полѣньце ‘поленце’, чадѣ > чадъце ‘дитя’. Таким образом, плесньце может быть дериватом только от плесно.

Что касается семантики, А. Мейе считал, что плесна – это подошва стопы (‘plante des pieds’) [Meillet 1: 164–165], но три основных словаря старославянского языка дают другое определение: ‘chodidlo, стопа, Fußsohle’² [SJS 3: 49], ‘ступня, chodidlo’ [СтСл 1994: 449], ‘стъпало на крак, ходило’ [CP 2: 216].

В Деяниях апостолов, сохранившихся в южнославянских списках XIII–XIV вв., также отмечена форма nom. du. в соответствии с греческим βάσεις ‘шаги, ступни’:

ѕтврѣдистѧ се єноу плеснѣ / παραχρήμα δὲ ἐστερωθήσαν αὐτοῦ αἱ βάσεις (Деяния 3:7; Апостол Гильфердинга, Македонский (Струмицкий) апостол-апракос, Шишатовачкий апостол-апракос) [SJS 3: 49–50].

¹ То же в более поздних южнославянских псалтырях: Погодинской (XII в.), Болонской (XIII в.), Лобковица (XV в.) и Парижской (XV в.) [SJS 3: 50].

² Отметим, что Fußsohle – это подошва, а не вся стопа.

Исключительно формы двойственного числа засвидетельствованы также в восточно- и южнославянских списках Восьмикнижия в переводах следующих контекстов:

- ἃ ἔχει σκέλη ἀνώτερον τῶν ποδῶν αὐτοῦ (Лев 11:21), дословно: «у которых бёдра выше ступней»;
- καὶ ἀλέκοσαν τὰ ἄκρα τῶν χειρῶν αὐτοῦ καὶ τὰ ἄκρα τῶν ποδῶν αὐτοῦ (Суд 1:6), дословно: «и отсекали ему кончики рук и кончики ног»;
- ὑμεῖς χωλανεῖτε ἐπ’ ἀμφοτέρας ταῖς ἰγνύαις (3Цар 18:21), дословно: «вы будете хромать на оба колена».

Отметим, что с фрагментом из Суд 1:6 перекликается следующий стих, Суд 1:7 (τὰ ἄκρα τῶν χειρῶν αὐτῶν καὶ τῶν ποδῶν αὐτῶν), однако в его славянском переводе **плєснѣ** не фигурируют.

Эти контексты были проверены по следующим памятникам³:

- 1) вост.-сл. РГБ, Тр. 1 (Лаврское Пятикнижие, конец XIV в.) и Тр. 2;
- 2) вост.-сл. РГБ Тр. 728, сер. XV в., вост.-слав. список;
- 3) вост.-сл. РГАДА, МГАМИД 279 (Архивский Хронограф), 3-я четв. XV в.;
- 4) вост.-сл. РГБ Унд. 1 (Библейский сборник с Восьмикнижием ранней русской редакции), 1480-е гг.;
- 5) вост.-сл. Геннадиевская Библия, 1499 г.;
- 6) юж.-сл. РГБ Сев.П.1 (сер. XV в.?).;
- 7) юж.-сл. список влахо-молдавской группы южнослав. редакции Восьмикнижия (+ Царства) РГБ Рум. 29, 1537 г.
- 8) Острожская Библия, 1581 г.

Эти данные приводят нас к тому, что в исходном для всех этих списков тексте ситуация была следующей:

- подῶν – **плєсноу** (Лев 11:21);
- подῶν – **плєснѣ** (Суд 1:6);
- подῶν – **ноганъ** (Суд 1:7);
- ἰγνύαις – **колѣны** (3Цар 18:21). Форма **плєснѣ** здесь появляется лишь в Острожской Библии, что следует признать поздней правкой, особенно в свете того, что ἰγνύα значит ‘подколенная впадина’. Возможно, правщики перепутали ἰγνύα и ἰχνος, в качестве соответствия которого **плєсн-** появляется в Псалтыри (см. выше).

³ Материал всех рукописей Восьмикнижия по нашей просьбе был собран А. И. Грищенко, которому мы выражаем глубочайшую благодарность.

Таблица 24

Несколько контекстов в церковнославянских памятниках

	Лев 11:21	Суд 1:6	Суд 1:7	3Цар 18:21
Тр. 1 и Тр. 2	лнѹ тъ голени выше плеснѹ ѿ (л. 97в-г)	ѿ ѿѣккоша пѣсти руку ѿнѹ. ѿ плеснѣ ногу ѿго (л. 56)	конецъ рѹкамъ ѿхъ. ѿ ногамъ и хъ (л. 56)	–
РГБ Тр. 728	–	ѿ ѿѣккоша пѣсти роукоу ѿго. ѿ плѣснѣ ногу ѿго (л. 21а)	конецъ роукъ ѿхъ (л. 21а)	храмѣте колѣны вашими (л. 243б)
Архивский Хронограф	ѿмоуѣтѣ голѣни выше плесноу ѿхъ (л. 116г)	ѿ ѿѣккоша пѣсти роукоу ѿго. ѿ плеснѣ ногу ѿго (л. 183в)	конецъ роукамъ ѿхъ ѿ ногамъ ѿ (л. 183в)	лакуна
РГБ Унд. 1	ѿмоуѣтѣ голени выше плесноу ѿхъ (л. 75 об.)	ѿ ѿѣккоша пѣсти роукоу ѿмоу. ѿ плеснѣ ноуоу ѿго (л. 156)	конецъ роу камъ ѿхъ. ѿ ногамъ ѿхъ (л. 156)	хра млетѣ. колѣны вашими (л. 237об.)
Геннадиев- ская Библия	нмѣ голени выше плеснѣ ѿ (л. 80 об.)	ѿ ѿѣккоша пѣсти рѣкѣ ѿмѣ. ѿ плеснѣ ногѣ ѿго (л. 153 об.)	конецъ рѣкѣ ѿхъ ѿ ногѣ ѿ (л. 153 об.)	храмлетѣ колѣны вашими (л. 227)
РГБ Сев.П.1	ѿмоуѣтѣ голѣни, выше плесноу ѿ (л. 145 об.)	ѿ ѿѣккоше пѣсти роукъ ѿго. ѿ плеснѣ ногѣ ѿго (л. 349об.)	ѿѣккохъ ѿмъ, конецъ роу кы ѿ, ѿ ногы ѿхъ (л. 349 об.)	–
РГБ Рум. 29	ѿмѣ голѣни выше плесноу ѿ (л. 76)	ѿ ѿѣккоша пѣсти рѣкоу ѿго. ѿ плеснѣ ногу ѿго (л. 164)	ѿѣккѣ ѿмъ конецъ рѣкѣ ѿ ѿ ногѣ ѿ (л. 164)	хра млетѣ своими колѣнами (л. 254 об.)
Острожская Библия	ѿмѣтъ голени выше плеснѣ ѿхъ	ѿ ѿѣккоша пѣсти рѣкѣ ѿго, ѿ плеснѣ ногѣ ѿго	ѿѣккохъ рѣцѣ ѿ ѿѣкѣ	храмлетѣ на ѿѣкѣ плеснѣ вашею

Родительный падеж двойственного числа демонстрируют хорватские бревиарии:

от плесноу даже до врѣха ѿго / ἀπὸ ποδῶν ἕως κεφαλῆς (Иов 2,7, Glagolitica Iosephi Vajs, XIV–XV вв.) [SJS 3: 50].

Наконец, dat.-ins. du. среднего рода *плєснома* появляется в Гомилирии Михановича (сербская рукопись, конец XIII – начало XIV в.⁴), Прологе XIV в. из собрания Михановича (сербский список русской рукописи) и рукописи Второзакония XVI в. (Втор 28: 65) [Miklosich 3: 572].

Чешскоцерковнославянские «Беседы папы Григория» дают три формы, две из которых – среднего рода: ins. du. n. *плєснома* ‘sub plantis’ (19, 43aa 4), acc. sg. n. за *плєсно* ‘plantam’ (10, 44bβ 3), gen. du. до *плєсноу* ‘talarem’⁵ (25, 157bβ 19) [SJS 3: 50].

XIII.2.2. Болгарский

В болгарском засвидетельствована лишь диалектная форма *плєсна* ‘ходило, planta pedis’ (Цончев П. Речник на българската народна медицинска терминология) [БЕР 5: 340].

XIII.2.3. Сербохорватский и словенский

В сербохорватских говорах представлены преимущественно формы среднего рода:

- *plesnǝ* ‘ступня’ (Бели, остров Црес) [Hamm et al. 1956: 49];
- *plesnǝ* ‘подошва, ступня’ (Брусье, остров Хвар) [Dulčić 1985: 594];
- *plesnǝ* ‘нижняя часть ступни, подошва’ (Питве и Завала, остров Хвар) [Barbić 2011: 275];
- *plesnǝ* ‘нижняя часть ступни, подошва; внутренняя часть мотыги’ [Šimunović 2009: 666];
- *plesnǝ* ‘нижняя часть ступни, подошва’ (Ложичча, остров Брач) [Galović, Pačić 2016: 82];
- *plesno* ‘нижняя часть склона холма’ (Далматинская Загора и Западная Герцеговина) [Gusić, Gusić 2004: 327];
- *plēsno* ‘склон холма, откос’ (Западная Герцеговина) [Kraljević 2013: 255];
- *plesno* ‘подошва’ (Шибеник) [RHiSJ 10: 54];
- *pljesno* ‘подошва’ (И. Т. Мрнавич, 1580–1637, Шибеник) [RHiSJ 10: 96].

⁴ О датировке см. [Турилов 2009: 466].

⁵ На основании этого соответствия до *плєсноу* в SJS переведено как ‘po kotníku; до щиколоток; zu den Knöcheln’ [SJS 3: 50]. Однако *talariis*, дериват от *talus* ‘щиколотка; пятка’, можно понимать не только как ‘до щиколоток’, но и ‘до пят’.

Однако засвидетельствованы и формы женского рода:

- *plesna* 'подошва' (Т. Иванович, 1740–1808, Дубровник) [RHISJ 10: 54];
- *plosna* 'подошва' (Врбник, остров Крк) [RHISJ 10: 83]. Вокализм в данном случае объясняется влиянием прилагательного *plosan* 'плоский'.

В литературном словенском слово *plésno* имеет значение 'подушечка лапы животного' [SSKJ]. Кроме того, в диалектах и литературе зафиксированы следующие формы:

- *plesno* 'подъём ноги (der Rist am Fusse)' [Erjavec 1875: 227];
- *plesno* 'подушечка стопы (Fußballen)' [Cigale 1880: 42];
- *plésno* 'плюсна (metatarsus)' [Woldřich 1881: 12, 22]⁶;
- *oplésno* 'подъём ноги (der Rist der Fusses)' (Темлине, община Толмин) [Štrekelj 1892: 23];
- *plé:sno* 'подъём ноги' [Ivančič Kutin 2007: 77];
- *p'li:asna* (n. pl.) 'сенокос' (?)⁷ [Čujec-Stres 2: 44–45];
- *plésno* 'подъём ноги; большая берцовая кость'⁸ [Pleteršnik 2: 57];
- *p'le:smo* 'малая берцовая кость' (пункт SLA 087) [SLA 1/64];
- *plésna* 'подошва ноги; пятка станины прессы; лага в винном погребѣ' [Pleteršnik 2: 57].

Л. В. Куркина отделяет словенское *plesmo* от *plesno и связывает его с срп. *plèsmā* 'моток ниток, пасмо' и *plèsmo* 'планка, рейка, узкая дощечка', полагая, что произошло смешение близких по форме *plesno* и *plesmo* [Куркина 1985: 18–20]. Однако существует и другое объяснение. Так, М. Фурлан объясняет *-m-* через ассимиляцию *p–n > p–m* [Furlan в Bezljaj 3: 55]. Обратим внимание на аналогичную ассимиляцию в слвн. *pêsem* 'песня; стихотворение', а также штирийском диалектном *prêsmec* 'пасхальный кулич; хлеб из недрожежевого теста' при литературном *prêsnec* [Snoj 2016: 592]. И если для *pêsem* можно

⁶ Вероятно, что Ф. Эрьявец, переведивший книгу, позаимствовал это значение у русского *плюсна*. Само слово было известно ему из словенских диалектов.

⁷ К сожалению, в словаре приводится лишь один контекст, который не позволяет установить значения с точностью: *jə pa'si:aku 'ci:əla p'li:asna, 'yarə, ən 'belk 'kuos snə'žiet* 'он покосил все *p'li:asna* наверху, большую часть сенокоса'. Сама автор словаря при этом делает вывод, что *p'li:asna* значит 'большая часть' (*velik del*). Кажется, однако, что в данном контексте нет пояснения, и значение этого слова близко к 'склону холма', представленному в сербохорватских говорах.

⁸ Так в свете следующей из перечисленных форм следует понимать *Schiene* у Плетершника.

допустить ассимиляцию конечного согласного перед губным следующего слова в предложении с последующим обобщением во всей парадигме [Ramovš 1924: 85–87], то *prěsmec* так объяснить уже сложнее. Таким образом, мы считаем формы с *-m-* вторичными и не согласны с утверждением Т. Пронка о том, что они свидетельствуют в пользу реконструкции *-mn-*основы [Pronk 2014: 320].

XIII.2.4. Чешский

Фасмер приводил чеш. *plesna* [Фасмер 3: 279], однако в чешских исторических и диалектных словарях это слово отсутствует, так что, видимо, речь идёт об ошибке. Скорее всего, эта форма была почерпнута Фасмером из словаря Котта, где, однако, даётся не чешская, а старославянская форма [ESJS 11: 655; Kott 2: 584].

XIII.2.5. Польский

В польских говорах засвидетельствованы формы *plośna* ‘стопа человека’, *plosnia* ‘верх стопы человека’, *plosna* ‘нога человека; верх стопы человека’, *plośnica* ‘стопа; подъём ноги’ [Ostrowski 1991: 239].

XIII.2.6. Восточнославянский ареал

Три основных словаря древнерусского языка в качестве вокабулы дают форму женского рода *плєсна*, которой присваивают следующие определения:

- ‘нижняя часть ноги, стопа; след’ [Срезневский 2: 962];
- ‘стопа, ступня’ [СДЯ 6: 425];
- ‘нижняя часть стопы, подошва, а также стопа вообще; след’ [СлРЯ XI–XVII 15: 88].

О. Ф. Жолобов и В. Б. Крысько пишут, что «морфологическое оформление основы *плєсн-* неустойчиво» [Жолобов, Крысько 2001: 63].

В древнерусских церковнославянских памятниках большинство форм не позволяет определить род:

- асс. du. на плєснѣ на ножьнѣи и на прыты (ѣхун; Изборник 1073 г., л. 163; Ипполит Римский «Толкования на книгу пророка Даниила» IV, 7) [Манускрипт];
- асс. du. вѣнидоша гвозднн вѣ плєснѣ (Путятин Миня, XI в., л. 92) [Манускрипт];
- ген. du. остають развѣк плєсноу ногуу овраза (Слово св. Ипполита об антихристе, XII в.) [Срезневский 2: 962];

- асс. du. *пригвоздидиѣ плеснѣ и стоны* (Успенский сборник, XII/XIII в., л. 39в; Житие Феодосия Печерского) – перифраз Псалтыри [УС 1971: 92];
- асс. du. *да логъзю твои плеснѣ* (Успенский сборник, XII/XIII в., л. 180б) [УС 1971: 304];
- асс. du. и *оустынами лобызаше плеснѣ* (Успенский сборник, XII/XIII в., л. 202б) [УС 1971: 337];
- gen. du. *ѿ овою плесноу* (Лобковский пролог, 1282 г., л. 121г) [СДЯ 6: 425];
- асс. du. *шлывызаю плеснѣ ногу твоюю* (Паренесис Ефрема Сирина, ок. 1289 г.; РНБ, Пог. 71а; л. 149.1) [Манускрипт];
- асс. du. *провъртѣша плѣснѣ ѿго* (Пролог 1313 г., л. 117б) [СДЯ 6: 425];
- асс. du. и *шлывызаше плеснѣ⁹ ѿго* (Житие Андрея Юродивого, XIV в.) [Молдован 2000: 245];
- gen. du. *а плеснѣ мѣсто имѣють замѣневы главы* (Житие Андрея Юродивого, XIV в.) [Молдован 2000: 288];
- асс. du. *пѡложиша пѡ плеснѣ ѿго* (Пролог Юрьевский сентябрьской половины, XIV в., л. 57г) [СДЯ 6: 425];
- асс. du. *архидьяконъ логъза плеснѣ ѿго* (Паренесис Ефрема Сирина, сер. XIV в.; РГБ, Тр. 7, л. 3.1) [Манускрипт];
- асс. du. *прорѣзавше плѣснѣ* (Пролог мартовской половины, 1383 г., л. 9в) [СДЯ 6: 425];
- nom. du. *оутвердите сѧ емѹ плеснѣ и глезнове* (Толстовский Апостол, XIV в.; РНБ, Q.п.1.5, л. 64.1) [Манускрипт];
- gen. du. *ѿ пл(ε)снѹ* (Палея толковая, 1406 г., 154а) – Иов 2,7 [СДЯ 6: 425].

Неамбивалентных форм меньше: 5 среднего рода и 1 – женского:

- ins. du. n. *плеснома* (Пуятяна Минея XI в., л. 93) [Манускрипт];
- nom. pl. n. *оустрахоу сѧ плесна* (Минея праздничная на февраль–август; ГИМ, Син. 895, 1260 г., 1352 г.; л. 130.2) [Манускрипт];
- асс. pl. n. *плесна ножна* (Ответы митрополита Киприана на вопросы игумена Афанасия, 1390 г.) [Срезневский 2: 962];
- ins. sg. n. *плесно^а пострадавшоу* – греч. *ταρσός* ‘ступня’ (Хроника Георгия Амартола) [Истрин 1: 525; 3: 181]¹⁰;
- асс. sg. n. *въ плесно* (История Иудейской войны Иосифа Флавия, л. 414г) – греч. *τὸν ταρσὸν τοῦ ποδός* [ИИВ 1: 217];

⁹ Срезневский в этом месте даёт *-i-основу плесни [Срезневский 2: 962].

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. на основании этого контекста выводит вокабулу плеснѣ мужского рода [СлРЯ XI–XVII 15: 88], что следует признать ошибкой.

- acc. sg. f. *въдроживѣ плесноу въ землю* – греч. *ταρβός* ‘ступня’ (Хроника Георгия Амартола) [Истрин 1: 36; 3: 181]. А. Вайан считал форму *плесноу* в данном контексте русизмом [Vaillant 4: 584].

Обратим внимание, что один и тот же памятник, Хроника Георгия Амартола, демонстрирует формы сразу двух родов.

В отдельных случаях появляются формы *-i-склонения. В первую очередь это *dat. du.* и *постълати юмоу плесньма чистыпа оума ризы* (Успенский сборник, Похв. о Лазаре, л. 232 г) [УС 1971: 383]. В Минее служебной за октябрь (РГАДА, ф. 381, № 89, 1096 г.) после слов *взаша во врази на настъ затёрто* и вписано другим почерком *плѣснь*. В греческом тексте на этом месте находится *πτέρναν* ‘пять’ [Μηναία 1888: 500].

Рутенские памятники XVI–XVII веков содержат формы уже женского рода *плесна* / *плосна* / *плюсна* [ГСБМ 24: 367, 376, 387]:

- loc. sg. *нога правая на плесне зъ лука прострелена* (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, XVII, 412, 1556 г.);
- gen. du. *шата архіерейска або поповска долга вт главы до плесну* (Памва Берында, 303);
- loc. sg. *нога правая нижей колена у трохъ месцохъ голень кость перебита, на плосне рана великая* (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, XXI, 225, 1556 г.);
- gen. sg. f. *и вдарил ишва прыщом лихим вт плюсны ноги его до льба его* (Рукопись центральной библиотеки Академии наук ЛитССР, RKF 262, нач. XVI в., л. 12 б);
- gen. sg. f. *малыи же длани и малыи плюсны знама свазаніа хворого* (Аристотелевы врата, XVI в., 191);
- loc. sg. *на нозе правой, на плюсьне рану кривавую* (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, XXII, 191, 1565 г.);
- loc. sg. *на левой нозе на плюсни и на стегне раны синевые* (Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею для разбора древних актов, XXXVI, 323, 1582 г.);
- nom. pl. f. *был ахиллѣй вес у зброи, толко плюсны его были без желѣза* (Троянская история, нач. XVII в., РГПБ Салтыкова-Щедрина, F.XVII.5, л. 71);
- ins. sg. f. *вкрутницы утали ему правую ногу с плюсною* (Рукопись центральной библиотеки Академии наук ЛитССР, RKF 82, л. 191 б).

В русских памятниках XVII века также уже доминируют формы женского рода *плесна* и *плюсна*:

- nom. pl. f. *оставили одни плѣсны ножные* (Сказания про храброго витезя про Бову королевича; XVII в.) [СлРЯ XI–XVII 15: 88];
- nom. pl. f. *плюсны ног их таковы велики* (Книга глаголемая гречески алфавит, БАН, Арх. д., № 446, л. 143 об.; XVII в.) [СлРЯ XI–XVII 15: 113];
- acc. sg. f. *и всю плюсну раздробиша* (Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, 1620 г. [СП НКРЯ];
- acc. pl. f. *а ноги по плюсны отсѣчены* (Отписки тюменских воевод к воеводам тобольскому и уфимскому с вестями о сношениях с калмыками. – Ответ тобольского воеводы и царские грамоты тюменским воеводам по этому предмету, 1623.01.14–1628.07.18) [СП НКРЯ];
- nom. sg. f. (?) *Мощи отъ руки, плюсна, а котораго святого, того невѣдомо и ярлыка нѣтъ* (Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича. 1630, августа 26) [СП НКРЯ];
- gen. du. f. *У левой ноги от плюсны части немалой нет* (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699) [СП НКРЯ];
- nom. sg. f. *Нога святого Лазаря, его же Христос воскресил от мертвых, целая плюсна и персты все нетленны* (Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699) [СП НКРЯ].

В целом материал восточнославянских письменных памятников, пусть и не слишком обширный, оставляет впечатление перехода от формы среднего рода *плесно* к женскому – *плесна*. Если допустить, что *плесноу* в Хронике Георгия Амартола в отличие от *плесно*⁴ является результатом поздней правки, картина складывается непротиворечивая.

Вариант *плосна* следует объяснить влиянием прилагательного *плоский*. Аналогичный процесс, как было показано ранее, произошёл в хорватских говорах.

Как было показано выше, с XVI века в рутенских памятниках появляется форма со вторичным вокализмом *плюсна* [ГСБМ 24: 387]. Именно *плюсна* кодифицирована в русском и белорусском литературных языках. В украинском представлен вариант среднего рода – *плюсно* (наряду с *плѣсно*) [СУМ 6: 577, 600]. Этот вокализм, по-видимому, следует объяснять народно-этимологическим сближением с глаголами *плющить*, *сплюснуть*. Аналогичная история произошла с прилагательным *плоский* в некоторых русских говорах: *плюсский* ‘плоский’ [НОС 2010: 830], *плюсский* ‘плоский; приплюснутый’ [СРГС 3: 258]. Есть учёные, которые разделяют формы *плесна́* и *плюсна́* по происхо-

ждению [Фасмер 3: 279–280, 289], что, на наш взгляд, неприемлемо: *плесна́* и *плюсна́* в восточнославянском ареале обладают почти идентичной семантикой и идентично варьируются по роду, а вторичное изменение вокализма в свете варианта *плосна* не должно удивлять.

Перейдём к восточнославянским диалектным данным. В белорусских говорах континуанты *plesn-, нередко с различными вторичными изменениями, отмечены в значениях ‘ступня’, ‘подъём’ и ‘голень’. Доминируют формы женского рода, но представлен и средний: *плюсна́* (пункт ЛАБНГ 133), *плюсьня́* (124), *плюсно́* ‘ступня’ (22) [ЛАБНГ 3/98]; *плюсна́* (105), *плёсьня* (99), *плёськня* ‘голень’ (103) [ЛАБНГ 3/90].

Особый интерес вызывает записанное в одном говоре противопоставление *ступе́нь* ‘нижняя часть стопы’ – *плюсна́* ‘верхняя часть стопы’ (пункт ЛАБНГ 142) [ЛАБНГ 3/98]. Это хорошо согласуется с засвидетельствованными в диалектных словарях значениями: *плюсна́*, *плісна́* ‘подъём ноги’ [ТС 4: 63], *плісня* ‘верх ступни ноги’ [ДСБ 1989: 168].

Ещё одна белорусская диалектная форма – *pl'us'no* ‘запястье’ (пункт ОЛА 331) [ОЛА 9/41].

В украинских говорах формы женского рода конкурируют со средним: *pl's'no* ‘ступня’ (пункт ОЛА 496); *p'lesno* ‘ступня’ (508); *p'l'es'n'a* ‘ступня’ (429); *p'l'esa* ‘ступня’ (430) [ОЛА 9/46]. Отдельно отметим распределение, аналогичное вышеописанному белорусскому: *s'topn'a* ‘нижняя часть ступни’ – *p'lesn'a* ‘верхняя часть ступни’ (пункт ОЛА 413) [ОЛА 9/46].

В диалектных словарях также отмечена более конкретная семантика: *плесня́* ‘передняя часть ступни; носок’ [Лисенко 1974: 162], *плесна́* ‘верхняя часть стопы’ [Шило 2008: 208].

Интересна паронимическая аттракция *плесно* и *плесо* ‘плёс’: *плёсо* ‘озеро; поле между лесами; углубление на подошве ноги’ [СБГ 2005: 430], *плёсо* ‘свободная от зарослей относительно глубокая спокойная часть пруда; полоса ржи, пшеницы; грядка; тропинка между грядками; верхняя часть стопы’ [Шило 2008: 208].

В украинском у *плесно* также отмечено значение ‘запястье’ [СУМ 6: 578]. Видимо, основанием для переноса является ‘область, примыкающая к суставу конечности’. В таком случае в украинских и белорусских говорах значение ‘запястье’ развилось из ‘подъём’. В качестве типологических параллелей можно назвать шв. *wrist* ‘щиколотка’ при англ. *wrist* ‘запястье’, а также совр. рус. *щиколотка* при рус. устар.

щиколоток 'горбылёк на концах как малой, так и большой локотной кости, выдавшийся по сторонам запястных костей при составе их' [САР 6: 960].

В русских говорах также представлены формы среднего рода: *pl'us'no* 'ступня' (пункты ОЛА 587 и 730), *pl's'no* 'ступня' (пункт 849) [ОЛА 9/46], *плюсно́* 'часть ступни между пяткой и основанием пальцев, плюсна' (Московская область) [СРНГ 27: 171]. Есть и формы женского рода: *плюсна́* 'плюсна' (Кирилловский уезд Новгородской губернии, 1898 г.) [СРНГ 27: 115], *плюсна́* 'внешняя часть стопы, подъём' [СВГ 7: 67].

XIII.2.7. Распределение родовых форм в славянских языках

Таблица 25

Континуанты потенциальных *plesno и *plesna
(с учётом диалектных данных)

	*plesno	*plesna
старославянский	+	
сербскоцерковнославянский	+	
чешскоцерковнославянский	+	
болгарский		+
сербохорватский	+	+
словенский	+	+
польский		+
древнерусский	+	+
белорусский	+	+
украинский	+	+
русский	+	+

На первый взгляд может показаться, что реконструкции *plesno и *plesna равноправны и обе могут претендовать на праславянский уровень. Однако отметим, что в болгарском представлена лишь одна диалектная форма, в сербохорватском и словенском формы женского рода единичны, а доминирует средний. В восточнославянских памятниках, как было описано выше, прослеживается тенденция к вытеснению

среднего рода женским, однако в говорах всех трёх восточнославянских языков имеются и формы среднего рода. Особо ценно, что старо- и церковнославянские данные свидетельствуют в пользу среднего рода. Мы полагаем, что для праславянского уровня обоснованно можно реконструировать лишь *plesno, которое по понятным причинам часто использовалось в двойственном числе (*plesnĕ, *plesnu, *plesnoma), что давало возможность для переосмысления рода слова.

XIII.3. РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕМАНТИКИ

В представленном материале чаще всего встречались значения 'подошва', 'ступня', 'подъём, верх стопы' и 'плюсна', и только в отдельных случаях 'голень', 'подушечка стопы', 'большая берцовая кость', 'малая берцовая кость', 'передняя часть ступни', 'углубление на подошве ноги'.

Таблица 26

Значение континуантов *plesno в славянских языках

	'подошва'	'ступня'	'подъём'	'плюсна'
старославянский	+	+		
церковнослав.	+	+		
болгарский		+		
сербохорватский	+	+		
словенский			+	(+)
польский		+	+	
белорусский		+	+	
украинский		+	+	+
русский		+	+	+

На первый взгляд доминирует значение 'ступня', однако чаще всего оно взято из данных атласов и письменных памятников, где не всегда можно точно установить значение. При наличии *stopa вряд ли можно полагать, что *plesno обозначало всю стопу целиком.

Среди оставшихся наиболее перспективным нам кажется 'подъём, верх стопы', которое не только наиболее широко представлено, но и хорошо соответствует представленным выше контекстам из письменных памятников, где *plēsniŭ* целуют или пригвозждают.

XIII.4. ЭТИМОЛОГИЯ

Родственники *plesno хорошо представлены в балтийских языках. Это литовское *plėšnas* ‘верх стопы, подъем; ладонь’, *plāšnas, plesnà, plėksnas, plāksnas* ‘верх стопы, подъем’, лтш. *plėksne, plėksna, plezda* ‘чешуя (мелкие недоразвитые листья некоторых растений)’, *plezna* ‘плюсна; перепончатая лапа, ласт’, *pleša* ‘перепончатая лапа’ и прус. *plasmeno* (f.), глоссированное как ‘vũsbret’, что толкуется как ‘нижняя плоскость стопы между её центром и пальцами (untere Fläche des Fußes zwischen dessen Mitte und den Zehen)’ [Fraenkel 1962: 601]. Отметим, что балтийские формы очень хорошо соответствуют *plesno ‘подъем, верх стопы’ как формально, так и семантически, так что в данном случае мы вполне можем говорить о балтославянской лексической инновации.

По консенсусной версии, балтославянское слово образовано от корня *pleth₂- ‘быть широким, расширяться’ (см. [LIV 2001: 486]), сохранившегося, например, в санскр. *práthah* ‘ширина’, греч. *πλάτος* ‘ширина’, *πλατύς* ‘широкий’, лит. *plėsti* ‘расширять’, *platus* ‘широкий’ и т. д. [ESJS 11: 655].

Греческое τὸ πλάτος (gen. sg. πλάτεος) ‘ширина’, санскр. *práthah* (gen. sg. *práthasah*) ‘ширина’, пракельт. *letos ‘сторона’ [Matasović 2009: 238–239] позволяют реконструировать *-es-основу среднего рода *pleth₂os ‘ширина’ [Stüber 2002: 137–138]. Существует предположение, что праслав. *plesno может продолжать *pléth₂os с суффиксом -n- [Meillet 2: 445; Преображенский 2: 73; SP 1: 117; ESJS 11: 655], подобно *ložesno при греч. τὸ λέχος (gen. sg. λέχεος) ‘ложе, кровать, постель’. Однако в таком случае мы ожидали бы форму **pletlesno, ведь суффикс -es- при склонении не принимал нулевой степени. При этом постулирование *-es-основы в данном случае необязательно, ср. наращение суффикса -sn- на корневую основу в случае *dęsna ‘десна’ (см. [SP 1: 117]).

Следует также иметь в виду наличие хеттского ^(G1Š)palzaḥ(h)a-, ^(G1Š)palzašḥa- ‘пьедестал’ < *plth₂-sh₂ó- [Kloekhorst 2008: 623–624], образованного от того же корня *pleth₂- с суффиксом -sh₂o-, на что указывал уже Б. Чоп [М. Фурлан в Bezlaĵ 3: 55].

На славянской почве имеется слово *pleso ‘плёс, широкая и глубокая часть водоёма’, вероятно, этимологически связанное с *plesno [Фасмер 3: 280] и, возможно, с тем же суффиксом, что и в хеттском. Мы полагаем, что вполне можно допустить деривацию *pleso > *plesno,

если предположить, что *pleso изначально имело более широкое и/или абстрактное значение.

Вероятно, континуантом более старой основы без суффикса *-n-* является лтш. *plesa* 'перепончатая лапа', а прус. *plasmeno* следует считать параллельным дериватом от неё [Mažiulis 3: 290].

В таком случае у нас выходит, что сперва от основы *pleth₂- на балтославянской почве было образовано существительное *pleth₂-s-o-, которое впоследствии послужило базой для дериватов *pleth₂-s-n-o- и *pleth₂-s-men-.

Наконец, упомянем об идее Р. Дерксена, который пошёл вразрез с консенсусом и высказал предположение, согласно которому *plesno может быть из *plesk-n- с тем же корнем, что и в *ploskъ 'плоский' [Derksen 2008: 403]. Однако дериваты *ploskъ в славянских языках не имеют *-e-*вокализма в корне.

Отдельно отметим, что болг. *оплѣтица* 'подъём ноги' и схр. *ná-plat* 'подъём ноги' не имеют отношения к континуантам *plesno и в конечном итоге восходят к слову *platъ 'лоскут' [ЭССЯ 28: 206–207; 22: 216–217].

XIV. ПЯТКА

Праславянское название пятки реконструируется без особого труда как **peťa*¹ (акцентная парадигма *c* [Derksen 2008: 399]). В литературных языках его континуанты звучат следующим образом: болг. *nemá*, мак. *nema*, *nemiца*, схр. *péta*, слвн. *péta*, слвц. *päta*, чеш. *pata*, в.-луж. *pjata*, н.-луж. *péta*, пол. *pięta*, укр. *n'ятá*, *n'ятка*.

Наличие деривата **въспрѣть*¹ 'вспять, назад' позволило А. Е. Аникину реконструировать *-i-основу *peťь [Аникин 9: 64], которая, отметим, хорошо коррелирует с балтийскими когнатами. Мы, однако, полагаем, что в данном случае речь вполне может идти о деривационной схеме, характерной для словосложений и приставочных производных и хорошо сохранившейся в литовском: *R-a* > *už-R-is*, где *R* = корень слова (литовское *už-* 'за-' этимологически соответствует праславянскому **въз-*). Например: *angà* 'вход' > *ùžangis* 'место за входом'; *balà* 'болото' > *ùžbalis* 'место за болотом'; *girià* 'большой лес' > *ùžgiris* 'место за лесом'; *jūra* 'море' > *ùžjūris* 'заморье'; *nūgara* 'спина' > *ùžnugaris* 'тыл'; *pieva* 'луг' > *ùžpievis* 'место за лугом'; *salà* 'остров' > *ùžsalis* 'место за островом'; *siena* 'граница' > *ùžsienis* 'заграница'.

В современных русском и белорусском литературных языках как нейтральное обозначение используется бывший диминутив *пятка*, а слово *пята* стало элементом высокого стиля или сохранилось в устойчивых выражениях вроде *по пятам*, а также в деривате *пятиться*². В некоторых говорах пятка обозначается приставочно-суффиксальным дериватом *зап'яток* [СРНГ 10: 375] *зап'яток*, *з'япеток* [ТС 2: 118]. Первичной семантикой этого деривата является 'задник обуви' (это значение шире распространено, чем соматическое).

В славянских языках это слово сохранилось почти повсеместно, как показывают карты атласов (карта ОЛА является фонетической, а

¹ В традиционной реконструкции *възрѣть.

² Аналогичный сценарий реализовывался уже в праславянском: *sirdi > *srǫdьko 'сердце' (первоначально 'сердечко'), *sulni > *solьnьko 'солнце' (первоначально 'солнышко'), *āblu > *ablьko 'яблоко', первоначально 'яблочко'. Среди русских примеров можно назвать слова *иголка*, *нитка*, *пупок*, *селёдка*, *селезёнка*, *сковородка*.

не семантической, однако показательно, что рефлексы *pęta присутствуют почти во всём славянском мире)³ [ОЛА СФГ 2a/28; ОЛА БМ 2015: 72; SLA 1/149a; ČJA 5/106].

Вероятно, какой-то из континуантов *pęta был заимствован в венгерский в виде *pata* ‘копыто’ [Benkő 1993: 1128].

У этого слова есть балтийские когнаты: лит. *pėntis* (f.) ‘обух; пятка (устар.); пятка косы; толстый и тупой конец предмета; нижняя часть улья, сделанного из пня; пятка плуга; трутовик (диал.)’ [Smoczyński]; лтш. *piētis* (f.) ~ *piēte* ‘обух’; прус. *pentis* (f.) ‘пятка’.

Существует также выдвинутое Г. Моргенстьерне сопоставление с пушту *pūnda* ‘пятка’ [Morgenstierne 1927: 57]. Оно даже позволило Д. Адамсу считать форму **ręnt-* одним из кандидатов на праиндоевропейское название пятки [Adams, Mallory 2006: 183]. Однако в доработанном издании словаря Моргенстьерне это сравнение уже расценивается как очень ненадёжное [Morgenstierne et al. 2003: 63].

Куда более вероятно, что пятка в праиндоевропейском обозначалась словом **persneh*₂⁴, среди потомков которого хеттск. *paršna-* ‘часть тела в окрестностях стопы; пятка (?)’ [Kloekhorst 2008: 643], тох. В *poršno* ‘щиколотка (?)’ [Adams 2013: 435], санскр. *pārṣṇih* ‘пятка’, авест. *pāšnā-* (f.), греч. *πτέρνη / πτέρνα* ‘пятка’, лат. *perna* ‘задняя часть бедра; окорок’ и гот. *fairzna* ‘пятка’.

Имеется две наиболее распространённые этимологии слова *pęta. Одна выводит его от глагола *(s)penh₁- ‘тянуть’, который дал в праславянском *pęti (1. sg. *pęno) [Преображенский 2: 166; Trautmann 1923: 214; Schuster-Sewc 14: 1072; Черных 2: 90; Rejzek 2001: 453; Boryś 2005: 434; Derksen 2008: 399]. Вторая – от **pent-* ‘находить путь’⁵

³ Среди инноваций можно назвать рус. диал. *пóчва* ‘нижняя поверхность стопы, ступня; пятка ноги’ (преимущественно в сибирских говорах) [СРНГ 30: 376] и *ступь* ‘пятка ноги’ (Усть-Ишим, Омская область) [СРНГ 42: 106].

⁴ Данное слово мы приводим в традиционной реконструкции (см., например, [Pokorny 1959: 823; Mayrhofer 2: 123; Adams, Mallory 2006: 183]). Однако начальный кластер в греческом заставил ряд учёных предложить альтернативные варианты: (**pdspēr(H)-* > **tpēr(H)-sneh*₂ [Lubotsky 2006], **tspērśn-h*₂- [de Vaan 2008: 461], **tpersneh*₂ [Beekes 2010: 1247], **tpērś-neh*₂- [Kroonen 2013: 137]. Впрочем, нет уверенности, что данный кластер в греческом не является вторичным [Furgé 1972: 314; Трофимов 2015: 169–171].

⁵ Среди потомков этого глагола – греч. *πᾶτέω* ‘топчу, ступаю’ и гот. *finþan* ‘находить’. От него образованы праславянское *pęťь ‘путь’ и его родственники [LIV 2001: 471–472].

[Brückner 1985: 412; Gluhak 1993: 477; М. Сной в *Bezljaj* 3: 30; Snoj 2016: 534; ЭСБМ 10: 315–316].

В первом случае предполагается, что пятка получила своё название, поскольку кожа на ней натянута (реконструкция этимологического значения: ‘нечто натянутое (něco nataženého, napnutého)’ [ESJS 11: 643]; ‘то, что натянута (to, co jest napięte, naciągnięte)’ > ‘натянутая часть тела (napięta, naciągnięta część ciała)’ [Boryś 2005: 434]). Семантическая параллель: нем. *spannen* ‘натягивать, напрягать’ > *Spann* ‘подъём (ноги)’ [Rejzek 2001: 453; ESJS 11: 643; Boryś 2005: 434].

Вторая этимология предполагает следующую семантику и этимологическое значение: ‘нога, ступня; то, что ходит (noga, stopalo; tisto, kar hodi)’ [Snoj 2016: 534]; ‘то, на что ступают, чем ходят и т. п., ступня, нога (na co se stoupá, čím se chodí ap., chodidlo, noha)’ [ESJS 11: 643]. В качестве параллелей приводятся п.-и.-е. *rōds ‘нога’ при **ped-* ‘ступать’ и санскр. *jāṅghā* ‘нога до ступни’ при гот. *gaggan* ‘идти’ [М. Сной в *Bezljaj* 3: 30].

Поскольку в случае *peṭa / *pentis мы, по всей вероятности, имеем дело с балтославянской инновацией, позиции первой этимологической версии укрепляет тот факт, что потенциальный производящий глагол сохранился в славянских и балтийских языках – в отличие от **pent-* ‘находить путь’. Кроме того, в случае второй версии не всё гладко с семантикой: как сам производящий глагол не связан непосредственно с хождением, так и для пятки участие в хождении не является значимой характеристикой.

Таким образом, мы отдаём предпочтение этимологии, связывающей *peṭa с *peṭi ‘тянуть’.

Существуют также две необоснованные версии. Так, В. Махек пытался свести праславянскую и прабалтийскую формы к вышеупомянутому праиндоевропейскому названию пятки. Он реконструировал праформу *perstnā, из которой с допущением ассимиляции $r-n > n-n$ и утраты *s* в межконсонантном положении выводил праславянское *peṭa [Machek 1968: 437]. К сожалению, это характерный для чешского учёного *modus operandi*: постулирование нестандартных звуковых изменений, не основывающееся на какой-либо реальности.

А. Баньковский реконструировал праформу *penk-t-ā и связывал с польским словом *piękny* ‘красивый’ без особой аргументации, но зато с анекдотическим обоснованием: ‘девушка красива, когда выпукла далеко от пяток: с тыльной стороны бёдер (panna piękna, kiedy wypuła daleko od pięt: na tyłach bioder)’ [Bańkowski 2: 573–574].

ХV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для праславянского нами реконструируется следующий набор соматизмов¹ (напомним, что в рамках данной работы мы ограничиваемся лишь обозначениями некоторых частей туловища и ног): *tělo 'тело', *rьrsi 'грудь', *grqđь 'грудина', *xrbььть 'спина', *nogá 'нога', *lára 'лапа', *kôrkь 'свиная нога', *kopуto 'копыто', *bedra 'боковая поверхность таза', *stegnó 'бедро (часть ноги)', *kьlkь 'тазобедренный сустав', *kolěno 'колени', *golěny 'передняя, немясистая, часть голени', *lysty, *lytьka 'голень (часть ноги между коленом и щиколоткой) целиком', *jьkго 'икра ноги', *glezнь 'щиколотка', *stopá 'стопа', *plesno 'подъём, верх стопы', *peťa 'пятка'.

При этом мы полагаем, что *žiwotь 'жизнь' в праславянскую эпоху соматического значения ещё не имело, и сдвиг 'жизнь' > 'тело' произошёл уже в послепраславянскую эпоху.

Реконструкция морфологических и/или словообразовательных дублетов этих слов, с которой можно столкнуться в литературе, на наш взгляд, не имеет твёрдых оснований. Единственное исключение – пара *lysty / *lytьka.

Наиболее достоверными этимологиями этих слов являются, с нашей точки зрения, следующие:

а) *tělo 'тело' допустимо этимологически связывать с *tělěti 'тлеть'.

б) *rьrsi 'грудь' восходит к п.-и.-е. *perkь- 'ребро' наряду с лит. *piršys* (f. pl.) 'грудь лошади', санскр. *pársuh* (f.) 'ребро', авест. *parəsu-*, *pərəsu-* 'ребро', перс. *pahlū* 'бок', осет. *fars* 'бок, сторона', курд. *pārsū* 'ребро' и другими иранскими формами.

в) *grqđь 'грудина' родственно *gręda 'балка, брус; намест; грядка' с внутренней формой 'балка (груды)'. Оба праславянских слова являются параллельными образованиями от корня *g^hrend^h- (> лит. *grįsti* 'мостить').

---

¹ Разумеется, всегда следует помнить, что реконструкция позднепраславянского состояния «плоска», какие-то явления она невольно удревяет, какие-то, напротив, омолаживает.

г) ***хръбьтъ** 'спина', вероятнее всего, следует связывать с лит. *skriëbti* 'чертить, резать' и лат. *scribō* 'черчу, вырезаю, пишу'.

д) ***noga** 'нога' первоначально являлось собирательной формой от **nogos* 'ноготь'. Дрейф значений выглядел следующим образом: 'ноги' > 'копыто' > 'нога'.

е) ***lara** 'лапа' родственно лит. диал. *lōpa, lopà* 'лапа', лтш. *lāpa, lēpa* 'лапа', прагерм. **lōfō* 'ладонь', арм. диал. **lur', *lar'* 'ладонь', курд. *lap* 'кисть, ладонь; лапа; рука; горсть'. Это даёт основания восстанавливать п.-и.-е. **leh₂reh₂* 'ладонь' и сдвиг 'ладонь' > 'лапа' в прабалтославянском.

ж) ***korkъ** 'свиная нога' родственно лит. *kārka* 'свиная голяшка', вместе с которым является производным от п.-и.-е. **kerH-* 'вешать'.

з) ***kopyto** 'копыто' – производное от **kopati* 'копать, рыть'.

и) ***bedra** 'боковая поверхность таза' образовано от **b^hed^h-* 'бить, колоть'.

к) ***stegno** 'бедро' является дериватом от **steg-* 'стегать'.

л) ***кълкъ** 'тазобедренный сустав' изначально было производным от **кълъ* 'клык', позднее семантически специфицировалось.

м) ***kolěno** 'колено', вероятно, образовано от праслав. **kolo* 'колесо' с семантическим дрейфом 'колёсико' > 'коленная чашечка' > 'колено' либо от ***kolis* > ***коль* 'колено' с дрейфом 'коленце' > 'коленная чашечка' > 'колено'. Исходным глагольным корнем в любом случае является **k^welh₁-* 'поворачиваться'.

н) ***golěнь** 'передняя, немясистая, часть голени', вероятно, образовано от глагола **golěti* 'становиться голым', который, в свою очередь, является производным от **golъ* 'голый'.

о) ***lystъ / *lytъka** 'голень', возможно, родственно глаголу **lytati / *lutati* 'бродить, шляться'.

п) ***jъkro** 'икра ноги' является потомком праиндоевропейского названия печени **jek^wŋ*. Среди его родственников вед. *yákŋt* 'печень', греч. ἥπαρ 'печень', лат. *iecur* 'печень', ирл. *iuchair* 'икра (рыбья)', лит. *jėknos* 'печень', *jāknos* 'железа', лтш. *aknas* 'печень', прус. **iagno* 'печень', лит. *ikrai* 'икра (рыбья)', лтш. *ikri* 'рыбья икра; икра ноги', прус. *ussroy* 'икра (ноги)'.

р) ***gleznъ** 'щиколотка', возможно, родственно **želza* 'железа'.

с) ***stopa** 'стопа' является производным от корня **step-*, представленного также в **stepenъ* 'ступень' и, вероятно, **stopiti* 'ступить' и **stopati* 'ступать'.

т) ***plesno** ‘подъём, верх стопы’ родственно лит. *plėšnas* ‘верх стопы, подъём; ладонь’, *plāšnas, plesnà, plėksnas, plāksnas* ‘верх стопы, подъём’, лтш. *plėksne, plėksna, plezda* ‘чешуя (мелкие недоразвитые листья некоторых растений)’, *plezna* ‘плюсна; перепончатая лапа, ласт’, *plesa* ‘перепончатая лапа’ и прус. *plasmeno* ‘нижняя плоскость стопы между её центром и пальцами’. Балтославянское слово образовано от корня ***pleth₂**- ‘быть широким, расширяться’.

у) ***pęta** ‘пятка’ родственно лит. *pėntis* (f.) ‘обух; пятка (устар.); пятка косы; толстый и тупой конец предмета; нижняя часть улья, сделанного из пня; пятка плуга; трутовик (диал.)’; лтш. *piētis* ~ *piête* ‘обух’; прус. *pentis* ‘пятка’. Балтославянское слово, вероятнее всего, является производным от глагола ***(s)penh₁**- ‘тянуть’, который дал в праславянском ***pęti**.

Интересно, что среди проанализированной лексики нет ни одного праиндоевропейского слова, сохранившего своё значение (хотя вообще в праславянском такие соматизмы есть, например ***oko** ‘глаз’, ***uxo** ‘ухо’, ***bry** ‘бровь’, ***nosъ** ‘нос’, ***sъrdьce** ‘сердце’, ***nogъtzь** ‘ноготь’ и др.).

В трёх случаях праиндоевропейские соматизмы сохранились, но со сдвигом значения: ***perk-** ‘ребро’ > ***pъrsi** ‘грудь’; ***leh₂peh₂** ‘ладонь’ > ***lapa** ‘лапа’; ***jek^wt** ‘печень’ > ***jъkго** ‘икра ноги’.

Полные или частичные параллели в прабалтийском имеет история слов ***pъrsi**, ***noga**, ***lapa**, ***korьkъ**, ***kolěno**, ***jъkго**, ***plesno** и ***pęta**. Все прочие описанные выше лексемы являются собственно праславянскими инновациями.

Немаловажную роль для установления истории семантики пражыковой лексики играют параллели, предоставляемые в наше распоряжение засвидетельствованными языками и говорами. В том числе они наглядно показывают, почему разброс значений у континуантов праславянского слова не означает, что это праславянское слово не имело конкретного значения. В данной работе нами были рассмотрены некоторые инновационные славянские названия тела, груди, спины, бедра, икры, щиколотки и стопы.

Материал показал, что отправными точками для ‘тела’ становятся слова со следующими значениями: ‘групп’, ‘туша’, ‘сила’, ‘жизнь’, ‘характер’, ‘луб’.

Для ‘груди’ это ‘ребро’, ‘живот’, ‘лоно’, ‘лёгкие’, ‘сердце’, ‘душа’, ‘пазуха’, ‘часть одежды, закрывающая грудь’, ‘корзина’ или ‘короб’, ‘доска’.

Для 'спины': 'плечо', 'поясница', 'крестец', 'зад', 'горб', 'тело', 'грива', 'туловище', 'затылок', 'позвоночник', 'кошель', 'лямка', 'внутренняя сторона одежды', 'седло', 'выпуклая сторона игровой бабки'.

Для 'бедра': 'подъём ноги', 'колени', 'голень', 'лопатка', 'бок', 'поясница', 'ягодицы', '(тазобедренный) сустав', '(бедренная) кость', 'часть тела', 'окорок', 'штаны'. В ряде обозначений подчёркивается толщина бедра: 'толстое мясо', 'толстое тело', 'толстая нога', 'толстая голень', 'толщина'. Имеется ряд дериватов от глаголов со значениями 'прыгнуть', 'лягаться', 'хромать', 'ходить', 'пятиться'.

Для 'икры': 'бедро', 'голень', 'берцовая кость', 'сустав', 'мышца', 'сухожилие', 'подколенное сухожилие', 'подколенная мышца', 'кость под коленом', 'заднее мясо', 'задняя мышца', 'мякоть', 'мягкое мясо', 'толстое мясо', 'толстая нога', 'толстое тело', 'цевка', 'животик', 'бутылка', 'поросёнок', 'лягушка', 'рябчик', 'рыба', 'яблочко', 'тыква'.

Для 'щиколотки': 'голень', 'коленце', 'пятка', 'тазобедренный сустав', 'запястье', 'косточка', 'стебель', 'сустав', 'глыба', 'железа', 'шишка', 'мисочка', 'пучок', 'шарик', 'оборка'. Есть дериваты от глаголов 'скрипеть', 'прыгнуть', 'качаться', 'катить'.

Для 'стопы': 'лапа', 'пятка', 'подошва', 'плюсна', 'щиколотка', 'голень', 'бедро', 'ладонь', 'обувь и её части', 'след'.

Очевидно, что большинство дрейфов происходит внутри соматической лексики по смежности или сходству. Нередко на части тела человека переносятся обозначения частей тела животных. Ещё один популярный источник – названия одежды и обуви или их частей. Многие части тела имеют при этом свою специфику: для тела характерна конкретизация абстрактных понятий; грудью дышат, а на спине носят грузы; бедро и икра – толстые части тела, щиколотка – круглая; икра с лёгкостью принимает на себя обозначения различных животных. Мы полагаем, что список таких семантических дрейфов нуждается в дальнейшем пополнении, а также построении общей схемы распространённых дрейфов значений в области соматической лексики. Надеемся, что работу в этом направлении удастся продолжить в будущем.

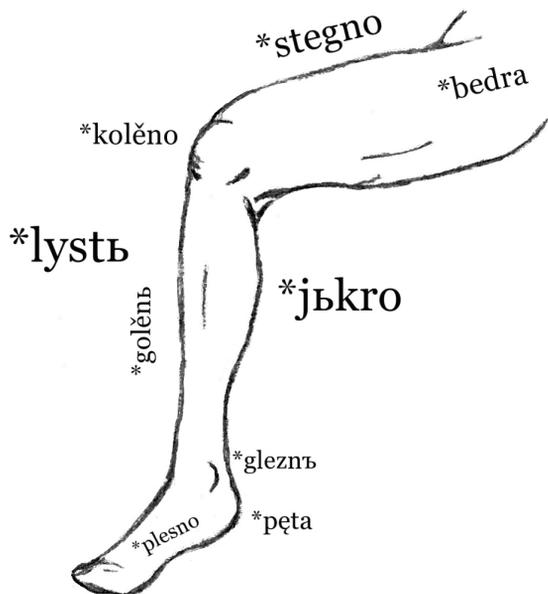

Рис. 6. Реконструируемые в работе праславянские обозначения частей ноги

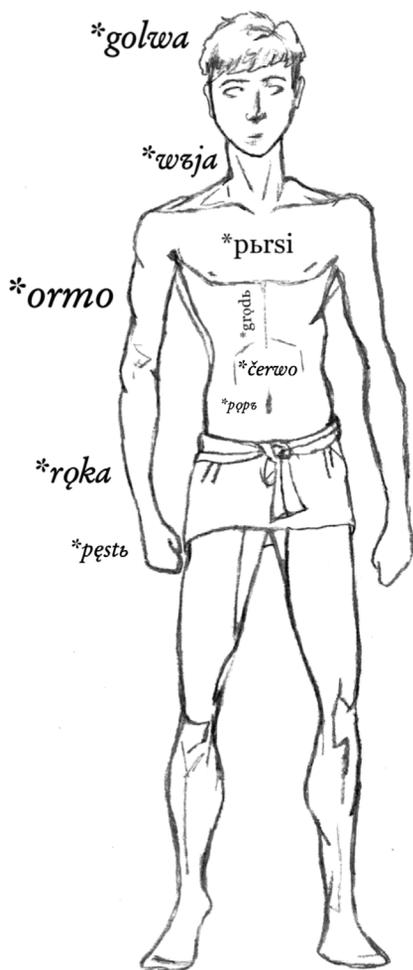

Рис. 7. Реконструкция некоторых праславянских обозначений частей тела (курсивом даны формы, не анализируемые в книге)

SUMMARY

Having focused only on some parts of the torso and legs (other designations being beyond the scope of this work), we have reconstructed the following Proto-Slavic forms: *tĕlo ‘body’, *pŕrsi ‘breast’, *grŕdĕ ‘breastbone’, *xŕĕbŕtŕ ‘back’, *noga ‘leg’, *lāpa ‘paw’, *kŕkŕkŕ ‘the leg of the pig’, *kopŕyto ‘hoof’, *bedrā ‘hip’, *stegnŕ ‘thigh’, *kŕlkŕ ‘hip joint’, *kolĕno ‘knee’, *golĕnŕ ‘shin’, *lystŕ, *lytŕka ‘the lower leg, both the front and back parts’, *jŕkro ‘calf’, *gleznŕ ‘ankle’, *stopā ‘foot’, *plesno ‘instep’, *pĕtā ‘heel’.

At the same time, we believe that *ŕiwoŕtŕ ‘life’ did not have a somatic meaning in Proto-Slavic and the shift ‘life’ > ‘body’ took place in the Post-Proto-Slavic period.

In our view, the reconstruction of morphological and/or derivational doublets of these words, suggested by some scholars, is not sufficiently substantiated. The only exception is the pair *lystŕ / *lytŕka.

The most plausible etymologies of these words are the following:

a) *tĕlo ‘body’ can be etymologically linked to *tĕlĕti ‘decay’.

b) *pŕrsi ‘breast’ goes back to Proto-Indo-European *pŕrk- ‘rib’, along with Lithuanian *piršys* (f. pl.) ‘the breast of the horse’, Sanskrit *pārsuḥ* (f.) ‘rib’, Avestan *parəsu-*, *pərəsu-* ‘rib’, Persian *pahlū* ‘side’, Ossetian *fars* ‘side’, Kurdish *pārsū* ‘rib’ and other Iranian forms.

c) *grŕdĕ ‘breastbone’ is related to *grĕda ‘beam, plank; perch; seedbed’ with the inner form ‘beam (of the breast)’. Both Proto-Slavic words are parallel formations from the root *g^hrend^h- (> Lithuanian *grįsti* ‘to pave, cobble’).

d) *xŕĕbŕtŕ ‘back’ is most probably linked to Lithuanian *skriĕbti* ‘to draw, cut’ and Latin *scribŕ* ‘I draw, cut/carve, write’.

e) originally *noga ‘leg’ was the collective form of *nogos ‘nail’. The shift in meaning looked the following way: ‘nails’ > ‘hoof’ > ‘leg’.

f) *lapa ‘paw’ is related to Lithuanian (dialectal) *lŕpa*, *lopā* ‘paw’, Latvian *lāpa*, *lēpa* ‘paw’, Proto-Germanic *lŕfŕ ‘palm’, Armenian (dialectal) *lup‘, *larp‘ ‘palm’, Kurdish *lap* ‘hand, palm; paw; arm; handful’. This al-

lows us to reconstruct Proto-Indo-European *leh₂peh₂ ‘palm’ and the shift ‘palm’ > ‘paw’ in Proto-Balto-Slavic.

g) *korkъ ‘the leg of the pig’ is related to Lithuanian *kárka* ‘ham hock’; both of them originated from Proto-Indo-European *kerH- ‘hang’.

h) *kopyto ‘hoof’ is a derivative of *kopati ‘to dig, burrow’.

i) *bedra ‘hip’ was formed from *b^hed^h- ‘to beat’.

j) *stegno ‘thigh’ is a derivative of *steg- ‘to whip’.

k) originally *kъlkъ ‘hip joint’ was a derivative of *кълъ ‘fang’; later it underwent a semantic shift.

l) *kolěno ‘knee’ was probably formed from Proto-Slavic *kolo ‘wheel’, with the semantic shift ‘little wheel’ > ‘kneecap’ > ‘knee’. Another possibility is **kolis > **kolъ ‘knee’, with the shift ‘little knee’ > ‘kneecap’ > ‘knee’. In either case, the initial verb root is *k^welh₁- ‘to turn’.

m) *golěny ‘shin’ was probably formed from the verb *golěti ‘to get naked’, which in turn is a derivative of *golъ ‘naked’.

n) *lystъ / *lytъka ‘lower leg’ may be related to the verb *lytati / *lutati ‘to wander, roam’.

o) *jъkro ‘the calf’ is a descendant of the Proto-Indo-European word for liver *jēk^{wr}. The list of related words includes Vedic Sanskrit *yákṛt* ‘liver’, Greek ἥπαρ ‘liver’, Latin *iecur* ‘liver’, Irish *iuchair* ‘liver (of the fish)’, Lithuanian *jėknos* ‘liver’, *jāknos* ‘gland’, Latvian *aknas* ‘liver’, Prussian *iagno ‘liver’, Lithuanian *ikrai* ‘caviar’, Latvian *ikri* ‘caviar; calf’, Prussian *yccroy* ‘calf’.

p) *gleznъ ‘ankle’ may be related to *želza ‘gland’.

q) *stopa ‘foot’ is a derivative of the root *step-, which is also present in *stepěny ‘step (on stairs)’ and probably in *stopiti ‘to have taken a step’ and *stopati ‘to take a step’.

r) *plesno ‘instep’ is related to Lithuanian *plėšnas* ‘instep; palm’, *plāšnas*, *plēsna*, *plėksnas*, *plāksnas* ‘instep’, Latvian *plėksne*, *plėksna*, *plezda* ‘scale (little, underdeveloped leaves of some plants)’, *plezna* ‘metatarsus; webbed foot, flipper’, *pleša* ‘webbed foot’ and Prussian *plasmēno* ‘the lower part of the foot between the midfoot and toes’. The Balto-Slavic word is formed from the root *pleth₂- ‘to be wide, to widen’.

s) *pęta ‘heel’ is related to Lithuanian *pėntis* (f.) ‘the poll/butt of the axe; heel (obsolete); the heel of the scythe; the thick and wide end of an object, etc.’; Latvian *piētis* ~ *piēte* ‘the poll/butt of the axe’; Prussian *pentis* ‘heel’. The Balto-Slavic word is most probably a derivative of the verb *(s)penh₁- ‘to pull’, from which Proto-Slavic *pęti descended.

Interestingly, among the analysed lexis there is no single Proto-Indo-European word which retained its meaning (albeit, generally, one can find such somatic lexemes in Proto-Slavic, such as *oko 'eye', *uxo 'ear', *bry 'brow', *nosъ 'nose', *sъrdьce 'heart', *nogъtъ 'nail', etc.).

In three cases, the meaning of the Proto-Indo-European lexemes remained somatic, although they underwent a semantic shift: *perk- 'rib' > *ръrsi 'breast'; *leh₂peh₂ 'palm' > *lapa 'paw'; *jek^{wr} 'liver' > *jьkro 'calf'.

In Proto-Baltic, we can draw full or partial parallels with the history of the following words: *ръrsi, *noga, *lapa, *korkъ, *kolëno, *jьkro, *ple-sno and *pęta. All the other aforementioned lexemes are Proto-Slavic innovations.

Parallels that can be made thanks to the data provided by attested languages and dialects significantly help to determine the semantic history of proto-language lexis. In particular, they illustrate why a wide difference in meaning among the continuants of a Proto-Slavic word should not make us conclude that this Proto-Slavic word did not have a concrete meaning. In the present work we looked at some Slavic innovations for body, breast, back, hip/thigh, calf, ankle and foot.

The data have shown that words with the following meanings served as a starting point for the designation of 'body': 'corpse', 'the dead body of an animal', 'force', 'life', 'character', 'bast'.

For the designation of 'breast': 'rib', 'stomach', 'womb', 'lung', 'heart', 'soul', 'space between the chest and garment', 'part of clothing covering the breast', 'basket' or 'box', 'plank'.

For 'back': 'shoulder', 'lower back', 'sacrum', 'the rear', 'hump', 'body', 'mane', 'torso', 'nape', 'backbone', 'wallet/money belt', 'strap', 'the inside of a garment', 'saddle', 'the curved part of a knucklebone'.

For 'thigh': 'instep', 'knee', 'lower leg', 'shoulder blade', 'side', 'lower back', 'buttocks', '(hip) joint', '(thigh) bone', 'part of the body', 'gammon', 'trousers'. In a number of designations, the thickness of the thigh is emphasised: 'thick meat', 'thick body', 'thick leg', 'thick lower leg', 'thickness'. There is a number of derivatives of verbs with the following meanings: 'to jump', 'to kick', 'to limp', 'to walk', 'to walk backwards'.

For 'calf': 'thigh', 'lower leg', 'calf bone', 'joint', 'muscle', 'tendon', 'patellar tendon', 'the bone below the knee', 'rear meat', 'rear muscle', 'flesh', 'soft meat', 'thick meat', 'thick leg', 'thick body', 'tarsometatarsus', 'tummy', 'bottle', 'piglet', 'frog', 'hazel grouse', 'fish', 'little apple', 'pumpkin'.

For 'ankle': 'lower leg', 'little knee', 'heel', 'hip joint', 'wrist', 'little bone', 'stem', 'joint', 'boulder', 'gland', 'cone', 'little bowl', 'tuft', 'little ball', 'frill'. There are derivatives of the verbs 'to squeak', 'to jump', 'to swing', 'to wheel'.

For 'foot': 'paw', 'heel', 'sole', 'metatarsus', 'ankle', 'lower leg', 'thigh', 'palm', 'footwear and its parts', 'footprint'.

Evidently, the most shifts occur within somatic lexemes based on their contiguity or similarity. Often, names for parts of animals are used to refer to human body parts. Another popular source are names for clothes and footwear or their parts. At the same time, many body parts have some peculiar features. Thus, it is characteristic of the body to make abstract notions more concrete; the breast is associated with breathing while the back is used to carry loads; the thigh and calf are thick parts of the body; the ankle is round; names for various animals can be readily used to designate the calf. We believe that it is necessary to continue the list of such sematic shifts and create a common classification of widespread drifts in the meaning of somatic lexis. It is hoped that in the future, work in this direction will be carried on.

Библиография

- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1–4. М.; Л., 1958–1989.
- Алироев И. Ю.* Чеченско-русский словарь. М., 2005.
- Аникин А. Е.* К семантическому анализу некоторых славянских слов // *Этимология* 1982. М., 1985. С. 65–82.
- Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–14. М.; СПб., 2007–2020.
- Антонова-Василева Л., Митринов Г.* Речник на българските говори в Южните Родопи, Драмско и Сярско. София, 2011.
- Аркушин Г.* Словник західнополіських говірок. Т. 1–2. Луцьк, 2000.
- АРС – Абазинско-русский словарь. М., 1967.
- АУМ – Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.
- Баранкова Г. С., Мильков В. В.* Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб., 2001.
- БДА – Български диалектен атлас. Т. 1–6. София, 1964–1986.
- Белова О. В.* «Лишние» части тела в славянских легендах и поверьях // *Studia Religiosa Rossica*. 2022, № 1. С. 141–154.
- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1–8. София, 1971–2017.
- Берглунд Б. М., Биргегорд У., Марклунд-Шарапова Э.* Новый большой шведско-русский словарь. М., 2007.
- Березович Е. Л., Сурикова О. Д.* К этимологии костромских миконимов // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. Ч. 1. Псков, 2017. С. 15–31.
- Берков В. П., Бедварссон А.* Исландско-русский словарь. М., 1962.
- Берков В. П.* Новый большой норвежско-русский словарь. М., 2006.
- Бојанић М., Тривунац Р.* Рјечник дубровачког говора. Београд, 2002.

- Бојковска С.* Радовишкиот говор. Скопје, 2003.
- Будилович А. С.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян. Киев, 1878.
- Бялькевич И. К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Варбот Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских отглагольных основ и отглагольных имён. X // Этимология 1981. М., 1983. С. 16–23.
- Варбот Ж. Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.
- Вахрушев В. М., Белов А. С., Скобелев Н. А., Тепляшина Т. И.* Удмуртско-русский словарь. М., 1983.
- Вилкул Т. Л.* Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI веков. М., 2015.
- Глинкина Л. А.* О родовариантных формах существительных в древнерусском языке (по «Материалам...» И. И. Срезневского) // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974. С. 196–225.
- Горяев Н. В.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 1–37. Мінск, 1982–2017.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. 1-е изд. М., 1863–1866; 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882; 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909.
- Дзензелівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика). Ч. 1–3. Ужгород, 1958–1993.
- Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.
- Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- ДПНКРЯ – Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка. URL: http://www.ruscorgpora.ru/new/search-old_rus.html
- Дрвошанов В.* Анатомска лексика за човекот во македонските говори. Скопје, 2005.
- ДСБ – Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск, 1989.
- Дуличенко А. Д.* Введение в славянскую филологию. М., 2014.
- Дыбо А. В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.

- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Желехівський Є.* Малоруско-німецький словар. Т. 1–2. Львів, 1886.
- Жиров Х. Д., Эмба Н. Б.* Русско-абазинский словарь. Москва, 1956.
- Жолобов О. Ф., Крысько В. Б.* Историческая грамматика древнерусского языка. Том II. Двойственное число. М., 2001.
- Жугић Р.* Речник говора јабланичког краја. Београд, 2005.
- Журавлёв А. Ф.* К уточнению представлений о славянских изоглоссах. Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Ч. 1–2. М., 1990.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд. М., 2019.
- Зобеница С.* Из лексике источне Лике (Доњи Лапац и Јошан) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 63. Београд, 2016. С. 735–838.
- ИИВ 1–2 – «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.
- Ильинский Г. А.* Славянские этимологии // Русский филологический вестник. 1910. Т. 63, №2. С. 322–341.
- Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Ильинский Г. А.* Славянские этимологии // Русский филологический вестник. 1917. Т. 78, №3–4. С. 187–211.
- Картотека Słownika gwar polskich. URL: www.rcin.org.pl
- Картотека Słownika polszczyzny XVI w.
- Керча И.* Русинско-русский словарь. Т. 1–2. Ужгород, 2007.
- Клепикова Г. П.* Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974.
- Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики М., 2003.
- Климчук Ф. Д.* Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Ковтун Л. С.* Русская лексикография эпохи средневековья. М., Л., 1963.
- Козлова Р. М.* Образование с корнем *(s)kork-/*(s)koгѣ- в славянских языках // Этимология 1982. М., 1985. С. 47–54.
- Козлова Р. М.* К проблеме группы *rs* в основах типа *тъгъ, *тъгъ в славянских языках // Slavia Orientalis. 1990. R. 39, Nr 3–4. S. 339–349.

- Колесник В.* Говірка болгар с. Городнього (Чийшія), Бессарабія: словник. Одеса, 2019.
- Коломиец В. Т.* Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.
- Кретов А. А.* Славянские этимологии. Воронеж, 2009.
- Крымова Н. И., Эмзина А. Я., Новакович А. С.* Большой датско-русский словарь. М., 2000.
- КрЭс – Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.
- Куркина Л. В.* Названия горного рельефа (на материале южнославянских языков) // *Этимология* 1977. М., 1979. С. 39–54.
- Куркина Л. В.* Праславянские лексические диалектизмы южнославянских языков // *Этимология*. 1979, М., 1981. С. 15–28.
- Куркина Л. В.* Южнославянские этимологии // *Этимология* 1982. М., 1985. С. 13–24.
- Куркина Л. В.* Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.
- Куркина Л. В.* Славянское слово во времени и пространстве. М., 2021.
- Кучук І. М., Малюк А. К.* Палескі слоўнік. Лельчыцкі раён. Мазыр, 2000.
- ЛАБНГ – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак.* Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
- Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
- Лейн К., Мальцева Д.* Немецко-русский словарь. М., 1992.
- Ленская В. С.* Жрец и жертвоприношение в древней Греции // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2013. №2. С. 315–330.
- Лисенко П. С.* Словник поліських говорів. Київ, 1974.
- Лома А.* К вопросу о и.-е. *-tro-, *-d^hro- в праславянском // *Jezikoslovní zapiski*. 2017. Letn. 23, št. 2. S. 171–197.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- Майзель С. С.* Пути развития корневого фонда семитских языков. М., 1983.
- Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1–4. Оренбург, 2002–2003.
- Манускрипт. URL: <http://manuscripts.ru>

- Марковић М.* Речник народног говора у Црној Реци // Српски дијалектолошки зборник. 1986. Књ. 32. С. 243–500.
- Мартынов В. В.* Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 2004.
- Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Меркулова В. А.* Заметки по истории и этимологии слов // Этимология 1968. М., 1971. С. 79–91.
- Микуцкий С.* 7-й отчёт кандидата Станислава Микуцкого // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1855. Т. IV(VI). С. 330–336.
- Милосављевић Т.* Лексика српског призренског говора // Српски дијалектолошки зборник 64, 2017. С. 1–601.
- Миронов С. А., Белоусов В. О., Шечкова Л. С., Пирот Ж. И., Лукин Г. П.* Нидерландско-русский словарь. М., 1987.
- Михайлов А. В.* Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Вып. 1–4. Варшава, 1900–1908.
- Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Мука Э.* Словарь нижнелужицкого языка и его наречий. Т. II. Praha, 1928.
- Мызников С. А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.
- Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.
- Назарова Т. В.* Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968. С. 67–100.
- Назиратель / Под ред. С. И. Коткова. М., 1973.
- Негрич М.* Скарби гуцульського говору: Березови. Львів, 2008.
- Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3–19.
- НОС – Новгородский областной словарь. Санкт-Петербург, 2010.
- НРЭ – Новое в русской этимологии. I. Москва, 2002.
- ОДРМЈ – Официјален дигитален речник на македонскиот јазик. URL: <https://makedonski.gov.mk>

- ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1–9; Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1–12. Београд; Москва; Wrocław; Warszawa; Kraków; Zagreb; Скопје; Минск; Praha; Bratislava; Санкт-Петербург, 1988–2020.
- ОЛА БМ 2015 – Общославянски лингвистичен атлас. Български материали. София, 2015.
- Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок. Т. 1–2. Київ, 1984.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–12. Киров, 1996–2018.
- Отрембский Я. С. Славяно-балтийское языковое единство // Вопросы языкознания. 1954. № 6. С. 28–46.
- Петлёва И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XIV // Этимология 1983. М., 1985. С. 43–47.
- Петровић Д., Ђелић И., Капустина Ј. Речник Куча // Српски дијалектолошки зборник. 2013. Књ. 60.
- Пиртей П. С. Словник лемківської говірки. Legnica, Wrocław, 2001.
- ПОС – Псковский областной словарь. Вып. 1–27. Л., СПб., 1967–2017.
- Потебня А. А. Этимологические заметки // Русский филологический вестник. 1879. Т. 1. С. 75–91.
- Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–3. М., 1910–1949.
- РБЕ – Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/>
- РГ 1980 – Русская грамматика. М., 1980.
- Реметић С. Текстови из говора источнобосанских Ера // Српски дијалектолошки зборник. 2012. Књ. 59. С. 485–637.
- РСКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1–21. Београд, 1959–2019.
- РСВ – Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. Віцебск, 2012.
- Саенко 2019а – Саенко М. Н. Формант *-ъть и склонение слов типа *nogъть, *olkъть, *degъть, *desęть и *dънь в праславянском // Rossica Olomucensia, 2019. Vol. LVIII, Nr 1. S. 5–24.
- Саенко 2019б – Саенко М. Н. Праславянские лексемы *ръsi и *grōdy: семантика и этимология // Вопросы языкового родства. 2019. Т. 17, № 3–4. С. 319–340.
- Саенко 2020а – Саенко М. Н. Семантика праславянских слов *bedro и *stegno и их континуантов // Славяноведение. 2020. № 6. С. 82–96.

- Саенко 2020б – *Саенко М. Н.* К этимологии праслав. *tělo «тело» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15, №3–4. С. 102–112.
- Саенко 2020в – *Саенко М. Н.* Праславянское *kъkъ: семантика и этимология // *Slověne*. 2020. Vol. 9, №2. С. 39–62.
- Саенко 2021а – *Саенко М. Н.* Семантика праславянского слова *žiwotъ и его континуантов // *Linguistica Brunensia*. 2021. Roč. 19, č. 1. S. 39–57.
- Саенко 2021б – *Саенко М. Н.* Реконструкция семантики праслав. *kъkъ // Межкультурное и межъязыковое взаимодействие в пространстве Славии (к 110-летию со дня рождения С. Б. Бернштейна): материалы Международной научной конференции, Москва, 12–14 октября 2021 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 94–100.
- Саенко М. Н., Szeptyński R.* Как бедра бедром стала. Реконструкция праславянского названия бедра (на материале памятников XI–XIV вв.) // *Slavia*. 2022. Roč. 91, seš. 2. S. 129–149.
- САР – Словарь Академии Российской. Т. 1–6. СПб., 1789–1794.
- СБГ – Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.
- СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
- СГДА – Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1–7. Екатеринбург, 2001–2018.
- СДЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–12. М., 1988–2019.
- Секулић Н.* Збирка дијалекатских текстова из Војводине // Српски дијалектолошки зборник 27, 1981. С. 107–305.
- Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 2002.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
- Скляренко В. Г.* Праслов'янська акцентологія. Київ, 1998.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М.; СПб., 1975–2019.
- Соболевский А. И.* Из области словообразования // Русский филологический вестник. 1911. Т. 66, №3–4. С. 332–344.
- Соболевский А. И.* Из истории русского словарного материала // Русский филологический вестник 70/1, 1913. С. 77–99.
- Соболевский А. И.* Русско-скифские этюды. Ленинград, 1924.

- СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1, 2. Пермь, 2000, 2002.
- СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986.
- СПинГ – Словарь пинежских говоров. Вып. 1. СПб., 2019.
- СПНКРЯ – Старорусский подкорпус Национального корпуса русского языка. URL: http://www.ruscorgpora.ru/new/search-mid_rus.html
- СР – Старобългарски речник. Т. 1–2. София, 1999–2009.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. М., СПб., 1965–2019.
- Станковска П.* Взаимоотношения восточнославянской редакции Евангелия и старочешского перевода Библии // *Latorisy Akademii Supraskiej*. 2015. Т. 6. S. 19–29.
- Станчев Д.* Речник на Странджанския говор. Бургас, 1999.
- Старостин Г. С.* К вопросу о перспективах развития ностратического языкознания // *Генофонд.рф*. 2015. URL: http://генофонд.рф/?page_id=4977
- Стеценко А. Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
- Стијовић Р.* Речник Васојевића. Београд, 2014.
- Стойков С.* Лексиката на банатския говор. София, 1968.
- Стојановић Р.* Црнотравски речник. Београд, 2010.
- СтСл – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.
- СУМ – Словник української мови. Т. 1–11. Київ, 1970–1980.
- СУМ XVI–XVII – Словник української мови XVI – першої половини XVII ст. Вип. 1–17. Львів, 1994–2017.
- Супрун А. Е.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
- Сцяцко П. У.* Дыялектны слоўнік. 3 гаворак Зэльвеншчыны. Мінск, 1970.
- Сцяцко П. У.* Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны. Гродна, 2005.
- Сцяшковіч Т. Ф.* Магэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

- Тамм И.* Эстонско-русский словарь. Таллин, 1988.
- Терешкин Н. И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981.
- Толстая С. М.* Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 98–118.
- Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. 1–4. М., 2004–2010.
- Трофимов А. А.* Развитие индоевропейских консонантных сочетаний, содержащих *s*, в греко-армяно-индоиранском ареале. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., 2015.
- Трофимович К. К.* Верхнелужицко-русский словарь. Москва, Бауцен, 1974.
- Трубачёв О. Н.* Труды по этимологии. Т. 1–4. М., 2004–2009.
- ТС – Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–5. Мінск, 1977–1984.
- Турилов А. А.* О датировке и происхождении рукописи Гомилиария Михановича // *Slavia*. 2009. Роç. 78, сеš. 3–4. S. 461–468.
- Тунц Д., Тунц Ж.* Речник говора Загарача. Београд, 1997.
- УС 1971 – Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
- Усачёва В. В.* Славянская ихтиологическая терминология. М., 2003.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1986–1987.
- ЧТС 2006 – Чалавек. Тэматычны слоўнік. Мінск, 2006.
- Ушинскене В.* Народная анатомическая терминология в русском языке. Словообразовательная и семантическая реконструкция наименований брюшных органов. Вильнюс, 2013.
- Чешмеджиев Д.* Иоанн Экзарх // Православная энциклопедия. Т. 24. М., 2010. С. 663–669.
- Шанский Н. М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–10. М., 1963–2007.
- Шапошников А. К.* Этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 2010.

- Шапошников А. К.* Проблема праславянских соответствий $x \sim sk \sim šč$ // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Т. 4. С. 364–391.
- Шаталава Л. Ф.* Беларускае дыялектнае слова. Мінск, 1975.
- Шатэрнік М.* Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны. Мінск, 1929.
- Шило Г.* Наддністрянський регіональний словник. Львів; Нью-Йорк, 2008.
- Шклифов Б.* Речник на костурския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 8. София, 1977. С. 201–328.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1–2. М., 1999.
- Цаболов Р. Л.* Этимологический словарь курдского языка. Т. 1–2. М., 2010.
- Эндзелін Я.* Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 1–14. Мінск, 1978–2017.
- ЭСИЯ – Этимологический словарь иранских языков. Т. 1–6. М., 2000–2020.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–41. М., 1974–2018.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1–7. М., 1974–2003.
- Яворницький Д. І.* Словник української мови. Т. 1. Катеринослав, 1920.
- Янкоўскі Ф.* Дыялектны слоўнік. Т. 1–3. Мінск, 1959–1970.
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Μηναια 1888 = Μηναια του ολου ενιαυτου. Τομος Α'. Περιεχων την ακολουθιαν των Σεπτεμβριου και Οκτωβριου μηνων. Εν Ρωμη, 1888.
- AD – Älgu database. Etymological database of the Saami languages. URL: <http://kaino.kotus.fi/algu/>
- Adams D. Q., Mallory J. P.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.
- Adams D. Q.* A Dictionary of Tocharian B. Amsterdam, New York, 2013.
- AGB – Atlas gwar bojkowskich. Т. 1–7. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1980–1991.
- AGWB – Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Т. 1–10. Wrocław; Warszawa, 1980–2012.

- ALJ – Archiv lidového jazyka. Kartotéka Slovníku nářečí českého jazyka.
- Arumaa P.* De l'unité balto-slave // Scando-Slavica. 1963. Vol. 9 (1). P. 70–86.
- AUGN – Atlas ukraińskich gwar nadsańskich. T. 1–2. Warszawa, 2017.
- Bandtkie J.* Słownik dokładny języka polskiego i niemieckiego do podporęcznego używania dla Polaków i Niemców ułożony. T. 1–2. Breslau, 1806.
- Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego. T. I–II. Warszawa, 2000.
- Barbić A.* Rječnik Pitava i Zavale. Zagreb, 2011.
- Bartoli M.G.* Il Dalmatico. Resti di un'antica lingua romanza parlata da Veglia a Ragusa e sua collocazione nella Romània appennino-balcanica. Roma, 2000.
- Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.
- Battaglia S.* Grande dizionario della lingua italiana. Vol. 1–21. URL: <http://www.gdli.it>
- Beekes R., van Beek L.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010.
- Benkő L.* Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, 1993.
- Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908.
- Besedje 16 – Besedje slovenskega knjižnega jezika 16. stoletja. Ljubljana, 2011.
- Bethe E.* Pollucis Onomasticon e codibus ab ipso collatis denuo edidit e adnotavit. Fasciculus prior. Leipzig, 1900.
- Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. I–V. Ljubljana, 1977–2005.
- Bible kladrubská. URL: http://www.manuscriptorium.com/hub/browser/#!/gallery?repo=mns&docid=AIPDIG-NKCR_XVII_A_29__1PSSGR5-cs
- Bible pražská. Praha, 1488. URL: <http://www.digitalniknihovna.cz/cbvk/view/uuid:ed49f830-d293-11e3-816c-001b63bd97ba>
- Biblia Leopoldy – Biblia to iest Xięgi Starego y Nowego Zakonu. Kraków, 1561. URL: <https://polona.pl/item/biblia-to-iest-xiegi-starego-y-nowego-zakonu-na-polski-iezuk-z-pilnoscia-wedlug,MTE2MzMzOTU/0/>
- Bičovský J.* Initial* x-in Slavic revisited // Chatreššar. 2008. P. 23–45.
- Boryś W.* Czakawskie studia leksykalne. Warszawa, 1999.
- Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

- Boryś W.* Srpskohrvatsko *sapi* (pl.) i njegovi slovenski i indoevropski ekvivalenti // *Boryś W.* Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa, 2007. S. 338–349.
- Boryś W.* Warstwy chronologiczne leksyki prasłowiańskiej na przykładzie słownictwa anatomicznego // *Rocznik Slawistyczny*. 2020. T. 67. S. 3–28.
- Bosworth J., Toller T.N.* Anglo-Saxon Dictionary. Oxford, 1898.
- Brückner A.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. Wien, W. Braumüller 1886. VIII und 547 SS. gr. 8° // *Archiv für slavische Philologie*. 1888. Bd. 11. S. 112–143.
- Brückner A.* Miscellen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. 1914. Bd. 46, H. 3. S. 193–217.
- Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1985.
- Budziak A.* Rękopiśmienna spuścizna słownikarska Iwana Wahylewycza. Kraków, 2014.
- Burda W.* Beiträge zur kenntnis einiger suffixe im slawischen // *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen*. 1870. Bd. 6, H. 1. S. 92–96.
- Būga K.* Rinkiniai raštai. T. 1–4. Vilnius, 1958–1962.
- Carrozzo A.* Cemût si scrivial? Dizionari ortografic talian/furlan/furlan/talian. Udine, 2008.
- Cigale M.* Znanstvena terminologija s posebnim ozirom na srednja učilišča. V Ljubljani, 1880.
- Cioranescu A.* Diccionario etimológico rumano. San Cristóbal de La Laguna, 1966.
- Clackson J.* Indo-European Linguistics: An Introduction. Cambridge, 2007.
- Cyrillomethodiana.* Текстов корпус. URL: <https://histdict.uni-sofia.bg/textcorpus/list>
- Černá A.* Staročeské knihy lékařské. Brno, 2006.
- ČJA – Český jazykový atlas. D. 1–5. Praha, 1992–2005.
- Čop B.* Etyma balto-slavica V // *Slavistična revija*. 1961/1962. Letn. XIII, št. 1–4. S. 181–210.
- Čujec-Stres H.* Slovar zatolminskega govora. D. 1–2. Zatoľmin, 2010–2014.
- Decurtins A.* Niev vocabulari romontsch sursilvan-tudestg. Chur, 2001. URL: <https://www.vocubularisursilvan.ch/index.php>
- Della Bella A.* Dizionario italiano, latino, ilirico. Venezia, 1728.

- Derksen R.* Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- Derksen R.* Etymological Dictionary of the Baltic inherited lexicon. Leiden; Boston, 2014.
- Dulčić J., Dulčić P.* Rječnik bruškoga govora. Zagreb, 1985.
- EKTP 17–18 – Elektroniczny korpus tekstów polskich z XVII i XVIII w. (do 1772 r.). URL: <https://korba.edu.pl>
- Erben K.* Saličetova Ranná lékařství. Praha, 1867.
- ERHJ 1 – *Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D.* Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. Sv. 1. Zagreb, 2016.
- Erjavec F.* Iz potne torbe // Letopis Matice Slovenske. 1875. S. 218–228.
- ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. D. 1–19. Praha; Brno, 1989–2018.
- EWA – Etymologisches Wörterbuch des Althochdeutschen. Bd. 1–6. Göttingen; Zürich, 1988–2017.
- Flajšhans V.* Klaret a jeho družina. Sv. I–II. Praha, 1926, 1928.
- FO 1981 – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opštoslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- Forni M. et al.* Dizionario italiano-ladino gardenese. San Martin de Tor, 2013. URL: <http://forniita.ladinternet.it>
- Französisches etymologisches Wörterbuch: eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. Bd. 1–25. Basel, 1928–2002.
- Furnée E. J.* Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague, Paris, 1972.
- Galović F., Papić K.* Imenice romanskoga podrijetla u semantičkoj sferi odjevnih predmeta, obučne te modnih i drugih dodataka u ložiškome govoru // Čakavska rič. 2016. Knj. 44, br. 1–2. S. 79–129.
- Gebauer J.* Historická mluvnice jazyka českého. D. 1–4. Praha; Vídeň, 1894–1929.
- Gluhak A.* Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.
- Gluhak A.* O psl. *lyd-/*lyt- ‘nožni list’ // Filologija. 1995. Knj. 24–25. S. 145–150.
- Gołqb Z.* O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych. Kraków, 2004.
- Gorazd: Digitální portál staroslověnštiny. Elektronický slovník jazyka staroslověnského. URL: <http://gorazd.org/gulliver/>

- Gregor A.* Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha; Brno, 1959.
- Groen B.* A structural description of the Macedonian dialect of Dihovo. Lisse, 1977.
- Gruchmanowa M.* Gwary Kramsk, Podmokli i Dąbrówki w Województwie Zielonogórskim. Zielona Góra, 1969.
- Gruchmanowa M.* Gwary zachodniej Wielkopolski. Poznań, 1970.
- Gusić I., Gusić F.* Rječnik govora Dalmatinske Zagore i Zapadne Hercegovine. Zagreb, 2004.
- Gutsmann O.* Deutsch-windisches Wörterbuch: mit einer Sammlung der verdeutschten windischen Stammwörter, und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter. Klagenfurt, 1789.
- Hamm J., Hraste M., Guberina P.* Govor otoka Suska. Zagreb, 1956.
- Hasselbrink G.* Südlappisches Wörterbuch. Bd. 1–3. Uppsala, 1981–1985.
- Hendriks P.* The Radožda-Vevčani Dialect of Macedonian. Lisse, 1976.
- Herej-Szymańska K.* Z dziedzictwa indoeuropejskiego w słowiańskiej terminologii anatomicznej // *Studia etymologica Brunensia* 1. Praha, 2000.
- Hill P.* The Dialect of Gorno Kalenik. Columbus, 1991.
- Holub J., Kopečný F.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Holzer G.* Entlehnungen aus einer bisher unbekanntem indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen. Wien, 1989.
- Houtzagers H.* The Čakavian dialect of Orlec and the islands of Cres. Amsterdam, 1985.
- HSSJ – Historický slovník slovenského jazyka. D. 1–7. Bratislava, 1991–2008.
- Iljinskij G.* Der Spirant *v* vor *o* aus idg. *ə* im Urslavischen // *Archiv für slavische Philologie*. 1907. Bd. 29. S. 161–169.
- Ivančić Kutin B.* Slovar bovškega govora. Ljubljana, 2007.
- Jagić V.* Zur Frage über den Uebergang des silbenbildenden *l* in *u* // *Archiv für slavische Philologie*. 1880. Bd. 4. S. 386–397.
- Jakšić M.* Rječnik govora slavonskih, baranjskih i srijemskih. Zagreb, 2015.
- Jurišić B.* Rječnik govora otoka Vrgade. D. 1, 2. Zagreb, 1966, 1973.
- Kalima J.* Slav. *ikra* ‘Rogen’ und *ikra* ‘Wade’ // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 1932. Bd. 9, H. 3–4. S. 376–378.
- Kalina A.* Słowiańskie *ch* = indoeurop. *k* // *Prace Filologiczne*. 1888. T. 2 (3). S. 767–785.
- Kalsbeek J.* The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria. Amsterdam, Atlanta, 1998.

- Kapović M.* Povijest hrvatske akcentuacije. Zagreb, 2015.
- Karanfilovski M.* The Enidže Vardar Dialect. Skopje, 2009.
- Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.
- Kloekhorst A.* Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2008.
- Kloppenborg J. S., Ascough R. S.* Greco-Roman associations. Volume I: Attica, Central Greece, Macedonia, Thrace. Göttingen, 2011.
- Klotz E.* Urslawisches Wörterbuch. Wien, 2017.
- Komenský 1667 – Joh. Amos Comenii Orbis Sensualium Pictus. Bregae Silesiorum, 1667.
- Kąś J.* Słownik gwary orawskiej. T. 1–2. Kraków, 2011.
- Koivulehto J.* Frühe slavisch-finnische Kontakte // Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 32. Evidence and Counter-Evidence: Essays in honour of Frederik Kortlandt. Volume 1: Balto-Slavic and Indo-European Linguistics. Amsterdam, New York, 2008. Pp. 309–321.
- Kopečný F.* Nový etymologický slovník češtiny a slovenštiny // Slovo a slovesnost. 1959. Roč. 20, č. 2. S. 126–134.
- Kortlandt F.* Long vowels in Balto-Slavic // Baltistica. 1985. T. 21, Nr. 2. P. 112–124.
- Kott F. Š.* Česko-německý slovník zvláště grammaticko-fraseologický. D. 1–6. V Praze, 1878–1890.
- Kozierowski S.* Badania nazw topograficznych dzisiejszej archidiecezyji Poznańskiej. Poznań, 1916.
- Králik L.* Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava, 2015.
- Kraljević A.* Ričnik zapadnoercegovačkoga govora. Široki Brig; Zagreb, 2013.
- Kroonen G.* Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden; Boston, 2013.
- Kujola J.* Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.
- Kyas V.* Česká bible v dějinách národního písemnictví. Praha, 1997.
- Kyas V.* Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. Praha, 1981–2009.
- Lamprecht A.* Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963.
- Lewy E.* Etymologisches // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1907. Bd. 32. S. 136–150.
- Liddel H. G., Scott R. A.* Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.

- Lidén E.* Armenische Studien. Göteborg, 1906.
- Ligorio O.* Body Parts // Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online. 2022. URL: http://dx.doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_035813
- Linde S. B.* Słownik języka polskiego. T. 1–6. Warszawa, 1807–1814.
- Lipljin T.* Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin, 2013.
- LIV – Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden, 2001.
- Logar T.* Govor kraja Podlešče na Banjšicah // Logar T. Dialektološke in jezikovnozgodovinske razprave. Ljubljana, 1996. S. 306–312.
- Lubotsky A.* Indo-European ‘heel’ // Studi linguistici in onore di Roberto Gusmani. Alessandria, 2006. P. 1005–1010.
- MAGP – Mały atlas gwar polskich. T. 1–13. Wrocław, Kraków, 1957–1970.
- Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- Malecki A.* Biblia królowej Zofii. Lwów, 1871.
- Malecki M.* Dwie gwary macedońskie (Suche i Wysoka w Sołuńskim). Cz. II: Słownik. Kraków, 1936.
- Maresić J., Miholek V.* Opis i rječnik đurđevečkoga govora. Đurđevac, 2011.
- Mareš F. V., Fetková P., Hauptová Z., Konzal V., Pacnerová L., Švábová J.* Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N). Wien, 1997.
- Martirosyan H.* Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon. Leiden; Boston, 2010.
- Matasović R.* Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden; Boston: 2009.
- Matasović R.* Proto-Indo-European *sk- in Slavic // Rasprave: Časopis instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 2011. Knj. 37, br. 2. S. 467–478.
- Matasović R.* Substratum words in Balto-Slavic // Filologija. 2013. Knj. 60. S. 75–101.
- Matasović R.* Slavic Nominal Word-Formation. Heidelberg, 2014.
- Matzenauer A.* Příbuznost jazykův indoevropských // Časopis Matice moravské. 1869. Roč. 1, sv. 1. S. 30–48.
- Matzenauer A.* Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a pedagogické. 1881. Roč. 8, č. 3–4. S. 161–208.
- Matzenauer A.* Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a pedagogické. 1883. Roč. 10, č. 1/2. S. 50–69.
- Mayrhofer M.* Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. 1–3. Heidelberg, 1992–2001.

- Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. T. 1–4. Vilnius, 1988–1997.
- Megiser H.* Thesaurus Polyglottus. Frankfurt, 1603.
- Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Partie 1, 2. Paris, 1902, 1905.
- Meillet A.* Les alternances vocaliques en vieux slave (suite) // Mémoires de la Société de linguistique de Paris. 1907. T. 14/4. P. 332–390.
- Meringer R.* Wörter und Sachen. III // Indogermanische Forschungen. 1905–1906. Bd. 18. S. 204–296.
- Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der Albanesischen Sprache. Bd. 1, 2. Strassburg, 1891.
- Migne J.-P.* Patrologiæ cursus completus. Series Græca. T. LXXXIX. Paris, 1860.
- Mikkola J. J.* Urslavische Grammatik. Bd. 1–3. Heidelberg, 1913, 1942, 1950.
- Miklosich F.* Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Aalen, 1977.
- Morgenstierne G.* An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
- Morgenstierne G.* A New Etymological Vocabulary of Pashto. Wiesbaden, 2003.
- Neškoska E.* Koncept *Etimološkega slovarja makedonskega jezika* // Slovenski jezik med slovanskimi jeziki. Zbornik Slavističnega društva Slovenije 31. Ljubljana, 2021. S. 55–66.
- NGHR 1982 – Nimško-gradišćanskohrvatsko-hrvatski rječnik. Eisenstadt; Zagreb, 1982.
- Ondruš Š.* Slovanské tělo a grécke sōma // Slavia. 1976. Roč. 45. S. 245–251.
- Orel V.* Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln, 1998.
- Orel V.* Handbook of Germanic Etymology. Leiden; Boston, 2003.
- Osthoff H.* Labiovelare Media and Media aspirata im Keltischen // Indogermanische Forschungen. 1894. Bd. 4. S. 264–294.
- Ostrowski B.* *Płośna* ‘stopa’ – gwarowy archaizm leksykalny? // Język Polski. 1991. Rocz. 71, z. 3–5. S. 239–242.
- Oštir K.* Etymologische und grammatische Versuche // Wörter und Sachen. 1912. Bd. 3. S. 205–208.
- Otrębski J.* Gramatyka języka litewskiego. T. 1–3. Warszawa, 1956–1965.
- Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
- Pedersen H.* V. sl. građi // Lingua Posnaniensis. 1949. T. 1. S. 1–2.

- Persson P.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Teil 2: Zur Frage nach den sogenannten Wurzel-determinativen. Uppsala; Leipzig, 1912.
- Petersson H.* Studien über slav. *ch* // Archiv für slavische Philologie. 1914. Bd. 35. S. 355–379.
- Petersson H.* Beiträge zur armenischen Wortkunde // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1916. Bd. 47, H. 3–4. S. 240–291.
- Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. D. 1, 2. Ljubljana, 1894, 1895.
- Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Prati A.* Vocabolario etimologico italiano. Torino, 1959.
- Pronk T.* Proto-Indo-European *mn*-stems in Balto-Slavic // Das Nomen im Indogermanischen. Morphologie, Substantiv versus Adjektiv, Kollektivum. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 14. bis 16. September 2011 in Erlangen. Wiesbaden, 2014.
- Ramovš F.* Historična gramatika slovenskega jezika. II. Konsonantizem. Ljubljana, 1924.
- Rejzek J.* Český etymologický slovník. Brno, 2001.
- RHISJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 1–23. Zagreb, 1880–1976.
- Rigler J.* Glasovna podoba sufiksa *-ěno* // Зборник за филологију и лингвистику. 1964. Књ. 7. С. 49–51.
- Rospond S.* Słownik etymologiczny miast i gmin PRL. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984.
- Rusek J.* Studia z historii słownictwa bułgarskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984.
- Rusek J.* Nazwy łydki w dialektach macedońskich (z маpa) // Македонски јазик. 1995. Год. 40–41. С. 487–494.
- Rusek J.* Dzieje nazw zawodów w językach słowiańskich. Warszawa, 1996.
- Scheftelowitz J.* Idg. *zgh* in den Einzelsprachen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1927. Bd. 54, H. 3–4. S. 224–253.
- Schuster-Šewc H.* Zur Etymologie von č. *lytko*, poln. *lydka* ‘Wade’ usw. // Slavia. 1963. Roč. 32, seš. 2. S. 176–179.
- Schuster-Šewc H.* Fragen der etymologischen Forschung im Slawischen // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Bd. 8. S. 860–874.

- Schuster-Šewc H.* Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. H. 1–24. Bautzen, 1978–1989.
- Schuster-Šewc H.* Überlegungen zur Genese des urslawischen *ch // *Studia etymologica Brunensia* 1. Praha, 2000. S. 23–35.
- Schwentner E.* Toch. A *spinac* “Haken, Pflock” // *Indogermanische Forschungen*. 1937. Bd. 55(1). S. 297.
- SČTB – Staročeská textová banka. URL: <http://vokabular.ujc.cas.cz/banka.aspx?idz=STB>
- SEJDP – Słownik etymologiczny języka drzewian połabskich. Zesz. 1–6. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962–1994.
- SEK – Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. T. 1–6. Warszawa, 1994–2010.
- Sędzik W.* Prasłowiańska terminologia rolnicza. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977.
- SGOWM – Słownik gwar Ostródzkiego, Warmii i Mazur. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987–2021.
- SGP – Słownik gwar polskich. Zesz. 1–33. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979–2019.
- SGŚC 1995 – Słownik gwarowy Śląska Cieszyńskiego. Wisła; Ustroń, 1995.
- Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy wykonawców zawodów w historii i dialektach. Warszawa, 2005.
- Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy części ciała w historii i dialektach. Warszawa, 2012.
- Siatkowski J.* Słowiańskie nazwy ‘stopy’, ‘podeszwy’ oraz ‘śladu stopy’ w świetle materiałów gwarowych i źródeł historycznych // *Slavica Wratislaviensia*. 2014. T. 159. S. 427–449.
- SJP – Słownik języka polskiego PWN. URL: <https://sjp.pwn.pl>
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. D. 1–4. Praha, 1958–1983.
- Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–III. Zagreb, 1971–1973.
- SLA – Slovenski lingvistični atlas. D. 1–2. Ljubljana, 2011–2016.
- Sławski F.* Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1982.
- Smoczyński W.* Słownik etymologiczny języka litewskiego. Preprint. 2022. URL: <https://rromanes.org/pub/alii/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf>

- SNČJ – Slovník nářečí českého jazyka. URL: <https://sncj.ujc.cas.cz>
- Snoj M.* Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2016.
- SP – Słownik prasłowiański. T. 1–8. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001.
- SP XVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. T. 1–38. Wrocław; Warszawa; Kraków; 1966–2020.
- SPJP – Słownik pojęciowy języka staropolskiego. URL: <https://spjs.ijp.pan.pl/spjs/>
- SSA – Sorbischer Sprachatlas. Bd. 1–15. Bautzen, 1965–1996.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. D. 1–6. Bratislava, 1959–1968.
- SSJČ = Slovník spisovného jazyka českého. URL: <https://ssjc.ujc.cas.cz>
- SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Druga izdaja. URL: <http://www.fran.si/133/sskj2-slovar-slovenskega-knjiznega-jezika-2>
- SStp – Słownik staropolski. T. 1–11. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1953–2002.
- StčS – Staročeský slovník. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx>
- Steenwijk H.* The Slovene dialect of Resia: San Giorgio. Amsterdam; Atlanta, 1992.
- Stieber Z.* Izoglosy gwarowe na obszarze dawnych województw Łęczyckiego i Sieradzkiego. Kraków, 1933.
- Stone G.* Sorbian // The Slavonic Languages. London; New York, 1993. P. 593–685.
- Stulli J.* Rjecsoslòxje slovinsko-italiansko-latinsko. Csast 1–2. Dubrovnik, 1806.
- Stüber K.* Die primären *s*-Stämme des Indogermanischen. Wiesbaden, 2002.
- Sujoldžić A., Finka B., Šimunović P., Rudan P.* Sličnosti i razlike u govorima otoka Brača kao odraz migracijskih kretanja // Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 1988. Knj. 14, br. 1. S. 163–184.
- Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich. T. 1–7. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1967–1976.
- Synková P.* Popis staročeské apelativní deklinace (se zřetelem k automatické morfologické analýze textů Staročeské textové banky). Disertační práce. Praha, 2017.
- Šaur V.* Etymologie slovanských příbuzenských termínů. Praha, 1975.
- Šaur V.* J před zadními vokály v staroslověnštině // Slavia. 1988. Roč. 57, seš. 2. S. 250–263.

- Šefčik O. On the origins of *x* in Slavic // *Linguistica Brunensia*. 2013. Roč. 61, č. 1–2. S. 121–128.
- Šimunović P. Rječnik bračkih čakavskih govora. Zagreb, 2009.
- Štrekelj K. Iz besednega zaklada narodovega // *Letopis Matice Slovenske*. 1892. S. 1–50.
- Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
- Utěšený S. Názvy pro levou ruku a leváka v českých nářečích // *Naše řeč*. 1986. Roč. 69, č. 2. S. 65–71.
- de Vaan M. Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages. Leiden; Boston, 2008.
- Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 1–5. Lyon; Paris, 1950–1997.
- Vendryes J. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. T. 1–5. Paris, 1959–1978.
- Villanueva Svensson M. Indo-European long vowels in Balto-Slavic // *Baltistica*. 2011. T. 46, Nr. 1. P. 5–38.
- Vondrák W. Akslav. *sěň, stěň, těň* ‘schatten’ und *tělo* ‘corpus’ // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. 1905. Bd. 29. H. 2–3. S. 173–178.
- Vondrák W. Vergleichende Slavische Grammatik. Bd. 1, 2. Göttingen, 1924, 1928.
- de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1977.
- VW – Vokabulář webový. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz>
- Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1938, 1954.
- Wiedemann O. Etymologien // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. 1902. Bd. 27. S. 193–261.
- van Windekens A. J. Zur tocharischen Wortforschung // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. 1951. Bd. 70, H. 1–2. S. 107–111.
- Woldřich J.N. Somatologija ali nauk o človeškem telesu. V Ljubljani, 1881.
- Wysocka F. Polska terminologia lekarska do roku 1838. T. II. Kraków, 1994.
- Zierhoffer K. *Studia z historii i geografii i słownictwa polskiego i słowiańskiego*. Poznań, 1963.
- Zubaty J. Etymologien // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. 1891. Bd. 17. S. 324–328.
- Zubaty J. Slavische Etymologien // *Archiv für slavische Philologie*. 1894. Bd. 16. S. 385–425.

Zubaty J. Über gewisse mit *st-* anlautende Wurzeln im Baltisch-Slavischen // Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-jazykozpytná. Ročník 1894, XVI. V Praze, 1895. S. 1–31.

Zupitza E. Miscellen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. 1904. Bd. 37, H. 3. S. 387–406.

Словоуказатели

Праславянский

(включая недостоверные реконструкции)

*ablъko 227	*byцькь 90
*bedra, *bedrà, *bedro 19, 22, 24, 109–112, 114, 115, 126–128, 130, 132, 142, 155, 230, 231, 237, 238	*byкъ 90
*bĕgti 32	*byti 204
*bĕlĕti 32	*bьrati 33
*berstь 157	*čarati 177
*berza 157	*čarъ, *čârъ 32
*berzьka 157	*čeľadь 145
*bĕžati 32	*čelnъ 145
*-birati 33	*čelo 145
*blĕskъ 33, 169	*čelowĕкъ 145
*blŏditi 169	*čeľustь 145
*blъxa 169	*černъ 12
*blъščati 33	*čerwo 49, 53, 89
*bogъ 90	*cĕsta 33
*bolĕti 32	*cica, *cicь 12
*borda 12	*čistiti 33
*bordatь 104	*cvьrčati 90
*bornъ 168	*cvьrčькь 90
*borti 168	*danь 169
*-bogъ 33	*darъ 27
*božьkь 90	*dati 168
*br'ustь 157	*dělo 27
*br'ušьko, *br'ušьkь 90, 157	*děra 33–35
*br'uxo, *br'uxъ 12, 53, 90, 157, 173	*derti 33
*brу 12, 232, 239	*dĕsna 225
*buĕnъ 191	*dolnъ 168
	*dumь 27
	*dьrati 33
	*elito 18
	*ęti 32

- *ętro, *ętra 18, 162
 *ęzykъ 12
 *glazъ 188, 189
 *gleznъ, *gleznъnъ, *glez(ъ)nъ,
   *glezno, *gleznò, *gleznъno,
   *glez(ъ)no, *glezna, *glez(ъ)
   na, *gleznъ, *glèznъ,
   *gleznъnъ, *glez(ъ)nъ 180,
   186–189, 230, 231, 237, 238
 *glqbokъ 169
 *glogъ 169
 *gluxъ 34, 169
 *glyd- 169
 *glyt- 169
 *glъxnqti 34
 *gqđeti 32
 *golèнь, *gòlèнь, *gòlèнь, *golèнь,
   *gòlèнь, *gòlèнь, *golнь,
   *golèno, *goleno 136, 148,
   149, 154, 155, 158, 164–168,
   171, 230, 231, 237, 238
 *golèti 168, 231, 238
 *golwать 104
 *golъ 167, 168, 231, 238
 *gqsti 32
 *grebti 92
 *greby 92
 *gręda 78, 80, 230
 *griva 12
 *grqđъ 78, 80
 *grqđъ, *grqđъ 12, 56–58, 64–66,
   69, 70, 75–80, 230, 237
 *grqzъ 70
 *grъbъtъ 88
 *gugati 194
 *gulъ 137
 *gъlkъ 131
 *gъrbать 104
 *gъrbъ 83, 85, 86, 89, 92
 *jъkno 157, 158
 *jъkro, *jъkra, *jikra, *ikъra,
   *ъkra, *j-ъkrъ 148, 157–167,
   230–232, 237–239
 *jъmati 32
 *jъmèti 32
 *jъsto 12, 18
 *kaľъ 27
 *kamy 23
 *kamukъ 108
 *kazati 169, 183
 *kazнь 169, 183
 *klapa 101
 *klarati 101
 *klęka 142
 *klękati 142
 *klqбъ 137, 145
 *klъuъ 192
 *klъkati 134
 *kokotъ 38
 *kol- 146
 *kolaъ 147
 *kolęja 147
 *kolèno, *kolèno, *kolèнь 144–147,
   155, 168, 230–232, 237, 238,
   239
 *kolo 145–147, 231, 238
 *kopati 107, 231, 238
 *kory 108
 *koryto, *kopъto, *koryta, *korytъ
   98, 106–108, 186, 230, 231,
   237, 238
 *koraçiti 103
 *korakъ 103, 104
 *korbiti 91
 *korkuľa 106
 *korkъ, *kòrkъ 99, 102–106, 188,
   230–232, 237–239
 *korkъlъ 106
 *kory 108
 *koryto 108

- *kоsъ 143
 *kоtъ 194
 *koža 186
 *kraјъ 105
 *krēsiti 35
 *kridlo 89
 *kri(ь)вьтъ 88
 *krokъ 103, 188
 *kry 12
 *kгътъ 157
 *kгъsnотi 35
 *kwětъ 33
 *kwisti 33
 *кука 93
 *кута 140
 *кълcати 134
 *кълчь 134
 *кълkати 134
 *кълкъ, *кълкъ, *кълка, *кълк- 19,
 94, 130–135, 230, 231, 237,
 238
 *кълtати 134
 *кълукъ 135
 *кълъ 135, 231, 238
 *кълъкъ 135
 *кълъсь 135
 *кълъжь 135
 *кългъ 134
 *кълголь / *кълголь 106
 *кълкула / *кълкуль(ь) 106
 *кълкъ, *кълкъ 12, 134
 *кърса 97
 *кърсень 162
 *лара, *лара 100–102, 107, 205,
 206, 230–232, 237, 239
 *ларьтъ 100
 *лѣdwъja, *лѣdw- 83, 85, 137
 *лѣgати 128, 141
 *лѣрь 33
 *лѣtи 204
 *lono 80
 *lorata 102
 *ložesno 225
 *ložiti sę 204
 *lutati 170, 231, 238
 *lyдъka, *lyda, *lydo 156
 *lyсть, *lyсть, *lysta, *lysto,
 *lyстьka, *lysty, *lyst- 148,
 149, 151, 156, 157, 158, 164,
 166, 167, 169, 170, 207, 230,
 231, 237, 238
 *lyсь 207
 *lytati 169, 170, 231, 238
 *lyti 169
 *lyтьka, *lyтьko, *lyтькъ, *lyta,
 *lyto, *lyть, *lyт- 151, 156,
 157, 165, 167, 169, 170, 230,
 231, 237, 238
 *льзьka 151
 *льрѣti 33
 *макъ 138, 190
 *мѣща 173
 *medja 23
 *мѣкъ 173
 *мѣль, *мѣль, *мѣль 32
 *mer- 35
 *mēsęсь 182
 *мѣхуръ 18
 *molkyta 89, 108
 *morkъ 34
 *morzъ 34
 *mozъ 12, 18, 182
 *mоžъščina 22
 *muxa 90
 *мыlwiti 131
 *мыšica 90
 *мыркнотi 34
 *мыгха 35
 *мыгznотi 34
 *нащѣti 33

- *načinati 33
 *nebo 96
 *nědra 81
 *nerstь 159
 *noga, *nogà, *nogà 24, 98, 99,
 107, 207, 230–232, 237, 239
 *nogъ, *nogos 98, 231
 *nogъть 98, 232, 239
 *nogwъ 36
 *nosatъ 104
 *nosъ 12, 232, 239
 *obkokoгъкъ, *obkokoгъка 104
 *obvrěsti 204
 *oko 232, 239
 *oldyga 169
 *orkyta 89, 108
 *ormo 12
 *orti 108
 *ortъ 106, 108
 *ortroba 16
 *otъčina 22
 *охгъmnoti 34
 *рěшь(жь) 98
 *рета, *рета, *реть, *penk-t-ā 12,
 227–230, 232, 237–239
 *рети 228, 229, 232, 239
 *platъ 103, 188, 226
 *plawati 203
 *plesk-n- 226
 *plesno, *plesnò, *plesna, *plesnǎ,
 *plesnā, *plesn'a, *pletsnā
 135, 161, 206, 212, 217,
 223–226, 230, 232, 237–239
 *pleso 225, 226
 *plet'e 83, 84
 *ploskъ 226
 *pl'ut'e, *pl'ut'a 17, 18
 *pluti 203
 *plyti 203
 *plъть 54
 *rojasaъ 141
 *rolěno 145
 *rolъno 103, 188
 *ropъ 186
 *rorsę 175
 *-ropъ 33
 *ротъ 228
 *prawidlo 186
 *рълкъ 131
 *ръlztі 209
 *ръrati 33
 *ръrsi, *ръrsi, *ръrsъ, *ръrsъ,
 *ръrsъ, *ръrsъ, *ръrsъ 12,
 56–58, 64–66, 69, 72, 73,
 75–78, 230, 232, 237, 239
 *ръrsty 22
 *ръrstъ 78
 *ръrstъ 73
 *rakъ 104
 *rěčъ 32, 33
 *rězati 34
 *rogъ 90
 *rōka 198
 *rožъкъ 90
 *гъznoti 34
 *saditi sę 204
 *sarъ 107
 *ščikokoltъka 195
 *šeděti 32
 *selp- / *solp- / *sълp- 141
 *selzena 12, 18
 *šesti 32, 204
 *ši-kъlka 195
 *skočiti 90, 141, 194
 *skočъкъ 90
 *skrebtі 92
 *skripati 92
 *skripěti 92
 *skгъbътъ 88
 *skъkol- 195

- *slěďь 208
 *slěрь 34
 *slušati 135
 *slьrnqti 34
 *snaga 36
 *soгь 33
 *steg- 128, 130, 231, 238
 *stegno, *stegnò, *stegnò, *stьgno
 19, 109–112, 114, 115, 120,
 121, 126–130, 132, 142, 230,
 231, 237, 238
 *stęgno, *stęgnò 129, 130
 *stěнь 25
 *step- 203, 231
 *stepень 201, 203, 231, 238
 *stepiti 204
 *stojati 26
 *stoľь 26, 33
 *stora, *stora 99, 198, 203, 224,
 230, 231, 237, 238
 *stora 203
 *storačьka 203
 *stopadlo 199, 200, 203
 *storađlo 199, 200, 203
 *storaјь 203
 *stopакъ 203
 *storaкъ 203
 *storaпъсь 203
 *storaпiti 199, 203, 204, 208, 231,
 238
 *storaпěľь 203
 *storaпень 201, 203
 *storaпiti 200, 201, 203, 204, 231, 238
 *storaпjaјь 203
 *storaпун'а 203
 *stopрь 203
 *storaрь 203
 *storaрьka 203
 *stop-ьк-ь 202
 *stopрь'а 203
 *stopрь'а 203
 *stop-ьн-ј-а 200
 *stop-ьн-ь 200
 *stopрьнь 201
 *стьлрь 26, 131
 *стьklo 186
 *стьлати 33
 *стьрь 96
 *сухъ 34
 *swětja 23
 *сунь 27
 *сьльсье, *сьльнько, *sulni 131, 227
 *сьтєгъ 129
 *сьхпqti 34
 *сьлpa 141
 *сьрати 33
 *сьрдьсье, *сьрдьько, *sirdi 12, 18,
 227, 232, 239
 *тајьна 186
 *тєlo, *tєlo 25–27, 30, 32–35, 230,
 237
 *тєнь 25
 *тєsto 26
 *timěno 145
 *tlapa 101
 *top- 204
 *top 204
 *topxпqti 30
 *topрь 28, 29, 54
 *tulo, *tulь, *tul- 54
 *tyľь, *tyľь 95, 96
 *tyti 30
 *тълstьjь 131
 *тълti 131
 *тълєti 27, 30–32, 35, 230, 237
 *тълo 26, 27, 30–32
 *тълma 25
 *удь 140
 *usta 12
 *ucho, *ucho 12, 232, 239

- *volsъ 12
 *woldyka 89
 *wolkyta 89, 108
 *woskъ 104, 182
 *wъsręty 227
 *wъlčъkъ 90
 *wъlkъ 90
 *xapatī 204
 *xobotъ 38
 *xodidlo 205, 209
 *xopiti 204
 *xotęti 204
 *xotъ 204
 *xrebtī 92
 *xгibъ 89–92
 *xгibъty 88, 90
 *xгobakъ 90
 *xгomъ 34
 *xгъbъty 83, 86–92, 230, 231, 237
 *xъlka 94
 *xъgčati 90
 *xъgčъkъ 90
 *xъgkati 90
 *zadъ 83, 85
 *zajęcy 182
 *žalъ, *žâlъ 32
 *žagъ, *žâgъ 32
 *želqđbъkъ 18
 *želza 188, 189, 231, 238
 *zemъ, *zemjā 182
 *žęti 33
 *žila 12
 *-žimati 33
 *žiti 38
 *životъ, *životъ 12, 37–39, 41, 47,
 49, 50, 52–55, 230, 237
 *živъ 38
 *zwonъ 33
 *zwъnęti 33
 *zbręti 32

Праиндоевропейский

(включая недостоверные реконструкции)

- *b^hed^h- 231, 238
 *b^her- 128, 129
 *d^hg^hem- 27
 *d^huHmós 27
 *elek- 188
 *gel- 188
 *g^hrend^h- 80, 230, 237
 *gleg- 189
 *gleg^h-n-o-s 180
 *ġonu 144, 168
 *grend- 79
 *g^whleg^h- 189
 *g^wh_ṛnd^h- 79
 *g^wih₃-eto- 38
 *g^wiH-t-h₂ 38
 *g^wiH-uo-t-ā 38
 *h₃nog^whs 98
 *ġek^wṛ 157, 162, 231, 232, 238, 239
 *kelH- 145
 *kerH- 105, 231, 238
 107
 *kópHos, *kóHpos 98, 107, 108
 *krejṗ- 92
 *krep- 25, 51
 *kVlk- 134
 *k^welh₁- 145, 146, 147, 231, 238
 *k^wer- 105
 *leh₂peh₂ 102, 231, 232, 238, 239
 *leu- 169
 *mleuh₂- 27
 *pent-, *pēnt- 228, 229
 *perk- 78, 230, 232, 237, 239
 *pleth₂- 225, 226, 232, 238
 *pleth₂os, *pléth₂os 225
 *pleth₂-s-men- 226
 *pleth₂-s-n-o 226
 *pleth₂-s-o- 226
 *pleuṃon- 17
 *pōds, *póds, *ped- 98, 128, 229
 *qhrebh-, *qhr̥bh-, *qhrej̥bh-,
 *qhribh- 91
 *(s)kel- 102, 134
 *(s)ker- 92, 105
 *skrejṑ- 92
 *(s)krib- 92
 *(s)leut- 170
 *sók^wt 130
 *(s)penh₁- 228, 232, 239
 *teH-, *teH-l-, *teHl- 27
 *telH-, *t̥lH- 30, 32, 35
 *tetk- 27
 *tew- / *tow- / *tu- 26

Saenko Mikhail N.

On Slavic Somatic Lexis. – Moscow: Indrik Publ., 2022. – 270 p.

The monograph is an attempt to reconstruct the Proto-Slavic system of names for parts of the torso and legs. The primary focus of this work is the reconstruction of the exact semantics and the morphology of such words. For most of the terms included in the monograph, the existing etymologies are examined and a few new ones are put forward. In a number of cases, the author attempts to collect and systematise the innovational names, determine the main directions of semantic shifts and ways of designation.

ISBN 978-5-91674-682-2

DOI: 10.31168/91674-682-2

Reviewers:

Doctor of Sciences in Philological Sciences Zhanna Zh. Varbot,
Doctor of Sciences in Philological Sciences Anatoly F. Zhuravlev

Managing editor

Doctor of Sciences in Philological Sciences Alexander I. Grishchenko

Научное издание

Михаил Николаевич Саенко

ОЧЕРКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ СОМАТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН
(Протокол № 2 заседания Ученого совета ФГБУН
Института славяноведения РАН от 26.04.2022)*

Оригинал-макет: М. Н. Толстая

Дизайн обложки: А. Р. Анютина

*В оформлении обложки использованы
иллюстрации к Оломоуцкой Библии*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

По вопросу приобретения книг
издательства «Индрик» обращайтесь по тел.:
+7 (977) 905-58-01
www.indrik.ru
market@indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia
and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be
ordered by
www.indrik.ru

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 27.10.2022. Формат 60×90 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 17 п.л. Заказ № 101. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13